

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2015

Эволюция оценок совокупной
национальной мощи

Евразийская инициатива президента
Республики Корея Пак Кын Хе

Проблемы экономической
безопасности в Восточной Азии

Дискуссии о конфуцианской этике

Из истории празднования
китайского Нового года

1-й 2015

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2015

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко, д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., В.Ф. Сорокин, д.филос.н., проф., М.Л. Титаренко, академик РАН, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии
Г.Д. Штефан мл. редактор

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Я. Бергер.</i> Об эволюции оценок совокупной национальной мощи государств	4
--	---

ПОЛИТИКА

<i>Е. Румянцев.</i> Некоторые тенденции внутривполитического развития Китая на фоне 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва.....	30
<i>А. Мокрецкий.</i> Основные направления китайской дипломатии	44
<i>Л. Захарова, К. Асмолов.</i> Евразийская инициатива президента Республики Корея Пак Кын Хе.....	60

ЭКОНОМИКА

Проблемы экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. «Круглый стол» в ИДВ РАН.....	71
<i>П. Мозиас.</i> Экономический рост в Китае в 2014 г. и прогноз на 2015 г.	83

ИСТОРИЯ

<i>С. Смирнов.</i> «Один за всех и все за одного»: Союз русских «мушкетеров» в Северо-Восточном Китае.....	94
<i>А. Хисамудинов.</i> Основатель школы корееведения Г.В. Подставин.....	106

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>Е. Гамерман.</i> Влияние украинского кризиса на региональную безопасность в Северо-Восточной Азии.....	111
<i>А. Картунова.</i> Некоторые замечания по вопросу интерпретации истории революционного процесса в Китае 20-х годов XX века.....	118

ФИЛОСОФИЯ

<i>А. Старостина.</i> Дискуссии о конфуцианской этике	125
---	-----

РЕЛИГИЯ

<i>Л. Афонина, Д. Петровский.</i> Органы государственно-партийного регулирования религиозной сферы в КНР.....	135
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>А. Верченко.</i> Китайский Новый год в исторической ретроспективе	145
<i>Е. Ганьшина.</i> Роль организационных структур Российской Федерации в продвижении русского языка в Китае	154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Аликберова, Д. Мартынов. VII международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура».....</i>	<i>168</i>
<i>В. Портяков. О некоторых научных конференциях в Китае в 2014 г.....</i>	<i>171</i>
<i>Л. Захарова. «Сотрудничество России с государствами Восточной Азии» (II Международная научная конференция молодых востоковедов в ИДВ РАН)</i>	<i>175</i>

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Ломанов. Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения.....</i>	<i>178</i>
<i>А. Александян, С. Горбунова. Чжан Япин. Православие и российское общество</i>	<i>182</i>

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

<i>Николаю Петровичу Тебину – 80 лет.....</i>	<i>186</i>
---	------------

<i>Contents</i>	<i>188</i>
<i>Summary.....</i>	<i>189</i>

Теория и методология

Об эволюции оценок совокупной национальной мощи государств

© 2015

Я. Бергер

Статья содержит краткий исторический обзор исследований по оценке совокупной национальной мощи (СНМ) ведущих государств мира. Особое внимание уделено трудам китайских аналитиков, чьи выводы служат важным подспорьем для разработки национальной стратегии развития. Рассматриваются современное состояние и прогнозируемая динамика важнейших компонентов СНМ — вооруженных сил и экономического роста Китая на перспективу, прежде всего, в свете конкуренции с США за региональное и глобальное первенство.

Ключевые слова: совокупная национальная мощь (СНМ), количественный анализ, «твердая» и «мягкая» сила, вооруженные силы, экономический рост, культурная притягательность.

История количественных оценок совокупной национальной мощи (СНМ) государств насчитывает более двух столетий. Однако до недавнего времени исследованиям в этом направлении изучения международных отношений не хватало известной связности, необходимой для восприятия его как целостного процесса с более или менее определенным вектором развития. В последние годы этот недостаток стал постепенно восполняться. Этому способствуют, с одной стороны, обширные и доступные базы первичных данных, необходимых для сравнительных международных исследований, а с другой — сводные и обзорные работы, которые позволяют лучше понять тенденции поступательного развития этого направления и существующие проблемы.

Обзорные работы по СНМ. Основательному разбору работ по количественному анализу национальной мощи посвящена специальная глава монографии Эшли Теллиса и его соавторов «Измерение национальной мощи в постиндустриальном веке»¹. Здесь, прежде всего, прослеживается эволюция самого понятия национальной мощи у разных авторов. Отмечается особое значение Ганса Моргентау, опубликовавшего свой труд «Политика среди наций» в 1948². Он считается «наиболее систематичным» из всех современных теоретиков, оказавшим влияние на многочисленных своих последователей. Описывая «элементы национальной мощи», он неизменно включает в их число географию, природные ресурсы, индустрию, готовность к войне (особенно - технологии, управление,

Бергер Яков Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».
E-mail: yakovberger@mail.ru.

количество и качество вооруженных сил), население, национальный характер, национальную мораль и качество дипломатии и правительства. При этом он настойчиво выступал против придания какому-либо из факторов чрезмерного значения.

Его предупреждение не остановило, однако, многочисленных попыток выразить мощь посредством одного агрегированного показателя. Чаще всего в этом качестве выступал тот или иной род вооруженных сил, к которому иногда присоединялись экономические индикаторы. Склонность к индикаторам с одной переменной объясняется их простотой и легкостью пользования. Но, несмотря на свою популярность, индикаторы с одной переменной часто подвергаются критике, особенно со стороны математически продвинутых исследователей. Поэтому со временем получили распространение многомерные подходы.

Самый ранний и наиболее влиятельный из них, по мнению Э. Теллиса, был развит в 1956 г. Клаусом Кнорром в его классическом труде «Военный потенциал наций»³. Стремясь определить способность страны в случае войны выставить военную силу и обеспечить ее всем необходимым, Кнорр обратился к большому числу факторов, которые включают категории экономического потенциала, административной компетенции и мотивации на войну. Кнорр не предложил никакой модели, которая могла бы объединить эти факторы, тем не менее, его труд послужил основой для появления ряда теорий, которые впоследствии привели к альтернативным решениям. Они опирались на серию факторов, каждый из которых, в свою очередь, суммировал критерии, его определяющие.

Резюмируя традиционные подходы к измерению национальной мощи, Э. Теллис указывает на следующие характерные моменты. Во-первых, они стремятся установить иерархию стран по степени готовности к войне. Во-вторых, индексы отличаются по числу используемых переменных и их внутреннему соотношению. Они также различаются по числу оцениваемых стран, по периоду сопоставлений, по степени сложности употребляемых формул. В-третьих, большинство индексов включают только суммируемые элементы, т.е. материальные элементы, которые можно просто складывать в различных комбинациях, поскольку переменные, которыми определяют качественные свойства, такие как характеристики групп или элит, трудно использовать единообразным и системным образом. В-четвертых, большинство индексов сосредоточены на «стране» как единице анализа. Страна рассматривается как «вместилище ресурсов», обладающее измеримым содержанием, которое, будучи правильно идентифицировано и измерено, может способствовать уяснению внутренних потенций. За исключением индекса Клайна, который стремится оценить масштабы национальной интеграции и силу руководства, ни один традиционный подход не опускается «ниже» субнационального уровня, чтобы исследовать либо политические институты, либо идейный этос. В-пятых, большинство показателей являются валовыми. Такой характер носит даже измерение военного потенциала, где учитывается по преимуществу число специфических видов вооружения. Измеряемые активы и ресурсы приобрели свое значение в индустриальную эпоху, когда такие переменные, как производство металла или запасы продовольствия стали значить гораздо больше, чем прежде.

Рассматривая эти подходы в целом, Мерит и Зиннес сделали любопытные выводы. Они обнаружили, что большинство исследователей пришли к сходным результатам по ранжированию национального потенциала. То есть независимо от измеряемых переменных и формулы, используемой для измерения, наибольшей мощью, как оказалось, обладали одни и те же страны во всех индексах. Далее, при измерении абсолютных значений мощи разных стран результаты различных исследований оказываются еще более схожими, чем при ранжировании. При этом сходство результатов всегда оказывается наибольшим для развитого мира и наименьшим для мира неразвитого. Это объясняется тем, что аналитики питают больший интерес к великим державам и лучше их знают, чем мир неразвитый. Наконец, еще более удивительно, что отсутствуют существенные различия между результатами одномерных и многомерных индексов. Это приводит Меритта и

Зиннеса к заключению о том, что «ненужные дополнительные данные и арифметическое их умножение вводятся без какого бы то ни было дополнительного выигрыша»⁴.

Отсюда Э.Теллис и его коллеги делают вывод, что будущие усилия исследователей должны быть направлены на пересмотр концепции национальной мощи. Она должна исходить из анализа ограничений и преимуществ традиционных подходов и вести к созданию стандартизированного профиля мощи, с помощью которого может синхронно и диахронно рассматриваться небольшое число кандидатур в великие державы⁵.

В опубликованной сначала на фарси, а затем и в английском переводе, книге иранского политгеографа Сеида Хади Заргани «Введение в национальную мощь: принципы, функции, исчисление и измерение» дана своя классификация работ его предшественников⁶. Заргани прежде всего разделяет одномерный и многомерный подходы, а затем в первом выделяет еще две группы. В первой — мощь выражается военными индексами. Сюда входят численность вооруженных сил, военные расходы, численность и состав военно-морского флота. Во второй группе более важными считаются экономические факторы: национальный доход, ВНП, потребление топлива и энергии. Одномерные модели, полагает Заргани, сужают взгляд на национальную мощь государств и не могут реалистично отразить ситуацию в глобальной геополитической системе. Так, например, хотя нефтяные доходы увеличивают ВНП Саудовской Аравии, Ирана и Венесуэлы, нет связи этого индекса с прочими индексами национальной мощи.

Сам Заргани, следуя примеру руководителя его докторской диссертации, ведущего политгеографа Ирана, основателя Геополитической ассоциации Ирана Мохаммада Реза Хафезниа предпочитает многомерный подход. Хафезниа теоретически обосновал девять факторов, определяющих национальную мощь: экономический, территориальный, политический, научно-технологический, социальный, культурный, военный, астро-космический, транснациональный. Для каждого из факторов эксперты оценили значение переменных. В результате вычислений в десятку государств с самой большой национальной мощью вошли США, Китай, Россия, Великобритания, Япония, Германия, Франция, Канада, Австралия, Испания⁷.

К числу наиболее обстоятельных обзорных работ можно отнести также докторскую диссертацию Карла Хёна «Геополитика и измерение национальной мощи», защищенную в начале 2013 г. в Гамбургском университете⁸. Диссертант поставил перед собой задачу собрать как можно больше существующих в литературе формул исчисления национальной мощи государств и дать их сущностную характеристику. Соответственно работа носит энциклопедический и в определенной мере справочный характер. Такое свойство ей сообщает и то обстоятельство, что представлению формул предшествуют краткие биографии их авторов. В числе 69 рассмотренных формул большинство предложено американскими исследователями. За ними следуют разработки китайских и германских ученых. Число переменных, используемых в рассмотренных формулах, колеблется от 2 до 236.

В диссертации Карла Хёна подробно рассмотрены теоретические и концептуальные обоснования математических подходов. Среди них — германская геополитика (преимущественно работы Фридриха Ратцеля и Александра Супана), американская геополитика (Николас Спайкман), марксистский взгляд на геополитику (Карл Август Виттфогель и Даниэль Дойдней), геоэкономика, американские теории международных отношений (реализм, либерализм, конструктивизм), психологическая мощь в соотношении с концепцией мягкой силы. Прослеживается также история статистики в ее соотношении с политологией, геополитикой, исследованием международных отношений. Подчеркивается исходное этимологическое родство самого понятия статистики с понятием государственной мощи (*state power*). Особое внимание обращено на более широкую и более цельную, чем на Западе, трактовку национальной мощи в Индии и Китае, что выразилось в появлении концепта «совокупной национальной мощи» (*цзунхэ голи, comprehensive national power*), и значении, придаваемом роли культурной среды при рассмотрении проблем власти, стратегии, войны.

По мнению Карла Хёна, главной проблемой нынешнего состояния исследований по количественному измерению национальной мощи является отсутствие универсальной теории, которая доказывала бы преимущество того или иного набора переменных и методов их вычисления перед прочими. Как правило, отмечает он, те, кто склонен к математике, избегают теории, а теоретически мыслящие избегают математики. Выбор и оценка переменных чаще всего остаются субъективными и спорными. Они убедительны только для их инициатора, но не обязательно для кого-либо еще.

Формирование собственного подхода к измерению национальной мощи Карл Хён связывает с опытом, приобретенным им в молодости, когда он был правозащитником в таджикском неправительственном социальном институте «Молодежь и цивилизация» и проводил социальные исследования для германского фонда помощи голодающим в Таджикистане. Он увидел там высокий уровень коррупции в сочетании со сравнительно хорошей для столь бедной страны инфраструктурой, доставшейся от СССР. Эти наблюдения воплотились в интегрирующих переменных, таких как «честность» и «ожидаемая продолжительность жизни», чрезвычайно важных для развивающихся стран (табл. 1)

Таблица 1

Переменные и их вес в формулах Карла Хёна, проценты

Переменные	2006 г.	2008 г.
Социально-экономический блок	33,33	25,00
Номинальный ВВП	8,33	6,25
Ожидаемая продолжительность жизни	8,33	6,25
Образование/интеллект	8,33	6,25
Честность	8,33	6,25
Производство энергии	16,67	25,00
Военные переменные	33,33	25,00
Военные расходы	16,67	12,50
Производство вооружений	16,67	12,50
Ядерное оружие	16,67	25,00
Итого	100,00%	100,00%

Военные расходы и производство вооружений исчислены в процентах от ВВП и затем умножены на все социально-экономические переменные, так что в итоге социально-экономический блок составляет 66,67% индекса 2006 г. и 50% индекса 2008 г.

Эволюция западных оценок СММ. Первая формула для измерения национальной мощи была вдвинута еще в 1741 г. В ней мощь определялась одномерно — путем умножения численности населения на его плотность. В 30-х годах XX века устанавливается зависимость военной мощи государства не только от демографии, но и от обеспеченности природными ресурсами. В начале 60-х годов страны подразделяются на те, что располагают ядерным оружием, и те, кто его не имеет. Вводятся также показатели: численность вооруженных сил, использование ресурсов, земельного и человеческого потенциала. С начала 70-х годов формулы еще более усложняются. В них появляются данные о ВВП, производстве стали, угля, военных бюджетах и разнообразные индексы.

Большое влияние на развитие методики расчетов национальной мощи оказала холодная война и горячие региональные войны, особенно вьетнамская. Появились формулы, в которых показателям «мягкой силы» придается не меньшее значение, чем показателям «твердой силы». О. Органски включил в понятие мощи не только ресурсы, но и *способность использовать* их таким образом, чтобы менять поведение других наций подобно собственным национальным интересам⁹. Мощь определялась не только естественными детерминантами — географией, природными ресурсами и демографией, но и

детерминантами социальными: экономическим и политическим развитием и национальной моралью. Мерой политического развития становится способность правительства *мобилизовать ресурсы*, в том числе путем фискальной политики.

В дальнейшее продвижение такого подхода существенный вклад внес американский политолог и аналитик ЦРУ Р. Клайн¹⁰. В его понимании *национальная мощь представляет собой не сумму индикаторов твердой и мягкой силы, но их произведение*¹¹. Другими словами, если мягкая сила имеет нулевое значение, то и показатель национальной мощи не будет отличным от нуля.

Этот подход нашел свое продолжение в работах Р. Томпсона, британского эксперта по борьбе с партизанским движением в Малайзии и Вьетнаме, и встретил также позитивный отклик у китайских разработчиков моделей национальной мощи. В теоретической формуле Томпсона сомножителями в равной мере выступали, с одной стороны, человеческие и иные ресурсы, а с другой — воля. Опираясь на разработки Клайна и Томпсона, бывший президент США Р. Никсон сделал вывод о том, что главной причиной поражения США во вьетнамской войне стал *психологический фактор*¹².

На разных исторических этапах национальная мощь государств может определяться не только разным сочетанием факторов, но и разной факторной нагрузкой. Американский политолог М. Салливан в своей книге «Мощь в современной международной политике» посвятил измерению мощи специальную главу, где настаивал на том, что количественному определению мощи должно предшествовать выяснение *ситуационного контекста*. Не все компоненты мощи, подчеркивал он, нужно измерять и включать в индекс мощи. Некоторые компоненты в разной степени проявляются через посредство других. Субъективные факторы мощи, такие как мораль и воля, полагает Салливан, лучше всего измерять косвенно, через объективные факторы¹³.

Большую роль в развитии количественного подхода к оценкам национальной мощи сыграло появление *информационных технологий* и, в частности, компьютерных стратегических игр. Эти игры, создавая подобие реальности, адресуются к способности игрока принимать наиболее адекватные решения по использованию ресурсов и оптимизировать стратегию. Тем самым возникают некоторые приблизительные модели реальной политики и ведения войны.

Инновационные технологии в современных условиях становления глобального информационного общества служат одной из главных составляющих национальной мощи. Но они же и наиболее сложны для определения компонентов. К оценке их привлекаются исследовательские подразделения разведывательных служб ведущих западных держав.

В начале 2000 г. под грифом Rand Corporation была опубликована небольшая книга «Измерение национальной мощи в постиндустриальный век. Справочник аналитика», написанная Эшли Теллисом с тремя соавторами¹⁴. Авторы книги указывали, что наступление постиндустриального века меняет традиционную основу национальной мощи, что ведет и к пересмотру методов ее измерения. Требуется оценка не только очевидного военного потенциала, но и способности к инновациям, совершенства социальных институтов, качества знаний, то есть всего того, что может составлять эффективную военную мощь как фундаментальный элемент международной политики. Соответственно, авторы предлагают свой концептуальный подход к измерению национальных ресурсов, их рационального использования и военных возможностей. Главная цель измерения — установить, насколько тот или иной кандидат в великие державы может реально соперничать с США.

Анализ строится на трех главных посылах. Во-первых, «революция знаний», наиболее очевидно реализуемая текущими прорывами в обработке информации, технологиях и менеджменте, затрагивает все общество и имеет свои следствия как в гражданской, так и в военной сфере. Во-вторых, деятельность «государства», точнее, институтов управления, определяющих политический курс нации, является критичной для успеха страны в постиндустриальный век. Независимо от того, насколько успешно или неуспешно

пешно данное общество развивает и использует революцию научных знаний для того, чтобы превратить эти социетальные продвижения в национальную мощь, требуется минимально эффективное государство. В-третьих, национальная мощь, в конечном счете, выражается в боеготовности, а самым важным видом боеготовности является именно та, что использует самые новейшие технологии, особенно информационные и коммуникационные, для создания эффективных конвенциональных сил.

В 2005 г. два ведущих сотрудника RAND Corporation Грегори Тревертон и Сет Джонс опубликовали отчет о двухдневном семинаре по проблеме «Измерение национальной мощи», в котором участвовали преимущественно сотрудники RAND и Группы стратегических оценок (Strategic Assessment Group) ЦРУ¹⁵. Работа семинара включала три основных направления. Первое ставило задачу определить состав великих держав к 2020 г., основываясь на таких переменных, как военная мощь (определяемая на основе военного бюджета), экономическая мощь (ВВП), человеческий капитал (продолжительность базового образования) и технологии (расходы на НИР и НИОКР в расчете на душу населения). Второе направление сконцентрировалось на обсуждении проблемы превращения ресурсов в мощь. Участники семинара обсуждали подход, предложенный Эшли Теллисом и его коллегами. Их представления о национальной мощи включали такие факторы, как способность к инновациям, характер социальных институтов и качество базовых знаний. Подход Теллиса был дополнен соображениями о необходимости учитывать доступ к капиталу, в т.ч. — международному, уровень коррупции, электоральную поддержку власти, социальную активность, аудиторную СМИ и другие факторы. Третье — касалось угроз национальной безопасности США, включая нетрадиционные.

Позднее в *Harvard International Review* появилась статья Г. Тревертона и С. Джонса «Измерение мощи: как предсказывать будущие балансы», где развивались соображения, высказанные на семинаре¹⁶. Г. Тревертон и С. Джонс, в соответствии с идеями Э. Теллиса, рассматривают государственную мощь на трех уровнях. На первом она выступает в качестве ресурсов, или потенциалов, на втором — в процессе становления и только на третьем — как итог. Именно последний интересует политиков, и как раз его труднее всего оценить. Показателями мощи на уровне потенциалов служат ВВП, население, расходы на оборону и такой менее определенный фактор, как технологические инновации. Мощь государств оценивается в процентах от глобальной мощи. 14 государств располагают более чем 1%. На долю США приходится почти пятая часть глобальной мощи, за ними вплотную следуют ЕС и Китай — по 14%, затем Индия — 9%, и далее — Бразилия, Южная Корея и Россия — примерно по 2% каждая. Эти оценки, полагают Г. Тревертон и С. Джонс, указывают на возможность создания союзов, способных противостоять мощи США, и выявляют места наиболее вероятных будущих конфликтов, самым тревожным из которых становится Азия. Оценки свидетельствуют также о том, что к 2015 г. мощи США будут угрожать Китай и Индия, тогда как ЕС и другие неамериканские члены восьмерки испытают некоторое сокращение мощи.

Оценки СММ в России, Иране, Индии. Определенное влияние на характер, ориентацию и содержание развития количественного изучения международных отношений оказывают особенности *национальной культурной и ментальной среды*, к которой принадлежит исследователь. В меньшей степени это касается развитых стран Запада и в гораздо большей — стран, стремящихся к более высокому региональному или мировому статусу: России, Бразилии, Индии, Ирана, Турции, Китая.

В этой связи следует особо подчеркнуть роль *геополитических воззрений*. Примером такого влияния может служить опубликованная в конце 1990-х годов статья проф. В.Р. Хачатурова «Россия и геополитическая стабильность мира», в которой дано формализованное описание модели *устойчивого развития человечества*¹⁷. Автор исходит из того, что географическое пространство, занимаемое Китаем и Индией, является геополитическим центром мира. Этот центр инициирует глобальные геополитические процессы на планете. В ходе этих процессов формируются два геополитических полюса: стабиль-

ный геополитический центр мира и центр нестабильный. С течением времени полюса могут менять свой характер. Причем нестабильный полюс меняется чаще, чем стабильный. После того как сформировались два полюса, наступает период геополитической стабильности на планете, который длится до момента изменения одного из полюсов или обоих полюсов одновременно. С изменением хотя бы одного из полюсов мир вступает в период геополитической нестабильности. В этот период могут происходить глобальные войны и революции. Период геополитической нестабильности сопровождается формированием новых полюсов и переходом мира в новые состояния. Геополитическая стабильность мира является необходимым и потому обязательным условием устойчивого развития человечества, которое возможно либо в бесполюсном, либо в двухполюсном мире. Входя одновременно в стабильный и нестабильный полюсы, Россия тем самым является геополитической осью мира.

Российская проблематика занимает ведущее место в трудах А.И. Агеева, особенно в выполненных им в соавторстве работах «Россия в пространстве и времени» (2004) и «Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира» (2007). В последующих работах Агеева и его соавторов представлены расчеты на 2008 г. по 100 странам, а также прогнозы на 2025 г. Согласно последним, евроатлантическое сообщество сохранит свои лидирующие позиции в мире. Но больше всего продвинется вперед Россия. Почти столь же позитивен прогноз для Бразилии. Предполагалось, однако, что Индия и Иран будут развиваться успешнее, чем Китай. Сегодня, когда пройдена уже немалая часть прогнозной дистанции, к сожалению, приходится констатировать, что реальность далеко не вполне оправдывает ожидания авторов названных работ, особенно в той части, которая касается России.

В 2007 г. были опубликованы предварительные результаты работы большого авторского коллектива сотрудников Университета МГИМО (У) МИД России под руководством А.Ю. Мельвиля по инновационному научно-исследовательскому проекту «Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств», а в 2010 г. вышло в свет английское издание работы. Исследуются 192 суверенных государства современного мира. Результаты представлены в виде рейтингов стран по пяти индексам: государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни, институциональных основ демократии. Все индексы в определенной мере взаимосвязаны. Из них прямое отношение к измерению национальной мощи имеет лишь индекс потенциала международного влияния, поскольку он содержит две военных переменные.

При кластерном анализе, разделяющем страны по принципу схожести определенных параметров, выделение 10 групп помещает Россию в кластер стран, обладающих большим международным влиянием — вместе с Китаем, Францией, Германией, Италией, Японией, Великобританией и США. При увеличении числа кластеров до 13 группа делится надвое, и в одной из них Россия оказывается в соседстве с Китаем и США. При увеличении числа кластеров до 33 Китай остается в одиночестве. Иными словами, Россия по своему международному статусу больше всего напоминает США.

Такой результат вызвал критику со стороны директора Института опережающих исследований им. Шифферса академика РАЕН Юрия Громыко. В интервью корреспонденту американского журнала EIR Рейчел Дулас он сказал, что разработка А. Мельвиля и его коллег «выполнена как стремление создать игровой джойстик, при помощи которого Россию можно было бы все время помещать в центр мировых процессов, что неверно, и как всякая необъективная оценка — опасно»¹⁸.

Свою специфику в развитие геополитического подхода к измерениям национальной мощи внес ведущий индийский исследователь Арвинд Вирмани, в течение 25 лет служивший советником индийского правительства, а затем ставший во главе МВФ. Будучи экономистом, он, по его собственным словам, «ищет основные геополитические взаимодействия в экономической реальности». Основные его идеи отражены в

двухтомной монографии «Продвижение Индии: от социалистической стагнации к мировой державе»¹⁹.

Вирмани выделяет в истории экономического развития Индии после обретения независимости в 1947 г. два этапа: первый, который он называет «социалистической стагнацией» — до конца 1970-х годов и второй — с начала 1980-х годов, когда рыночные реформы стали способствовать высокой динамике экономического роста. Рассматривая источники ускоренного экономического роста в Индии, Вирмани неоднократно обращается к китайскому опыту, в котором он усматривает как полезные уроки, так и предостережения. К первым он относит экспортноориентированную модель развития, к последним — преимущественную ориентацию на инвестиции в государственный сектор экономики. В целом он отмечает, что 30-летний опыт индийского социализма мог бы быть более успешным, если бы был ближе к ориентированному на рынок социализму с китайскими особенностями.

Вирмани стремится привнести в экономическую реальность геополитические измерения. Под этим углом зрения анализируются прежние тенденции и выстраиваются проекции будущего на ближайшие три десятилетия. Соответственно, национальную мощь Вирмани рассматривает как комбинацию способности противостоять нежелательному внешнему воздействию со способностью влиять на других в желательном для себя направлении. Рассматриваются более 100 стран с целью выявить у них потенциалы стать региональной или глобальной державой в течение двух последующих десятилетий. Обсуждаются принципы, на которых может базироваться справедливая система глобального управления. В основе такой системы, по Вирмани, мог бы лежать «естественный потенциал мощи». Разделение глобальной мощи сообразно этому показателю представляется не только справедливым, но и способным стимулировать честную конкуренцию.

Вирмани измеряет потенциал национальной мощи страны, которая является или способна стать глобальной или региональной державой, умножая показатель ВВП на показатель ВВП в расчете на душу населения и затем выражая результат в процентах от итоговых данных США. В итоге на 2005 г. образуется такая группа лидеров: США 100%; Япония 27; Китай 25; Германия 17; Франция 12; Великобритания 12; Италия 11; Индия 8,5; Канада 7,8; Россия 6,5%; Испания 6,4%; Бразилия 5,8; Корея 5,5%; Австралия 4,7%. Вирмани прогнозирует, что в течение первой четверти XXI века однополярный мир станет с участием Китая биполярным, а во второй четверти — триполярным, с включением Индии в тройку лидеров. Становление многополярного мира считается маловероятным. Индия займет 3-е место в мире по объему экономики в 2015 г. и догонит США по реальному ВВП в 2040 г. Потенциальная мощь Индии в 2050 г. составит 80% от показателя США²⁰. Одним из резонов для такого оптимизма служит наличие у Индии огромного недостаточно используемого пула (от 20 до 100 млн) свободно мыслящих, автономно трудящихся людей с высоким IQ (замеры в Индии показывают устойчивые результаты среднего IQ в диапазоне 78—82). В связи с этим некоторые индийские военные считают, что будущая СНМ зависит не от доли ВВП, потраченной на оборону, а от средств, вложенных в образование.

Таким образом, индекс Вирмани позволяет измерять мощь разных стран, двигаясь хронологически как вспять, до исходной точки, так и в будущее. Это дало индийскому экономисту в 2004 г. возможность предсказать значительно более быстрое восхождение Китая, чем прогнозировали многие эксперты, включая аналитиков из разведывательного сообщества США. Хотя динамика экономического роста Индии в 2012—2013 гг. несколько снизилась, тем не менее, это вряд ли ставит под сомнение прогнозируемые Вирмани перспективы становления Индии как третьей крупнейшей экономики мира.

Главную опасность и главный вызов для Индии Вирмани видит в широко распространенной коррупции и соответствующем снижении качества и возможностей управления. Особенно угрожающей он считает коррупцию законодателей в национальном

парламенте и парламентах штатов, поскольку она сильно затрудняет реформы, необходимые для достижения Индией статуса великой державы.

Другой выдающийся индийский экономист, старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка, главный экономический советник индийского правительства Каушик Басу, вместе с соавторами предложил в 2011 г. свой метод измерения мощи правительств²¹.

Индийские исследователи исходят из того, что в процессе глобализации экономическая мощь правительств служит дополнением к рыночным силам, а в период глобального экономического кризиса правительства играют решающую роль в стабилизации финансовых рынков и координации усилий по поддержке мировой экономики. Правительства являются также главными агентами в деле справедливого перераспределения и развития.

Для измерения правительственной мощи используется индекс, состоящий из четырех переменных: правительственных доходов, золотовалютных резервов, экспорта товаров и услуг и человеческого капитала. Последний образуется сочетанием данных о населении и среднем числе лет школьного образования. Большая численность населения в Индии и Китае сказывается, конечно, на более высоких значениях индекса по сравнению с другими нациями. Но большие достижения в продолжительности школьного образования компенсируют сравнительно малую численность населения стран Западной Европы сравнительно, например, с африканскими странами. По сути, идея здесь состоит в том, чтобы учесть роль правительства в использовании одного из видов богатства — человеческого капитала.

Указанные переменные отражают способность правительства мобилизовать ресурсы, его кредитоспособность на мировых финансовых рынках, его влияние на глобальную экономическую активность и его потенциал в отношении человеческих ресурсов. Значения индексов прослежены за 2000—2009 гг. для 100 экономик. По результатам исследования, на 2009 г. определилась следующая иерархия правительственной мощи: 1). США, 2). Китай, 3). Япония, 4). Германия, 5). Индия, 6). Россия, 7). Франция, 8). Бразилия, 9). ЮАР, 10). Италия. Подчеркивается устойчивый рост показателей Китая, Индии, Бразилии и возрождение России на фоне сохраняющегося значения США, Германии и Японии. Отмечается также повышающаяся роль группы растущих рынков в составе Южной Кореи, Индонезии, ЮАР, Мексики и Турции. К ним подтягиваются также некоторые страны Африки: Судан, Ангола, Танзания, Нигерия и республики из бывшего Советского Союза.

Индийские аналитики полагают, что разработанный ими индекс является особенно релевантным в связи с представлением о том, что мир движется к новому экономическому порядку с новыми центрами мощи и с перегруппировкой 88 основных глобальных экономических акторов.

Продолжающаяся глобализация ведет к тому, что национальная экономическая мощь больше не зависит только от ресурсов. Скорее, это — результат сложной системы международных взаимодействий и зависимостей. Переоценка международных экономических отношений включает в себя стимулирующее воздействие таких быстрорастущих азиатских экономик, как китайская и индийская, на другие развивающиеся страны, особенно на африканские страны южнее Сахары. Экономическая мощь правительств имеет также большое значение для координации борьбы с нищетой и неравенством.

Оценки СММ в Китае. Китайские количественные исследования *совокупной национальной мощи (СММ)* непосредственно служат выстраиванию общей экономической и внешнеполитической стратегии страны. Профессор Национального университета обороны Цзян Лумин отмечает, что сегодня в международной конкуренции каждое государство стремится занять наиболее выгодные позиции, получить наибольшие преимущества по сравнению с другими странами, что предопределяет исключительно ожесточенное соперничество между ними. «Можно сказать, что борьба за преимущество в сово-

купной национальной мощи стала «командной высотой» в современной конкуренции мировых держав. Тот, кто сумеет занять эту «командную высоту», получит «стратегическое преимущество»²².

Современные китайские исследования СНМ имеют глубокие корни в древних представлениях о том, что межгосударственные отношения следует основывать на тщательном учете преимуществ и недостатков своих собственных позиций и позиций соперников. В эпоху, когда Китай поставил перед собой задачу вернуться на лидирующие позиции в мире, такой подход обретает новый смысл и новое значение, связанные, прежде всего, со стремлением догнать и опередить все прочие мировые державы. По словам одного из ведущих китайских исследователей СНМ Хуан Шофэна, еще в 1984 г. Дэн Сяопин призвал китайских ученых проанализировать будущие условия безопасности в рамках исследования стратегии национальной обороны до 2000 г. Позже архитектор китайских реформ неоднократно говорил о важности наращивания СНМ. После его знаменательной поездки на юг в 1992 г., когда он вновь подчеркнул значение СНМ, это понятие стало одним из важнейших в лексиконе правящей партии. Ему уделено немало места в отчетном докладе XV съезда КПК и последующих документах, хотя чаще всего без сколько-нибудь подробной расшифровки.

Китайские ученые внимательно знакомились с трудами своих зарубежных коллег, но их подходы не вполне удовлетворяли запросам китайской стратегии развития, главным образом потому, что многие из них были чересчур статичными и недостаточно учитывали факторы мягкой силы. Поэтому пришлось разрабатывать собственную методику.

В 1987 г. Дин Фэнцзюнь, откликаясь на призыв Дэн Сяопина, опубликовал работу, в которой оценка СНМ служила отправной точкой для соображений по стратегии развития Китая до 2000 г.²³ Автор предложил формулу, в которой совокупная национальная мощь представляла собой произведение мягкой и жесткой силы. Первую составляла сумма политической, научно-технической и духовной сил, а вторая была представлена коэффициентом, отражающим структуру слагающих ее природной, демографической, экономической и оборонной сил. Если коэффициент превышал единицу, структура жесткой силы считалась рациональной, в противном случае — нерациональной. Природная сила включала естественные условия и естественные ресурсы. Первые измерялись величиной территории, пахотной площадью и географическим положением, а вторые — запасами, составом, сложностью разработки, достаточностью минеральных ресурсов. Политическая сила охватывала политические институты, политическую структуру и лидерские способности руководителей государства.

В 1992 г. вышла в свет книга математика по образованию, полковника НОАК Хуан Шофэна «О совокупной национальной мощи»²⁴. С точки зрения Хуан Шофэна, СНМ представляет собой большую, многоуровневую систему, внутри которой взаимодействуют две основные системы: материальная, или «жесткая», и духовная, «мягкая», и семь главных факторов: ресурсный, экономический, научно-технический, оборонный, политический, культурно-образовательный, дипломатический. Первые три из них представляют жесткую силу, остальные — мягкую. Эти две подсистемы воплощают мощь, необходимую для существования и развития нации. При этом «жесткие» факторы могут иметь «мягкие» аспекты. Так, национальная оборона, будучи «жестким» фактором, включает в себя некоторые «мягкие» моменты: идеологию обороны и военную теорию. Кроме того, есть еще подсистема координируемой мощи, куда входят механизмы руководства, командования, управления и принятия решений, а также подсистема среды обитания, ограничивающая СНМ. Последняя включает международную среду, природную среду и социальную среду, определяющие развитие всех прочих факторов. Каждый компонент основных подсистем, или подындексов, представляет, в свою очередь, подсистему более низкого уровня, содержание которой также подробно определено. При этом Хуан Шофэн подчеркивает постоянную изменчивость СНМ — не только во времени, но и посредством взаимобмена энергетическими, материальными, информационными потоками в сфере науки и технологий, экономики, международных отношений.

Динамическая формула Хуан Шофэна считается одной из самых сложных математических формул, используемых для измерения СНМ. Однако, как пишет гуанчжоуский профессор Цзя Хайтао, формула не только сложная и, на первый взгляд, всеобъемлющая, но и практически малоприменимая — как из-за трудности использования, так и из-за сложности сбора некоторых показателей. Но даже если удастся применить эту формулу, полученные результаты мало прояснят проблемы. Будет потрачено много времени и сил, но итоговые данные неизбежно устареют, поскольку к моменту их получения они не будут уже отражать сиюминутное состояние СНМ, и преимущества динамической формулы не будут реализованы. Кроме того, еще более важно то, что некоторые мягкие индикаторы в формуле очень трудно точно отразить статистически. Поэтому получаемые данные ненадежны²⁵.

В своей следующей книге «О процветании и упадке государств» Хуан Шофэн развивает свой количественный и качественный анализ СНМ применительно к истории великих держав²⁶. Приводится расчет СНМ и составляющих ее факторов по шести странам: США, Япония, ФРГ, Россия, Китай и Индия на 1996 г.

Хуан Шофэн рассматривает подъем и падение национальной мощи как применительно к отдельно взятой стране, так и в ситуации соперничества двух стран. В первом случае, по Хуан Шофэну, процессы подъема и падения национальной мощи государств подчиняются тем же законам, что и выживание наиболее приспособленных к переменам существ в органическом мире. Так, развал Советского Союза сопоставляется с исчезновением динозавров. Если не происходит необходимых мутаций, способствующих эволюции, старый вид в неблагоприятной среде обречен на исчезновение, сколь бы ни процветал он прежде. Точно так же, если страна идет путем неверных стратегических решений, отличным от стратегического тренда изменений внутренней и внешней среды, она неизбежно падет. Современная международная борьба за существование, полагает Хуан Шофэн, — состязание СНМ. В фокусе этого состязания находится борьба за стратегические ресурсы, включая ресурсы научно-технические, экономические, природные, кадровые, информационные и другие, составляющие ключевые элементы СНМ. Поэтому одной из целей исследования является анализ воздействия борьбы за одни и те же ресурсы на возвышение и упадок пары соперничающих стран. Оно также может быть применено для рассмотрения внутренней борьбы за власть между старой государственной системой и новой, обладающей новой национальной стратегией. Наконец, анализ может быть нацелен на оценку ситуации, при которой две страны не стремятся к одной и той же цели, но находятся в поиске разных ресурсов, причем одна из них освоила новый тип ресурсов. В этом случае конкуренция происходит на глобальном уровне. Исход ее определяется четырьмя сценариями.

- «Уничтожаются» обе страны в результате таких событий, как ядерная война.
- Одна страна загоняет другую в «фатальную позицию».
- Возникает «неравное сосуществование», при котором одна страна доминирует над другой.
- Обе страны могут сосуществовать и способствовать процветанию друг друга путем взаимного сотрудничества и взаимопомощи.

В конце 1996 г. Институт мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая опубликовал коллективный труд «Сравнительное исследование совокупной национальной мощи важнейших мировых держав»²⁷. В книге детально характеризуются факторы, формирующие СНМ, описываются методы их измерения и приводятся результаты количественной оценки СНМ 18 государств. Конкретно рассматриваются следующие основные области формирования СНМ: природные ресурсы, отечественная и зарубежная экономика, наука и технологии, военное дело, правительство и международные отношения, социальное развитие. Для каждого фактора устанавливается своя систе-

ма индексов (табл. 2). Дополнительные структурные индексы показывают взаимосвязь и взаимозависимость различных факторов.

Таблица 2

Структура индексов совокупной национальной мощи

Естественные ресурсы	Людские ресурсы	Общая численность населения Ожидаемая продолжительность жизни Доля экономически активного населения Число студентов вузов на 10 000 человек населения
	Земельные ресурсы	Территория государства Обрабатываемая площадь Лесопокрытая площадь
	Минеральные ресурсы (запасы)	Железная руда Медь Бокситы
	Энергетические ресурсы (запасы)	Уголь Нефть Природный газ Водная энергия
Потенциал экономической деятельности	Фактическая экономическая мощь	ВВП Потенциал промышленного производства (производство электроэнергии, стали, цемента), потенциал поставок продовольствия (общее производство зерна, обеспеченность зерном), потенциал поставок энергии (объем производства энергии, объем потребления энергии, нефтеперерабатывающие мощности), производство хлопка
	Фактическая экономическая мощь (на душу населения)	ВВП Потенциал промышленного производства (производство электроэнергии, стали, цемента), потенциал поставок продовольствия (общее производство зерна, обеспеченность зерном), потенциал поставок энергии (объем потребления энергии)
	Эффективность производства	Общественная производительность труда Производительность труда в промышленности Производительность труда в сельском хозяйстве
	Структура	Доля третичного сектора в ВВП
Потенциал зарубежной экономической деятельности	Экспорт и импорт	
	Золотовалютные резервы	
Научно-технический потенциал		Доля НИОКР в ВВП; численность научных работников и инженеров; численность научных работников и инженеров на 1000 человек населения; доля машин и транспортного оборудования в экспорте; доля высокотехнологичного экспорта

Уровень социального развития	Уровень образования	Расходы на образование в расчете на душу населения; доля учащихся вузов и средних учебных заведений
	Культурный уровень	Грамотность взрослого населения; число читателей ежедневных газет на 1000 человек населения
	Уровень здравоохранения	Расходы на здравоохранение в расчете на душу населения; охват населения медицинскими услугами
	Коммуникации	Число телефонов на 100 жителей
	Урбанизация	Доля городского населения в общей численности населения
Военный потенциал		Численность личного состава; военные расходы; экспорт вооружений; ядерное оружие (число боеголовок; число носителей ядерного оружия)
Потенциал правительственного регулирования и контроля		Доля расходов на конечное правительственное потребление в ВВП; доля расходов центрального правительства в ВВП.
Внешнеполитический потенциал		

Источник: Шизе чжэю гоцзя цзунхэ гали бицзя яныцзю: [Сравнительное исследование совокупной национальной мощи важнейших государств мира] / ред. Ван Сунфэнь. Чанша, 1996. С. 69.

Поскольку используемые для оценки СМ индексы существенно отличались друг от друга, для их сведения воедино потребовалось совмещение нескольких методов. На первой стадии данные из жестких индексов были стандартизованы путем соединения методики Р.Клайна с подходом, использованным при оценке СМ Японии. Жесткие индексы были разделены на две группы. В первую вошли индексы прямые, т.е. напрямую связанные с ростом ВВП, во вторую — непрямые, т.е. находящиеся в обратной зависимости от показателей роста ВВП в расчете на душу населения. Для оценки мягких факторов, с трудом поддающихся измерению, был использован опрос экспертов, чьи ответы затем были подвергнуты компьютерному анализу. В итоге были вычислены значения 64 индексов по восьми основным областям для 18 стран на 1970, 1980 и 1990 г. На следующей стадии понадобилась определенная корректировка полученных результатов. Так, страны с большими природными ресурсами и относительно малым населением, такие как Канада и Австралия, получили завышенные оценки СМ, несопоставимые с их реальной экономической мощью и ролью в международных делах, поскольку у этих стран оказались завышенными подушевые показатели экономических и социальных факторов. Кроме того, надо было принять во внимание меняющуюся со временем роль разных факторов. Так, во время войны, включая и войну холодную, главными компонентами национальной мощи становятся военная сила и ее составляющие, а в мирное время на передний план выходят экономическое и социальное развитие и международная торговля. Наконец, различным было количество индексов в каждой из восьми основных областей, а вес каждого, независимо от его значимости, был одинаковым. Поэтому на второй стадии работы количественные вычисления начального этапа были скорректированы путем качественного анализа и присвоения дополнительных весов как основным компонентам, так и составляющим их индексам. По словам исследователей, комбинация количественного и качественного анализа приближает результаты расчетов к специфическим национальным условиям разных стран, делает их более надежными и достоверными²⁸.

Однако, несмотря на все старания создать подлинно научную, безукоризненную систему оценки СНМ, основанные на этих оценках прогнозы оказались весьма далекими от реальности. Самое главное — никто не смог предвидеть стремительного возвышения Китая в начале нынешнего века. Авторы исследования, выполненного в Академии общественных наук, прогнозировали, что Китай к 2010 г в иерархии мировых держав поднимется всего на одну ступеньку — с 9-го места перейдет на 8-е. Потенциал роста Японии был, напротив, сильно переоценен. Ей предсказывали в 2010 г. почти такое же место в мировом рейтинге, как и США. Если же экстраполировать эту тенденцию дальше, то к 2020 г. Япония должна была бы оставить США далеко позади. Единственной державой, в отношении которой прогнозы в полной мере оправдались, стала, увы, Россия. Предполагалось, что наша страна, уступив свое 2-е место в мире Германии и Японии, будет опускаться еще ниже и пропустит впереди себя также Францию и Англию. В качестве одной из главных причин торможения России назывались усилия НАТО и США по ее ослаблению. При этом вера в конечное возрождение России все же сохранялась. Считалось, что ей понадобится 40—50 лет, чтобы вновь стать ведущей европейской державой.

На рубеже веков количественные исследования СНМ в рамках Академии общественных наук Китая продолжались, но принципиальных качественных изменений ни в подходах, ни в выводах не было. Прогнозирование рейтинга Китая относительно прочих ведущих держав мира на среднесрочную и даже долгосрочную перспективу оставалось по-прежнему весьма сдержанным. Считалось, что до 2010 г. Китай совершит в наращивании СНМ «скачок», суть которого будет состоять в том, что он обгонит Англию и выйдет на 8-е место в мире, а к 2020 г. продолжит свое движение, обойдет также Австралию и Россию и станет в мире шестой державой. Ожидалось, что только к 2050 г. Китай займет третью или четвертую позицию в мире, опередив Германию, Францию и Канаду. Но по-прежнему далеко отставая от США. Даже в возможности обогнать Японию к середине века выражались сомнения²⁹.

Более того, не было уверенности даже в том, что Китай одержит верх в соревновании с Республикой Корея. Начиная с 1970-х годов Корея опережала Китай в наращивании СНМ, главным образом, благодаря превосходству в научно-техническом и социальном развитии. Не исключалось, что это превосходство сохранится и после 2020 г. Бесспорным считался тот факт, что Корея стоит выше Китая по уровню социально-экономического развития в расчете на душу населения. Если же такая ситуация сохранится и после 2020 г., то она, как считали прогнозисты, нанесет тяжелый психологический удар по народу и властям Китая. Единственная надежда исправить положение связывалась с возможным объединением Северной и Южной Кореи, что должно замедлить развитие последней, как показывает опыт Германии, по меньшей мере, на десяток лет. Если же этого не произойдет, то, как полагали, увеличение СНМ Южной Кореи неизбежно станет реальным вызовом для Китая. И еще более серьезный вызов усматривался в возможном повышении экономической активности Индии после 2010 г. благодаря возрастанию демографического, научно-технического и внешнеполитического потенциала.

В связи с этим рекомендовалось наращивать усилия по мирному воссоединению с Тайванем, что умножило бы экономический потенциал КНР, положило бы конец противостоянию вооруженных сил и способствовало отстаиванию суверенитета на острова в Южно-Китайском море. Главным препятствием на китайском пути наращивания СНМ в XXI веке считалась американская политика поощрения социального и национального раскола под лозунгами защиты прав человека и независимости Тибета и Синьцзяна. Эта политика, по расчетам аналитиков, могла бы ослабить СНМ Китая на 10%. Поэтому сохранение национального и территориального единства страны считалось важнейшим условием дальнейшего роста СНМ³⁰.

Третьим центром изучения СНМ в Китае на рубеже веков стал Институт современных международных отношений (с 2003 г. — Академия современных междунаро-

ных отношений) Здесь была сформирована проблемная исследовательская группа во главе с Ван Цзайбаном. Эта группа начиная с 1997 г., сплотила вокруг себя еще более широкий круг участников проекта — специалистов из разных областей научных знаний численностью до 100 человек. Они также создали обширную базу статистических данных по 7 странам за период с 1988 по 1998 г.

Опубликованный в 2000 г. доклад фиксировал абсолютное превосходство США. Мошь всех прочих оценивалась в процентах от США: Японии — 60%, России — 40%, Китая, последнего в семерке — 25%. Система основных индексов охватывала четыре основных сферы: экономику, военное дело, науку и образование, ресурсы. По объему ресурсов Китай превосходил США, уступая лишь России. Из остальных трех областей ближе всего к США Китай располагался по экономическим показателям — около трети американского потенциала. В сфере науки и образования он уступал США в 7 раз, Франции, Англии и Германии в 5 раз, России — вдвое. В военной сфере фиксировалось девятикратное отставание Китая от США, трехкратное — от России, двукратное — от Англии и Франции, а по отношению к Японии и Германии отмечалось достижение относительного паритета.

В начале 2006 г. Институт мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая опубликовал «Доклад о глобальной политике и безопасности», включавший в себя статью Ван Лин «Сравнение совокупной национальной мощи важнейших государств мира»³¹. Государства сопоставлялись по показателям экономической, дипломатической, военной мощи, ресурсам государственной мощи и регулирующей силы правительства.

По результатам расчетов было подтверждено неоспоримое лидерство США (90 баллов). На 2-е место вышла Англия (65 баллов), преимущества которой усматривались в обладании большим финансовым капиталом, человеческим капиталом, информационной мощью и технологиями. Последующие места в рейтинге были отданы России (63 балла), Франции (62 балла), Германии (62 балла), Китаю (59 баллов), Японии (58 баллов), Канаде (57 баллов), Республике Корея (53 балла) и Индии (50 баллов).

Шестое место Китаю обеспечивали его обширные трудовые ресурсы, обильный капитал, внутренняя стабильность и правительственная политика, гарантировавшая возвышение страны в условиях стабильности. Достаточно высоко оценивались внешнеполитическая активность и военная мощь. По регулирующей роли правительства Китаю было отведено лишь 4-е место в соответствующем рейтинге. К сдерживающим моментам были отнесены технологическая отсталость, низкое качество рабочей силы, недостаточная информатизация, неразвитость институтов, поддерживающих инновации, отставание природоохранных и инфраструктурных объектов. Расходы на НИОКР в Китае составляли всего 1,31% ВВП, тогда как в развитых странах — 2,4%. По числу полученных за рубежом жителями Китая патентов КНР уступала только Индия. Производительность труда в Китае составляла лишь 3,3% от уровня представленных в исследовании развитых стран. Значительная доля высокотехнологичной продукции в экспорте не свидетельствовала о реальной технологической мощи страны, поскольку в ее основе была отверточная сборка изделий, идущих на экспорт, а не отечественные технологические разработки. Некоторой конкурентоспособностью на мировом рынке обладали только высокие технологии в авиакосмической области.

По численности людских ресурсов Китай в 2004 г. намного превосходил Индию, но по их качеству недалеко от нее ушел. В 2001 г. продолжительность обучения в Китае составляла в среднем 10 лет, на год больше, чем в Индии. Неграмотность равнялась примерно 12%, т.е. была чуть ниже, чем в Индии. Доля обучавшихся в высших учебных заведениях не превышала 5%, самого низкого показателя среди больших стран. В Индии он равнялся 8%.

Экономика Китая характеризовалась высокими накоплениями и активным привлечением зарубежного капитала. Но способность фондового рынка аккумулировать капитал была невелика.

Очень низкой оставалась информатизация страны. В 2004 г. в Китае на 1000 человек приходился 41 компьютер, а в США — 763. Число пользователей Интернета в Китае составляло 78,53 на 1000 человек, в США — 632,2. Более чем десятикратным было отставание в пользовании широкополосной связью.

Далеко отставал Китай от развитых стран по плотности автомобильных и железных дорог. Лучше дело обстояло с авиаперевозками, но и здесь отставание от США было весьма значительным. Прогрессирующе сокращалась энергообеспеченность и ресурсообеспеченность экономического роста.

В 2003 г. общественные расходы на здравоохранение в КНР составляли 5,8% ВВП, лишь немногим больше, чем в Республике Корея и намного меньше, чем в США. Общественные расходы на образование в КНР равнялись 3,3% ВВП, всего на 0,1% выше, чем в Индии, тогда как в Канаде они достигали 8,1%, в США — 6,2%.

Рассматривая возможности и перспективы соревнования Китая с США в области СНМ, Ван Лин обращает внимание, прежде всего, на отставание Китая в научно-технической сфере, которое она связывает особенно с различиями в государственной поддержке системы технологических инноваций. В США, по Конституции, конгресс и администрация поддерживают науку, способствуют научно-техническому прогрессу, поощряют научные открытия. В 1990-х годах США создали собственную государственную систему инноваций, подняли научно-техническое развитие на стратегическую высоту. Важным условием существования сверхдержавы стало развитие информационных отраслей. Хотя Китай также поставил подъем науки и техники во главе своей стратегии государственного развития и создал свою государственную систему научно-технических инноваций, однако усилия, предпринимаемые во многих областях, недостаточны, что ведет к недостаточному вкладу технологий, к недостатку научно-технических кадров. В США развитый фондовый рынок создает благоприятные условия для финансирования высокотехнологичных средних и малых предприятий, а китайские коммерческие банки обслуживают в основном только крупные и средние предприятия. Большие различия между Китаем и США существуют также в области защиты прав на интеллектуальную собственность. В сфере технологий американские предприятия обладали самостоятельностью, тогда как наука и техника в Китае подвержены огосударствлению и административному контролю.

При ограниченном объеме приобретаемых знаний эффективность их использования в Китае была также невысока. Достижения науки и техники слабо использовались в экономике, недостаточным был и уровень технологической кооперации. Не хватало эффективного сотрудничества между научно-исследовательскими органами университетов и предприятий. Китай страдал от утечки высококвалифицированных кадров, тогда как США питал постоянный приток таких кадров извне.

Важные аспекты развития СНМ в Китае раскрывает сопоставление с Индией, другой крупной, прежде слаборазвитой и многонаселенной страной Азии. Стартовый уровень экономического роста обеих стран был очень близок. В 1982 г. ВВП на душу населения в Китае составлял 275 долл., а в Индии — 274 долл. Они соответственно занимали 137-е и 138-е места в мире. В 2004 г. этот показатель по обменному курсу валют в Китае поднялся до 1269, а в Индии — до 578 долл., и этот разрыв постоянно растет.

Индия к концу 1990-х годов стала, как и Китай, ядерной державой, но в целом в военном отношении осталась слабее Китая. В своей внешнеполитической деятельности Индия, начиная с 50-х и 60-х годов прошлого века, вместе с Китаем провозглашала пять принципов мирного сосуществования, но к началу нового столетия утратила прежний энтузиазм, и ее влияние в мире стало уступать влиянию Китая, как в отношениях с соседями, так и в глобальном плане.

Китай располагал большими, чем у Индии, ресурсами для формирования СНМ, но во многих конкретных аспектах уступал ей. Так, в Индии лучше, чем в Китае, обстояло дело с подготовкой и сохранением человеческого капитала, выше был уровень владения английским языком, университетское образование было теснее связано с международными стандартами. Поэтому легче осуществлялся «выход за рубеж». Индийские предприятия больше тяготели к инновациям, чем китайские. Китай превосходил Индию в строительстве базовых сооружений и в эффективности правительственной деятельности, но Индия имела преимущества в создании правовой и финансовой систем и в образовании. В целом же регулирующая роль правительства в Китае была сильнее, чем в Индии, где ее ослабляли демократические, религиозные и родо-племенные институты. В Китае общество было более сплоченным, чем в Индии. Отсюда Ван Лин делает вывод, что в обозримом будущем Индии по СНМ очень трудно догнать Китай, но если она сможет использовать свои преимущества, урегулирует отношения с соседями, будет более активно в глобальном масштабе проводить политику, способствующую мирному развитию, то сможет стать серьезным конкурентом Китая по СНМ.

В самом конце 2009 г. Институт мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая опубликовал очередной ежегодник — «Желтую книгу о международном положении». Он включал в себя также «Доклад о глобальной политике и безопасности» (2010), где анализировались показатели СНМ 11 стран, включая семерку наиболее экономически развитых стран мира и четверку стран БРИК.

Первое место в этой последней китайской «табели о рангах» отдавалось, как и прежде, естественно, США. За США признавалось мировое лидерство в экономике, военной мощи, науке и технике и международном влиянии. Им принадлежало также 2-е место по обеспеченности ресурсами. Несколько хуже оценивались показатели социального развития (7-е место), а также безопасности и внутренней политики (6-е место). Но социально-политическое отставание с лихвой перекрывалось высокой боеспособностью.

Несколько неожиданно выглядело в рейтинге общее 2-е место Японии. В аналогичном ежегоднике за 2006 г. эта страна числилась только седьмой, уступая не только США и трем из пяти развитых стран Европы, но также России и Китаю (правда, тогда набор критериев был несколько иным). Китайские эксперты отдали Японии 2-е место не только в экономике, но и в таких сферах, как наука и техника, безопасность, вклад в международное развитие, а в социальном развитии — даже 1-е место. Сравнительно невысоко эта страна располагалась только в реестре данных о территории, ресурсах и демографии. Невысокими оказались также военные индексы, но они учитывали только количественные характеристики, оставляя в стороне качественные.

Столь большой разрыв в соотношении СНМ Японии и Китая, оказавшегося по общему зачету на 7-м месте, стал для многих неожиданностью. Тем более, что Япония не только многократно уступает Китаю по размерам территории, природным ресурсам и численности населения, но и не отличалась за последние десятилетия динамикой экономического роста, сколько-нибудь сопоставимой с китайской.

Поэтому многие наблюдатели априори полагали, что общее место Китая существенно выше, где-то, например, между Японией и Германией. Представленный же доклад оказался в этом отношении разочаровывающей и в какой-то мере отрезвляющей новостью, главный смысл которой состоял в напоминании о нерешенности в Китае многих ключевых проблем социального развития, устойчивого роста, безопасности и внутренней политики.

Отставание в развитии СНМ Китая определялось, прежде всего, застарелой отсталостью образовательной и научно-технической сфер. Япония еще в начале XX века ввела у себя обязательное 6-летнее образование, а со второй половины нынешнего столетия расходы на образование стали превышать 5% ВВП, тогда как в Китае они не поднимались выше 3%. Расходы на науку и технику в Китае за последние десятилетия в сред-

нем были на уровне 1,54% ВВП, причем почти целиком уходили на выполнение ракетно-ядерной программы. В Японии они были вдвое выше и использовались преимущественно на развитие широкого спектра высокотехнологичных направлений.

Не меньшей, если не большей, сенсацией оказалось присвоение КНР 2-го места по мощи вооруженных сил. Признавалось, конечно, почти трехкратное отставание КНР от США, лидирующих по этому показателю (33,3 балла против 90,08 по стобальной шкале), но Китай, однако, помешался выше занявшей третью строчку России (31,8 балла). В докладе за 2006 г. Китай располагался на 4-м месте (54,69 баллов), позади не только США (91,85), но также России (84,79) и Франции (56,29).

Из трех основных показателей, определявших военный рейтинг, наибольшее значение придавалось размерам военных ассигнований, которые в первую очередь и определяли неоспоримое превосходство США. Их военные расходы составляли 132% от общей суммы военных расходов остальных 10 стран, охваченных анализом. Китай был поставлен на 2-е место, главным образом благодаря высокой численности личного состава вооруженных сил и количества вооружений. По первому показателю Китай опережал все прочие страны.

Что касается России, то ее место в тройке лидеров определялось в основном преимуществом в количестве вооружений (84,5 балла против 83,4 баллов у США и 36,4 у Китая). Отмечалась, однако, устарелость основной массы российских вооружений.

Авторы подавляющего большинства откликов в Интернете на оценку китайской вооруженной мощи сочли ее завышенной, и только немногие — «в основном адекватной». Крайне негативно высказался по этому поводу в газете «Хуанью шибао» один из ведущих китайских специалистов в области военной стратегии контр-адмирал Чжан Чжаочжун. С его точки зрения, доклад как бы официально подтверждал тезис о «китайской угрозе», муссирующийся в течение многих лет в западных СМИ. Чжан Чжаочжун утверждал, что составители доклада опираются на неточные в своем большинстве данные, почерпнутые из зарубежных источников. По его словам, рост ассигнований на оборону за последние годы в КНР лишь восполнял их недостаточность в предшествующий период, особенно в сравнении с США и окружающими КНР странами и районами: Японией, Индией, Республикой Корея, Тайванем и Россией.

Высокая численность личного состава вооруженных сил, по мнению Чжан Чжаочжуна, должна не повышать, а понижать рейтинг, поскольку она свидетельствует об отсталости вооружений, низком уровне автоматизации и невысокой эффективности затрат на армию. Наряду с численностью войск, подчеркивал он, следует принимать во внимание также уровень обучения, возрастную структуру, практический опыт личного состава. По всем этим показателям, как полагает Чжан Чжаочжун, китайские вооруженные силы далеко не обладают преимуществом. Количество вооружений давно уже не является показателем военной мощи. Напротив, важным свидетельством силы или слабости современных войск служат наличие систем управления, контроля, связи, вычисления, сбора информации, наблюдения и разведки, способности вести информационные войны, использовать оружие точечного удара и новые концепции ведения боя. Если исходить из этих критериев, то Китай, по убеждению Чжан Чжаочжуна, вплоть до 2020 г. будет уступать по совокупной мощи вооруженных сил США, России, Англии и Франции, занимая в таком списке 5-е место.

Примерно на такое же место по тем же основаниям он ставит и ракетные войска. Ни по числу разделяющихся боеголовок, ни по грузоподъемности ракет Китай не сможет превзойти названные страны.

Столь же скромные позиции в мировом рейтинге определяет китайский военный эксперт и для других родов и видов вооруженных сил КНР. Надводный флот КНР, ввиду отсутствия боевых кораблей крупнее 10 тыс. тонн, ставится на 8-е место, позади США, России, Англии, Франции, Японии, Италии и Индии, а подводный — на 5-е, после США,

России, Англии и Франции, из-за малого числа ядерных подлодок. В целом, с учетом четырех факторов информатизации ВМФ КНР отводится 7-е место. Такое же место и по таким же основаниям отдается китайским ВВС и сухопутным войскам.

Прогнозируется, что к 2020 г. китайские вооруженные силы в основном завершат механизацию и существенно продвинут информатизацию. К 2049 г. когда будет отмечаться столетие со дня основания КНР, они, возможно, поднимутся до 2-го места в мире.

Динамика вооруженных сил и экономического роста — основы конкуренции США и Китая. Непременной составной частью СММ государства служат его *вооруженные силы*. Роль и значение их в данном качестве наиболее очевидны, они легче поддаются исчислению и сопоставлению. Однако считать, что мощь вооруженных сил является фактором, определяющим в решающей степени величину СММ, было бы заблуждением.

Публикуя очередной доклад об оценках сравнительной вооруженной мощи 106 государств, известный новостной портал *Business Insider* с присущей ему традиционной иронией заметил, что единственно надежным способом проверить точность этих оценок может служить прямое военное столкновение. Поскольку крупномасштабная проверка такого рода, по крайней мере, в ближайшем будущем, надо надеяться, маловероятна, постольку приходится принимать используемые для оценок индексы, относясь, однако, к ним с большой осторожностью.

В данном случае речь идет о *глобальном индексе огневой мощи (Global Firepower Index)*, для расчета которого использовались более 50 показателей, включая общий военный бюджет, доступные людские ресурсы и размеры разного рода вооружений. Индекс базируется только на количественных данных, без учета качественных характеристик. Не принимаются во внимание также ядерные потенциалы, играющие, как известно, важнейшую роль в геополитике. Остаются в стороне и такие важные слагаемые военного могущества, как организация вооруженных сил, их встроенность в политическую структуру государства, в культуру и общественное сознание, их традиции и социальный престиж.

Но дело даже не только и не столько в этом. В ведущую тройку стран по глобальному индексу огневой мощи за 2014 г. входят США, Россия и Китай. Оставим пока в стороне Россию, поскольку, как бы ни был велик ее военный потенциал, он, как отмечено выше, не может восполнить отставание в экономике и мягкой силе, что выводит ее на обозримую перспективу из числа претендентов на мировое лидерство. Поэтому наиболее важным для оценки перспектив мировой геополитики представляется соперничество между США и Китаем, в том числе — в военном потенциале.

Лидирующее положение США как самой мощной на данный момент военной державы на планете вряд ли может быть поставлено под сомнение, какими бы показателями оно ни измерялось. Эта страна далеко превосходит все прочие по размерам военного бюджета, по количеству и качеству конвенциональных вооруженных сил на море и в воздухе, по модернизации систем вооружений.

США пережает Китай во всех этих отношениях. Тем не менее, Пекин определенно ставит перед собой задачу создать в обозримом будущем военную мощь, способную противостоять американской, и такая цель не представляется недостижимой. Это совсем не означает, что китайская мощь строится симметрично американской. Ровно наоборот, и данное обстоятельство еще более усложняет задачу сопоставления военной мощи этих двух держав.

Как полагают некоторые американские военные эксперты по Китаю, именно признание невозможности достичь паритета с США и их союзниками в использовании традиционных средств ведения боевых действий побуждает политическое и военное руководство Китая обращаться к применению неконвенционального, «асимметричного» оружия первого удара³². По словам аналитиков из Пентагона, китайская стратегия направлена на то, чтобы, используя высокоточное сухопутное оружие, а также антико-

рабелльные ракеты, растущий подводный флот, кибероружие и космическое оружие против спутников, уничтожить или обессилить на дальних подступах вооруженную мощь противостоящей державы³³. Если иметь в виду основной регион американо-китайского соперничества — западную часть Тихого океана, то китайские вооруженные силы нацелены на группы американских авианосцев и стационарные базы на Окинаве, в Южной Корее и на Гуае.

В ежегодном докладе Министерства обороны Конгрессу США за 2014 г. говорится, что в военных кругах КНР информатизированная война рассматривается как асимметричная, способная сокрушить технологически превосходящего, но информационно зависимого противника посредством доминирования в информационном пространстве на поле боя. Рассматривается возможность даже принудить противника к капитуляции до начала конфликта. НОАК проводит военные учения, симулирующие действия в комплексной электромагнитной среде и использующие конвенциональные и кибернетические операции до достижения информационного превосходства³⁴. «Одновременные и параллельные» операции включают удары по американским военным кораблям, самолетам и силам поддержки, а также информационные атаки с целью парализовать тактические и операциональные коммуникации и компьютерную сеть. Эти операции призваны вывести из строя навигационные и наводящие на цель радары противника.

В ответ США разрабатывают свой план асимметричной войны с Китаем. В книге бывшего руководителя Пекинского бюро газеты *Financial Times* Дж. Дайера «Состязание века: новая эра соревнования с Китаем» (*The Contest of the Century: The New Era of Competition with China*) говорится, что хотя многие составные части этого плана, именуемого как «битва в воздухе и на море» (*AirSea Battle*), остаются неизвестными, но то немногое, что стало достоянием гласности, свидетельствует о провозглашении новой холодной войны.

В начале 2012 г. Пентагон выпустил документ, озаглавленный *Joint Operational Access Concept*. В случае конфликта, говорилось в нем, США должны атаковать мощности противника в киберпространстве и космосе. Одновременно они должны нанести удар по вражеским силам «контрдоступа» в глубине. Это означает, что в случае войны США планируют массированные бомбардировки китайского континента, поскольку базы противокорабельных ракет и разведывательное оборудование размещены по всей территории Китая, включая густонаселенные районы³⁵.

Перенос войны на континент с целью разгромить Китай с большой вероятностью предполагает, по мнению признанного мирового авторитета по международным отношениям Амитая Этциони, готовность к нанесению первого удара. Такая стратегия, заключает он, ничем не отличается от гегемонистской интервенции³⁶.

Не менее затруднительно сопоставлять также экономические потенциалы и потенциалы мягкой силы соперничающих наций. В экономике, конечно, не существует каких-либо асимметричных путей развития, которые обеспечивали бы наращивание собственного потенциала и сдерживали экспансионистские устремления соперника. Но оценочные суждения и здесь имеют смысл только при качественном учете действующих тенденций и их неоднозначного воздействия на совокупную национальную мощь.

Важнейшее значение для увеличения экономического потенциала имеет *динамика экономического роста*. Отвлекаясь от правомерности измерения роста объемами ВВП, поскольку это выходит за пределы наших рассуждений, остановимся лишь на том, что китайский ВВП по паритету покупательной способности сравнялся с американским и имеет шанс его значительно превзойти. В этой связи чрезвычайно важно оценить факторы, способствующие и препятствующие экономическому росту.

Потенци роста китайской экономики на более или менее длительную перспективу определяются мировыми и китайскими экспертами в весьма широком диапазоне. Летом 2013 г. большой резонанс в экспертном сообществе и среди немалой части широ-

кой общественности вызвала опубликованная в газете «Нью-Йорк таймс» статья лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана, в которой было заявлено, что Китай находится в большой опасности. Кругман утверждал, что экономическая система Китая, которая в течение трех десятилетий обеспечивала невероятный рост, исчерпала себя. Прежде всего, исчерпан ресурс притока дешевой рабочей силы из деревни. Единственный вопрос, который еще остается, состоит в том, насколько тяжелым будет крах³⁷.

Это было, конечно, далеко не первое алармистское пророчество будущего Китая³⁸. Но на этот раз, во-первых, такой прогноз прозвучал из уст уважаемого авторитета, ссылавшегося на общие закономерности развития, подтвержденные опытом многих стран (поворотный пункт Льюиса). А, во-вторых, и это главное, динамика экономического роста в Китае, начиная со второго десятилетия нашего века, действительно, стала ошутимо снижаться.

Кругмана поддержал известный политолог и футуролог Джордж Фридман. Обиженно напомнив, что указывал на противоречия в экономическом развитии Китая гораздо раньше, когда большинство веровало в «китайское чудо», он, вместе с тем, констатировал стремительное увеличение «китаескептиков» за последнее время³⁹.

Китайское руководство понимает многообразные причины, ведущие к снижению динамики экономического роста, видит их возможное негативное воздействие на социальную и политическую обстановку в стране, осознает их укорененность в действующей модели развития и принимает меры, которые могут обеспечить умеренно высокий рост экономики и удовлетворение потребностей общества на длительную перспективу. Более того, некоторые эксперты полагают, что умеренные темпы экономического роста создают благоприятную ситуацию для проведения необходимых структурных реформ в экономике. К ним относится, например, Стивен Роуч из Йельского университета, долгое время работавший в компании Morgan Stanley Asia. В статье, озаглавленной «Да здравствует замедление», он пишет, что трансформация китайской экономике необходима для перехода от роста, ведомого экспортом и инвестициями, к росту, получающему преимущественную поддержку от частного отечественного потребления⁴⁰. Китай, убежден Роуч, с новой моделью может удовлетвориться годовым ростом экономики в 7–8%. Этого достаточно для решения задач по обеспечению занятости и сокращению бедности, поскольку сектор услуг в Китае создает на единицу ВВП на 35% больше рабочих мест, чем промышленность и строительство, служившие основными двигателями старой модели. Сектор услуг, потребляющий меньше ресурсов и энергии, оказывает также значительно меньшее негативное воздействие на окружающую среду.

При существующей модели развития Китая в очень большой степени зависит от окружающей среды, как и весь остальной мир — от темпов роста китайской экономики. США и Китай связаны друг с другом настолько тесно, что США не могут чисто экономическими мерами сколь-нибудь серьезно помешать экономическому росту Китая, не нанося одновременно ощутимого урона самим себе. Переориентация на внутренний рынок может ослабить внешнюю зависимость Китая, прежде всего от стран—поставщиков энергии и сырья для китайской промышленности, таких, как Австралия, Бразилия, Россия. Вместе с тем зависимость от импорта современных технологий из экономически развитых стран сохранится.

Исследовательская и консалтинговая компания *The Rhodium Group*, работающая в контакте с МВФ и китайским правительством, варьирует свои сценарии до 2020 г. соответственно успеху или неуспеху рыночных реформ в экономике КНР, намеченных 3-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013 г.⁴¹ Наиболее вероятным считается сценарий базовый, предусматривающий «мягкую посадку». Если все пойдет хорошо, Пекин может рассчитывать на сокращение темпов годового роста не более чем до 6% к 2020 г. Менее оптимистичны сценарии с «жесткой посадкой» и кризисный. В последнем случае годовые темпы экономического роста могут упасть к 2020 г. до 1–3% (табл. 3).

Таблица 3

Среднегодовые темпы экономического роста КНР в 2013—2020 гг.

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Базовый сценарий								
Прирост ВВП (%)	7,7	7,5	7,0	6,8	6,6	6,4	6,3	6,0
Объем ВВП (млрд \$)	9181	9870	10561	11274	12018	12187	13580	14395
Жесткая посадка								
Прирост ВВП (%)		7,5	6,5	5,9	5,3	4,7	4,1	3,0
Объем ВВП (млрд \$)	9181	9870	10512	11130	11719	12270	12773	13157
Кризис								
Прирост ВВП (%)		7,5	7,5	5,0	4,0	3,0	2,0	1,0
Объем ВВП (млрд \$)	9181	9870	10610	11141	11586	11934	12173	12294

Источник: The Rhodium Group

В конце 2012 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала результаты своего исследования перспектив долгосрочного экономического роста в мире. Согласно этим данным, предполагалось, что по ППС в ценах 2005 г. Китай через год обгонит зону евро, а в 2016 г. — США. В 2030 г. экономика Китая будет больше экономики США в полтора раза. К аналогичным выводам в октябре 2012 г. пришел и МВФ, который, основываясь на текущих ценах. По его расчетам, ВВП Китая должен был достичь в 2017 г. 20,20 трлн долл., а США — 19,75 трлн долл.⁴² Однако уже осенью 2014 г. тот же МВФ объявил, что паритет двух ведущих экономик мира по данному показателю достигнут.

Означает ли это, что Китай сравнялся с США по экономической составляющей совокупной национальной мощи? По всей очевидности, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Более полувека Китаю понадобится еще, чтобы приблизиться к США по такому важнейшему критерию, как ВВП, или доход в расчете на душу населения. При этом экономика США будет опираться на такие важнейшие факторы конкурентоспособности, как высокий уровень инновационности компаний, развитость НИОКР, мощная система университетского образования, подвижность рынка рабочей силы. Китаю же предстоит решать сложнейшие социальные, экологические и демографические проблемы. Все это также займет не одно десятилетие.

СНМ как отражение и инструмент реализации глобальных геополитических трендов. Главное назначение оценок СНМ — служить объективным ориентиром для принятия политических решений по ключевым стратегическим вопросам развития и безопасности государства. Они призваны указывать, в каких направлениях нужно прилагать усилия страны и общества, чтобы обеспечить достижение стоящих перед ними целей. Вместе с тем, поскольку в обществе существуют группы, лоббирующие свои интересы, а индексы, служащие основой для оценок, несут в себе немалую долю субъективности, постольку конечные выводы могут быть с большим или меньшим основанием оспорены, а их истолкование может стать сильным средством воздействия на общественное мнение.

Общепризнано, что в китайском экспертном сообществе существуют группы влияния или интересов, которые способны влиять на государственный курс в той или иной сфере общественной жизни. Поэтому не исключено, что и компаративистские исследования СНМ могут служить таким целям.

В конце XX — начале XXI века происходит очередное перераспределение мощи и влияния ведущих государств планеты. Этот процесс сопровождается одновременно и изменением структуры СНМ, появлением новых важных ее составляющих, новых полей

для конкуренции между ведущими державами. Естественно, что разработчики количественных оценок СМ не могут не откликаться на меняющуюся ситуацию.

Летом 2014 г. трое сотрудников Исследовательского центра развития авиационной промышленности Китая Си Вэньцин, Му Сэнь и Ма Ли опубликовали работу, в которой предлагалась своя система оценок СМ развивающихся государств. В этой системе к жестким параметрам вооруженной мощи и экономики добавлялись мягкие параметры военного устрашения, экономического контроля и культурной привлекательности⁴³.

Сила военного устрашения определялась на основе данных о военных расходах, об экспорте и импорте вооружений, о количестве ядерных боеголовок и о числе нобелевских лауреатов в науке и технике. Индекс контроля над экономикой зависел от данных о притоке ПИИ из-за рубежа, об объеме экспорта и импорта, о доле в ВВП, принадлежащей капитализации компаний, имеющих листинг на бирже, о специальных правах заимствования в МВФ и о числе компаний, входящих в 500 крупнейших в мире. Культурная привлекательность измерялась положительным сальдо числа зарубежных туристов, численностью иммигрантов на 10 тыс. человек населения, количеством университетов, пользующихся мировой известностью, числом наиболее ценных в мире брендов и числом призов на международных кинофестивалях. По итоговому рейтингу первая десятка стран определилась в следующем порядке: 1). США, 2). Франция, 3). Китай, 4). Англия, 5). Германия, 6). Россия, 7). Япония, 8). Канада, 9). Швейцария, 10). Италия.

США лидируют во всех трех рейтингах: военном, экономическом и культурном, но доминирование их в экономике и, особенно, в культурной привлекательности, далеко не столь велико и бесспорно, как в военном устрашении. За последние пару лет американская сила военного устрашения несколько уменьшилась из-за сокращения военного бюджета и обострения конкуренции на рынке вооружений. В экономическом рейтинге Китай за период с 2001 по 2014 г. совершил огромный скачок вверх на 10 позиций и вышел на 2-е место после США. По индексу культурной привлекательности шесть мест в первой десятке занимают европейские страны. Китай в этом рейтинге опустился с 8-го места на 9-е.

Исторический опыт человечества свидетельствует, что глобальное перераспределение СМ оказывает колоссальное воздействие на его судьбу. В начале XIX века оно повлекло за собой перекаривание карты Европы. Вступление в 20-е столетие ознаменовалось еще более тяжкими следствиями: Первой мировой войной, унесшей десятки миллионов жизней, становлением тоталитарных режимов и самой страшной в истории человечества Второй мировой войной, сначала в «горячей», а затем — в «холодной» фазе. Сегодняшнюю ситуацию в мире некоторые аналитики характеризуют либо как вторую холодную войну, либо как преддверие третьей мировой. В этой связи вполне понятна объективная и субъективная потребность в возможно более точных оценках сравнительной мощи государств, прежде всего тех, которые претендуют на лидирующие позиции в глобальной иерархии.

Главной чертой нынешней вселенской конкуренции ведущих держав являются усилия США удержать за собой как можно дольше то доминирующее положение в мире, которое они сохраняют уже более века, несмотря на все гигантские перемены, которые произошли на Земле за это время: культурные, экономические, технологические, геополитические. Многие полагают, что мир в наши дни движется от однополярности к многополярности. Существует немало оснований сомневаться в наличии такой тенденции. Но если она, действительно, имеет место, то для полной ее реализации понадобится никак не меньше времени, чем потребовалось для превращения США в мирового гегемона⁴⁴. И, что еще более важно, этот процесс будет сопровождаться событиями не менее масштабными, а, возможно, и не менее кровавыми, чем те, что сопутствовали восхождению США к вершинам мирового господства.

Для удержания своего превосходства, для сдерживания, а порой и сокрушения соперников, США используют все доступные рычаги и возможности — от экономических санкций до вооруженного вмешательства. При этом, однако, следует признать, что главным залогом сохранения первенства США неизменно остается постоянное приумножение и совершенствование если не всех, то, во всяком случае, важнейших компонентов их национальной мощи.

Оценка и сопоставление совокупности факторов и переменных, составляющих национальную мощь государств, представляет собой, как мы видели, весьма непростую задачу, прежде всего, в силу их очень большой разнородности и принципиальной незаменимости. Недостаток или, тем более, отсутствие тех или иных материальных, вещественных компонентов национальной мощи не могут быть восполнены присутствием других полновесных нематериальных духовных или институциональных компонентов. Более того, в каждом из этих подмножеств жизненно необходимо сочетание самых различных видов. Подобно тому, как симфоническая музыка может полноценно звучать только при наличии в оркестре разнообразных струнных и духовых инструментов, а для исполнения опер, кантат, ораторий нужен еще вокал.

Национальная мощь необходима не только для давления на соперников, но, прежде всего для защиты своего суверенитета и дееспособности как на мировой арене, так и в отечественных пределах. Поэтому оценки СММ разных государств и выстраивание иерархии по этому показателю должны учитывать в том числе наличие или отсутствия у компонентов национальной мощи серьезных проблем, пробелов и недостатков, которые могли бы быть использованы соперником в его интересах.

К применению всего потенциала СММ государства прибегают редко, только в тех случаях, когда существует реальная угроза самому их существованию, то есть в отечественных войнах. Во время Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. лозунг «Все для фронта, все для победы» воспринимался и исполнялся буквально. До предела простого выживания были урезаны все прочие потребности и нужды. Мобилизованы были все материальные средства и вся духовная энергия народа. Схожая ситуация была и в Китае во время антияпонской войны 1937—1945 гг. Но США, вступившие в войну позже остальных держав, воевали не в полную силу, задействовали для победы далеко не всю свою мощь и понесли значительно меньшие потери, что в немалой степени и обеспечило им послевоенное преимущество.

В относительно мирное время, в период, когда державы ограничиваются ведением спорадически возникающих локальных войн для достижения своих целей и навязывания соперникам желательной для себя линии поведения, не требуется весь потенциал СММ. Принуждение более слабых конкурентов к поведению, желательному более сильным, обеспечивается ограниченными санкциями или угрозой применения силы.

Но эффективность таких мер должна подкрепляться не только наличием реальных ресурсов, но и демонстрацией готовности их применить на деле. Отсюда вытекает тяга не только к постоянному наращиванию потенциала национальной мощи, далеко сверх того объема, который может быть реально задействован, но и к периодическому обострению напряженности в международных отношениях.

Отслеживание подвижек в глобальном балансе СММ имеет важнейшее значение для внутренней и внешней политики государства, дорожащего своим суверенитетом. Оно необходимо, прежде всего, для своевременной корректировки внутренней и — особенно — внешней политики. Такая корректировка позволяет избежать критического отставания от оппонентов в развитии основных слагаемых СММ и компенсировать собственные слабости путем сотрудничества или союза со стратегическими партнерами.

Существующие ныне количественные оценки СММ, как мы видели, далеки от совершенства. Особенно наглядно выявляются их недостатки при попытках экстраполяции на сколько-нибудь отдаленную перспективу. Тем не менее, за отсутствием более точ-

ного инструментария приходится пользоваться тем, что имеется в наличии. Во всяком случае, эти оценки значительно дополняют умозрительные представления о расстановке сил на мировой арене в данный конкретный момент и дают материал для выстраивания вероятностных сценариев ее последующей модификации.

1. *Ashley J. Tellis, Janice Bially, Christopher Layne, Melissa McPherson. Measuring National Power in the Postindustrial Age 2000.* 212 p. — Авторы указывают, что материал для этой главы они почерпнули из следующих источников: *Richard L. Merritt and Dina A. Zinnes. Validity of Power Indices. International Interactions. Vol. 14. No. 2 (1988). P. 141–151; Richard L. Merritt and Dina A. Zinnes. Alternative Indexes of National Power // Richard J. Stoll and Michael D. Ward (eds.). Power in World Politics (Boulder: Lynne Rienner, 1989). P. 11–28; Charles S. Taber. Power Capability Indexes in the Third World // J. Stoll and Michael D. Ward. Op. cit. P. 29–48; Jacek Kugler and Marina Arbetman. Choosing Among Measures of Power: A Review of the Empirical Record // J. Stoll and Michael D. Ward. Op. cit. P. 49–78.*
2. *Hans Morgenthau. Politics Among Nations.* 4th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1967. P. 106–158.
3. *Knorr K. The War Potential of Nations.* Princeton: Princeton University Press, 1956.
4. Цит. по: *Ashley J. Tellis et al. P. 26.*
5. *Ibid. P. 27.*
6. *Mohammad Reza Hafeznia, Seyed Hadi Zarghani, Zahra Ahmadipor and Abdelreza Rokmoddin Eftekhari. Presentation a New Model to Measure National Power of the Countries // Journal of Applied Sciences. 8, 2008. P. 230–240.*
7. *Mohammad Reza Hafeznia. Emerging Perspective of the World Geopolitical Structure // Geopolitics Quarterly. V.6. No. 4. Winter 2010. P. 1–6.*
8. *Geopolitics and the Measurement of National Power. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Fakultät Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, Fachbereich Sozialwissenschaften der Universität Hamburg vorgelegt von Karl Hermann Höhn aus Wiesbaden Hamburg, 2011 // Tag der mündlichen Prüfung: 16. Januar 2013.*
9. Цит. по: *Karl Hermann Höhn. P. 129.*
10. *Cline, Ray S. World Power Assessment: A Calculus of Strategic Drift.* Boulder: Westview Press, 1975.
11. Цит. по: *Karl Hermann Höhn. P. 117.*
12. Цит. по: *ibid. P. 122.*
13. Цит. по: *ibid. P. 139.*
14. *Tellis A., Bially J., Layne C., McPherrson M. Measuring National Power in the Postindustrial Age. Analyst Handbook. 2000. 58 p.*
15. *Treverton G. & Jones S. Measuring National Power. Rand. 2005.*
16. *Treverton G. & Jones S. Measuring power: how to predict future balances // Harvard-International-Review. URL: <http://www.freepatentsonline.com/article/Harvard-International-Review/133706587.html>.*
17. НГ-сценарии. № 10 (19). 11.09.1997.
18. EIR. 09.02. 2007.
19. *Virmani A. Propelling India from Socialist Stagnation to Global Power // Growth Process. Vol. I (Policy Reform. Vol. II) / Academic Foundation. New Delhi, 2006.*
20. *Virmani A. Global and Asian Balance of Power: Building Institutions for Peace. Presentation at China and India Sustaining High Quality Growth. New Delhi. March 19–20, 2012.*
21. *Basu K., Supriyo De, Rangeet Ghosh and Shweta. The evolving dynamics of global economic power in the post-crisis world: Revelations from a new Index of Government Economic Power. URL: <http://www.kaushikbasu.org/Index%20of%20Government%20Economic%20Power.pdf>.*
22. Цзефанцзюнь бао. 26.05.2014.
23. *Дин Фэнцзюнь. Цзунхэ голи лунь — 2000 нянь вого гоцзя фачжань чжаньлюе чуи: [О комплексной национальной мощи — предварительные предложения по стратегии развития Китая до 2000 года]. Сюешуцзе дунтай. 1987. № 6.*
24. *Хуан Шофэн. Цзунхэ голи лунь: [О комплексной национальной мощи]. Пекин, 1992.*

25. *Цзя Хайтао*. Чжунго цзунхэ голи пингу цзи шицзе паймин. Лилунь, сянши цзи цзэпин гунши: [Оценки и место в мире совокупной национальной мощи Китая. Теория, реальность и формулы вычисления] // Наньцзин лигун дасюе сюэбао. Шэхуэй кэсюэ бань. Т. 25. № 5. Окт. 2012.
26. *Хуан Шофэн*. Гоцзя шэнхуай лунь: [О расцвете и упадке государств]. Чанша, 1996.
27. Шицзе чжюа гоцзя цзунхэ голи бицзяо яньцзю: [Сравнительное исследование совокупной национальной мощи важнейших государств мира]. Чанша, 1996.
28. Там же. С. 2.
29. Результаты исследований Чэнь Ша, Юн Фэна и Чэнь Ина опубликованы в книгах: 2020 ды Чжунго: [Китай в 2020 году] / отв. ред. Ли Чэнсюнь. Пекин. 1999; Дэн Сяопин лилунь юй шицзе чжи цзяо ды Чжунго гоцзи чжаньлюе: [Теория Дэн Сяопина и международная стратегия Китая] / отв. ред. Тэн Тэн. Пекин, 2001; а также в статье: *Чэнь Ша*. Жибэнь юй шицзе чжюа гоцзя цзунхэ голи бицзяо: [Сравнение совокупной национальной мощи Японии и других важнейших государств] // Ляован. 20.08.2001.
30. См.: там же.
31. *Ван Лин*. Шицзе чжюа даго цзунхэ голи бицзяо: [Сравнение совокупной национальной мощи важнейших мировых держав] // 2006 нянь: цюаньцю чжэнчжи юй аньцюань баогао: [Доклад о глобальной политике и безопасности] / отв. ред. Ли Шэньмин и Ван Ичжоу. Пекин, 2006.
32. *Easton Ian*. China's Deceptively Weak (and Dangerous) Military // The Diplomat. 2014. January 31.
33. China's military rise. The dragon's new teeth // The Economist. 07.04.2012.
34. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China / Office of the Secretary of Defence. 2014. P. 33.
35. *Dyer G*. US v China: is this the new cold war? // Financial Times. 20.02.2014.
36. *Etzioni A*. Who Authorized Preparations for War with China? // Yale Journal of International Affairs. 12.06.2013.
37. *Krugman P*. Hitting China's Wall // N.Y. Times. 18.07.2013.
38. Достаточно вспомнить книгу Гордона Чана «Грозный коллапс Китая». (*Chang, G*. The Coming Collapse of China. New York, 2001.)
39. *Friedman G*. Recognizing the End of the Chinese Economic Miracle // Geopolitical Weekly. July 23, 2013.
40. *Roach S*. Long live China's slowdown // Caijing. 02.05.2013.
41. *Rosen D., Snyder N*. China's outlook — now and in 2020 // Rhodium Group. 08.08.2014.
42. U.S. Vs. China: Battle To Be The Largest Economy // The World Investopedia staff. 20.03.2013.
43. *Си Вэньцзин, Му Сэнь, Ма Ли*. Гуансюй гоцзя цзинчжэнли чжишу яньцзю: [Исследование индексов генерализованной виртуальной конкурентоспособности государств] // Гуаньши сюэсы цзинцзи яньцзю. 2014. Т. 5. № 3.
44. Согласно расчетам американского политолога У.Ферриса, в середине XIX века по размерам национальной мощи в мире лидировала Великобритания. Немного отставала Россия, а за ней следовала Франция. США отставали от лидеров более чем вдвое. В конце XIX — начале XX века на 1-е место вышла Россия, несколько опередив Великобританию, а США приблизились к Франции. В 1930 г. СССР (Россия) потерял половину своей национальной мощи, а США выдвинулись на 2-е место. После Второй мировой войны к 1960 г. первенство США становится неоспоримым, 2-е место прочно занимает СССР. (*Ferris W.H*. The Power Capabilities of Nation-States: International Conflict and War. 1973).

Политика

Некоторые тенденции внутривнутриполитического развития Китая на фоне 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва

© 2015

Е. Румянцев

В статье рассматриваются насущные проблемы внутривнутриполитического развития КНР, которые, по мнению автора, связаны с проводимой ныне Си Цзиньпином кампанией по борьбе с коррупцией. Особенность текущей ситуации определяется масштабами тех разоблачений, которые были сделаны в ходе нее. В обозримом будущем китайское руководство должно сосредоточить особые усилия на борьбе с коррупцией в вооруженных силах, госучреждениях и коммерческих компаниях, связанных с зарубежной деятельностью.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Чжоу Юнкан, политический процесс в Китае, коррупция, 4-й пленум ЦК КПК 18-го созыва.

20–23 октября 2014 г. в Пекине состоялся 4-й пленум ЦК КПК 18-го созыва. Китайские СМИ отмечают, что пленум ЦК партии с такой повесткой дня — «исследование важных проблем всестороннего продвижения вперед управления государством на основе закона» — проведен впервые за все время существования КНР. По сообщению газеты «Жэньминь жибао», «выдвинуты более 180 важных реформаторских мер, охватывающих все стороны управления государством на основе закона»¹. С подробными пояснениями по тексту его Постановления выступил Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин².

Развернуто широкое обсуждение итогов и документов пленума в партийных организациях всех уровней и среди широких масс населения страны. Обращает на себя внимание активность в этом процессе членов высшего руководства КПК и представителей китайской интеллектуальной элиты. В рамках кампании по изучению материалов пленума, например, только в газете «Жэньминь жибао» и журнале «Цюши» со статьями выступили члены Политбюро ЦК КПК заместитель главы правительства страны Ван Ян³, глава Секретариата Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Цзяньго⁴, секретарь Политико-юридической комиссии ЦК КПК⁵, министры госбезопасности⁶, общественной безопасности⁷, юстиции⁸, финансов⁹, партийная группа Госкомитета по развитию и реформам Госсовета КНР¹⁰, заместитель директора Института права Китайской академии общественных наук¹¹, другие авторитетные поли-

тики и эксперты КНР. Уже перечень названий этих и других статей дает определенное представление о круге проблем, занимающих их авторов.

В пропагандистских материалах, публикуемых китайскими СМИ на русском языке, главной задачей пленума называется обеспечение «верховенства закона». Эту формулировку нередко некритически используют российские авторы, пишущие о Китае, хотя даже беглого ознакомления с материалами пленума на китайском языке достаточно, чтобы убедиться, что ни о каком «верховенстве закона» речь в них не идет. Ставится вопрос об «управлении государством на основе закона». При этом акцентируется тезис о необходимости руководства всеми процессами в сфере «правового строительства» со стороны КПК. Партийное руководство, подчеркивается в китайских СМИ, должно «красной нитью пронизывать весь процесс управления государством на основе закона», является «коренной гарантией социалистической законности» и т.п. Этому вопросу посвятил целый раздел своей статьи в газете «Жэньминь жибао» член Постоянного комитета Политбюро ЦК, секретарь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины (ЦКПД) Ван Цишань¹².

А на сайт «Жэньминь ван» попало «частное» мнение некоего блоггера¹³, согласно которому «главной задачей управления государством на основе закона является усиление руководящей роли партии». Таким образом, важной задачей 4-го пленума ЦК Компартии Китая было разъяснение китайскому народу, что он должен жить и работать в управляемом на основе закона государстве самобытного китайского социализма, которым руководит Компартия Китая.

Убедить в этом, однако, удастся не всех. «Находятся некоторые люди, - подчеркивают официальные СМИ, - которые отрицают руководство социалистической законностью со стороны партии, отделяют партийное руководство от управления государством на основе закона, противопоставляют эти два понятия, говорят о необходимости придерживаться так называемого «конституционного правления», ядром которого, как на Западе, должны быть поочередная смена партий у власти, разделение трех властей, независимость юридической системы, огосударствление вооруженных сил (т.е. их превращение из вооруженных сил партии в вооруженные силы государства, что, согласно некоторым оценкам, является актуальной проблемой для современной КНР; - Е.Р.). «Некоторые враждебные силы, - говорится далее, - вводят общественное мнение в заблуждение. пытаются, используя законность в качестве «орудия», а «конституционное правление» - в качестве цели, пытаются найти брешь, с помощью которой можно было бы дезавуировать руководство Компартии и социалистический строй в Китае, противопоставляют партийное руководство правовому государству, не принимают руководящее положение нашей партии по отношению к законности». Подобные взгляды китайские пропагандисты характеризуют как «классическое проявление «заморского догматизма». Судя по тому, что их посчитал необходимым подвергнуть критике главный политический и теоретический журнал КПК¹⁴, этих «некоторых» не так уж и мало.

На уровне практической политики в материалах пленума просматривается озабоченность, которую в самых различных кругах китайского общества вызывает положение в правоохранительных органах и органах юстиции КНР. Оно неоднократно подвергалось критическому разбору и лично китайским лидером. В одной из речей в начале 2014 г.¹⁵ он, в частности, говорил о том, что действия этих органов «вызывают достаточно сильную негативную реакцию в различных слоях общества. Довольно остро стоят такие проблемы, как невыполнение ими своих обязанностей, хаос в действиях, особенно нечеткое следование ими закону, несправедливость в отправлении правосудия, коррупция в органах правопорядка и юстиции». Он также сказал, что некоторые адвокаты вступают в сговор с судьями и сотрудниками органов прокуратуры. Некоторые учреждения политико-юридической системы и сотрудники полиции то не расследуют факты преступлений, которые налицо, то не привлекают лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, то возбуждают уголовные дела с нарушением установленного порядка, превышают свои полномочия; некоторые из них чрезмерно широко пользуются мерами,

сопряженными с применением насилия, нарушают законные права граждан; некоторые ведут дела на основе личных связей и интересов, берут деньги, вплоть до того, что откровенно бесчинствуют, используют закон в целях личного обогащения»¹⁶. Напомним, что нынешнему китайскому лидеру в годы «культурной революции», после того как был репрессирован его отец, пришлось на собственном опыте узнать о положении в китайских правоохранительных органах и методах их работы, что не могло не отразиться на его отношении к данной проблеме.

В последние годы достоянием гласности в КНР стал ряд смертей лиц, содержащихся в следственных изоляторах и местах заключения. Этим фактам властями давались, например, такие объяснения: «ударился головой, когда играл в камере в жмурки»; «совершил самоубийство с помощью шнурка от ботинок»; «умер во сне»; «поскользнулся»; «умер во время мытья в бане»; «умер, когда пил кипяток»; «умер от ядовитого укуса, когда бил комаров»; «умер, упав с кровати», и т.п.

В образной форме некоторые особенности работы китайских правоохранительных органов отразил китайский писатель-диссидент в своем романе, получившем несколько лет назад определенную известность среди пользователей китайского сегмента Сети в КНР и за ее пределами: «Пока один из допрашивающих задавал мне вопросы, другой взял со стола увесистую книгу. Когда я увидел ее название, то сильно напрягся: это была пятисотстраничная «Криминальная психология» и, насколько мне было известно, у нее в этом кабинете могло быть только одно предназначение: положить мне на голову, а сверху бить по ней тяжелым предметом. Это могло вызвать легкое сотрясение мозга и привести к утрате допрашиваемым контроля над собой. При этом удары не оставляли бы следов, что в полной мере соответствовало требованиям только что опубликованного Положения об органах общественной безопасности, которым запрещалось во время допроса применять насилие в отношении подозреваемых...

Пока я об этом размышлял, оба полицейских сели, и тот, кто держал в руках книгу, положил ее на пол, разулся и поставил на нее ноги. Я немного успокоился»¹⁷.

По оценкам, высказываемым некоторыми китайскими юристами, в последние годы в КНР у истоков большинства ошибочных и сфабрикованных уголовных дел можно найти просчеты и злоупотребления, совершенные политико-юридическими комиссиями парткомов КПК. Некоторые в неофициальном порядке утверждают, что в КНР существует закрытая статистика, согласно которой более 70 процентов обращений населения с жалобами в партийные и государственные органы обусловлены «ошибочными действиями» политико-юридических комиссий. В ряде случаев это приводит к столкновениям насильственного характера между властями и населением¹⁸.

Несколько слов о том, что представляют собой эти политико-юридические комиссии. Их предшественниками были созданные в 1958 г. при парткомах КПК всех уровней руководящие группы по политико-юридическим вопросам, которые, как и сами парткомы, прекратили свое существование с началом т.н. «культурной революции» в 1966 г. С переходом Китая к политике реформ и открытости в 1980 г. были созданы политико-юридические комиссии при парткомах уездного уровня и выше. В первое время их полномочия ограничивались координацией и общеполитическим руководством деятельностью органов полиции, госбезопасности, суда, прокуратуры и юстиции в непростых условиях их становления. В повседневное функционирование и конкретные дела этих органов комиссии не вмешивались.

В дальнейшем они, как и всякая бюрократическая структура, начали разрастаться, их полномочия расширяться, а статус и влияние руководителей повышаться. Для этого, в частности, был выдвинут тезис, согласно которому «партийное руководство должно быть абсолютным», им следует осуществлять не только «идеологическое и организационное руководство», а «предметно руководить расследованием важных дел, имеющих общественный резонанс». Процесс развития этих структур, достигший пика в 1990-е и 2000-е гг., привел к ситуации, при которой в политико-юридических комиссиях рассматривались все сколько-нибудь общественно значимые дела, а принятые ими решения бы-

ли обязательны для исполнения правоохранительными органами и судами. Они осуществляли руководство работой судов, прокуратуры, органов общественной и государственной безопасности, военизированной полицией, пользуясь правом неограниченного контроля за вышеуказанными органами, постоянно и открыто вмешивались в их деятельность, нередко — в целях извлечения личной выгоды функционерами комиссий.

В период правления Цзян Цзэминя, по некоторым оценкам, они во многом служили целям укрепления его личной власти, а после его ухода с высших партийных и государственных постов обеспечивали ситуацию, в которой реальные рычаги власти по-прежнему оставались в руках Цзян Цзэминя, а полномочия его преемника Ху Цзиньтао были ограничены¹⁹.

Развивался процесс злоупотреблений, совершаемых функционерами политико-юридических комиссий различных уровней.

Параллельно росло число жалоб и обращений населения в центральные органы власти на действия чиновников партийно-государственного аппарата на местном уровне, а также т.н. «социальных инцидентов», то есть протестных акций населения. В ряде случаев они подавлялись местными властями с неоправданной жестокостью, что вызывало растущее недовольство Центра. А со стороны антикоммунистической оппозиции все громче звучали призывы вообще ликвидировать политико-юридические комиссии как неконституционные органы власти.

В этих условиях новое руководство КПК во главе с Си Цзиньпином предприняло ряд мер, направленных на исправление ситуации в данной области. Главным направлением этой работы, как постепенно выяснилось, было расследование деятельности бывшего (до ноября 2012 г.) члена Постоянного комитета Политбюро, секретаря Политико-юридической комиссии ЦК КПК Чжоу Юнкана и ликвидация его влияния во властных структурах КНР. Это была сложная, многоходовая и, насколько можно судить, до конца еще не завершившаяся комбинация, в рамках которой сначала была проведена чистка органов общественной безопасности и политико-юридических комиссий на провинциальном и ниже уровне. Даны также установки, согласно которым впредь политико-юридические комиссии не должны вмешиваться в расследование конкретных дел, за исключением дел, связанных с внешней политикой, обороной и другими особыми сферами. Полномочия и статус комиссий были урезаны, что нашло свое концентрированное выражение в том факте, что впервые за длительное время новый глава Политико-юридической комиссии ЦК КПК Мэн Цзяньчжу по итогам 18-го съезда КПК не был введен в Постоянный комитет Политбюро ЦК партии нового созыва.

Параллельно велась работа в непосредственном окружении Чжоу Юнкана, в результате которой за последние два года под арестом оказались более 10-ти его родственников, включая жену Цзя Сяо, старшего сына от первого брака Чжоу Биня, невестку Хуан Вань, брата Чжоу Юнцина, сестру жены Чжоу Линьин и ее сына Чжоу Фэна. Были разгромлены три его основные базы власти в нефтяной промышленности, в которой Чжоу, как известно, работал более двадцати лет, политико-юридической системе и пров. Сычуань, где он был первым секретарем парткома КПК с 1999 по 2002 гг.²⁰ Иногда в число этих «баз» Чжоу Юнкана включают т.н. «группировку секретарей», то есть чиновников, в свое время работавших секретарями Чжоу Юнкана, а затем с его помощью занявших достаточно высокие посты, которые также не были оставлены вниманием ЦКПД. В общей сложности, по некоторым подсчетам, подверглось чистке и привлечено к уголовной ответственности около 50 высокопоставленных сотрудников и руководителей — выходцев из вышеперечисленных «систем» власти КПК²¹. По данным гонконгской печати, 12 ноября 2014 г. в партийные организации КПК до уровня провинции (министерства Центрального правительства) и выше был разослан секретный доклад о деле Чжоу Юнкана. В нем говорится, что по делу уже арестован в общей сложности 521 человек. Еще 13 человек, включая трех его любовниц, бежали за границу или исчезли, стали «рыбами, проскочившими сквозь сеть».

Расследование деятельности Чжоу Юнкана по линии Центральной комиссии по проверке дисциплины явно планировалось завершить к моменту открытия 4-го пленума, указания на что можно было найти даже в некоторых китайских официальных СМИ. Скорее всего, именно этого деятеля имели в виду и разработчики Постановления пленума, вписавшие в его проект положение, предусматривающее, в частности, создание системы пожизненной ответственности за принятые важные политические решения и установки механизма проверки таких решений задним числом²².

Необходимо отметить, что уже принятое Политбюро ЦК КПК 29 июля 2014 г. решение о начале официального партийного расследования деятельности Чжоу Юнкана знаменовало собой качественно новый этап не только в антикоррупционной кампании Си Цзиньпина, но и в развитии внутривластной ситуации в КНР в целом, что обусловлено, как минимум, тремя причинами.

Во-первых, партийный и государственный деятель такого уровня не подвергался подобному расследованию со времени свержения «банды четырех» в октябре 1976 г.

Во-вторых, принятие такого решения знаменовало собой отказ от сохранявшегося в КПК на протяжении 30 с лишним лет неписаного закона, сформулированного в 1990-е годы высшим руководителем КНР Цзян Цзэмином. Согласно этому закону, члены Политбюро ЦК КПК, действующие и бывшие, не могут быть осуждены на смертную казнь, а члены Постоянного комитета Политбюро вообще не могут быть подвергнуты уголовному преследованию. По неофициальным данным, этот неписанный закон был де-факто принят по инициативе Си Цзиньпина летом 2013 г. решением Политбюро ЦК КПК.

В-третьих, это решение, как и решения о привлечении к партийной, а затем и уголовной ответственности бывшего члена Политбюро ЦК КПК, заместителя Председателя Центрального военного совета КНР Сюй Цайхоу²³, были приняты и проведены в жизнь несмотря на несогласие с ними Цзян Цзэминя. Ранее ни Си Цзиньпин, ни его предшественник на посту лидера партии и государства Ху Цзиньтао (он же — преемник Цзян Цзэминя) не соглашались с мнением последнего себе не позволяли.

Таким образом, до начала работы 4-го пленума имелись серьезные основания предполагать, что на нем по известной процедуре вслед за одобрением доклада о расследовании деятельности Чжоу Юнкана Центральной комиссией по проверке дисциплины последуют передача дела в следственные органы, суд и суровый приговор.

Подобные ожидания, как известно, не оправдались, вопрос о Чжоу Юнкане в официальных документах пленума и материалах СМИ был обойден молчанием. По одной из версий, поскольку Чжоу Юнкан уже не занимает никаких партийных и государственных должностей, в том числе не является членом ЦК КПК, то для его исключения из партии, с формальной точки зрения, решение пленума необязательно. Именно такое объяснение было предложено на брифингах, прошедших после пленума в Пекине, главой канцелярии Руководящей группы ЦК КПК по реформе системы юстиции Цзян Вэем и заместителем начальника отдела международных связей ЦК КПК Го Ечжоу.

Не было также принято прогнозирувавшееся некоторыми наблюдателями решение о внесении персональных изменений в состав Центрального военного совета КНР.

Вышеизложенное, по нашему мнению, свидетельствовало о том, что в реализации стратегии нынешнего китайского лидера Си Цзиньпина в целом и расследовании дела Чжоу Юнкана, в частности, произошел сбой. Консенсуса по важнейшим проблемам, стоящим перед партией и страной, к моменту созыва пленума достичь не удалось, в руководстве партии и государства продолжается острая борьба, в ходе которой возможны самые неожиданные повороты, в развитии внутривластной ситуации в КНР усилился элемент неопределенности.

29 сентября 2014 г. в Доме народных собраний в Пекине состоялся торжественный концерт в честь 65-ой годовщины создания КНР, на котором присутствовал ряд отставных и действующих высокопоставленных руководителей. Повышенное внимание наблюдателей привлекла распространенная после концерта по официальным каналам

фотография, на которой в зале сидят рядом Си Цзиньпин и Цзян Цзэминь. Справа от Си Цзиньпина — члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Кэцян, Юй Чжэншэн и Ван Цишань, слева от Цзян Цзэминя — еще три его члена: Чжан Дэцзян, Лю Юньшань и Чжан Гаоли. Напомним, что в действующем составе Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК — 7 членов, включая Генерального секретаря Си Цзиньпина. Эта фотография, на наш взгляд, и должна была продемонстрировать партии и стране то, о чем говорится выше: равновесие сил в руководстве партии и государства.

Тем не менее, имело место и очередное продвижение сторонников Си Цзиньпина вперед: решением 4-го пленума было утверждено состоявшееся несколько раньше решение Политбюро ЦК КПК об исключении из партии нескольких влиятельных сторонников Чжоу Юнкана²⁴. Это Ли Дуншэн (бывший заместитель министра общественной безопасности, одно из главных доверенных лиц Чжоу Юнкана в этом ведомстве), Цзян Цзэминь (не путать с бывшим китайским лидером Цзян Цзэмином), Ван Юньчунь, (занимали важные посты в китайской нефтяной промышленности, были ключевыми членами «нефтяной группировки» Чжоу Юнкана), Ван Цинлян (бывший секретарь парткома гор. Гуанчжоу, тоже человек Чжоу Юнкана), Ли Чуньчэн (бывший заместитель секретаря парткома провинции Сычуань, которой в свое время руководил Чжоу Юнкан), Ян Цзиньшань (генерал-лейтенант, заместитель командующего войсками Чэндуского военного округа, длительное время занимал различные руководящие должности в 14-ой армии этого же округа, которая в свое время была создана членом руководства КПК первого поколения Бо Ибо и считалась вотчиной его сына члена Политбюро ЦК КПК прошлого созыва Бо Силая, который, как известно, в настоящее время отбывает пожизненное тюремное заключение; присутствие Ян Цзиньшаня в этом списке ясно указывает на тесную связь дел Бо Силая, Сюй Цайхоу и Чжоу Юнкана, о чем подробнее будет сказано ниже.

Будучи обойденным молчанием в решениях пленума, вопрос о Чжоу Юнкане, тем не менее, подспудно довлел над его участниками и во многом определял развитие политической ситуации в стране. Это, в частности, проявилось в различных и, на первый взгляд, не связанных между собой событиях.

Так, 29 октября 2014 г., то есть меньше, чем через неделю после официального завершения работы 4-го пленума, в Пекине состоялся брифинг одного из руководителей Главной военной прокуратуры КНР, на котором было объявлено, что 27 октября завершено следствие по делу Сюй Цайхоу, материалы передаются в суд. Выступавший напомнил, что ЦК КПК принял решение об исключении Сюя из партии, а Центральный военный совет КНР — об исключении его из рядов вооруженных сил и лишении воинского звания генерал-полковник. Он также заявил, что органами военной прокуратуры в ходе следствия было собрано большое количество неопровержимых доказательств противоправной деятельности Сюй Цайхоу, и утверждал, что в ходе следствия тот полностью признался в своих преступлениях.

Было, в частности, установлено, что Сюй Цайхоу, используя свое служебное положение, оказывал помощь другим лицам в повышении по службе, лично или через членов семьи брал взятки в особо крупных размерах; «обстоятельства дела ясны, доказательства являются полными и неопровержимыми; имеются все основания для предъявления обвинения и передачи дела в суд». В отношении членов семьи Сюй Цайхоу, замешанных в его преступлениях, «на основании выявленных фактов поступят по закону». Кроме того, руководитель Главной военной прокуратуры пообещал «в отношении других замешанных в деле Сюй Цайхоу лиц решительно довести расследование до конца. абсолютно не успокаиваться, пока эта цель не будет достигнута»²⁵. Добавим, что этот военный руководитель, курировавший, в частности, политико-воспитательную и идеологическую работу в вооруженных силах, был уличен в крупномасштабной коррупции, включая получение взяток и продажу воинских званий и должностей. Установлено, например, что на свадьбу дочери Сюй Цайхоу Гу Цзюньшань²⁶ подарил ей банковскую платежную карту, на которой было 20 млн юаней; самому Сюю он подарил автомобиль «Ауди», в салон которого погрузил 500 кг²⁷ золота. Гу Цзюньшань был, в частности, главным доверен-

ным лицом Сюй Цайхоу при купле-продаже армейских должностей и воинских званий. Например, присвоение полковнику звания «генерал-майор» стоило у него примерно 30 млн юаней (ок. 5 млн долларов США), менее высокие звания продавались по несколько сотен тысяч юаней²⁸. Может быть, еще более важным является то обстоятельство, что, по данным гонконгской печати, именно Сюй Цайхоу изобрел для отставного Цзян Цзюминя неофициальный титул «Начальника Центрального военного совета», на чем мы остановимся ниже.

Затем прояснилась и ситуация вокруг Чжоу Юнкана. В СМИ была дана официальная информация, из которой следовало, что 1 декабря 2013 г. состоялось заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, на котором был заслушан отчет ЦКПД об обнаружении нарушений партийной дисциплины Чжоу Юнканом. Было принято решение развернуть соответствующую проверку. 29 июля 2014 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПК, на котором был заслушан отчет ЦКПД об итогах проверки и принято решение о возбуждении расследования деятельности Чжоу Юнкана.

В ходе расследования установлено, что Чжоу Юнкан совершил серьезные нарушения партийной политической, организационной дисциплины и дисциплины в сфере охраны секретов; использовал свое служебное положение для предоставления многим лицам незаконных выгод и интересов, прямо или через посредников брал огромные взятки; злоупотреблял служебным положением для помощи своим родственникам, любовницам, друзьям в занятии коммерческой деятельностью с получением из нее огромных выгод, нанес большой ущерб государственному имуществу и активам; допустил разглашение партийных и государственных секретов; серьезно нарушал требования документов по вопросам скромности и самоограничения, при этом он и его родственники приняли от третьих лиц большое количество финансовых и материальных средств; имел связи с большим количеством женщин, осуществлял обмен власти на секс и деньги. В ходе расследования также были также выявлены и другие признаки преступной деятельности Чжоу Юнкана. Все действия Чжоу Юнкана целиком и полностью идут вразрез с характером и задачами партии, серьезно нарушили партийную дисциплину, нанесли чрезвычайно большой ущерб репутации партии, нанесли большой ущерб делу партии и народа, имеют в высшей степени негативные последствия.

5 декабря 2014 г. на заседании Политбюро ЦК КПК был рассмотрен и утвержден доклад ЦКПД «О проверке в рамках дела о серьезных нарушениях Чжоу Юнканом партийной дисциплины». В соответствии с соответствующими параграфами «Положения о дисциплинарных мерах взыскания в КПК» принято решение об исключении Чжоу Юнкана из партии и передаче материалов о незаконной деятельности Чжоу Юнкана в правоохранительные органы для решения вопроса по закону²⁹.

Обвинения, выдвинутые в адрес Чжоу Юнкана, достаточно стандартны. Например, пункт о неподобающих связях с женщинами, традиционно фигурирующий в делах такого рода и отражающий некоторые особенности китайской политической культуры и массовой психологии. «Обменом секса на власть и деньги» в современном Китае тоже уже никого не удивить.

Интригует пункт о разглашении секретов. Рискнем предположить, что Чжоу все же вряд ли будет делать чьим-то шпионом, подобно тому, как в свое время советский руководитель Н.С. Хрущев объявил английским шпионом Л.П. Берию. Здесь необходимо иметь в виду, что в современной КНР по-прежнему засекречивается большой объем информации, которую во многих странах относят обычно к категории открытой. В этих условиях речь, скорее всего, пойдет о разглашении Чжоу Юнканом содержания бесед с его коллегами в высшем руководстве партии и некоторых материалов, доступных ему как члену Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, перед своими ближайшими сотрудниками и политическими союзниками, а также о «сливе» этой информации в гонконгскую и иностранную прессу. Кроме того, разглашение секретных сведений — хороший предлог для того, чтобы сделать процесс закрытым.

В связи с данной проблемой отметим факт ареста бывшего начальника Пекинского управления общественной безопасности Лян Кэ³⁰, о котором сообщило Тайваньское информгентство 8 декабря 2014 г. Как утверждается в сообщении, по указанию Чжоу Юнкана Лян организовывал, особенно в период, непосредственно предшествовавший 18-му съезду КПК, подслушивание телефонных разговоров высокопоставленных членов партийно-государственного руководства КНР. В том числе он осуществлял прослушивание разговоров Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао, Ли Кэцян, членов их семей и ближайших сотрудников, а также и других членов высшего руководства. Это делалось в поисках доказательств их коррупционной деятельности. В материалах, размещенных на некоторых Интернет-сайтах зарубежных китайцев, со ссылкой на французскую газету «Либерасьон» утверждается, что именно через Лян Кэ Чжоу Юнкан передавал в западные СМИ сведения о зарубежных активах членов семей высших руководителей КНР. На их основании агентством «Блумберг» была организована публикация в «Нью-Йорк таймс»³¹ об активах тогдашнего премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в отместку за его активное участие в «свержении» Бо Силая. Кстати, бывший шеф полиции Чунцина Ван Лицзюнь тоже организовывал по указанию своего шефа Бо Силая прослушивание телефонных разговоров высших руководителей, включая бывшего в то время заместителем Председателя КНР Си Цзиньпина, во время их поездок в Чунцин³².

В связи с делом Чжоу Юнкана в центре внимания большинства китайских и зарубежных, в том числе российских СМИ находится его коррупционная деятельность. Чжоу Юнкан был задержан сотрудниками ЦКПД еще в декабре 2013 г., после чего прошли обыски, в ходе которых было установлено, что Чжоу Юнкан и члены его клана владели по всему Китаю 326 роскошными квартирами, в которых были обнаружены большие денежные суммы наличными, слитки золота и серебра, дорогие автомобили, произведения живописи и каллиграфии, а также 15 пистолетов китайского и по три немецкого, российского, английского и бельгийского производства, более 10 тыс. патронов к ним.

В 12 финансовых учреждениях КНР были обнаружены принадлежавшие членам клана 947 счетов в юанях и 117 счетов в иностранной валюте на общую сумму более 37,7 млрд юаней (ок. 6 млрд долл. США). Были заморожены принадлежавшие семье Чжоу китайские ценные бумаги общей стоимостью 51,3 млрд юаней (ок. 8,2 млрд долл.), а также иностранные на сумму более 170 млн юаней (ок. 27,3 млн долл.). Кроме того, было установлено, что Чжоу Юнкан и члены его семьи имеют ряд анонимных или открытых на вымышленные фамилии банковских счетов, точное число которых и величина находящихся на них денежных средств в полном объеме еще не выявлены³³.

Необходимо констатировать, что в первое время после прихода Си Цзиньпина к власти мероприятия нового китайского руководства в области борьбы с коррупцией сопровождались мощной пропагандистской кампанией, однако по существу имели ограниченный характер. К ответственности привлекались лица в ранге не выше заместителя главы административно-территориальной единицы провинциального уровня или заместителя министра центрального правительства. Однако к ответственности практически не привлекались и до сих пор не привлекаются представители т.н. «второго поколения красных», то есть дети и родственники высокопоставленных руководителей КПК/КНР предыдущих поколений, к каковым относится и сам Си Цзиньпин. Заметим, что Сюй Цайхоу и Чжоу Юнкан в их число не входят и являются людьми «простого» происхождения. Проводимые новым руководством под лозунгами борьбы с коррупцией мероприятия первоначально нередко выглядели как попытка подменить реальную борьбу с коррупцией борьбой против расточительства (ограничение расходов на официальные мероприятия, все новые меры по ограничению использования служебного автотранспорта в личных целях и т.д.). Это находило свое концентрированное выражение в кампании против «четырех поветрий» («бюрократизма, формализма, расточительства, стремления к роскоши»).

В дальнейшем ситуация стала меняться. Согласно официальным данным, в 2014 г. Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины было привлечено к ответствен-

ности за коррупцию 42 чиновника в ранге главы провинции (министра Центрального правительства КНР) и выше, тогда как в 2013 году таких людей было 17, ранее же ежегодно привлекались к ответственности 6-8 руководителей такого уровня³⁴.

С принятием мер в отношении Сюй Цайхоу и особенно Чжоу Юнкана не остается сомнений в том, что руководство КПК во главе с Си Цзиньпином действительно намерено бороться с коррупцией, и эта борьба перешла на качественно новый уровень. Очевидно, что Си Цзиньпин поставил под угрозу «ключевые интересы» целого ряда весьма высокопоставленных и влиятельных в Китае лиц, борьба между ними и Си Цзиньпином приобрела, по некоторым оценкам, характер «драки не на жизнь, а на смерть». В частности, для указанных лиц, имеющих крупные денежные и другие активы, а также недвижимость в иностранных государствах, явно совершенно неприемлемой представляется имеющая место в последние месяцы по указанию нынешнего китайского лидера активизация усилий правоохранительных органов КНР по возвращению украденных у китайского народа средств из-за границы.

Судя по ряду признаков (например, критические статьи в гонконгской печати о некоторых элитных ночных клубах Пекина и их высоких покровителях, широкое освещение в СМИ КНР мер властей по борьбе с проституцией в г. Дунгуань на юге Китая в феврале 2014 г.), в обозримом будущем не исключены неприятности по линии ЦКПД и у некоторых других отставных и действующих высокопоставленных чиновников.

В СМИ зарубежных китайцев со ссылкой на сообщение информагентства КНР Чжунтуншэ пишут, что 28 ноября 2014 г., выступая на проходившем в ЦК КПК совещании по внешнеполитической работе, Си Цзиньпин, оторвавшись от текста, сделал несколько крайне резких замечаний относительно борьбы с коррупцией, из которых присутствовавшие сделали вывод о том, что в ближайшее время основными направлениями «работы» в этой области станут вооруженные силы, госпредприятия и предприятия и учреждения КНР за границей³⁵.

«Все это свидетельствует о большом внимании, которое уделяется руководством КНР курсу на искоренение коррупции в китайском обществе, без чего невозможно достичь успеха в осуществляемых масштабных преобразованиях»³⁶. Тезис, казалось бы, бесспорный, но действительно ли в Китае без борьбы с коррупцией невозможно достичь успеха в преобразованиях? Как известно, в период реформ и открытости, то есть с 1979 г., в КНР уже были осуществлены масштабные преобразования. Невозможно, однако, отрицать и то, что этот исторический период, особенно после событий 1989 г., проложивших путь к высшей власти в партии и государстве Цзян Цзэминю и положивших начало эпохе всевластия чиновничества, ознаменовался небывалым ростом коррупции и морального разложения в КПК и китайском обществе в целом. Так что проблема соотношения коррупции и экономического роста, экономического роста и морали, в том числе, применительно к Китаю, не может трактоваться линейно и однозначно, это предмет серьезных исследований.

При всем уважении и даже симпатии к действиям нынешнего руководства КПК/КНР нельзя пройти мимо того факта, что не оно является первооткрывателем важности борьбы с коррупцией. О первых признаках возникающего неравенства и коррупции в партии писал еще в Яньани в 1942 г. в своем эссе «Дикая лилия» молодой идеалист по имени Ван Шивэй. За это ему потом четыре года «исправляли стиль работы» в ведомстве Кан Шэна, а затем убили. О важности борьбы с коррупцией немало говорили руководители КПК и КНР всех предыдущих поколений. Правда, как известно, хотя и не всем, борьба эта велась без особого успеха.

В этой связи хотелось бы сказать о следующем. Несколько лет назад автору этих строк пришлось ознакомиться с записью беседы одного известного российского политика с членом высшего руководства КПК, которая происходила примерно по следующей схеме: гость из России выражал восхищение той или иной стороной жизни Китая и политики его коммунистической партии, включая и борьбу с коррупцией, на что с китайской стороны следовал примерно такой ответ: да, мы проводим определенную работу; в

то же время в данной области у нас еще много проблем; далее следовало предметное перечисление этих проблем.

Пора признать, что подобный подобострастный подход к Китаю типичен для части российских политиков, политологов, представителей СМИ и даже китаеведов (или относящих себя к таковым). В течение длительного времени они предпочитают закрывать глаза на масштабы и характер коррупции в КПК и КНР, а становящиеся все-таки известными из китайских и гонконгских СМИ соответствующие факты неизменно стремятся рассматривать и подавать как отдельные «отрицательные примеры», нечто вроде ложки дегтя в бочке меда позитивных изменений, происходящих в КНР во всех областях, движении Коммунистической партии Китая «от победы к победе». На самом деле, к настоящему времени коррупция в КНР давно уже приобрела системный характер, стала практически еще одним «партийным институтом». В коррупцию оказались вовлечены правящие круги страны в целом, высшие слои руководителей и функционеров партии, государства, правоохранительных органов, армейский генералитет, члены их семей. В этом контексте укажем также на подспудно зреющий в Пекине скандал (фигурирующие в нем суммы исчисляются, по некоторым сведениям, десятками миллиардов долларов) вокруг бывшего начальника сначала личной канцелярии предыдущего китайского лидера Ху Цзиньтао, а затем и Канцелярии ЦК КПК Лин Цихуа. Таким образом, коррупция — это не аномалия, а своего рода имманентная черта, неотъемлемая характеристика реализуемой в настоящее время в КНР модели политического и социально-экономического развития.

С учетом вышеизложенного у многих отечественных китаистов, насколько известно автору, вызывает неприятие и иронию ситуация, когда, бесспорно, тяжелейшее положение с коррупцией в нашей стране без наличия сколько-нибудь серьезных на то оснований противопоставляется весьма спорным китайским успехам в борьбе с ней. Например, лидер одной из крупнейших политических партий России как раз в период, когда в КНР пришли к большой власти и вовсю разворачивали свои деловые операции Чжоу Юнкан, Бо Силай, Сюй Цайхоу и многие им подобные высокопоставленные функционеры КПК, писал: «В России при торжестве хищной и алчной бюрократии роль государства в экономике доведена до недопустимо низкого уровня. В Китае коррумпированных чиновников даже самого высокого ранга сурово наказывают...»³⁷.

Примерно в это же время д.и.н. Н.Л. Мамаева указывала в одной из своих работ: «Задача создания корпуса руководящих кадров, обладающих политической сознательностью и высокими нравственными качествами, статьями Устава КПК решается на основе накопленного опыта кадровой политики, уже продемонстрировавшего свою эффективность»³⁸.

А вот еще один отечественный автор, который, создается впечатление, искренне считает, что в Китае, а также во Вьетнаме «нет кризисов, а по индексам человеческого счастья эти страны выходят на передовые места». По его мнению, «в правительствах этих стран не сыщешь министров, чьи жены с помощью административного ресурса приносят в бюджет семьи предпринимательские доходы в миллионы долларов. Мздоимство среди чиновников случается, но коррупционеры любого калибра жестоко караются, вплоть до смертной казни»³⁹.

Перечень такого рода оценок можно без труда продолжить.

В российских СМИ и даже научных работах публикуется немало рассказов о суровом наказании коррупционеров в КНР. Иногда они сопровождаются публикацией извлеченных из архивов фотографий, на которых китайские военнослужащие в форме, которую в китайской армии и военизированной полиции не носят уже лет около двадцати, готовятся убивать поставленных на колени людей⁴⁰. Что ж, китайскую систему юстиции обычно характеризуют как «жесткую», так что суровые приговоры в КНР не редкость. Тем не менее, и этот вопрос нуждается в уточнении. По данным одной из американских правозащитных организаций, которые, как известно, не склонны к приуменьшению масштабов уголовных и политических репрессий в КНР, в 2013 г. в этой стране было приве-

дено в исполнение в общей сложности 2400 смертных приговоров⁴¹, причем в отношении не только и не столько коррупционеров, сколько уголовных преступников. В том же году, по официальным данным⁴², было возбуждено 37 551 уголовное дело, в рамках расследования которых привлечено к ответственности за должностные преступления коррупционного характера 51 306 человек. Эти данные не включают расследования, проводимые по линии ЦКПД. Так что смертная казнь в отношении коррупционеров, как выясняется, в современном Китае применяется не столь уж и широко. Что касается высокопоставленных коррупционеров, к которым обычно относят лиц в ранге от заместителя министра Центральной правительства и заместителя руководителя административно-территориальной единицы провинциального уровня и выше, то свои сроки они, как правило, отбывают в привилегированных условиях в тюрьме Циньчэн под Пекином. Известны и случаи, когда некоторых из них через 5–6 лет после приговора к смертной казни с отсрочкой исполнения на два года знакомые встречаются на отдыхе в закрытых клубах китайской столицы.

Сейчас руководство КПК пытается доказать себе, китайскому обществу и миру, что коррупция в КПК и КНР носит все-таки не системный характер, не является имманентно присущей китайской модели развития, о преимуществах которой в последнее время все громче говорят китайские теоретики и пропагандисты. Как подчеркивается в статье обозревателя «Жэньминь жибао», «руководство ЦК партии нового созыва отстаивает позицию, согласно которой, если есть коррупция, то ей необходимо противодействовать, ее следует искоренять, борется с ней с беспрецедентной энергией. Оно раскрыло целый ряд крупных коррупционных дел, создало атмосферу высокого давления на коррупционные элементы, дало народным массам надежду». И далее: «У партии имеются все возможности управлять собой, навести порядок внутри себя, непрерывно проводить самоочищение, самосовершенствование, самообновление, подъем себя на новый уровень⁴³. Что ж, как говорится, время покажет.

Обратимся теперь к причинам, которые побуждают Си Цзиньпина и его окружение вести борьбу с коррупцией «с беспрецедентной энергией». Видимо, здесь действует несколько факторов. Во-первых, судя по всему, китайскому лидеру как лично порядочному человеку, получившему соответствующее воспитание в семье (как известно, его отец Си Чжунсюнь был честным и скромным руководителем) претит воровство. Во-вторых, он учитывает выводы своих предшественников («коррупция может привести к гибели партии и государства» и т.п.).

Далее, с учетом того, что использованием служебного положения в личных целях грешат, за небольшим исключением, практически все руководящие кадры КПК, можно задаться вопросом о том, почему сейчас удар пришелся именно на тех представителей китайской «элиты», на кого он пришелся.

Вряд ли за этим стоят сколько-нибудь существенные политические разногласия. Если сравнить, например, политику, проводимую Си Цзиньпином, с тем, что делал в Чунцине Бо Силай⁴⁴, то можно найти немало общего: активная борьба с коррупцией и организованной преступностью, обращение к «славным революционным традициям» партии и армии, требования к партийным кадрам «не отрываться от народных масс», а для этого — направление руководителей на некоторый срок в деревню или на производство для «слияния с рабочими и крестьянами». Си Цзиньпин добавил в этот перечень направление старших офицеров и генералов в войска для службы по несколько месяцев на низовых должностях; правда, мало данных о том, насколько широко распространена эта практика. Напомним также, что свою первую поездку по стране после назначения в конце 2010 г. заместителем Председателя Центрального военного совета КПК (оно символизировало его статус как преемника Ху Цзиньтао) Си Цзиньпин совершил в Чунцин (состоялась с 6 по 8 декабря 2010 г.), после чего в начале 2011 г. в отделе политики редакции главного партийного журнала «Цюши» была подготовлена и опубликована весьма благоприятная статья о «чунцинском опыте»⁴⁵.

Все это дает основания предположить, что причина дел Бо Силая, Чжоу Юнкана и ряда других состоит в борьбе не идей, а «интересов». Судя по ряду признаков, даже после прорыва бывшего приближенного Бо Силая Ван Лицзюня в американское консульство в Чэнду 6 февраля 2012 г. Си Цзиньпин сначала не горел желанием принимать против Бо, с которым они были знакомы еще с детсадовских времен, «решительные меры». Согласно информации, опубликованной в гонконгской печати, его настроение изменилось после того, как во время визита в США⁴⁶ вице-президент Д. Байден ознакомил его с материалами, полученными из Чэнду, включая записи разговоров Бо Силая с Чжоу Юнканом. Именно тогда следствие начали вести «по-настоящему».

Анализ всей совокупности имеющейся информации позволяет изложить общий ход событий следующим образом. После прихода к власти в 1989 г. и особенно после 1997 г. (тогда умер Дэн Сяопин) власть китайского лидера того времени Цзян Цзэминя и его окружения постепенно стала практически неограниченной. Ее не собирались отдавать и после того, как в соответствии с принятой в современной КНР практикой пребывания высшего руководителя на своих постах не более 10 лет Цзян Цзэминь был вынужден в 2002–2004 гг. сдать свои официальные полномочия. Его преемнику Ху Цзиньтао за годы своего правления в результате противодействия цзянцзэминьцев так и не удалось обрести всю полноту власти. Например, вся армия знала, что в Центральном военном совете было в те годы два руководителя: Председатель Ху Цзиньтао и Начальник Цзян Цзэминь. В здании ЦВС работала канцелярия Цзян Цзэминя (она закрылась только после прихода к власти Си Цзиньпина), через которую проходили, докладывались «пенсионеры» Цзяну и утверждались им все важные решения по военным вопросам, включая присвоение воинских званий от генерал-лейтенанта и выше. Под лозунгом «коллективного руководства» скрывался тот факт, что у Ху Цзиньтао не было большинства и решающего голоса в формально возглавлявшемся им Политбюро и, тем более, в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК.

На определенном этапе, а именно в ходе расследования дела Бо Силая, в распоряжении Си Цзиньпина оказались материалы, свидетельствующие о наличии в руководстве КПК группы лиц, намеренных перехватить у него власть. Некоторые расценивают их действия как заговор, главной движущей силой которого был Чжоу Юнкан, главным исполнителем — Бо Силая, а одной из их важнейших опор в вооруженных силах — Сюй Цайхоу. Один из проработывавшихся ими вариантов — продвижение Бо Силая в Постоянный комитет Политбюро ЦК следующего, то есть 18-го, созыва с занятием им поста секретаря Политико-юридической комиссии ЦК КПК, а затем и высших постов.

Это и стало одной из важнейших причин столь активной борьбы с коррупцией в КНР в последние два года. После прихода к власти Си Цзиньпина ее ход определяется, в первую очередь, двумя факторами: личными качествами и убеждениями нового китайского руководителя, с одной стороны, и тем, что группировка Цзян Цзэминя, так или иначе, прошла пик своего могущества, с другой. С учетом вышензложенного цзянцзэминьцам и предлагают сейчас поделиться «интересами» и властными полномочиями.

1. Вэй чжунхуа миньцзу вэйда фусин тигун фачжи баочжан [Подвести под великое возрождение китайской нации правовые гарантии] // Жэньминь жибао. 2014. 25 окт. В дальнейшем выяснилось, что газета позаимствовала эту цифру из речи Си Цзиньпина на пленуме. Соответствующий раздел данного выступления китайского лидера был впервые опубликован в первом номере журнала «Цюши» за 2015 год. См.: Си Цзиньпин. Цзякуай цзяньшэ шэуэйчжун фачжи гоцзя (Ускорить строительство социалистического правового государства) // Цюши. 2015. № 1.
2. Си Цзиньпин. Гуаньйюй «Чжунгун чжунчжан гуаньйюй цюаньмянь туйцзинь ифа чжиго жогань чжуода вэньти де цзюэцзини» де шомин [Пояснения к «Постановлению ЦК КПК о некоторых важных вопросах управления государством на основе закона»] // Жэньминь жибао. 2014. 29 окт.
3. Ван Ян. Цзяцян шэвай фалюй гунцзо [Усиливать юридическую работу по вопросам внешних связей] // Жэньминь жибао. 2014. 6 нояб.

4. *Ли Цзяньго*. Цюаньмянь туйцзинь ифа чжиго дэ цзун мубяо [Всесторонне продвигаться вперед в решении главной задачи — управления государством на основе закона] // *Жэньминь жибао*. 2014. 5 нояб.
5. *Мэн Цзяньчжун*. Ваньшань сыфа гуаньли тичжи хэ сыфа цюаньли юньсин цзичжи [Укреплять систему управления юстицией и механизм реализации юридических полномочий] // *Жэньминь жибао*. 2014. 7 нояб.
6. *Гэн Хуйчан*. Цэцнцян цюань шэхуй лисин фачжи дэ цзичзисин хэ чжудунсин [Поднять активность и инициативность всего общества в соблюдении законности] // *Жэньминь жибао*. 2014. 5 дек.; *Его же*. Цюаньмянь тишэн гоцзя аньцюань гунцзо фачжихуа шуйпин [Осуществить все-сторонний подъем уровня законности в работе в области государственной безопасности] // *Цюши*. 2014. № 24.
7. *Го Шэнкунь*. Цзяньчи яньгэ гуйфань гунчжэн вэньмин чжифа [Отстаивать строгое соблюдение упорядоченного, справедливого и цивилизованного исполнения закона] // *Жэньминь жибао*. 2014 13 нояб.; *Его же*. Чунфэн фахуй гуньянь цзигуань дэ шэнлицизюнь цзюон, вэй цюаньмянь туйцзинь ифа чжиго цзочу синь гунсянь [Полностью раскрыть роль органов общественной безопасности, внести новый вклад в дело всестороннего продвижения вперед управления государством на основе закона] // *Цюши*. 2014. № 24.
8. *У Айин*. Дали туйцзинь фачжи шэхуй цзяньшэ [Всемерно двигать вперед строительство правового общества] // *Цюши*. 2014. № 24.
9. *Лоу Цзивэй*. Туйцзинь гэ цзи чжэнфу шицюань гуйфаньхуа фалюйхуа [Продвигать вперед упорядочение и кодификацию властных полномочий правительств всех уровней] // *Жэньминь жибао*. 2014. 1 дек.
10. Ифа лойсин чжэнфу чжинэн, цзякуай цзяньшэ фачжи цзигуань [Выполнять функции правительства на основе закона, ускорять строительство правовых государственных учреждений] // *Жэньминь жибао*. 2014. 27 нояб.
11. *Мо Цзихун*. Во го исянь чжичжэн бу тун юй сифан цзыбэньчжун сяньчжэн [Правление на основе Конституции в Китае — это не то же самое, что конституционное правление в капиталистических странах Запада] // *Жэньминь жибао*. 2014. 13 нояб.
12. *Ван Цишань*. Цзяньчи данде линдао, игуй гуаньдан чжидан, вэй цюаньмянь туйцзинь ифа чжиго тигун гэньбэнь баочжан [Отстаивать партийное руководство, управлять партией и наводить порядок в партии на основе соответствующих установлений, предоставить основополагающие гарантии для всестороннего продвижения по пути управления государством на основе закона] // *Жэньминь жибао*. 2014. 3 нояб.
13. По нашему мнению, это т.н. «полтинник», то есть человек, который по заданию властей распространяет в Интернете свои посты соответствующего содержания; таким людям платят за них по пятьдесят фэней (0,5 юаня) за штуку.
14. *Ван Тинью*. Чжунго тэсэ шэхуйчжун фачжи даолу дэ хэсинь яои (Ключевой смысл пути самобытного китайского социализма) // *Цюши*. 2014. № 23.
15. Это было закрытое выступление на рабочем совещании Политико-юридической комиссии ЦК КПК 7 января 2014 г. См.: *Си Цзиньпин*. Яньгэ чжифа, гунчжэн чжифа [Строго и справедливо проводить в жизнь требования законов] // Шиба да илай чжуньяо вэньсянь сюаньбянь [Сборник избранных важных документов, изданных со времени проведения 18-го съезда КПК]. Пекин, 2014.
16. Цит. по: Чуань Чжоу Юнкан де миньюнь чжунгун сы чжун цюаньхуй чэнь ай лодин [Сообщают, что судьба Чжоу Юнкана будет решена на 4-ом пленуме] // Сайт «Кань Чжунго», 18.10.2014.
17. *Ян Хэнцзюнь*. Чжиминсин дэ жодянь [Смертельная слабость]. Б.М., 2004 (электр.).
18. Чуань Чжоу Юнкан де миньюнь чжунгун сы чжун цюаньхуй чэнь ай лодин [Сообщают, что судьба Чжоу Юнкана будет решена на 4-ом пленуме] // Сайт «Кань Чжунго», 18.10.2014.
19. *Чжан Ицзе*. Си Цзиньпин шоуши Дэн Цзян сыфа лань таньцзы [Си Цзиньпин наводит порядок в созданной Дэн Сяопином и Цзян Цзэминем прогнившей системе юстиции] // *Цяньшао*. Сянган, 2014. № 1. С. 28–31.
20. *Cary Huang*. Handling of case will 'test pledge' to rule by law // *South China Morning Post*. 2014. 7 Dec.
21. *Keira Lu Huang*. Zhou Yongkang's powerful allies cut ties with him // *South China Morning Post*. 2014. 8 Dec.

22. Чжунгун чжунъян гуаньюй цюаньмянь туйцзинь ифа чжиго жогань чжунда взньти де цзюэдин [Постановление ЦК КПК о некоторых важных вопросах управления государством на основе закона] // Жэньминь жибао. 2014. 29 окт.
23. Были приняты соответственно 14 марта и 30 июня 2014 г.
24. Шиба цзе сычжун цюаньхуй гунбао [Коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва] // Жэньминь жибао. 2014. 24 окт.
25. Жэньминь жибао. 2014. 30 окт.
26. Один из главных коррупционеров в вооруженных силах Китая, тогда заместитель начальника тыла ВМС КНР. 31 марта 2014 г. после длительного, искусственно затягивавшегося расследования ему было предъявлено официальное обвинение.
27. По другим данным — 100 кг, что, на наш взгляд, сути дела не меняет.
28. См., например: Цзюнь чжун «Вафандянь бан» де даотай [Крушение «вафандяньской группировки» в вооруженных силах] // «Цяньшао». 2014. № 7. С. 24–27.
29. Чжунгун чжунъян цзюэдин цзюй Чжоу Юнкан кайчу данци чуфэнь [ЦК КПК принял решение об исключении Чжоу Юнкана из партии] // Жэньминь жибао. 2014. 6 дек.
30. Освобожден от должности в январе 2014 г.
31. Barboza D. Billions in Hidden Riches for Family of Chinese Leader // The New-York Times. 2012. 25 Oct.
32. Ли Имин цзунхэ баодао [Сводное сообщение корреспондента Ли Имина] // Сайт «Кань Чжунго», 9.12. 2014.
33. Ли Имин. Сыцан цзюньхо Чжоу Юнкан чжуаньцзу нейбу тунбао пугуан [Хранение дома оружия и боеприпасов. Ставшая известной внутренняя информация спецгруппы по делу Чжоу Юнкана] // Кань Чжунго, 2014. 8 дек.
34. Цзян Цзе. Чжэ и нянь цзивэй хэнь ман хэнь синьку [В этом году Центральная комиссия по проверке дисциплины была очень занята, трудилась с полным напряжением сил] // Жэньминь жибао. 2014. 30 дек.
35. Ли Вэньлун. Си Цзиньпин фан ланхуа вэйцзю цзян пай сань да чжаньи тиянь пугуан [Резкие высказывания Си Цзиньпина заранее приоткрыли завесу над планом трех карательных операций против группировки Цзян Цзэминя] // Сайт «Кань Чжунго», 8.12.2014.
36. КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М., 2014. С. 72.
37. Зюганов Г. Дэн Сяопин — архитектор «китайского чуда» // Сов. Россия. 2004. 21 авг.
38. Мамаева Н.Л. 16-й съезд КПК и проблема адаптации партии к вызовам времени // КНР: политика, экономика, культура. 2002. М. 2003, с. 249.
39. Цаголов Г. Обманутая экономика // Наш современник. 2014. № 5. С. 186.
40. Завтра. 2014. № 50. По нашей информации, на фотографии, о которой идет речь, запечатлена казнь китайских торговцев наркотиками. Как известно, китайские власти не так строги к своим наркоторговцам, которые травят наркотиками русскую молодежь (последний пример — «спайсы»).
41. Tailow D.K. Estimated 2,400 Executions Last Year Put China Far Off Peak // The New York Times. 2014. 22 Oct.
42. Цит. по: Троицкий П.В. Право и законодательство КНР после 18 съезда КПК // КНР. Политика, экономика, культура. М., 2014. С. 69.
43. Шуньин жэньминь цидай, чжансянь чжидан цзюесинь [Оправдать ожидания народа, продемонстрировать решимость навести порядок в партии] // Жэньминь жибао. 2014. 7 дек.
44. Об этом см.: Карнеев А.Н. Чунцинская модель. Послесловие // Китай на пути к возрождению. К 80-летию акад. М.Л.Титаренко. М., 2014. С. 121–138.
45. Цеши лянсьи цюньчжун ханши чжичжэн цзичу. Чунцин ши кайчжань «сань сян ходун», туйсин «саньсян чжиду» де дяоча юй сыкао [По-настоящему держать связь с массами, укреплять базу власти. Обследование развертывания в г. Чунцин «трех десятильностей» и продвижения «трех систем» и вызванные этим размышления] // Цюши. 2011, № 3.
46. Визит тогда еще заместителя Председателя КНР Си Цзиньпина в США состоялся 13–17 февраля 2012 г.

Основные направления китайской дипломатии

© 2015

А. Мокрецкий

После XVIII съезда КПК и прихода к власти нового поколения руководителей стали более очевидными изменения во внешнеполитическом курсе КНР. Перед лицом сложной и переменчивой международной конъюнктуры китайская дипломатия активно внедряет новации. В статье дается оценка основных направлений дипломатии с китайской спецификой в новых условиях.

Ключевые слова: Китай, дипломатия с китайской спецификой, отношения нового типа, концепция справедливости и выгоды, многосторонняя дипломатия, «человек в основе всего», «мягкая сила».

Нынешняя деятельность МИД КНР — политический, организационный и методологический инструмент внешней политики Китая, продолжение его внутреннего курса и гарант обеспечения национальных задач на международной арене.

Зарубежные аналитики по-разному относятся к проводимому Китаем внешнеполитическому курсу: одни оценивают его с высокой степенью алармизма¹, другие воспринимают как шанс для развития собственного государства². Эксперты называют китайскую дипломатию предсказуемой³, осторожной (консервативной)⁴, агрессивной или воинственной⁵. Одни полагают, что так называемая «китайская угроза» может быть преувеличением, вместе с тем, существуют тревожные сигналы, которые требуют внимания — рост национализма в виде «сосуществования национальной уверенности и задетой гордости»⁶.

Выступая на втором Международном форуме мира (World Peace Forum) в университете Цинхуа 27 июня 2013 г., министр иностранных дел КНР Ван И выделил семь направлений внешнеполитической деятельности Китая: 1) строительство отношений нового типа между великими державами; 2) создание мирной и стабильной среды с сопредельными государствами; 3) установление отношений с развивающимися странами на основе концепции справедливости и выгоды; 4) дальнейшее проведение политики реформ и открытости; 5) активное участие в решении международных и региональных проблем, формирование нового мирового порядка; 6) отстаивание целей и принципов Устава ООН и общепризнанных норм международного права; 7) защита законных прав китайских граждан за рубежом⁷. Добавим, что немаловажным направлением китайской дипломатии является также использование «мягкой силы» во взаимоотношении с другими акторами международной политики. В данной работе будут рассмотрены восемь основных направлений китайской дипломатии на современном этапе.

I. Отношения нового типа

Бывший Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул на XVIII съезде КПК, что Китай продолжит на основе пяти принципов мирного сосуществования всесторонне развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами. В докладе эти отношения подразделяются на три блока: (1) с развитыми странами; (2) с соседними или сопредельными государствами и (3) с большинством развивающихся стран⁸.

В дальнейшем задача развития связей с первым блоком государств стала формулироваться как строительство отношений нового типа с ведущими мировыми державами. К ним относятся США, Россия и ЕС⁹. Строя отношения нового типа, как полагают китайские руководители, необходимо разрушить все исторические пережитки, часто возникающие между державами конфликты, противостояния, идти по новому пути сотрудничества, обоюдного выигрыша и взаимной выгоды, несущему благо всем сторонам¹⁰.

В частности, выступая на симпозиуме по дипломатической деятельности Китая, Ван И отмечал, что в 2013 г. КНР и РФ создали образцовый пример взаимодоверия и сотрудничества между крупными державами¹¹. По мнению китайских экспертов, Китай и Россия демонстрируют тройной стратегический эффект — эффект от мягкой силы, геополитический эффект и эффект международного порядка¹². По итогам официального визита Президента РФ В.В. Путина в КНР было подписано более 50 документов, а 30-летний контракт на поставку газа стал «эпохальным событием»¹³. Двусторонние отношения «вышли на новый этап всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия»¹⁴, являющийся «ключевым фактором обеспечения жизненных интересов» КНР и РФ в XXI в., «формирования справедливого, гармоничного, безопасного мироустройства»¹⁵. Директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко называет майский саммит прорывным «как с точки зрения дальнейшего укрепления и насыщения реальным содержанием российско-китайского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, так и с позиций решения стратегических задач по обеспечению безопасности, укреплению доверия между государствами на обширном евразийском континенте»¹⁶.

Такое российско-китайское сближение, в целом, рассматривается на Западе как вызов¹⁷, и поэтому звучат призывы относиться к этому партнерству серьезнее, не называя его временным «браком по расчету»¹⁸. Вместе с тем, есть понимание, что неправильно говорить о российско-китайском союзе, налицо развитие двустороннего кондоминиума (совместного владения или управления)¹⁹. Профессор Принстонского университета, известный историк Гилберт Розман, называет шесть причин, в силу которых взаимодействие между РФ и КНР будет долгосрочным, включая «общее коммунистическое и социалистическое прошлое, убеждение, что западная политическая и экономическая модель находится на грани провала» и др.²⁰

Председатель КНР Си Цзиньпин во время встречи с президентом США Б. Обамой 24 марта 2014 г. подчеркнул, что Китай вместе с США будет прилагать неустанные усилия и решительно строить отношения нового типа²¹. Об этих отношениях, которые должны основываться на принципах «неконфликтности, непротивоборства, взаимоуважения, сотрудничества и взаимного выигрыша», главы государств договорились на неофициальной встрече в поместье Анненберг в Калифорнии в июне 2013 г. Ван И сравнил китайско-американские отношения нового типа с высотным зданием, фундаментом которого является взаимное уважение. «Если обе стороны будут относиться с искренним уважением к вопросам суверенитета и территориальной целостности, общественному строю и пути развития, коренным интересам и важным озабоченностям (партнера), фундамент отношений станет прочнее, сможет сопротивляться всем бурям». Таким образом, возведение «высотного здания» сотрудничества и взаимной выгоды между КНР и США не только будет благоприятствовать обеим сторонам, но и принесет пользу всему миру²². Вместе с тем, по мнению профессора Китайской дипломатической академии Ван Фаня,

взаимное уважение коренных интересов и озабоченностей двух стран — это основа отношений великих держав. Отношения, в которых стороны не уважают интересы друг друга, — это нездоровые отношения, и они не могут долгое время продолжаться²³.

В Вашингтоне есть понимание того, что взаимоотношения между КНР и США стали в значительной степени важными, поэтому эффективное решение противоречий через процесс «конструктивного» или «прагматичного» «вовлечения» (*constructive or pragmatic engagement*) остается в общих интересах обоих государств²⁴. Однако одновременно звучат призывы к тому, чтобы сдерживать воинственную политику Пекина в азиатском регионе. И в этих целях Соединенные Штаты должны сделать все возможное для того, чтобы добиться «постепенного размягчения» китайской власти, по меткому выражению Джорджа Кеннана²⁵.

Подписание Стратегического плана сотрудничества между КНР и ЕС до 2020 г. заложило прочную основу для углубленного развития двусторонних отношений. Улучшение ситуации с долговым кризисом в Европе предоставляет возможности, во-первых, для самостоятельного экономического восстановления ЕС, во-вторых, для усиления торгово-экономического сотрудничества Китая и ЕС²⁶. На 16-й встрече руководителей КНР и Евросоюза стороны достигли понимания в пяти направлениях: а) активизация торгово-экономических связей; б) развитие отношений в области новых технологий (новые материалы и энергия, новое поколение информационных технологий, биоматериалы, авиация и космос); в) создание единой логистической сети; г) углубление гуманитарного сотрудничества и д) укрепление кооперации в решении глобальных и региональных проблем²⁷. Визит Си Цзиньпина в Европу с 22 марта по 1 апреля 2014 г. принес осязаемые дивиденды: были подписаны более 120 контрактов на сумму, превысившую 70 млрд долл.²⁸, а Китай и Европа были охарактеризованы как «две силы», защищающие мир во всем мире; «два рынка», содействующие совместному развитию; «две цивилизации», продвигающие прогресс человечества²⁹.

II. Взаимоотношения с сопредельными странами

В китайской внешней политике последних лет одним из приоритетных направлений было объявлено развитие отношений с близлежащими (или сопредельными) государствами. Эта особенность стала более отчетливо проявляться в 2013 г. В конце октября в Пекине прошло первое после создания КНР рабочее заседание по вопросам внешней политики по отношению к сопредельным странам. В ходе встречи Си Цзиньпин подчеркнул, что стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения, для этого Китай должен консолидировать дружеские отношения с соседними странами и наилучшим образом использовать имеющиеся сейчас стратегические возможности³⁰.

Суть дипломатии с сопредельными странами четко выражена в формуле из четырех иероглифов — «близость» (*цин*), «искренность» (*чэнь*), «милость» (*хуэй*), «толерантность» (*жун*). Ее базовой установкой является отношение к соседним странам как к друзьям и партнерам, что призвано дать им ощущение безопасности и помочь их развитию. По мнению главы китайского государства, дружба является неотъемлемым принципом китайской дипломатии в отношении соседей, а искренность — это способ приобрести больше друзей и партнеров. Сотрудничество с соседями должно быть основано на взаимной выгоде и создавать тесную сеть общих интересов³¹.

Следует признать, что за последние десятилетия Китай добился значительных результатов в развитии связей с сопредельными странами. Во-первых, с большинством из них установлены стратегические отношения партнерства и сотрудничества. В частности, в ходе визитов лидеры КНР установили отношения стратегического партнерства с Туркменистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, а связи с Индонезией и Малайзией

подняли до уровня отношений всестороннего стратегического партнерства³². Во-вторых, участились контакты на различных уровнях. В-третьих, стремительно развиваются торгово-экономические связи — торговый оборот с сопредельными странами вырос со 100 млрд до 1,3 трлн долл. В-четвертых, углубляется региональная кооперация. Кроме того, Китай взял на себя ряд обязательств перед сопредельными странами, в том числе выделение более 40 тыс. правительственных стипендий на ближайшие 10 лет; реализация ежегодных молодежных обменов с Индонезией в ближайшие 5 лет; подготовка 1000 преподавателей китайского языка и увеличение количества институтов Конфуция для Пакистана в ближайшие 5 лет; проведение «Годов дружеских обменов» с Монголией и Индией в 2014 г.; увеличение инвестиций азиатским региональным специализированным фондам на 200 млн юаней (свыше 32,9 млн долл. США) и т.д.³³

Вместе с тем, по мнению бывшего посла КНР в Японии Сюй Дуньсиня, существует и целый комплекс вызовов: еще недостаточно высок уровень политического доверия; необходимо справедливо и рационально решить оставленные историей вопросы³⁴.

О наличии этих вызовов наглядно свидетельствуют скептические комментарии зарубежных партнеров Китая. Например, некоторые американские аналитики полагают, что Пекин в последние годы стремительно меняет риторику. Так, ведущий программы CNN по международным проблемам Ф. Закария отмечает, что в 2009 г., например, КНР вышла из мирового финансово-экономического кризиса, будучи вполне уверенной в своих силах. При этом эксперт обращает внимание на то, что дружелюбные заявления Китая в отношении его соседей сочетаются с жестким поведением. Это, к примеру, позиция Пекина по вопросу об островах Сенкаку; претензии Китая на суверенитет над Южно-Китайским морем. «И такого рода случаи имели место, хотя Китай еще не достиг той точки, когда он мог бы считаться доминирующей экономической державой мира»³⁵.

Бывший министр обороны США Уильям Коэн убежден, что никто «в Азии не хочет попасть под господство Китая. Ни у кого нет стремления попасть в китайскую мечту... Но существует растущая озабоченность по поводу того, что Китай по мере продолжения экономической экспансии будет расширять свое военное присутствие»³⁶.

Артур Уолдрон, профессор международных отношений университета Пенсильвании, консультант Министерства обороны США, полагает, что эти «риторические сигналы вслед за медленным, обдуманном повышением ставок вносят ясность в то, что мы имеем дело с истинным поворотом в международном военно-политическом курсе». Как «теперь становится очевидным, Китай — это больше “ревизионистская” держава, которая стремится изменить положение вещей, исправляя то, что она считает историческими ошибками, и постоянно примериваясь к роли доминирующей региональной державы»³⁷.

III. Концепция справедливости и выгоды

В отношениях с развивающимися странами (и не только с ними) Китай одновременно преследует целый комплекс целей: 1) укрепление политического доверия на всех уровнях; 2) углубление взаимовыгодного сотрудничества во всех областях (чаще всего в сфере инфраструктуры, энергетики, и в сельском хозяйстве); 3) расширение гуманитарных обменов (развитие туризма, молодежные обмены, народная дипломатия, здравоохранение, образование и др.); 4) тесное взаимодействие в решении глобальных и региональных вопросов и 5) двусторонние отношения рассматриваются как мост или связующее звено между КНР и странами региона. Для каждого региона существует собственная стратегия. Например, в ходе официального визита Ли Кэцзяна в четыре африканские страны в мае 2014 г. была принята программа «461»³⁸. Во время форума «Китай—арабские страны» 5 июня 2014 г. была озвучена дорожная карта «1+2+3»³⁹. На встрече с лидерами стран Латинской Америки и Карибского бассейна 17 июля 2014 г. Си Цзиньпин предложил модель сотрудничества «1+3+6»⁴⁰, и т.п.

В ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Африку в 2013 г. была выдвинута концепция справедливости и выгоды. Согласно ей, в отношениях с развивающимися странами Китай намерен придерживаться принципов морали и равноправия, честности и дружбы, действовать в поддержку справедливых прав и рациональных устремлений развивающихся стран. По мнению китайских руководителей, выгода должна быть взаимной, и Китай готов вместе с этими государствами осуществлять развитие и процветание, строить «общность судеб»⁴¹.

Концепция справедливости и выгоды, как заявил глава китайского МИД, является точкой соприкосновения традиций китайской дипломатии и идеи Китая как социалистической страны со своей спецификой. Она стала важным ориентиром для развития отношений Китая с развивающимися странами и служит «знаменем» китайской дипломатии⁴².

На Западе всячески муссируется тезис о «китайской угрозе» «черному континенту». Западные СМИ считают, что интерес Китая к Африке обусловлен поиском поднимающейся экономической державой природных ресурсов, а китайские инвестиции пользуются популярностью среди африканских диктаторов⁴³.

Д. Мойо, известный экономист из Замбии, заметила, что до сего дня ключевым моментом стратегии развития Китая было использование мягкой силы, накапливание и получение доступа к таким природным ресурсам, как земля, вода, энергия и минеральное сырье. Она считает, что существует вероятность перехода КНР к другой стратегии, при которой страна будет в подавляющей степени опираться на твердую силу, и соответственно станет применять военную стратегию и стратегию колониального типа для накапливания ресурсов, особенно применительно к Африке.⁴⁴

Американский исследователь Д. Бротиган полагает, что китайско-африканские отношения следует рассматривать как часть глобальной стратегии Китая. «Вы можете называть это явление неокOLONИализмом или империализмом... «Черный континент» в глазах КНР становится надежным партнером» в целях превращения Китая в крупную мировую державу⁴⁵.

Н. Фергюсон, напротив, считает, что Китай «возглавил новую волну развития», радикально отличающегося по своей природе от программ помощи Запада. Это «стратегия, основанная на собственной выгоде». «Китайцы вкладывают капитал», «стараясь получать прибыль» и «дают возможность рынку двигать экономическое развитие Африки, а не занимаются благотворительными раздачами и не внедряют разные формы зависимости»⁴⁶.

Г. Киссинджер замечает, что стремление Китая получить доступ к ресурсам для своей промышленности — естественный процесс. «Нам следует понять, что Китай будет становиться сильнее, но мы не можем нервно реагировать на каждое проявление китайской мощи. Китаю, однако, необходимо научиться проявлять самоограничение в отстаивании собственных интересов в мире»⁴⁷.

IV. Политика реформ и открытости

Исходя из исторического опыта развития, руководство КНР пришло к пониманию, что проводить строительство за «закрытыми дверями» контрпродуктивно, поэтому политика реформ и открытости стала основным государственным курсом, стержнем китайской дипломатии.

Согласно прогнозам, за 5 лет импорт товаров в Китай достигнет 10 трлн долл., зарубежные инвестиции составят 5 трлн долл., количество выезжающих за границу людей превысит 400 млн человеко-раз⁴⁸. Китайское руководство убеждено, что все эти грандиозные возможности, которые КНР предоставляет миру, внесут весомый вклад в мощный, устойчивый и сбалансированный рост мировой экономики, а китайское развитие сделает мир еще ярче⁴⁹. Пекин намерен и впредь непрерывно стимулировать взаимовы-

годное сотрудничество со всеми государствами, увязывая собственные процессы «четырёх новых модернизаций» (т.е. индустриализацию, информатизацию, урбанизацию и модернизацию сельского хозяйства) с развитием и процветанием мира⁵⁰. Таким образом, китайская дипломатия сосредоточена на создании благоприятной внешней среды для внутреннего развития.

По мнению видного российского китаевода Я.М. Бергера, углубление реформ «укрепит позиции Китая в мире, еще более повысит его влияние на глобальные процессы в самых разных форматах. Оно будет способствовать дальнейшей перестройке международных отношений и международных организаций, повысит роль развивающихся стран в современном мире»⁵¹. Отвечая на вопрос, существуют ли со стороны Китая угрозы миру в свете проведения им реформ, Я.М. Бергер отметил, что разговоры о них лишаются всякой почвы, если «Китай, отстаивая свое право на мирное развитие, защищая свои законные интересы, столь же уважительно относится к правам и интересам других стран, прежде всего, своих соседей»⁵².

V. Активное участие в глобальной дипломатии

8 марта 2014 г. в рамках второй сессии ВСНП 12-го созыва состоялась пресс-конференция МИД КНР, на которой глава китайской дипломатии Ван И ответил на вопросы отечественных и зарубежных корреспондентов по теме «Китайская дипломатия и внешнеполитические отношения». Оценивая 2013 г., он отметил, что китайская дипломатия стала более активной, целеустремленной⁵³. В 2014 г. Китай, по его словам, нацеливался активнее играть роль ответственной державы, т.е. способствовать тому, чтобы международный порядок развивался в более справедливом и рациональном направлении⁵⁴.

Согласно мнению китайской стороны, «зрелые державы рациональны и могут твердо придерживаться своих принципов», хотя «во время... воплощения образа ответственности, манеры и методы еще нуждаются в дальнейшем совершенствовании»⁵⁵. Какие же это манеры и методы:

1. Необходимо сформировать державный менталитет;

2. Следует сосредоточить больше усилий на внутреннем управлении;

3. Нужно непременно сбалансировать четыре комплекса отношений, т.е. между внешними и внутренними делами; между развивающимися и развитыми странами («Китай становится контактным связующим звеном»); между успешным развитием внешнего экономического сотрудничества и внешнего государственного облика; между «твёрдостью» и «мягкостью» в дипломатических отношениях («между осторожным и рациональным принятием решений и реагированием на националистические настроения»);

4. Также необходимо, проявляя инициативу, избирательно брать на себя международную ответственность (иначе «чрезмерная ответственность, выходящая за рамки сил и возможностей, может нанести ущерб способности выполнять обычные обязательства»)⁵⁶.

К числу примеров ответственной позиции в Пекине относят необходимость:

– твердо придерживаться основных правил международных отношений;

– защищать принципы равенства и справедливости;

– выступать против войны и насилия, гегемонизма и нового интервенционизма;

– переходить от пассивного реагирования к активному продвижению;

– играть позитивную роль в решении международных и региональных проблем (Сирия, Иран); прилагать усилия для снижения напряженности на Корейском полуострове и возобновления шестисторонних переговоров, а также в деле поддержки мирного восстановления Афганистана;

– принимать активное участие в разработке Глобальной повестки дня ООН в области развития после 2015 г., в заседании Боаского азиатского форума, в саммитах

стран-членов БРИКС, «Группы 20» и Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС); вносить вклад в решение вопросов об изменении климата и других проблем глобального характера⁵⁷.

По мнению авторитетного эксперта по проблемам Китая и АТР заместителя директора ИДВ РАН проф. В.Я. Портякова, «выход КНР на позиции ответственной глобальной державы стал закономерным следствием развития страны и ее полноформатного включения в мировое хозяйство»⁵⁸.

VI. Становление нового мирового порядка

Официальный Пекин декларирует необходимость добиваться повышения международного статуса страны путем продолжения курса на мирное развитие, «высоко неся знамя мира, развития, сотрудничества и обоюдного выигрыша, решительно защищая международный мир и содействуя совместному развитию»⁵⁹ (рис. 1).

В официальных заявлениях китайские руководители призывают международное сообщество:

- решать возникающие проблемы, основываясь на открытом, прозрачном и толерантном подходе;
- адаптировать устаревшие идеи, концепции и методы управления к изменившемуся миру; принимая новые международные правила и повестки, не пытаться вновь строить барьеры и искусственно разделять мир на разные части.
- развивать в международных отношениях дух равноправия и взаимодоверия, толерантности и взаимного обучения, сотрудничества и обоюдного выигрыша.

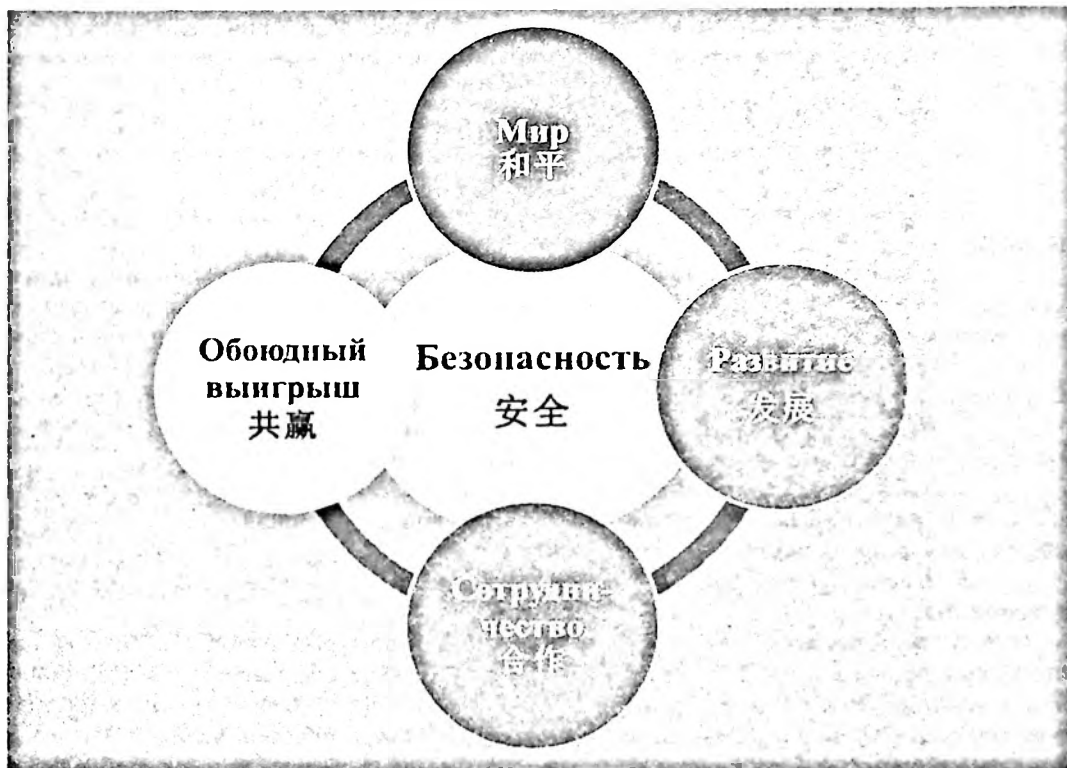
Равноправие и взаимодоверие — это уважение целей и принципов Устава ООН и общепризнанных норм международного права; продвижение демократизации международных отношений; защита мира и стабильности во всем мире. **Толерантность и взаимное обучение** — уважение культурного многообразия мира и путей развития; право народов на самоопределение; заимствование положительного опыта; стимулирование прогресса человеческой цивилизации. **Сотрудничество и обоюдный выигрыш** — осознание идеи общности мировых судеб; понимание разумных озабоченностей партнеров в преследовании собственных государственных интересов; содействие совместному развитию, создание равных и сбалансированных новых отношений глобального развития и партнерства⁶⁰.

Собственное понимание мирного развития было официально представлено в Белой книге «Мирное развитие Китая», опубликованной 7 сентября 2011 г. В ней торжественно провозглашалось, что мирное развитие — это стратегический выбор Китая в осуществлении модернизации страны, процветании государства и укреплении могущества нации, вклад КНР в пул мировой цивилизации. И КНР будет непоколебимо идти по этому пути. Путь мирного развития является общей стратегией внешнеэкономических и политических отношений Китая⁶¹.

Мирное развитие включает шесть элементов: научное развитие (*кэсюэ фачжань*); самостоятельное развитие (*цзычжжу фачжань*); открытое развитие (*кайфан фачжань*); мирное развитие (*хэпин фачжань*); кооперационное развитие (*хэцзо фачжань*) и совместное развитие (*гунтун фачжань*)⁶².

Основной целью мирного развития Китая, как отмечалось в докладе, является осуществление модернизации государства и достижение всеобщей зажиточности народа. Завершение построения общества среднего достатка — «сяокан» — становится среднне- и долгосрочной целью, краткосрочная цель — это реализация 12-го пятилетнего плана⁶³.

Китайское понимание основных трендов эпохи

Комментарий: «мир», «развитие», «сотрудничество» и «обоюдный выигрыш» стали основными течениями эпохи. В данной схеме ключевым звеном является «безопасность». Концепция безопасности в той или иной степени озвучивалась представителями КНР на разных международных форумах: в Мюнхене (конференция по безопасности), Гааге (третий саммит по ядерной безопасности), Шанхае (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии — СВМДА), Сингапуре (Диалог Шангри-Ла) и др. В частности, в Гааге председатель КНР Си Цзиньпин говорил, что ядерная безопасность должна быть «разумной» (лисин), «согласованной» (сетяо) и «связанной» (дословно: «идуццей плечом к плечу» - бинцзинь). Эта «связанность» зависит от «четырёх отношений» (сыгэ бинчжун): развитие и безопасность; право и ответственность; автономность и сотрудничество; сочетание полумер и радикальных шагов⁶⁴. На шанхайском саммите СВМДА Си Цзиньпин представил общую (гунтун), комплексную (цзунхэ), кооперационную (хэцзо) и устойчивую (кэчжисюй) «азиатскую концепцию безопасности»⁶⁵.

Для реализации концепции мирного развития китайское руководство намерено придерживаться следующих курсов:

1. **Способствовать построению гармоничного мира.** Здесь называются основные цели китайской дипломатии — защищать мир во всем мире и содействовать совместному развитию. По мнению китайской стороны, чтобы построить гармоничный мир, необходимо прикладывать общие усилия:

- в политике — придерживаться принципов взаимоуважения, равноправных консультаций и совместного содействия демократизации международных отношений; защищать цели и принципы Устава ООН и международного права;

- в экономике — выступать за взаимное сотрудничество, преимущества и взаимодополняемость; содействовать построению более справедливой, рациональной и недискриминационной системы многосторонней торговли;

- в культуре — уважать многообразие мира, искать общее при сохранении различий, учиться друг у друга, содействовать прогрессу и процветанию человеческой цивилизации;

- в области безопасности — укреплять сотрудничество, доверять друг другу, решать международные споры мирными средствами, защищать международный мир и стабильность;

- в области охраны окружающей среды — помогать друг другу, защищать планету.

2. *Придерживаться самостоятельного мирного дипломатического курса.* КНР намерена решительно отстаивать свои коренные интересы — государственный суверенитет, территориальную целостность и национальную безопасность; великое объединение Родины; установленный Конституцией политический строй и общественную стабильность; основные гарантии для устойчивого социально-экономического развития.

3. *Выступать инициатором новой концепции безопасности, основанной на взаимодововерии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве.*

4. *Придерживаться концепции международной ответственности.* Китай как крупное развивающееся государство надлежащим образом выполняет свои задачи и является воплощением мировой ответственности.

5. *Выступать за концепцию регионального добрососедства, дружбы и сотрудничества*⁶⁶.

В главе, посвященной мировому значению мирного развития Китая, отмечается, что успехи данного пути требуют как неустанных усилий китайского народа, так и понимания и поддержки внешнего мира. Авторы «Белой книги» заявляют, что концепция мирного развития Китая разрушила традиционную модель подъема великих держав — «могучее государство непременно гегемон». Эта модель, характерная для периода новой истории, включала следующие компоненты: становление колониальной системы, борьбу за сферы влияния, военную экспансию. В XX в. стремление к гегемонизму, силовому противостоянию привело к двум мировым войнам.

Исходя из тысячелетних традиций истории и культуры, понимания сущности экономической глобализации, изменений архитектоники международных отношений и безопасности, а также общечеловеческих ценностей, КНР торжественно объявила о выборе пути мирного развития, сотрудничества и обоюдного выигрыша в качестве основы осуществления модернизации, участия в международных делах и управления международными отношениями. Опыт нескольких десятилетий свидетельствует, что Китай последовательно идет по пути мирного развития, и для изменения этого курса нет никаких предпосылок.

Развитие КНР неразрывно связано с миром, а процветание мира — с Китаем. Анализируя прошлое и прогнозируя будущее, авторы доклада глубоко убеждены, что процветающий и развитый, демократичный и законопослушный, гармоничный и стабильный Китай внесет весомый вклад в дело мира. В свою очередь, китайский народ желает идти со всем миром одной дорогой и прикладывать неустанные усилия в целях достижения общих желаний человечества⁶⁷.

VII. «Человек в основе всего», «дипломатия для народа»: защита прав граждан КНР

С началом проведения политики реформ открытости в Китае заметно увеличилось количество желающих побывать за рубежом для того, чтобы получить образование,

занияться бизнесом или посетить знаменитые достопримечательности. В 2013 г., по словам заведующего консульским отделом МИД КНР Хуан Пина, это число практически достигло 100 млн человеко-раз, рассмотрено более 40 тыс. обращений по поводу предоставления защиты⁶⁸.

Китайское правительство через существующие механизмы консультаций добивается упрощения визового оформления для китайских граждан, выезжающих за границу. Вместе с тем, Пекин не забывает о своих гражданах: в случае стихийных бедствий, политической турбулентности или других негативных обстоятельств он незамедлительно приходит им на помощь. Примером может служить массовая эвакуация китайцев из Ливии в 2011 г.

Примечательно, что проблем, возникающих по вине китайских граждан, становится заметно больше. Хуан Пин связывает эту тенденцию с двумя причинами: во-первых, прямое нарушение местного законодательства, традиций и обычаев других государств, а во-вторых, ущемление интересов местных производителей. Первая причина может быть обусловлена «внешним проявлением» невоспитанности, когда китайцы приходят со своим «уставом в чужой храм», а вторая — погоней за прибылью. В частности, официальный Пекин признал, что золотодобытчики в Гане, незаконно покупая землю у собственников и самостоятельно занимаясь добычей, нарушили местное законодательство и вызвали экологические проблемы, что привело к всплеску массовых недовольств в стране⁶⁹.

VIII. «Мягкая сила» китайской дипломатии

Важным аспектом китайской дипломатии является активное использование ресурсов «мягкой силы», создание привлекательного образа страны за рубежом. Для достижения данной цели правительство КНР проводит следующие системные действия:

– Обеспечивает достижение этико-культурного развития внутри страны через распространение «коренных социалистических ценностей». Они включают общенациональные ценности (процветание и могущество, демократию, просвещение и гармонию), социальные ценности (свободу, равенство, справедливость и верховенство права) и индивидуальные ценности (патриотизм, самоотверженность, добродетель и дружбу)⁷⁰. Как отмечают российские исследователи О.Н. Борох и А.В. Ломанов, «чтобы китайская культура могла добиться успеха на мировой сцене, потребуется укрепить “культурное самосознание” китайцев, внушить им гордость за собственную культуру, предложить привлекательную и конкурентоспособную культурную продукцию. Прежде чем китайские ценности воззрения станут частью «мягкой силы» за пределами страны, «сердцевинные ценности социализма» должны стать эффективным инструментом консолидации китайского общества»⁷¹.

– Поощряют создание сети школ и Институтов Конфуция по всему миру. По официальным данным Государственной канцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, на конец 2013 г. в мире действовало 440 институтов и 646 классов Конфуция. Институты были расположены в 115 странах (регионах), школы — в 48, в том числе в Азии — 93 и 50; на африканском континенте — 37 и 10; в Европе — 149 и 153; в Северной и Южной Америке — 144 и 384; в Океании — 17 и 49⁷².

– Способствует продвижению китайских брендов, среди которых: IT-технологии и телекоммуникации (Huawei, ZTE, Lenovo, Haier, Xiaomi), восточные единоборства и оздоровительные комплексы (кун-фу, цигун, тайцзи), традиционная культура (философия, пекинская опера) и пр.

Важным моментом проявления китайской «мягкой силы» является собственный пример Китая. Ли Даокуй, профессор экономики, руководитель Центра «Китай в мировой экономике» Института управления экономикой университета Цинхуа полагает, что

влияние «мягкой силы» КНР будет, несомненно, возрастать «по мере достойного решения Китаем своих внутренних проблем. Таким путем он показывает некую поведенческую модель для многих бедных стран мира». Таким образом, Китай будет иметь больше возможностей в плане использования своей «мягкой силы». «И при этом не нужно будет наращивать военное господство, влияние будет распространяться отнюдь не через специально снятые для этого фильмы и не через передачу культурных ценностей страны. Оно будет возрастать с учетом наших конкретных дел... на нашем примере»⁷³.

Но каким образом дать возможность миру услышать голос Китая, воодушевить и понять его? По мнению профессора Института международных отношений при Народном университете КНР Цзинь Цаньжуна, китайцы «должны старательно прилагать усилия к тому, чтобы сдобрить европейский “бифштекс” китайскими “пряностями”, дать зарубежным читателям, обеспокоенным подъемом Китая... почувствовать “восточный колорит”... тогда погасится недопонимание, мнения мировой общественности получат полную свободу... все предстанет в новом свете»⁷⁴.

* * *

После XVIII съезда КПК (2012 г.) и прихода к власти нового поколения руководителей КНР стали более очевидными изменения во внешнеполитическом курсе страны. Перед лицом сложной и переменчивой международной конъюнктуры китайская дипломатия, сохраняя преемственность, активно внедряя новации, «становится более тонко нюансированной и дифференцированной»⁷⁵. По мнению Ху Аньгана, директора Центра исследований КНР Университета Цинхуа, преемственность и новаторство органично составили разные стороны единого и цельного курса. Преемственность заключается в том, что внешняя политика обслуживает коренные интересы развития страны, осуществляет базовый курс на национальный суверенитет, неприсоединение и приоритет экономического сотрудничества. Новаторство выражается в теории «дипломатии с китайской спецификой», новом положении китайских лидеров на мировой арене и дальнейшем развитии китайской «мягкой силы»⁷⁶.

1. Путь мирного развития является стратегическим выбором КПК, он соответствует эпохе и фундаментальным интересам страны. И КНР будет непоколебимо идти по этому пути⁷⁷. Как отмечает академик М.Л. Титаренко, «решение грандиозных задач подъема благосостояния народа, модернизации всех сторон жизни страны диктует необходимость сохранения мирной обстановки, развития и углубления добрососедских отношений и сотрудничества со всеми странами, в первую очередь соседними»⁷⁸. Вместе с тем, Китай не будет поступаться своими коренными интересами, и «проглатывать» горькие плоды, нарушающие суверенитет, безопасность и интересы развития⁷⁹. Пекин будет придерживаться «мышления нижней черты» или «нижнего предела», то есть, как поясняет член Госсовета КНР Ян Цзэчи, «Китай будет не уклоняться от споров и проблем, а решать их надлежащим образом»⁸⁰.

2. Дипломатическая деятельность высших должностных лиц КНР становится более активной, уплотняется график работы. В частности, Председатель КНР Си Цзиньпин впервые в истории высших руководителей нового Китая посетил крупное спортивное мероприятие международного уровня — церемонию открытия зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи. В 2013 г. члены ПК Политбюро ЦК КПК нанесли визиты в 33 страны, в ходе которых было подписано около 800 договоров и соглашений⁸¹. Президент Шанхайской академии международных исследований Чэнь Дунсяо, оценивая первый год работы пятого поколения руководителей КПК, определил четыре отличительных черты китайской дипломатии в 2013 г.: «стратегическое планирование» (*чжаньлюэ моухуа*); «активное созидание» (*чжудун суцзао*), «активные новации» (*цзицзи чуаньсинь*) и «мышление нижней черты» (*дисянь сывэй*)⁸².

3. Несмотря на официальные заявления о взаимной выгоде, обоюдном выигрыше и др., в своей реальной политике КНР не всегда готова «пойти на компромисс в ущерб своим интересам ради партнера, с которым заключает договор»⁸³. Пекин не терпит чужое доминирование. «Китай в своей истории на такой ущерб практически никогда не шел»⁸⁴. В частности, на примере Японии, когда Пекин нуждается в помощи в деле модернизации экономики, эта необходимость служит неким обезболивающим средством, смягчающим двусторонние противоречия и трудности⁸⁵. И напротив, если мощь КНР будет нарастать, Пекин может становиться все менее сговорчивым⁸⁶.

4. В стране идет бурная дискуссия о судьбе заветов Дэн Сяопина: КНР больше не собирается «хладнокровно наблюдать» и «оставаться в тени» (*тао гуан ян хуэй*) и начинает действовать более активно (*фэн фа ю вэй*)⁸⁷. Звучат тезисы о возможном изменении важного внешнеполитического принципа — невмешательства во внутренние дела государства, когда речь заходит о защите справедливых интересов китайских фирм и граждан за рубежом⁸⁸. Еще до XVIII съезда КПК российский эксперт М.В. Мамонов обращал внимание на две новые черты в идейно-философской платформе внешней политики китайского руководства: неуклонное преодоление внешнеполитического сознания развивающейся страны и соответствующее восприятие мировой политики («китайская дипломатия сегодня становится дипломатией страны с глобальными интересами») и осторожное стремление нового поколения китайских руководителей преодолеть в международной политике КНР жесткость так называемых «максим Дэн Сяопина»⁸⁹. Кроме того, в научных кругах существует мнение о том, что формула Дэна из 28 иероглифов выполнила свою изначальную защитно-ограничительную функцию, и сегодня внешняя политика Китая вступает в новый этап. Вполне вероятно, что отдельные компоненты заветов Дэна будут и далее достаточно часто употребляться, однако они будут наполняться новым содержанием, более адекватным современным международным реалиям и статусу КНР в мире⁹⁰.

5. Китайская дипломатия становится более креативной, она проводит «творческое наступление»⁹¹ по всему миру, предлагая новые инициативы: «один пояс, один путь» (создание экономического пояса Великого Шелкового пути, морского Шелкового пути XXI века) и «два коридора два пути» (создание экономического коридора Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма, китайско-пакистанского экономического коридора), предложение по формированию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, активное продвижение идеи «общности судеб» (*миньюн гунтунти*) и т.д.

6. Долгосрочное стратегическое планирование является главной линией в китайской дипломатии. Оно накладывает характерные особенности на отношения КНР с крупными, сопредельными и развивающимися странами, на участие страны в работе различных международных форумов.

7. Китай будет продолжать учитывать как внутреннюю, так и международную конъюнктуру. Внутри страны сосредоточится на выполнении двух «вековых целей» (создании общества среднего достатка к 100-летию КПК в 2021 г., и достижении уровня среднеразвитых стран к 100-летию КНР в 2049 г.) и осуществлении «китайской мечты» — мечты о процветании и могуществе государства; возрождении нации и благосостоянии народа. На международной арене КНР будет создавать благоприятные условия для проведения политики реформ, развития и стабильности, защиты национального суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов развития.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что китайская дипломатия является достаточно успешной. Необходимо отметить рост международного влияния и экономической заинтересованности КНР, умение налаживать диалог и расширять сферы экономического сотрудничества взаимодействия без ущерба своим национальным интересам. В этих условиях у Пекина имеется сегодня широкое поле для международного взаимодействия.

1. *Maurer J.H.* A Rising Power & the Coming of a Great War // *Orbis*. 2014, Vol. 58, Issue 4. P. 500–520.
2. *Исаев А.С.* Китай — наш шанс // *Невское время*. 2014. 18 июня. URL: <http://www.nvspb.ru/stories/kitay-nash-shans-54695>.
3. Немецкие СМИ: О флирте Путина и дружбе Пекина с Вашингтоном. URL: <http://www.dw.de/немецкие-сми-о-флирте-путина-и-дружбе-пекина-с-вашингтоном/a-18056881>.
4. *Goldman D.P.* The Sino-American comedy of errors // *Asia Times*. 2014. Nov. 10. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/CHIN-02-101114.html>.
5. *Фридберг А.* Несговорчивый Пекин // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Nesgovorchivyyi-Pekin-15731>.
6. *Joo-Youn Jung.* Rising China and the Chinese Public's Security Perceptions // *EAI Asia Security Initiative*. 2012. Working Paper № 23, May.
7. *Ван И.* Таньсо Чжунго тэсэ даго вайцзяо чжи лу [Поиск пути великодержавной дипломатии с китайской спецификой] // Гоцзи взньти яньцзю. 2013. № 4. С. 1–7. См. также выступление Ван И на сайте МИД КНР. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/wjb_602314/wjb_602318/zyjhs/t105.
8. Цзяньдинбуи яньчжэ чжунго тэсэ шэхуэйчжун даолу цяньцзинь вэй цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй эр фэньдоу [Неуклонно идти вперед по пути социализма с китайской спецификой, бороться за всестороннее построение общества малого благоденствия «сяокан»]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>.
9. В частности, в газете «Жэньминь жибао» отмечается, что в нынешнем мире только США, Европа, Китай и Россия считаются четырьмя глобальными стратегическими силами. См. подробнее: URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8531706.html>. Ян Цзэчи, член Госсовета КНР, к этому списку стран также добавляет великие развивающиеся державы и крупные региональные государства. См. подробнее: *Ян Цзэчи.* Синь синши ся Чжунго вайцзяо лилунь хэ шицзянь чуансинь: Цзеду Чжунго вайцзяо синь линиянь [Новации в теории и практике китайской дипломатии в новых условиях: Трактование новых концепций китайской дипломатии] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин: Учжоу чуаньбо чубаньшэ, 2014. С. 13.
10. Ван И цзю Чжунгодэ вайцзяо чжэньцэ хэ дуйвай гуаньси да цзичже взнь [Ван И ответил на вопросы журналистов о китайской дипломатии и внешнеполитических отношениях]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/08/c_119669879.htm.
11. Глава МИД КНР подвел итоги достижений страны в дипломатической работе 2013 года. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8487079.html>.
12. Жэньминь жибао он-лайн. 10.02.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8531706.html>.
13. Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/21064>.
14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.
15. Там же.
16. *Титаренко М.Л.* Российско-китайский саммит-2014: новый этап стратегии взаимодействия. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/911-rossijsko-kitajskij-sammit-2014-novyj-etap-strategii-vzaimodejstviya>.
17. *Goldman D.P.* The Sino-American comedy of errors.
18. *Ankit Panda.* Time to Take the Russia-China Axis Seriously // *The Diplomat*. 2014. 4 Nov. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/time-to-take-the-russia-china-axis-seriously/>.
19. Ibid.
20. *Rozman G.* Why Chinese-Russian Friendship Is Here To Stay // *Foreign Affairs*. 2014. 29 Oct. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/142305/gilbert-rozman/asia-for-the-asians>.
21. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-03/25/c_119921674.htm.
22. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/08/c_119669879_3.htm.
23. Синьвэнь фэньси: Мэйго гоцзин манянь шоуфан, ЧжунМэйи шифан шэньмэ чжуняо сюньси? [Анализ СМИ: Первый визит Госсекретаря США в год лошади, какое важное послание делают КНР и США?]. URL: <http://world.people.com.cn/n/2014/0216/c1002-24371296.html>.
24. *Sutter R.* China and America: The Great Divergence? // *Orbis*. 2014. Vol. 58, Issue 3, P. 358–377.

25. Фридберг А. Несговорчивый Пекин.
26. Какой прорыв покажет китайская дипломатия в 2014 году? URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-01/19/content_31237324.htm.
27. Ли Кэцян тун Фань Лунпэй, Балозцо цзюйсин ды шилю ци Чжунго Оумэн линдаожэнь хуэйю [Ли Кэцян проводит 16-ю встречу руководителей КНР и ЕС с Ван Рупеем и Ж.М. Барозу]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/21/c_125742886.htm.
28. Агентство Синьхуа. 07.04.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-04/07/c_1110131270.htm.
29. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1143397.shtml. См. также на англ. яз. URL: <http://english.people.com.cn/90883/8585883.html>.
30. Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>.
31. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>.
32. Китай отличается высоким уровнем дипломатического проектирования. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8482760.html>.
33. Комментарий: Китай и сопредельные страны — установление гармоничных добрососедских отношений в 2013 году. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8489734.html>.
34. Эксперты говорят об основных моментах рабочего семинара по вопросам внешней политики по отношению к сопредельным странам. URL: http://live.people.com.cn/bbs/note.php?id=57131030100803_ctdzb_062.
35. Станет ли XXI век веком Китая: Манковские дискуссии о роли Китая: Генри Киссинджер и Фарид Закария против Найла Фергюсона и Дэвида Даокуя Ли / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2013. С. 68–71.
36. Там же. С. 114–115.
37. Waldron A. China's 'Peaceful Rise' Enters Turbulence // Orbis. 2014. Vol. 58, Issue 2. P. 164–181.
38. «Формула 461», где «4» — это четыре принципа (равноправие; сплоченность и взаимодоверие; инклюзивное развитие; инновационное сотрудничество); «6» — шесть крупных проектов (промышленное сотрудничество; финансовое сотрудничество; сотрудничество в борьбе с бедностью; сотрудничество в области экологии и охраны окружающей среды; гуманитарное сотрудничество; сотрудничество в области мира и безопасности); и «1» — это Форум Китай-Африка. См. подробнее: URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-05/06/c_126465334.htm; URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1154141.shtml.
39. Структура «1+2+3», где «1» — это строительство взаимовыгодных, безопасных, надежных, долгосрочных и дружественных китайско-арабских отношений энергетического и стратегического сотрудничества; «2» — два крыла или две опоры (строительство инфраструктуры и торгово-инвестиционная либерализация); «3» — китайско-арабское деловое сотрудничество, основанное на трех прорывных высокотехнологичных областях (атомная энергетика; гражданские спутники и новая энергетика). URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-06/05/c_1111003387.htm.
40. В модели «1+3+6» «1» — это «план» сотрудничества между КНР и странами Латинской Америки и Карибского бассейна с 2015 по 2019 гг.; «3» — три локомотива или двигателя (торговля, инвестиции и финансы), китайская сторона рассчитывает за 10 лет довести объемы торгового оборота со странами региона до 500 млрд долл., а общий объем китайских инвестиций в экономику Латинской Америки — до 250 млрд долл.; и «6» — шесть сфер или областей (энергоресурсы; развитие инфраструктуры; сельское хозяйство; обрабатывающая промышленность; научно-технические инновации и сотрудничество в области информационных технологий). URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-07/18/c_1111688827.htm.
41. Глава МИД Китая: концепция справедливости и выгоды является «знаменем» китайской дипломатии. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8509819.html>.
42. Там же.
43. Станет ли XXI век веком Китая. С. 89.
44. Там же. С. 81.
45. Имэй: чжунго цзай фэйчжоу чжаньлюе би сифан гэн цунмин [Итальянские СМИ: африканская стратегия Китая умнее западной] // Жэньминьван, Хуаньцю шибао. 22.07.2010 URL: <http://world.people.com.cn/GB/12214955.html>, См. также: Brautigam D. The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford University Press. 2010.

46. Станет ли XXI век веком Китая. С. 83–85.
47. Указ. соч. С. 87–89.
48. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/wjb_602314/wjbz_602318/zyjhs/t105.
49. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1118257.shtml.
50. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/wjb_602314/wjbz_602318/zyjhs/t105.
51. Жэньминь жибао он-лайн. 21.03.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8574255.html>.
52. Там же.
53. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/08/c_119669879.htm.
54. Там же.
55. *Цзинь Цаньжун*. Ответственность Державы. Пекин: Пекин. компания «Шанс»; М.: ООО «Ваш полиграф. партнер», 2013. С. 5.
56. Там же. С. 5–10.
57. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8487079.html>.
58. *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 3.
59. Цзяньдинбуи яньчжэ чжунго тэсэ шэхуэйчжун даолу цянъцинь вэй цюаньмянь цянъчэн сяокан шэхуэй эр фэньдоу [Неуклонно идти вперед по пути социализма с китайской спецификой, бороться за всестороннее построение общества малого благоденствия «сяокан»]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>.
60. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>. См. также: URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8527361.html>.
61. Чжунго гоцзи дивэй баогао (2012) [Доклад о месте Китая в мире, 2012] / Под ред. Чжана Ювэня, Хуан Жэньвэя. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2012. С. 1.
62. Чжунгодэ хэпин фачжань [Мирное развитие Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 3–6.
63. Там же. С. 11–12.
64. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-03/25/c_126310117.htm.
65. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-05/21/c_126528981.htm.
66. Там же. С. 19–23.
67. Там же. С. 28–30.
68. Вайцяюбу гуаньюань хуэйин «мяньцянь го цюнлуань»: чжэн нули гайбянь [Представитель МИД КНР отвечает на заявление «большинство безвизовых государств являются бедными и небезопасными»: прикладываем неустанные усилия для изменения]. URL: <http://world.huanqiu.com/regions/2014-01/4755400.html>.
69. Там же.
70. Необходимо добиваться этико-культурного развития Китая — Лю Юньшань. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8512803.html>.
71. *Борох О.Н., Ломанов А.В.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу». URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/От-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>.
72. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm.
73. Станет ли XXI век веком Китая. С. 178–179.
74. *Цзинь Цаньжун*. Ответственность Державы. Пекин: Пекин. компания «Шанс»; М.: ООО «Ваш полиграф. партнер», 2013. С. 11.
75. *Портяков В.Я.* Возвышение Китая: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2014. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvyshenie-Kitaya-cto-dalshe-16775>.
76. *Ху Аньган, Ян Чжусун*. Дипломатия с китайской спецификой — новая глава во внешней политике КНР. Анализ внешней политики КНР в 2013 г. // Доклад о ситуации в стране. 2014. № 1.
77. Чжунго гоцзи дивэй баогао (2012) [Доклад о месте Китая в мире, 2012.] / Под ред. Чжана Ювэня, Хуан Жэньвэя. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2012. С. 1. См. также: Чжунгодэ хэпин фачжань [Мирное развитие Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011.
78. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 5.
79. Си Цзиньпин цзай чжунгун чжунъян чжэнчжицзюй ди сань ши цзити сюеси ши цяндяо гэн хао тунчоу гоцэй гоцзи лян гэ дацзюй ханши цзоу хэпин фачжань даолу дэ цзичу [Си Цзиньпин во время 3-й коллективной учебы Политбюро ЦК КПК подчеркнул: хорошо спланировав внут-

- ренную и международную обстановки, заложить твердую основу для пути мирного развития]. URL: http://www.xinhuatone.com/zglz/xl/xl.jsp?con_id=170767&class_id=7421.
80. Ян Цзэчи. Синь синши ся Чжунго вайцзяо лилунь хэ шицзянь чуансинь: Цзеду Чжунго вайцзяо синь линиянь [Новации в теории и практике китайской дипломатии в новых условиях: Трактование новых концепций китайской дипломатии] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин: Учжоу чуаньбо чубаньшэ, 2014. С. 15.
81. URL: <http://www.xinhuatone.com/zglz/wjmj/index.shtml>.
82. Шицзе чжиши. 2014. № 1. С. 34–35.
83. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 79.
84. Указ. соч. С. 79.
85. Dreyer J.T. China and Japan: 'Hot Economics, Cold Politics' // Orbis. 2014. Vol. 58, Issue 3, P. 340.
86. Лукин А.В. Нация и воинственный дух // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Natciya-i-voinstvennyi-duk-15960>.
87. Chen Dingding. Chinese Foreign Policy Needs Major Reform. August 21, 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/08/chinese-foreign-policy-needs-major-reform/>.
88. См., например: Чжунго тяотин наньсудань инь шицзе гуаньчжу. Цзюйда лии каоянь вайцзяо юаньцзе. [Посредничество Китая в Южном Судане привлекает внимание мира. Большие интересы испытывают на прочность дипломатические принципы]. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2014-01/4732671.html>.
89. Мамонов М.В. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm>.
90. Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 24–25.
91. Ван Ичжоу: Чжунго ин «чуанцаосин цзежу» гоци шиу. [Ван Ичжоу: Китай должен «творчески подойти» к международным делам]. URL: http://news.xinhuanet.com/herald/2011-12/20/c_131308349.htm.

Евразийская инициатива президента Республики Корея Пак Кын Хе

© 2015

Л. Захарова, К. Асмолов

Евразийская инициатива, выдвинутая президентом Республики Корея Пак Кын Хе в октябре 2013 г., стала главным крупным проектом, который Южная Корея в настоящее время продвигает на международном уровне.

Статья содержит анализ предложений, содержащихся в Евразийской инициативе Республики Корея, и их оценку с точки зрения интересов России в регионе. Авторы рассматривают подход президента Пак Кын Хе в отношении КНДР и ее политику по объединению Кореи.

Ключевые слова: Корея, объединение, Евразийская инициатива, Пак Кын Хе, политика в отношении КНДР.

В октябре 2013 г. президент Республики Корея Пак Кын Хе выступила с речью на Международной конференции по глобальному сотрудничеству в эру Евразии. Главным содержанием этого выступления стала *Евразийская инициатива (Eurasia Initiative)*, призванная сплотить страны одноименного континента для мирных обменов и совместного процветания. В качестве основных способов достижения единства Евразии президент РК предложила воссоединение логистических сетей и преодоление физических барьеров, препятствующих обменам, создание евразийской энергетической сети, совместное развитие креативной/инновационной экономики, расширение культурных и гражданских обменов, а также укрепление мира на континенте. Важным шагом на пути к совместному процветанию Евразии президент РК назвала либерализацию торговли и инвестиций в регионе в целях создания Евразийского экономического блока¹.

Что касается конкретных проектов, Пак Кын Хе говорила о необходимости создания «железного Шелкового пути» от порта Пусан на юге Корейского полуострова через Северную Корею, Россию, Китай и Центральную Азию до Европы посредством соединения железных и автомобильных дорог. Упомянула она и о заинтересованности в участии РК в освоении Северного морского пути. В области энергетики глава Южной Кореи выступила за создание единой энергетической инфраструктуры в регионе, включая объединение линий электропередачи, газо- и нефтепроводов, совместную разработку сланцевого газа в Китае, нефти и газа в Восточной Сибири.

В целом в Евразийской инициативе большая роль отводится экономическому сотрудничеству, за счет расширения которого Южная Корея могла бы придать новый стимул развитию собственной экономики. Эта задача становится все более актуальной на фоне замедления темпов роста в стране. В 2000–2007 гг. средние темпы экономического

Захарова Людмила Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.

Асмолов Константин Валерьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: asmlov@ifes-ras.ru.

роста РК составляли около 5% в год, в 2008–2013 гг. — около 2% в год². И, как утверждают некоторые южнокорейские эксперты, именно через дальнейшее развитие торгово-экономических связей с другими странами можно было бы создать базу для ускорения роста в РК³. В то же время, несмотря на развернутую южнокорейским правительством кампанию по информационному продвижению Евразийской инициативы на международном уровне, с самого начала не совсем ясны были детали и механизмы ее реального воплощения в жизнь.

Тем временем другие крупные игроки выдвинули и продвигают свои стратегические инициативы, направленные на региональную экономическую интеграцию под собственным началом. Здесь, в частности, можно упомянуть российский проект Евразийского экономического союза, направленный главным образом на реинтеграцию в рамках СНГ, а также проект Экономического пояса Великого шелкового пути, выдвинутый Китаем в 2013 г. По оценкам российских экспертов, под флагом этой инициативы Китай готов, используя свои финансовые ресурсы, создать некий «экономический пояс» стран от Тихого океана до Европы, включая прежде всего государства Центральной, Южной Азии и Закавказья, которые станут получателями китайских товаров, инвестиционных потоков и инфраструктурных услуг⁴.

В этом контексте Евразийскую инициативу президента РК можно расценивать как попытку Южной Кореи выдвинуть собственный региональный проект по расширению экономического сотрудничества, в котором Сеулу будет отводиться одна из центральных ролей. Подобные инициативы уже выдвигались предыдущими президентами РК. В частности, о Корее как логистическом и финансовом хабе Азии говорил президент Но Му Хен (2003–2008 гг.), а его преемник президент Ли Мён Бак (2008–2013 гг.) в начале своего срока активно выступал за реализацию газового и железнодорожного проектов с участием России.

Помимо предложений по активизации экономического сотрудничества на континенте, Евразийская инициатива РК содержит блок важных политических вопросов, связанных с Северной Кореей. Особым вызовом для Сеула президент Пак Кын Хе назвала утверждение мира на Корейском полуострове — восточном форпосте Евразии. В своей речи президент отметила, что разделение Корейского полуострова создает препятствия для обменов и сотрудничества в Евразии. По мнению РК, большая часть инициатив и проектов сотрудничества не может быть реализована без стабильных межкорейских отношений и «открытости и реформ» в Северной Корее, ведь без продуктивного взаимодействия с КНДР Южная Корея остается в островном положении, не имея сухопутных выходов к своим евразийским партнерам.

В связи с этим интегральной частью Евразийской инициативы стал северокорейский курс нынешнего руководства РК, получивший название «политики утверждения доверия» (*trust-building process*). Впервые об идее «*trustpolitik*» Пак Кын Хе объявила еще будучи кандидатом в президенты Южной Кореи в статье «Новая Корея: построение доверия между Сеулом и Пхеньяном» (*A New Kind of Korea: Building Trust between Seoul and Pyongyang*), опубликованной в американском журнале *Foreign Affairs* осенью 2011 г.⁵ После инаугурации Пак Кын Хе в начале 2013 г. концепция «политики доверия» прочно вошла в лексикон южнокорейской администрации. Основной предпосылкой данного курса стало утверждение, что главной причиной проблем в межкорейских отношениях является существующее между сторонами недоверие, порождающее порочный круг: провокация Севера — кризис — компромисс — «вознаграждение» Севера за ослабление напряженности — небольшая передышка и вновь провокация Севера. Соответственно, чтобы разорвать этот круг, надо утвердить доверие между Севером и Югом⁶.

Каким же образом правительство РК планирует строить доверие в отношениях с КНДР? Главной задачей на этом пути провозглашается принципиальное реагирование на провокационные действия и нарушения договоренностей со стороны Севера, чтобы жесткими ответными мерами дать понять Пхеньяну невыгодность подобного поведения.

Правительство РК настаивает на том, что межкорейские отношения должны строиться и развиваться, прежде всего, при соблюдении норм международного права. С опорой на поддержку собственного населения и мирового сообщества Сеул планирует создать такие условия, при которых Пхеньян будет меняться в нужную сторону под влиянием межкорейского диалога и сотрудничества. Подобную задачу, но другими методами, ставили перед собой и администрация Ким Дэ Чжун (1998–2003 гг.), проводившего политику «солнечного тепла», и администрация Ли Мён Бака, перешедшего на позиции жестких санкций в отношении Севера. Курс Пак Кын Хе пока что во многом является продолжением линии Ли Мён Бака, несмотря на заявления о готовности к диалогу с Пхеньяном.

Для реализации «политики утверждения доверия» правительство РК предусматривает ряд конкретных инициатив по развитию сотрудничества между Югом и Севером. Изначально Министерство объединения РК объявило, что на первом этапе правительство Южной Кореи планирует открытие различных каналов диалога с Севером и оказание гуманитарной помощи наиболее уязвимым категориям населения КНДР. В случае успешного выполнения этой задачи следующим шагом станет расширение экономических отношений Юга с Севером. На третьем этапе была провозглашена готовность РК оказывать КНДР крупную государственную помощь, но лишь если Пхеньян будет принимать существенные меры по денуклеаризации.

В числе основных задач первого этапа «утверждения доверия» президент Пак Кын Хе озвучила идею интернационализации единственного сохранившегося межкорейского проекта — Кэсонского промышленного комплекса — за счет привлечения в него иностранных участников. На втором этапе правительство РК рассматривает возможность оказывать помощь КНДР в восстановлении и создании объектов инфраструктуры, в том числе в областях энергетики, транспорта и связи. Кроме того, будет активно поддержано создание новых специальных экономических зон на Севере, развитие приграничного сотрудничества и реализация трансграничных проектов в многостороннем формате РК—КНДР—КНР, РК—КНДР—РФ и т.п.⁷ Конечной целью своего курса Пак Кын Хе провозгласила «достижение объединения путем формирования экономического сообщества, основанного на устойчивом мире»⁸.

Важной характеристикой политики президента Пак Кын Хе в отношении КНДР провозглашается сбалансированный подход к межкорейским связям и международному сотрудничеству, позволяющий создать вокруг Северной Кореи обстановку, в которой существующему в ней режиму придется пойти на нужные Сеулу изменения. Для получения поддержки своего курса со стороны соседних стран южнокорейское правительство выдвинуло Инициативу мира и сотрудничества в регионе СВА (Northeast Asia Peace and Cooperation Initiative), также объявленную частью более масштабной Евразийской инициативы. Этот проект предполагает диалог и сотрудничество государств Северо-Восточной Азии по таким вопросам, как изменение климата, природные катастрофы, ядерная безопасность, кибербезопасность и другие, где сотрудничество уже возможно и есть потенциал для его расширения. На этом поле Сеул видит возможности для вовлечения Северной Кореи в процессы международного взаимодействия, включая дальнейшей поиск решения и более сложных военно-политических вопросов в СВА. Таким образом, за счет снижения региональной напряженности Южная Корея рассчитывает способствовать установлению устойчивого мира и сотрудничества в СВА.

Евразийская инициатива РК и интересы России

Для реализации крупных инфраструктурных проектов, являющихся важной частью президентской инициативы, Южной Кореи необходимо будет участие в них России и Северной Кореи. Однако отношения КНДР и РК до сих пор находятся в кризисном состоянии. Руководство Северной Кореи не очень позитивно оценило Евразийскую инициативу президента Пак Кын Хе. Курс РК на «утверждение доверия» был назван в Пхеньяне «политикой конфронтации и войны с КНДР, блокирующей улучшение межкорейских отношений

и повышающей опасность ядерной войны на полуострове»⁹. Согласно сообщениям в северокорейских СМИ, целью инициатив Пак Кын Хе является разоружение КНДР и реализация вторжения на Север в соответствии со сценарием, подготовленным США¹⁰.

При этом Пхеньян продолжает призывать южнокорейское руководство к соблюдению Деклараций, подписанных лидерами двух стран на межкорейских саммитах 2000 и 2007 г.¹¹ Последняя из них содержит важный блок экономических инициатив, которые так и не были реализованы.

Кроме того, в РК действует запрет на торгово-экономические отношения с Северной Кореей, введенный правительством страны 24 мая 2010 г. В таких условиях межкорейский экономический диалог не может развиваться. Несмотря на то, что в настоящее время значительная часть населения РК выступает за смягчение или отмену запрета на торговлю с КНДР, пока что позиция руководства страны по этому вопросу представляется неизменной, и отмены существующих санкций в ближайшее время ожидать не приходится. В отношении Северной Кореи со стороны Сеула сохраняется линия на увязывание политических и экономических вопросов по схеме «сотрудничество возможно только после уступок по вопросу денуклеаризации». А учитывая, что весной 2013 г. Ким Чен Ын выдвинул новую стратегическую линию на параллельное развитие экономического строительства и создание ядерных сил в КНДР, скорого отказа Пхеньяна от ядерного оружия не ожидается. В связи с этим вопрос о том, как Евразийская инициатива будет реализовываться на практике, остается открытым.

Во время встречи президентов РФ и РК в ноябре 2013 г. В. Путин поддержал Евразийскую инициативу Пак Кын Хе, отметив, что она полностью стыкуется с конкретными предложениями России в этой сфере, сформулированными еще несколько лет назад. Кроме того, президент России подчеркнул, что со стороны РФ уже были предприняты определенные практические шаги для ее реализации (это касается соединения Транскорейской железной дороги и Транссибирской магистрали)¹². Более того, предложения Пак Кын Хе находят отклик в продвигаемом В.Путиным «повороте на Восток», целью которого является укрепление позиций России в Азии через расширение отношений и экономических связей с государствами региона.

Необходимо отметить, что в деле реализации российских экономических интересов на Корейском полуострове руководство РФ возлагает особые надежды на осуществление крупных проектов с участием обоих корейских государств — соединение Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги, прокладку газопровода из России в РК через территорию КНДР и организацию поставок российской электроэнергии на Корейский полуостров. Пока ни один из них не вышел на стадию практической реализации в трехстороннем формате.

В то же время с 2008 г. Россия и КНДР осуществляют транспортное сотрудничество по проекту Хасан—Раджин. В его рамках были завершены реконструкция участка железной дороги Хасан—Раджин с укладкой совмещенной колес и работы по созданию перегрузочного терминала в порту Раджин, а также начата эксплуатация созданной инфраструктуры. Изначально этот проект провозглашался пилотным в рамках более крупной инициативы по соединению Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги. Поскольку эта идея полностью вписывается в Евразийскую инициативу РК, нынешнее правительство Южной Кореи решило оказать помощь своим компаниям в присоединении к этому проекту.

Во время визита президента России В. Путина в Сеул в ноябре 2013 г. между РФ и РК был подписан Меморандум о взаимопонимании, предполагающий возможность подключения консорциума южнокорейских компаний к российско-северокорейскому сотрудничеству по строительству и эксплуатации грузового терминала в порту Раджин и железнодорожной ветки от Раджина до российской станции Хасан. В условиях действующего запрета Сеула на инвестиции в КНДР войти в этот проект южнокорейский бизнес может только в рамках сотрудничества с Россией, например, через приобретение части

российской доли (70% в уставном капитале принадлежит ОАО «РЖД») в совместном предприятии РФ и КНДР «РасонКонТранс», являющимся оператором проекта. Принципиальное согласие от северян на участие южнокорейской стороны в проекте за счет части российской доли ОАО «РЖД» уже получила.

В 2014 г. представители южнокорейских компаний POSCO, Hyundai Merchant and Marine и KORAIL дважды посещали Раджин, где осмотрели инфраструктуру порта, железную дорогу, а также прочие объекты. После второго визита ОАО «РЖД» и консорциум южнокорейских компаний приступили к совместной работе по выработке механизма дальнейшей реализации проекта. Если подключение южнокорейских компаний к российско-северокорейскому сотрудничеству будет реализовано, это создаст важный прецедент и для других трехсторонних проектов. В то же время представители Южной Кореи на разных уровнях подчеркивают, что главным при принятии решения будет экономическая целесообразность предприятия и решение самих компаний. Правительство РК поддержит этот проект в случае положительного решения, однако стимулировать его из политических соображений не собирается.

В целом экономическая составляющая Евразийской инициативы РК отвечает долгосрочным интересам России в Азии, поскольку реализация заявленных в ней проектов будет способствовать расширению экономического сотрудничества со странами региона, а также позволит укрепить позиции РФ на Корейском полуострове за счет той важной посреднической роли, которую Москва может сыграть в межкорейском экономическом диалоге. Кроме того, инициатива президента РК играет не последнюю роль и в процессе принятия решения Сеулом о введении экономических санкций против России, на котором настаивает Вашингтон. Правительство РК, вероятно, до конца будет сопротивляться официальному присоединению к американским санкциям в отношении России, поскольку это не соответствует Евразийской инициативе, где сотрудничеству с РФ отводится важная роль.

Надо, однако, понимать, что действия РК в рамках Евразийской инициативы отнюдь не тождественны развитию трехстороннего сотрудничества и реализации существующих проектов с участием КНДР. С одной стороны, Сеул, безусловно, хочет экономической выгоды, возможности закрепления на российском и северокорейском рынках, а также использования России как посредника в политическом и экономическом воздействии на Пхеньян. С другой стороны, в РК очень осторожно относятся к необходимости развивать экономику «возможного противника», особенно если это требует долговременных вложений. Осуществление логистических услуг на уже построенной железной дороге потребует совсем другого уровня затрат по сравнению с ее строительством и оснащением инфраструктурой.

Последнее хорошо показало обсуждение перспектив конкретных проектов, прошедшее 1 октября 2014 г. на российско-корейской конференции в Сеуле, посвященной евразийскому сотрудничеству (*Cooperation of Eurasia and Korea-Russia Relations: Implications for Korean Unification*), где представители РК активно продвигали идею взаимодействия, при котором северокорейская рабочая сила использовалась бы на южнокорейских предприятиях, созданных на приграничной российской территории. При этом оплата северокорейского участия частично могла бы осуществляться продуктами, отгружаемыми в КНДР для решения продовольственных проблем. Для Республики Корея такой вариант «трехстороннего сотрудничества» представляется наиболее выгодным и реалистичным в современных условиях, поскольку он позволяет Сеулу избежать политических рисков, связанных со строительством объектов в КНДР, а также обойтись без затратного вложения в инфраструктуру на Севере.

Политика президента Пак Кын Хе по объединению Кореи

С первых дней пребывания у власти администрация Пак Кын Хе прилагает особые усилия для актуализации проблемы объединения Кореи и расширения поддержки своего курса как внутри страны, так и на международной арене.

Особую роль в этом играют внутренние факторы. В стране, где работа во имя объединения Родины является одной из конституционных обязанностей президента, все больше растет доля тех, кто считает, что объединение не нужно. В частности, согласно результатам опросов, проведенных Сеульским национальным университетом, количество южных корейцев, считающих объединение необходимым, в 2012 г. составило 54,7% от общего числа опрошенных. Причем в возрастной категории 19–29 лет эта доля оказалась еще меньше — всего 40,4%¹³. Подобные настроения среди южнокорейского населения обусловлены прежде всего тем, что большинство граждан РК не готово рисковать своим личным благополучием и уровнем жизни ради объединения. Ведь современные расчеты говорят о более чем триллионе долларов, необходимым для объединения Кореи.

Для оказания влияния на мнение населения в Южной Корее активно проводят исследования, посвященные выявлению и подсчету экономических выгод Республики Корея от объединения. Сама президент Пак Кын Хе в одном из своих выступлений назвала объединение Кореи «джекпотом», несущим колоссальную выгоду как всему полуострову, так и окружающим его странам. Кроме того, в 2014 г. в РК был создан специальный Президентский комитет по подготовке к объединению с целью выработки конкретных мер для достижения поставленной цели.

При этом руководство РК в качестве потенциального сценария объединения рассматривает, прежде всего, возможность Юга поглотить Север, причем на высшем уровне подчеркивается, что это может произойти внезапно (например, в результате коллапса существующего в КНДР режима). Однако опыт объединения Германии показал почти неподъемные расходы на объединение, когда оно возникает столь быстро. Германия потратила уже более 1 трлн евро на развитие восточных районов страны, но так и не смогла добиться выравнивания уровня жизни жителей бывших ГДР и ФРГ. Между тем, соотношение показателей ВВП на душу населения в ФРГ и ГДР к моменту объединения составляло 3:1. Нынешнее соотношение уровней ВВП на душу населения Юга и Севера, по южнокорейским оценкам, составляет 18:1. Население ГДР составляло четверть от населения ФРГ, а население Севера составляет половину от нынешней численности населения Юга. Даже по этим, весьма условным сопоставлениям видно, что финансовая нагрузка на экономику РК будет намного больше, чем в ФРГ.

Обратим внимание и на иные факторы, делающие германский опыт малоприменимым к корейскому случаю. ГДР в течение долгого времени имела доступ к западногерманским СМИ, а достаточно высокий уровень жизни населения позволял восточным немцам покупать весьма привлекательные западногерманские товары, что сыграло свою роль в качестве дополнительного толчка к объединению. В КНДР уровень представлений об РК существенно ниже, как и уровень доходов населения.

Согласно расчетам южнокорейских ученых из Корейской ассоциации политических наук, если бы Корея объединилась к 2030 г., в течение последующих 10 лет ежегодные вложения правительства РК в развитие инфраструктуры в КНДР составили бы около 27 млрд долл.¹⁴ Но это лишь расходы на инфраструктуру. А ведь существует большое количество других сфер, в которые потребуются финансовые вложения. Одна из них, не менее важная, — социальная сфера. Если после объединения для поддержки малообеспеченных слоев населения Северной Кореи будет применена южнокорейская система соцобеспечения, то большинство жителей Севера станут получателями государственных пособий. По подсчетам экспертов Корейского института развития, в этом случае число таких получателей вырастет с нынешних 1,5 млн до 20 млн человек, что увеличит объем государственных расходов в данной сфере в 10 раз (это составит около 2–3% ВВП)¹⁵. И

это далеко не полный перечень расходов, который Южной Корее предстоит понести в случае реализации сценария «внезапного объединения» с Севером.

Другим важным элементом современной объединительной политики РК является придание особого значения внешним факторам. В частности, по аналогии с объединением Германии, где важную роль сыграли договоренности СССР и США, южнокорейское руководство стремится достичь консенсуса с сопредельными странами, добившись их поддержки объединению Кореи по сценарию РК. Поскольку, по мнению Сеула, ключевыми странами для осуществления этого являются США и КНР, особое значение придается попыткам убедить Пекин присоединиться к коалиции давления на Пхеньян (США уже возглавляют эту коалицию) и не препятствовать потенциальному поглощению Севера Югом. В свое время СССР дал согласие на поглощение ГДР, но сделает ли то же самое Китай в отношении Северной Кореи — большой вопрос, особенно учитывая последствия объединения Германии для стратегических интересов России и современные политические тренды.

Концептуальное оформление политика объединения Пак Кын Хе получила в выступлении президента в Дрездене 28 марта 2014 г. Основным содержанием речи под названием «Инициатива по мирному объединению на Корейском полуострове»¹⁶ стали предложения о сотрудничестве с Севером, которые были условно разделены на три пункта. Во-первых, в гуманитарной области президент РК предложила КНДР сделать встречи разделенных родственников регулярными, а также выразила готовность через организации системы ООН оказывать Северной Корее гуманитарную помощь по поддержке беременных женщин и новорожденных. Во-вторых, в сфере экономики президент Пак предложила начать с небольших форм сотрудничества, таких как, например, создание совместных комплексов по поддержке сельского и лесного хозяйства в отдельных районах Северной Кореи. Далее по мере укрепления доверия можно было бы перейти к изучению возможностей осуществления инвестиций в строительство инфраструктуры (прежде всего, объектов транспорта и связи) и совместную разработку полезных ископаемых на Севере. Особый акцент в экономической части предложений был сделан на реализацию трехсторонних проектов с участием России или Китая. В-третьих, в сфере интеграции двух корейских государств президент Пак предложила развивать гражданские обмены в различных областях культуры, которые бы способствовали реальному сближению на межличностном уровне. А для экономической интеграции, если Северная Корея пожелает, лидер РК выразила готовность совместно с мировым сообществом поделиться с Пхеньяном опытом экономического управления и развития специальных экономических зон, а также предоставить северянам систематическое образование и тренинги в области финансов, налогообложения и статистики. Для этого президент РК предложила Северу создать «офис межкорейских обменов и сотрудничества», а также вновь озвучила идею о создании в демилитаризованной зоне между КНДР и РК «международного парка мира».

Нельзя сказать, что в своих предложениях президент Пак Кын Хе выдвинула какие-то принципиально новые идеи или подходы в отношении КНДР.

Северная Корея вполне ожидаемо осудила Дрезденскую инициативу президента Пак как попытку поглотить КНДР с привлечением к этому внешних сил. Кроме того, Пхеньян назвал предложения Пак Кын Хе не соответствующими текущему состоянию межкорейских отношений¹⁷. На конец 2014 г. они все еще находятся в кризисе, который начался после южнокорейской реакции на потопление корвета «Чхонан» в 2010 г., в котором обвинили КНДР.

По мнению некоторых российских специалистов, одним из главных недостатков объединительных инициатив президента Пак Кын Хе является фактическое игнорирование руководством РК озабоченностей КНДР по поводу своей безопасности¹⁸. Сеул отказывается предпринимать шаги для снижения уровня военного противостояния на полуострове, в частности, это касается проведения крупномасштабных военных маневров с участием США. Некоторые южнокорейские ученые также отмечают, что в своей полити-

ке руководству РК необходимо учитывать требования Северной Кореи о заключении мирного договора¹⁹.

При этом можно сказать, что в настоящее время идет довольно сложный «волатильный процесс». Курс президента Ли Мён Бака привел к довольно серьезному обострению межкорейских отношений. Пак Кын Хе унаследовала эту проблему и вынуждена решать ее в рамках консервативного тренда. Хотя формально ее подход отличается большей конструктивностью, и выделение недостатка доверия между сторонами в качестве главной проблемы представляется важным шагом вперед, на практике мы скорее наблюдаем переход кризиса из острой фазы в вялотекущую.

Хотя определенные сдвиги наметились, и их явным признаком была состоявшаяся в начале октября 2014 г. поездка трех высокопоставленных чиновников КНДР в РК на закрытие Азиатских игр, дальнейшего развития процесс не получил. По сути, северо-корейская инициатива была торпедирована отказом властей Южной Кореи пойти навстречу просьбе Пхеньяна о прекращении запуска пропагандистских листовок на территорию КНДР. Руководство РК остерегается подобных непопулярных мер, так как считает, что запуск агитационных листовок — конституционное право граждан РК. Не спешит оно и с отменой экономических санкций от 24 мая 2010 г., продолжая требовать от Северной Кореи извинений за потопление корвета «Чхонан». Кроме того, очень популярен среди южнокорейских политиков и экспертов тезис о том, что нельзя поддерживать экономический рост Севера, так как полученные от сотрудничества средства КНДР будут использоваться для развития своей ракетно-ядерной программы. При этом северо-корейские инициативы встречаются с заведомым недоверием²⁰. С начала 2014 г. только министр объединения Республики Корея Ю Гиль Чжэ более 15 раз заявлял, что «мы не верим северо-корейским предложениям и обещаниям».

В целом по вопросу об объединении Кореи наблюдается отход южнокорейской стороны от принципа самостоятельного объединения, закрепленного в Совместном заявлении Севера и Юга 1972 года²¹, к интернационализации этой проблемы и попыткам использовать другие страны для оказания давления на Северную Корею. РК пытается убедить соседние страны в том, что необходимо вынудить КНДР принять «правильное решение» и пойти по пути «реформ и открытости», которые позволяют Южной Корее обеспечить поглощение Севера. В области экономического сотрудничества наблюдается желание руководства РК перейти к небольшим проектам, которые не потребовали бы отмены санкций от 24 мая 2010 г., оставив реализацию крупных инициатив на будущее.

Интернационализация межкорейских отношений — достаточно давний тренд, связанный отчасти с общей позицией консерваторов в этом вопросе отчасти — с тем, что чем больше времени проходит с момента раскола страны, тем сильнее отличаются друг от друга корейские государства: ментальностью и особенностям языка (де-факто на Севере и Юге сформировались самостоятельные варианты литературного языка, что очень серьезно увеличивает взаимное непонимание), более того, даже ростом и внешним видом из-за определенного недоедания на Севере полноценного европейского питания на Юге, отчего южане уже не воспринимают северян как «полностью своих». Но важно и то, что поколение, для которого раскол Кореи был частью личной истории, уходит, а молодое выросшее в новых условиях, считает разделенный полуостров своего рода статус-кво, и объединение любой ценой не является для него приоритетом. Это, в частности, показывают приведенные выше данные опросов.

В 1970-е годы, когда при президенте Пак Чон Хи, отце нынешнего президента, состоялись первые серьезные тайные межкорейские переговоры, рана от раскола в массовом сознании еще не затянулась и межкорейским отношениям был придан особый статус, отличный от стандартного характера отношений между странами. Север не считали «другой страной», поэтому в дальнейшем межкорейскими проблемами занималось специально созданное Министерство объединения, а межкорейская торговля проходила отдельной строкой как «внутринациональная», не считаясь внешней.

Но постепенно две Кореи начали признавать статус друг друга на уровне, большем чем «часть территории нашей страны, временно захваченная вражескими марионетками». КНДР и РК стали членами ООН, и с формальной точки зрения их отношения становились все менее и менее особыми. Этим начали пользоваться консерваторы, которые на фоне неудач «солнечной политики» либеральных президентов, находившихся в РК у власти с 1998 по 2008 г., даже предлагали расформировать Министерство объединения, передав его функции Министерству иностранных дел. Серьезные протесты вынудили президента Ли Мён Бака отказаться от этой идеи, но реминисценции этого проявляются в курсе на интернационализацию межкорейских отношений, которые ранее подавались как сугубо внутреннее дело Юга и Севера.

Став президентом, Пак Кын Хе была обязана выдвинуть свой план межкорейского урегулирования, который при этом, с одной стороны, отличался бы от показавшей свою ошибочность конфронтационной линии Ли Мён Бака, а с другой — не выглядел бы как непопулярная в консервативном сегменте общества «солнечная политика-2». Разрабатывая данный курс, президент вынуждена была учитывать как состояние южнокорейско-американских отношений, так и свое неустойчивое положение между левыми и правыми. Для одних она недостаточно жестка, а для других — дочь диктатора Пак Чон Хи. Из-за этого, в частности, она сталкивается как с трудностями при проведении в жизнь своих планов, так и с ограниченной базой экспертов и советников, отвечающих за разработку ее инициатив.

Говоря о перспективах Евразийской инициативы нельзя не отметить, что пока этот проект не имеет высокого уровня проработки. Налицо некие лозунги, наброски и идеи. А четкой программы и постановки задач нет, что заметно даже по комментариям и трактовкам экспертов. Так, есть некоторые разногласия относительно того, что должно быть приоритетным в отношении с КНДР. Одни полагают, что в первую очередь надо укреплять инвестиционную, торговую и гуманитарную составляющую, которые будут способствовать развитию двусторонних отношений, и вообще делать акцент на экономике, а не на политике. Другие считают, что искусственно ограничивать сотрудничество не стоит. Экономическое сотрудничество должно быть связано с политической ситуацией, и при возможности, в случае развития успеха или при признаках слабости Севера, надо переходить от экономики к политическим вопросам.

Нет у южнокорейской стороны и ответа на вопрос, чем их сторона готова пожертвовать для достижения консенсуса. Сотрудничество воспринимается как односторонние уступки, хотя ряд южнокорейских экспертов отмечает необходимость отмены санкций от 24 мая 2010 г. как мешающих интеграционному процессу. Однако в целом у южнокорейской стороны нет четкого представления о том, в чем она готова уступить и чем пожертвовать. В основном продолжают разговоры о том, что меняться в первую очередь должна КНДР.

Некоторые российские кореееды видят на пути Евразийской инициативы два главных препятствия. Первое — неурегулированный вопрос с Севером. Нормализовать отношения с КНДР за РК не сможет никто, и Сеулу не стоит перекладывать это на чужие плечи, иначе евразийская инфраструктура станет реальностью, но РК окажется за ее пределами. К тому же в осуществлении «процесса доверия» заложена мина, связанная с устройством южнокорейской власти. Такие процессы требуют большого времени и непрерывного курса, потому что любое политическое «вихляние» будет восприниматься как доказательство неискренности. Но пятилетний президентский срок без права переизбрания ставит жесткое временное ограничение, сочетающееся с тем, что новый лидер практически никогда не позиционирует себя как продолжателя курса предшественника. В результате «активный период деятельности» (от окончательного утверждения во власти до превращения в «хромую утку») президента РК составляет, в лучшем случае, 3 года, и это естественно формирует установку на краткосрочные программы с достижением результата в кратчайшие сроки.

Второе препятствие — потенциальное противодействие США. Соединенные Штаты могут рассматривать Евразийскую инициативу не только как способ обеспечить международное давление на КНДР, но и как попытку диверсифицировать политические связи Сеула, начав завязывать партнерские отношения не только с островными, но и континентальными державами, — в первую очередь с Россией и Китаем, являющимися противниками США. Недоверие КНДР к Вашингтону и его «марионеткам» также будет оказывать влияние на межкорейские отношения. Пока на Корейском полуострове находятся американские войска, двум Кореям будет тяжело налаживать отношения между собой.

В контексте «спора о терминах» стоит ответить на вопрос о том, что есть «Евразия», имеет ли это понятие лишь географическое значение или его надо понимать шире. Корейский взгляд на границы Евразии отличается от российского, поскольку охватывает Тихий океан. Но даже если ограничиться континентальной частью, одни комментаторы имеют в виду Евразию вообще, другие — страны СВА/АТР, третьи — сугубо постсоветское пространство.

Затем, несмотря на определенное совпадение российских и корейских интересов, нам не следует обманываться в том, будто корейская сторона понимает под «евразийским» то же, что и российская. Это не так. Если в российском дискурсе «евразийство» или евразийские ценности воспринимаются, прежде всего, как альтернатива западным/общечеловеческим то, в Южной Корее этот термин могут понимать совсем иначе — в парадигме глобализации, как распространение европейских ценностей на Азию и создание в регионе единства не только энергетической и транспортной инфраструктуры, но и ценностной базы.

Подводя итоги рассмотрению северокорейской политики нынешнего президента РК, отметим, что Пак Кын Хе, вероятно, хотела бы выйти из замкнутого круга, по которому межкорейские отношения ходят с 2008 г. В этом контексте Евразийская инициатива представляет интерес, однако ее перспективы с точки зрения объединительной политики РК оставляют желать лучшего. Она способна снизить уровень межкорейских противоречий, но на пути движения вперед довольно много препятствий, связанных как с внешними, так и с внутривнутриполитическими факторами. При всем желании президента запустить работающую систему межкорейского взаимодействия Пак Кын Хе не полностью самостоятельна как во внешней, так и во внутренней политике. Южная Корея является союзником США и зачастую голосует так, как этого требует Вашингтон. В этом контексте межкорейское доверие противоречит планам тех, кто хотел бы видеть КНДР плотно сидящей в нише «угрозы миру», что оправдывает соответствующую активность США и их союзников. Между тем для обеспечения реальных шагов вперед придется идти на действия, которые вряд ли будут позитивно восприняты в Вашингтоне. Нынешняя Южная Корея не обладает самостоятельностью настолько, чтобы противопоставить свою волю американской в этом важном вопросе.

Кроме того, хотя курс на утверждение доверия между двумя странами — безусловно, хорошая инициатива (в первую очередь, с точки зрения преодоления подозрений и заблуждений, каковые могут стать причиной «случайной войны»), восстановление доверия — это процесс более сложный, чем кажется. Во-первых, образ врага легко пускает корни. Во-вторых, психологически очень трудно положить свое оружие на землю, не имея четких гарантий того, что противник не воспользуется твоим прекраснодушием. В-третьих, срабатывает фактор обманутых ожиданий, связанный с представлением о том, что восстановление доверия — процесс такой же быстрый, как его утрата. Плюс характерная привычка корейцев принимать уступки за слабость и немедленно начинать увеличивать давление, рискуя перегнуть палку и добиться обратного эффекта. В результате Сеул ждет «позитивного сигнала» от Пхеньяна, но пхеньянские инициативы остаются без ответа, и доверие понимается Югом в основном как односторонние уступки Севера. Такая, в лучшем случае половинчатая, тактика может снизить уровень обострения, но вряд ли приведет к качественному рывку.

1. Remarks by President Park Geun-hye at the 2013 International Conference on Global Cooperation in the Era of Eurasia. 18.10.2013. URL: http://english1.president.go.kr/activity/speeches.php?srh%5Bpage%5D=2&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=2636&srh%5Bdetail_no%5D=16#sthash.kWhW9Vvt.dpuf.
2. Korean Economy Follows the Path of Japanese Economy. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=147&content_id=105142&category=G
3. Solution to Economic Crisis Lies in Overseas Markets. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=104869.
4. *Лузянин С.Г.* Китай: «шелковая политика» возвышения. URL: http://rus.ruvr.ru/2014_03_19/269869737/
5. *Yun Byung-se.* Park Geun-hye's Trustpolitik: New Framework for South Korea's Foreign Policy // Global Asia. 27 September 2013. P. 8.
6. 2014 White Paper on Korean Unification. Ministry of Unification, Republic of Korea. P. 12.
7. *Choi Jinwook.* The Trust-building Process on the Korean Peninsula: a Paradigm Shift in Seoul's North Korea Policy // International Journal of Korean Unification Studies. Vol. 22. N.1. 2013. P. 48–49.
8. *Park Geun Hye.* Trustpolitik and a New Kind of Korea. Speech on the policy direction for diplomacy, security and unification. Seoul, November 5, 2012.
9. Rodong Sinmun Snubs S. Korean Regime's Watchword "Confidence-Building Process". October 23, 2013. [Electronic resource] — Mode of access: <http://www.kcna.co.jp/item/2013/201310/news23/20131023-08ee.html>.
10. Park Geun Hye Preaches Her Master's Doctrine for Aggression: News Analyst. October 31, 2013. [Electronic resource] — Mode of access: April 23, 2014. [Electronic resource] — Mode of access:
11. Prospect for North-South Relations Depends on Park Geun Hye: CPRK Open Questionnaire. April 23, 2014. [Electronic resource] — Mode of access: <http://www.kcna.co.jp/item/2014/201404/news23/20140423-14ee.html>.
12. Интервью южнокорейской телерадиокомпании KBS. 12.11.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19603>.
13. *Vantage Point.* Developments in North Korea. Yonhap News Agency. April 2014. Vol. 37. № 4. P. 31. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/vantage/index.html>.
14. Korean Unification in 2030 Expected to Spin off US\$55 Billion in Production. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/article/4421/reunification-korean-unification-2030-expected-spin-us55-billion-production>.
15. Объединение двух Корей может вызвать десятикратное увеличение расходов РК в сфере соц-обеспечения // KBS WORLD. 01.12.2012. URL: <http://www.k-window.com/nk/obedinenie-dvuh-korej-mozhet-vyzvat-desyatikratnoe-velichenie-rashodov-rk-v-sfere-sotsobespecheniya/>
16. President Park makes 3-point proposal to Pyongyang. March 31, 2014. URL: http://english1.president.go.kr/activity/headlines.php?srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=5370#sthash.utRRMfXO.dpuf.
17. NDC Spokesman Blasts Park Geun Hye's "Dresden Declaration". April 12, 2014. [Electronic resource] — Mode of access: <http://www.kcna.co.jp/item/2014/201404/news12/20140412-01ee.html>.
18. *Жебин А.З.* Усилия России во имя упрочения мира в Корее. // Proceedings of the 26th Korea-Russia International Conference «The Eurasia Initiative and a New Korea-Russia Relationship», Seoul, Hanyang University, 13–14 June 2014. P. 102.
19. Eul-Chul LIM. Park Gun-hye's Dresden Unification Plan: Evaluation and Tasks. 2014–03–30. [Electronic resource] — Mode of access: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0401V.aspx?code=FRM140417_0002.
20. Ю Гиль Чжэ: Югу и Северу нужен открытый диалог. KBS WORLD. 05.11.2014. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=36574&id=IK.
21. 4 июля 1972 г. было принято Совместное заявление между Севером и Югом, по которому объединение Кореи должно быть достигнуто: независимыми усилиями — без внешнего вмешательства; мирным путем — без применения силы по отношению друг к другу; на базе «великой национальной консолидации» — на первом месте должно стоять национальное единство, а на втором — различие в идеях и системах.

Экономика

Проблемы экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. «Круглый стол» в ИДВ РАН

В обзоре представлены результаты дискуссии в рамках «Круглого стола», проведенного в ИДВ РАН. Были подняты вопросы развития экономики региона, подъема Китая и изменения политики США, поворота России на Восток, затронуты также проблемы нетрадиционной безопасности, процессы и факторы, определяющие экономическую безопасность в Восточной Азии. Проанализированы потенциал и формы укрепления экономического сотрудничества, возможные пределы интеграции стран региона и ведущих держав.

Ключевые слова: «круглый стол», экономическая безопасность и сотрудничество, страны Восточной Азии, пределы и формы региональной интеграции, пути решения проблем.

27 октября 2014 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялся «Круглый стол» на тему «Актуальные проблемы экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». Это мероприятие проведено в рамках совместного исследования ИДВ РАН и Института китаеведения Академии общественных наук Вьетнама по гранту РГНФ № 14–27–09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». Участники встречи дали анализ текущего состояния экономической безопасности и форм экономического сотрудничества в регионе.

Помимо участников проекта РГНФ, с докладами выступили авторитетные российские специалисты из ИМЭМО РАН, МГИМО МИД РФ, РУДН, в том числе А.Н. Федоровский, Н.Г. Рогожина, А.А. Рогожин, Е.В. Колдунова, Н.В. Стапран, Ю.В. Тавровский. От ИДВ РАН в работе «Круглого стола» также приняли участие заместители директора Института В.Я. Портяков и А.В. Островский. Организатором и модератором был руководитель проекта и Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, на базе которого реализуется данный международный проект, д.э.н. В.М. Мазырин.

Открывая научную дискуссию, Мазырин В.М. охарактеризовал основные тренды глобальной экономики. Главными движущими силами мирового экономического развития сегодня становятся инновация и глобализация. Глобализация ведет к тому, что мировая торговля растет быстрее, чем ВВП, а инвестиционные потоки — быстрее объемов коммерческой торговли. Возникло общемировое финансовое пространство.

Пределы роста во многом определяются в настоящее время ожиданиями повторения кризиса 2008–2012 гг., и новый виток грозит начаться с сырьевых и торговых рынков. Китай — крупнейший среди таких рынков — наиболее уязвим в этом отношении.

Как реакция на это, отметил докладчик, возможно, усиление странового протекционизма в целях защиты национальных интересов. Столь продолжительный кризис, сопоставимый по своим масштабам с великой депрессией 30-х годов XX в., вызван, прежде всего, системными причинами. Началась смена одного технологического уклада другим, в результате чего лидеры экономики знаний пока выигрывают в этой гонке.

Однако ввиду неравномерности развития и резкого рывка вперед прежде отсталых стран Востока, баланс сил уже частично нарушен, и этот процесс будет нарастать. Хотя размер экономик США, ЕС и Японии уменьшается относительно развивающегося мира, тем не менее, они остаются самыми крупными и богатыми странами с точки зрения доходов на душу населения. Развивающиеся экономики Восточной Азии растут быстрее, чем экономики стран с высоким уровнем доходов, и сегодня их доля в мировом производстве составляет одну треть по рыночным ценам и половину при измерении по ППС. Отмечая, в частности, что разница между темпами роста развитых и развивающихся стран увеличилась, Мазырин В.М. подчеркнул, что бизнес-циклы стали более синхронными. Это, по его мнению, определяется тем, что развивающиеся страны становятся все более тесно интегрированными. Если они продолжат расти нынешними темпами, их доля в мировой экономике в 2020-е годы повысится до половины в текущих ценах, и одновременно Китай станет крупнейшей экономикой в мире.

Он отметил растущую долю развивающихся стран в глобальных инвестициях в основной капитал и торговых потоках. При этом Китай будет играть центральную роль: его подъем создает большие возможности для других стран Восточной Азии и остального мира в плане роста, движения капитала и поддержания высоких цен на сырьевые товары.

Далее Мазырин В.М. охарактеризовал эти изменения в мировой системе управления экономикой как преддверие к созданию мира без доминирующего экономического полюса. В таком «бесполярном» мире, вероятно, будут преобладать вовлеченные в кооперацию страны и торгово-экономические блоки. Это породит также риск роста регионализма и может свести на нет или сократить, как боятся либеральные экономисты, многие достижения глобализации за последние полвека.

В условиях доминирования рыночно ориентированной интеграции будет происходить укрепление институтов и механизмов всеобъемлющего регионального экономического сотрудничества. Представляя сценарий на период до 2020 г., докладчик отметил, что потенциальный рост экономики региона замедлится. Также отмечено нарастание воздействия социальных и природных факторов на развитие региона, которые могут представлять угрозу для экономической безопасности.

В своем выступлении в.н.с. ИДВ РАН Локшин Г.М. остановился на возможностях укрепления или ослабления экономических позиций США в регионе и на американской концепции «возвращения в Азию». Отмечено, что за прошедший период XXI в. США утратили многие свои позиции в ЮВА, хотя остаются крупнейшим политическим, экономическим и стратегическим игроком в Азии. С победой на выборах 2008 г. Б. Обамы по странам ЮВА, как и по многим другим, прокатилась волна ожиданий — так называемая «обамомания». Но выражалась она не столько в желании наращивания американского военного присутствия в регионе, сколько в надеждах на то, что США предложат им наконец такую программу сотрудничества, которая позволит пережить неумолимо надвигавшийся мировой экономический кризис и решить самые острые и болезненные проблемы региона, повысит качество жизни и поможет одолеть нищету, в которой там живут многие миллионы людей. Но после первого срока администрации Б. Обамы, как и в период второго срока, эти ожидания в основном так и остаются ожиданиями.

Докладчик отметил, что в первом десятилетии XXI в. США являлись главным торговым партнером АСЕАН с объемом товарооборота более 200 млрд долл. Но с 2010 г. вперед вышел Китай, нарастив товарооборот до 293 млрд долл. В 2013 г. объем двусто-

ронней торговли АСЕАН с Китаем достиг уже 350,5 млрд долл. (по китайским данным 443,6 млрд долл. — *Прим. ред.*), а в октябре 2013 г. стороны договорились довести его в 2015 г. до 500 млрд долл. и к 2020 г. — до 1 трлн долл. По общему объему инвестиций в 2012 г. США пока с остаются на первом месте (190 млрд долл.), опережая Японию (134 млрд долл.) и Китай (51 млрд долл.).

Говоря об отношении Вашингтона к интеграционным процессам в ВА, докладчик подчеркнул их «асеаноцентричность», т.к. США рассматривают углубление многостороннего сотрудничества с АСЕАН как наиболее эффективный способ противодействия возвышению Китая. Изменение политики США в этой части АТР не в последнюю очередь связано и с их экономическими интересами. США, как и другие традиционные лидеры в торговле с АСЕАН (Япония и ЕС), не хотят уступать Китаю подконтрольное им рыночное пространство, усиливая конкурентное давление на него, в частности, путем формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) и создания торгового блока в виде так называемого «Транстихоокеанского партнерства» (ТПП).

По мнению докладчика, цель состоит в том, чтобы предоставить больше преимуществ на рынках своим союзникам и партнерам и ослабить значение ЗСТ АСЕАН—Китай. ТПП призвано также расстроить механизм политических консультаций в рамках объединений АСЕАН+1 и АСЕАН+3, а с участием в ТПП таких стран, как Малайзия, Сингапур, Вьетнам и Бруней возникнет система не только экономических связей, но и политических консультаций, альтернативная АСЕАН и КАФТА. В действительности, поворот США в Азию сопровождается поворотом внутри Азии. Вашингтон уравнивает исторический акцент на странах Северо-Восточной Азии повышенным вниманием к государствам Юго-Восточной Азии, таким как Индонезия, Филиппины и Вьетнам, стремясь активизировать двустороннюю торговлю и увеличить взаимные инвестиции с некоторыми из наиболее динамичных экономик, а также наладить военное сотрудничество.

По мнению Локшина Г.М., несмотря на критику концепции «поворота» в АТР и краткосрочные отступления США от заявленной политики, вопрос состоит не в том, будут ли Соединенные Штаты уделять ЮВА больше внимания, а в том, смогут ли они выделить для этого необходимые ресурсы.

В своем выступлении **Портяков В.Я.** дал развернутую характеристику результатов экономического развития Китая за последнее десятилетие. За период с 2000 по 2013 гг. ВВП Китая в долларовом выражении (при пересчете по текущему курсу) вырос с 1,2 трлн долл. до 9,18 трлн долл., а его доля в мировом валовом продукте увеличилась с 3,66% до 12,4%. Было констатировано, что при этом соотношение ВВП Китая и ВВП США выросло с 11,6% до 54,6%. В 2014 г. Китай превзошел США по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют. В последние годы он вышел в мировые и региональные лидеры и по внешнеторговому товарообороту, который вырос с 509,6 млрд долл. в 2001 г., накануне вступления в ВТО, до 4,16 трлн долл. в 2013 г. (у США 3,91 трлн). КНР стала крупнейшей торговой державой мира с долей в мировом экспорте 14,7% и в мировом импорте 12,9%.

Рассматривая переориентацию модели экономического роста Китая от накопления и экспорта к потреблению и научно-техническому прогрессу, докладчик констатировал, что этот процесс потребует огромных затрат и длительных неустанных усилий по подъему науки, созданию собственных технологий, ресурсосбережению, более равномерному распределению доходов в обществе, внедрению всеохватывающего социального обеспечения населения. Важной чертой нынешней трансформации названо постепенное снижение темпов экономического роста Китая в обозримой перспективе: с 7,4–7,5% в 2014 г. до 6,8% в 2017 г., 6,3% в 2020 г. и 5,5% в 2023 г.

Портяков В.Я. остановился на текущей ситуации в торговле КНР с некоторыми соседними азиатскими государствами. В экспорте Вьетнама она на 4-м месте с долей 11,2%, зато в его импорте — на первом с долей 25,5%. У Индии доля Китая в экспорте

5,1% (4-е место), а в импорте он делит первое место с Евросоюзом — по 11,1%. Очень велика роль Китая в торговле Японии (18,1% в экспорте и 21,3% в импорте) и Республики Корея (24,5% в экспорте и 15,5% в импорте), Казахстана (17,9% и 16,8%). У Таиланда, Малайзии, Сингапура, Пакистана эти доли варьируют от 10 до 15%. В последнее десятилетие Китай все более активно выступает в мировом хозяйстве не только как получатель зарубежных инвестиций, но и как крупный инвестор.

Отмечая активные дискуссии о сроках и темпах интернационализации китайского юаня, докладчик высказал предположение, что юань, судя по всему, будет постепенно укреплять свои позиции в качестве валюты международных расчетов и банковских накопительных счетов, однако этот процесс будет небыстрым.

На вопрос об угрозах интересам других стран региона со стороны Китая В.Я. Портяков, ответил, что главная угроза — это внутренняя нестабильность. КНР прилагает большие усилия по смягчению социальной напряженности. Возможны массовые перемещения населения из-за загрязнения окружающей среды. Существует угроза безработицы из-за снижения темпов роста и она сегодня серьезней, чем угроза роста инфляции.

На вопрос о том, как Китай пытается регулировать ситуацию в ЮКМ с другими претендентами на спорные острова, докладчик ответил, что стороны конфликта стараются не сжигать мосты, понимая необходимость сохранять отношения. Еще в 2012 г. Китай заявил, что он не претендует на всё море, хотя с приходом к власти Си Цзиньпина позиция Пекина стала жестче.

В докладе “Поворот России в Азию” Колдунова Е.В. остановилась на вопросах о том, насколько он был продуман или ситуативен, какие подходы здесь существуют, какие реальные преимущества Россия может от этого получить.

Докладчик отметила ряд проблем и, в частности, депопуляцию на российском Дальнем Востоке, а также то, что в течение 90-х годов программа его развития была реализована не более чем на 25%. Включение других стран региона в экономику нашего Дальнего Востока осуществлялось больше через теневые формы. К 2010 г. стало очевидным отставание Дальнего Востока по сравнению с китайскими пограничными провинциями. Китайские ученые дали пессимистический прогноз развития Дальнего Востока, полагая, что РФ не может контролировать этот процесс.

Проблема состоит, по мнению докладчика, в том, что заявляя о развороте в Азию, Россия не имеет четкого представления о финансовой составляющей реформ и о том, как она будет диверсифицировать отношения со странами Восточной Азии и разрешать противоречия, связанное с тем, что Россия не очень готова к интеграции. На вопрос о том, может ли Россия хотя бы в среднесрочной перспективе переориентироваться с США и ЕС на Восток, Колдунова Е.В. ответила, что это будет зависеть от дальнейших действий США. По ее мнению, России не очень хотелось бы разворачиваться. Но рост экономических связей, например, торговли с АСЕАН (он 5-кратный, то есть на уровне Канады) будет подталкивать к повороту.

В эту дискуссию вступил Островский А.В. Он отметил, что Россия вслед за СССР вторично делает такую попытку, при том, что ее «буквально выталкивают на Восток». Как важный фактор он отметил, что В. Путин воспринимает это как свой проект и направляет процесс. К счастью, появился Китай, который желает расширения сотрудничества с Россией. В этом сотрудничестве примут участие и другие страны — Тайвань, Япония. Развитие Дальнего Востока — это стратегическое направление на долгие годы. Разворот, по оценке Островского А.В., будет впечатляющим.

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН Рогожина Н.Г. затронула проблему экологической безопасности в Восточной Азии. Она, в частности, отметила, что для стран Восточной Азии обращение к этой теме напрямую связано не столько с возникновением угрозы международных конфликтов, вызванных соперничеством за ограничен-

ные природные ресурсы, сколько с перспективами достижения экономического и социального прогресса, которые выглядят весьма туманными на фоне обострения экологических проблем, грозящих перерасти в полномасштабный экологический кризис.

Докладчик обратила внимание на провозглашение КНР курса на создание экоцивилизации. Эта концепция перспективного развития Китая стала политической программой развития страны. Построение экоцивилизации, по словам председателя КНР Си Цзиньпина, представляет собой «китайскую мечту» по модернизации страны в соответствии с идеями социализма, имеющими китайскую специфику. Китаю предстоит показать миру новый сценарий неоиндустриализации, основанный на развитии новых технологий, рациональном потреблении природных ресурсов, на снижении уровня загрязнения окружающей среды, полной реализации преимуществ огромного человеческого потенциала страны.

Стратегия зеленого роста как в Южной Корее, так и в Китае является неотъемлемым компонентом их экспортно ориентированного развития и основывается на амбициозных целях использования своих технологических ресурсов. Их создание оценивалось бы обеими странами как стратегически важная сфера производства, позволившая им занять лидирующие позиции в мире. Так, по оценкам Министерства наукоёмкой технологии Южной Кореи, в случае выполнения планов по развитию возобновляемых источников энергии, доля этих технологий на мировом рынке составит 15% к 2015 г., а доход от их продаж — 36,2 млрд долл.

Что касается стран Юго-Восточной Азии, то среди них можно выделить явных лидеров в реализации курса на экологически безопасное экономическое развитие, таких как Малайзия и Сингапур, которые так же как КНР и Южная Корея, придерживаются курса на осуществление зеленой революции на базе развития зеленых технологий. В Таиланде концепция зеленого развития нашла отражение в стратегии «Экономики самообеспечения», которая вписана в общий контекст социально-экономического развития страны и нацелена на соблюдение паритета экологических и экономических ценностей развития. Большинство же стран ЮВА за исключением Вьетнама и Индонезии не разработало еще стратегий зеленого роста как условия обеспечения своей экологической безопасности и выражает лишь общее намерение трансформировать свою экономику с учетом экологических потребностей развития.

Гордиенко Д.В. (ИДВ) в своем выступлении представил понятный аппарат экономической безопасности на современном этапе. Отталкиваясь от анализа тенденций развития мирохозяйственных связей, научно-технических преобразований в экономике, мировых интеграционных процессов и воздействия этих факторов на экономические основы национальной безопасности государств мирового сообщества он сделал ряд выводов:

1. Укрепление экономических основ безопасности государства обуславливает необходимость глубоких структурных преобразований в хозяйственном комплексе страны, ускорение научно-технического прогресса, массового внедрения в производство новейших технологий.
2. Экономическая безопасность государства предполагает всестороннее совершенствование внутризкономического и внешнеэкономического механизмов ее обеспечения.
3. Важнейшим рычагом укрепления национальной безопасности стран мирового сообщества являются экономическая и военно-экономическая интеграция, совершенствование системы коллективной безопасности.

Заведующий сектором общих проблем АТР ИМЭМО РАН Федоровский А.Н. отметил тесные взаимосвязи внутри мирового хозяйства. В частности, он подчеркнул, что специфику ситуации в Восточной Азии определяет разнонаправленность региональных политических и экономических тенденций. Несмотря на рост политической напряженности в отношениях региональных держав и обострение территориальных споров,

продолжают развиваться экономическое взаимодействие восточноазиатских государств между собой, а также их торгово-инвестиционные связи с США. В частности, на США и Японию приходится пятая часть внешнеторгового товарооборота КНР (12,5% и 7,5%), причем в китайском экспорте совокупная доля американского и японского рынков составляет 24%. Кроме того, он отметил стабильную заинтересованность во взаимных финансовых обменах (Китай вошел в числе ведущих держателей американских ценных бумаг), а также в региональной промышленной кооперации.

Говоря о безопасности, Федоровский А.Н. сделал вывод, что она зависит от участия стран в производственно-распределительных цепочках, от того, кто встанет во главе этих цепочек. Китай ставит задачу нарастить креативное участие в них. Он также прокомментировал индекс участия в глобальных цепочках добавленной стоимости (указывающий долю в них промежуточных товаров, которые завозят и вывозят из страны). В среднем в мире для развитых стран индекс составляет 59%, для развивающихся — 52%, для Китая — 59%, Японии — 51%, США — 45%.

В то же время наряду с развитием финансовых, торгово-экономических и кооперационных связей, как отметил докладчик, отношения региональных держав характеризуются их конкуренцией и столкновением интересов в Восточной Азии за источники топлива и сырья, за качество привлекаемых инвестиций и контроль за научно-техническими обменами, за участие в развитии инфраструктурных проектов. Наконец, главное, за право влиять на формирование стратегии тихоокеанской интеграции. Одним из выражений этой борьбы становится конкуренция институтов, действующих под влиянием той или иной державы. Так, в ноябре 2013 г. на Саммите АТЭС на о. Бали (Индонезия) был выдвинут тезис, что тихоокеанскому региону, в том числе Восточной Азии, в полной мере мешает реализовать свой потенциал неразвитость инфраструктуры. В русле такого подхода лежит решение о создании в Индонезии пилотного Центра АТЭС по вопросам государственно-частного партнерства, который призван оценивать инфраструктурные проекты, получать финансирование из частных источников и отслеживать ход реализации поддержанных им проектов. Помимо Международного Банка реконструкции и развития (в значительной степени находящегося под контролем США) и Азиатского банка развития (в котором велико влияние Японии) в октябре 2014 г. объявлено о формировании нового кредитного института — Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций (с капиталом до 100 млрд долл. и штаб-квартирой в Пекине), в котором ведущая роль будет принадлежать КНР.

Говоря о перспективах, Федоровский А.Н. констатировал, что грядет перевод конкурентной борьбы на очередную, главную стадию, на которой надо определить правовые и прочие «правила игры» в международных экономических отношениях. Прояснить нынешние реальные претензии в решении этих вопросов ведущих региональных держав, прежде всего Китая и США должен Саммит АТЭС 2014 г. в Пекине, на котором две страны представят свое видение перспектив региональной интеграции.

Докладчик остановился и на проблеме поворота России на Восток, охарактеризовав ее экономические отношения с тихоокеанскими соседями, включая ведущие державы ВА, как традиционное «взаимодополняемое партнерство». При нем торговля ведется с системным структурным дисбалансом у российской стороны. В этих условиях функционирование отечественного индустриального комплекса в целом и в его дальневосточной части не встроено в основные экономические процессы, происходящие в странах Восточной Азии, что и девальвирует усилия РФ по интеграции

Суммируя вышесказанное, докладчик заключил, что потребность в реализации стратегического «поворота на Восток» требует существенной коррекции российской тихоокеанской экономической политики.

Отвечая на вопрос о том, как России встроиться в восточноазиатскую кооперацию, докладчик отметил, что может быть неплохой аграрная цепочка. Кроме того, необходимо реально открыть Дальний Восток для собственного российского бизнеса.

В докладе о торгово-экономических связях КНР с РФ и АСЕАН **Островский А.В.** подчеркнул, что в результате мирового финансового кризиса 2008 г. во внешнеэкономической деятельности идет постепенная переориентация КНР со стран ЕС и США на АСЕАН и БРИКС из-за продолжающегося ухудшения международной экономической обстановки. С конца нулевых годов XXI в. для Китая оказались ограничены возможности экспорта в США, Евросоюз и Японию, что заметно снизило экономический потенциал страны, ориентированный на внешние рынки. В начале 2010 г. Китай обозначил свою ориентацию во внешней торговле на страны АСЕАН, с которыми создана зона свободной торговли. При определенных условиях КНР может избавиться от зависимости китайского юаня от американского доллара, и после перехода к полной конвертируемости юаня и расширения экспорта в страны ЮВА со временем превратить юань в резервную валюту в азиатской части мира — в странах Юго-Восточной и Восточной Азии.

В качестве экспортера капитала Китай уже вышел на 3-е место вслед за США и Японией. Быстрый рост инвестиционного потока за рубеж позволил Китаю усилить свои позиции на рынке прямых инвестиций как по доле в общемировом объеме инвестиций, так и по рейтингу. Крупнейшими рынками строительных проектов Китая являются Гонконг и Сингапур — соответственно 20% и 10% от всей суммы заключенных контрактов.

Быстрое развитие торгово-экономических связей со странами АСЕАН в значительной мере связано с развитием зоны КАФТА. После создания этой ЗСТ Тайвань был вынужден подписать рамочное соглашение с КНР, чтобы сохранить важный для себя рынок стран Юго-Восточной Азии, на который приходится значительная часть его внешней торговли.

В настоящее время Китай — крупнейший торговый партнер России в АТР, который превращается в один из ключевых центров формирующегося нового глобального сообщества. Как Россия, так и Китай решают задачи структурной перестройки экономик и в равной степени заинтересованы в активизации традиционных и поиске новых форм взаимодействия и сотрудничества. Несмотря на заметный рост объема внешней торговли между РФ и КНР — 89 млрд долл. в 2013 г. по сравнению с 33,4 млрд в 2006 г. доля торговли с РФ в объеме внешнеторгового оборота КНР по-прежнему остается низкой — чуть более 2% и будет в лучшем случае оставаться на этом уровне, невзирая на абсолютный рост объемов товарооборота.

По сути дела, Китай более заинтересован в российском экспорте, чем Россия в китайском импорте. Китаю необходимы такие товары, как нефть, природный газ, лес, рыба, цветные металлы — медь, никель, потребление которых резко возросло в последние годы, а также военная техника по линии “Рособоронэкспорта”. В экспорте из КНР в Россию заметную долю уже составляет машинотехническая продукция, хотя по-прежнему сохраняется объем поставок потребительских товаров и продуктов питания. Однако при нынешнем состоянии российской экономики районы Дальнего Востока и Сибири не могут без этого обойтись. На государственном уровне Китай всегда будет более заинтересован в поддержании российско-китайской торговли, нежели Россия, поскольку в экспорте из России преобладают недостающие в КНР природные ресурсы, а в импорте из КНР в Россию — потребительские товары и продукция машиностроения.

Объем внешней торговли между двумя странами во многом зависит от объема взаимных инвестиций в экономику, а эти объемы настолько малы, что не всегда попадают в сводные статистические показатели. Так что важная мера — увеличение объемов инвестиционного сотрудничества между странами, участие российского бизнеса в различных проектах на китайской территории, а китайского бизнеса — на российской. Другая мера — это развитие сотрудничества между регионами, участие в развитии проектов ре-

гионального сотрудничества, в частности, Китая — в развитии районов Дальнего Востока и Сибири, а России — в развитии Северо-Востока Китая и программы развития западных районов Китая. В этом плане важно и китайское предложение — строительство «Экономического пояса Шелкового пути», затрагивающее развитие инфраструктуры и создание совместных бизнес-проектов на территории Европейской части России. В частности, это строительство высокоскоростной железной дороги через Оренбург — Казань — Москву с двумя ответвлениями — на Минск и Центральную Европу и на Санкт-Петербург — в Северную Европу, а также участие Китая в строительстве моста через Керченский пролив в Крым и создание крупного торгового порта в Крыму — все на основе государственно-частного партнерства.

Директор Российского центра исследований АТЭС Стапран Н.В. дала оценку интеграционной повестки форума АТЭС-2014. Она отметила, что в контексте интеграции для России этот форум является небольшой дверцей в огромный регион. Характеристики о необязательном характере участия его членов в разных инициативах АТЭС России выгодны ввиду невысокого собственного потенциала и готовности. К тому же у нас есть свой интеграционный проект — ТС и ЕАЭС. Однако попытки развивать его наталкиваются на сопротивление США.

По данным докладчика совокупный ВВП стран АТЭС в 2013 г. составил 42 579 млрд долл. или 57% общемирового ВВП. Поэтому данная группировка является важным двигателем мирового экономического роста, а своевременное и адекватное участие в ней России служит залогом успешного продвижения ее стратегических интересов.

Рассматривая экономическую интеграцию в АТР в 2000-е гг., Стапран Н.В. отметила, что процесс выходит за пределы, обозначенные повесткой АТЭС. В частности, начинают стремительно развиваться интеграционные инициативы под эгидой АСЕАН и в формате двусторонних соглашений о свободной торговле (ЗСТ) между отдельными странами, в том числе и между странами восточноазиатской тройки (Китай, Южная Корея, Япония). В итоге вместо трех соглашений о ЗСТ, функционировавших в АТР на момент создания АТЭС (1989 г.), сейчас в регионе действует 56 соглашений, создавая запутанную сеть взаимных ограничений и обязательств, зачастую дублирующих, а порой и противоречащих друг другу. Для их объединения инициировано два альтернативных конкурирующих переговорных процесса по созданию мегаинтеграционных соглашений — один под эгидой США (Транстихоокеанское партнерство) и другой на основе формата АСЕАН+6 под руководством Китая — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

В целом все участники АТЭС разделяют китайское видение ЗСТ АТР, ни у кого не вызывает сомнений необходимость обмена информацией, поддержание прозрачности и наращивание потенциала для ее формирования. Однако попытка определить практические шаги по реализации ЗСТ не принесла успеха. Большинство экономик, в том числе и Россия, пока не готовы обозначать конкретные сроки (Китай предложил 2025 г.) и согласовывать конкретный план действий. Основным оппонентом Китая в данном вопросе являются США, видимо, опасаящиеся того, что переключение общего внимания на ЗСТ АТР затормозит переговорный процесс ТТП, который и так после присоединения Японии (2013 г.) испытывает значительные затруднения. По мнению докладчика, Россия имеет возможность занимать более гибкую позицию в данном вопросе, так как пока непосредственно не задействована в других интеграционных объединениях, кроме Евразийского экономического союза. Для продвижения собственных интеграционных интересов и задач ЕАЭС Москва очень заинтересована в открытости, прозрачности и возможности обмена опытом во всем том, что Китай намерен делать на пути к созданию ЗСТ.

ЗСТ АТР, как и ВРЭП, ввиду значительного количества участников представляют собой гибкие переговорные форматы, позволяющие сосредоточиться именно на обсу-

ждении экономических вопросов и забыть о взаимных политических обидах. По мнению докладчика, участие в этой ЗСТ может обернуться для России весьма существенными выгодами, так как за счет обеспечения наилучших условий для свободного движения товаров, услуг, инвестиций в перспективе должен значительно вырасти объем инвестиций и торговли со странами-участницами этого соглашения. Однако, пока открытым остается вопрос, нужно ли планировать участие России в 10–15 летней перспективе исключительно в ЗСТ АТР, или же сначала по аналогии с большинством других экономик АТЭС следует пройти обязательный предварительный этап в виде членства в ТТП или ВРЭП.

А.А. Рогожин выразил сомнение в том, что АТЭС важен для России, а также в реальности намерений России в отношении поворота на Восток, аргументируя практикой бывшего СССР, который торговал там, где это выгодно. Рассчитывать на то, что развитие Сибири мы сможем переложить на кого-то другого — это заблуждение, сказал Рогожин А.А.

А.В. Островский напомнил, что при расчетах в 2007 г. коэффициента взаимосвязанности экономики России с другими стран АТЭС она оказалась на 20-м месте. Если пересчитать сегодня, то изменений не произошло.

Заведующий сектором социально-экономических проблем ИМЭМО Рогожин А.А. в своем докладе провел некоторые параллели в прединтеграционных процессах в Восточной Азии. Он, в частности, отметил, что их развитие в настоящее время происходит по двум подчас параллельным, но зачастую пересекающимся направлениям — экономика и безопасность. Усиление связи между двумя этими направлениями становится все более очевидным.

Растет число соглашений о свободной торговле, заключаемых в регионе, которые в дополнение к их роли как факторов ускорения экономического развития, служат также геополитическим и стратегическим целям. Это меры по укреплению доверия, способствующие углублению региональной интеграции. В Юго-Восточной Азии такого рода активность наиболее заметна, особенно в сфере экономики. Страны ЮВА неспешно, но упорно стремятся к 2015 г. создать Экономическое сообщество АСЕАН на основе «единого рынка и производственной базы».

США и ЕС имеют веские стратегические причины для взаимодействия со странами Восточной Азии по целому ряду вопросов. В этом контексте четыре области могут быть выделены как имеющие особое значение: 1) стимулирование экономического роста; 2) укрепление безопасности; 3) сохранение стабильности; 4) создание отношений сотрудничества с Китаем. Хотя существует стремление к укреплению экономических связей США и ЕС со странами Восточной Азии, очевиден риск, что такой подход может быть подорван внутривосточными соображениями в США и ЕС.

В этом контексте потенциальная роль, которую региональные форумы и АСЕАН, в частности, могли бы сыграть в урегулировании конфликтов и содействии диалогу, все больше растет. Учитывая глубину торговых отношений внутри региона, как Китай, так и АСЕАН заинтересованы в предотвращении обострения здесь напряженности. В то время как Китай настаивает на двустороннем подходе к такой дискуссии, большинство стран региона предпочитают, чтобы любое потенциальное решение обсуждалось на прямых многосторонних переговорах между АСЕАН и Китаем.

За ростом Китая и проблемами, с которыми он сталкивается в настоящее время, тщательно следит остальной мир. С одной стороны, есть опасения, что если Китай будет доминировать в региональных политических институтах Восточной Азии, он сможет влиять на них таким образом, что может нанести ущерб интересам США и ЕС. С другой — все большим признанием пользуется совет, высказанный группой американских экспертов: лучшим вариантом для США в Восточной Азии является отказ от претензий на господство и раздел сфер влияния с Китаем. Однако на фоне нарастающих интеграционных тенденций в Восточной Азии в США и в ЕС все большую популярность приобре-

тает точка зрения, что вместо того, чтобы преследовать свои интересы на двусторонней основе с отдельными странами в регионе, западные силы должны закреплять свое положение вхождением в состав многосторонних организаций региона.

Основной задачей сотрудничества ЕС и США в регионе постепенно становится создание механизмов для дальнейшего укрепления региональных структур, способных обеспечивать их собственные интересы.

Профессор РУДН Тавровский Ю.В. остановился на формировании экономической зоны в рамках Шелкового пути как интеграционном проекте. При этом он отметил, что характерной особенностью проектов Трансатлантического партнерства и ТТП является то, что в них не предусмотрено членство Китая и России. Более того, именно против этих держав и их партнеров по БРИКС, ЕАЭС, ШОС и нацелены геэкономические проекты США. Ответом на грозящий Китаю экономической изоляцией проект ТТП, а также план военно-политического сдерживания Китая под названием «Поворот в Азию» (Pivot to Asia) стали концепции Экономической зоны Великого шелкового пути (ЭЗВШП) и Морского Шелкового пути для XXI века (МШП-21). За прошедшее время новая концепция так и не получила привычных на Западе четких очертаний геэкономического образования. Возможно, этот метод внешней политики нового Председателя КНР является продолжением традиции не имевшего четкой структуры Шелкового пути старинного. Пролегающий вдоль древнего пути новый экономический коридор — от Тихого океана до Балтийского моря — охватывает более 30 стран Евразии с населением свыше 3 млрд человек. По статистике в настоящее время страны, расположенные на Шелковом пути, обеспечивают до 23 процентов мирового экспорта.

Новая концепция Пекина вызвала в России неоднозначную реакцию. Некоторые российские эксперты стали называть ее «рецидивом китайского гегемонизма», «противостоянием проекту Евразийского экономического союза» или даже «попыткой отторжения от Москвы ее сферы влияния в Центральной Азии». Но в мае 2014 г. российский лидер заявил о поддержке экономической зоны Шелкового пути, транспортной интеграции, участия китайских компаний в освоении российского Дальнего Востока, в т.ч. в модернизации БАМ и Транссиба.

Стратегическая концепция Сообщества общей судьбы Китая и АСЕАН и совместного построения ими «Морского шелкового пути XXI века» также не имеет четких организационных рамок. Она, по формулировке Председателя КНР Си Цзиньпина основана на принципах доверия, открытости и толерантности, направлена на укрепление добрососедства.

По мнению докладчика, две новые концепции Си Цзиньпина говорят не о стратегическом наступлении Китая, а об активной стратегической обороне, призванной отвести от страны все более реальную угрозу экономической блокады и военно-политического сдерживания. Первая — с Запада, вторая — с Юга и Востока. Северный периметр китайских границ надежно прикрыт стратегическим партнерством с Россией. Создание ЕАЭС с участием Казахстана, перспектива присоединения к интеграционному объединению Киргизии и Таджикистана делают ситуацию в регионе более предсказуемой.

Разрабатывая и осуществляя две параллельные стратегии Шелкового пути, Пекин главной целью считает обеспечение экспортного товаропотока в Западную Европу самым безопасным путем. Транзитные страны и регионы при этом имеют не меньшее значение как рынки и источники сырья. Это относится и к странам АСЕАН, и к государствам Центральной Азии. Емкость их рынков (400 млрд долл. и 40 млрд долл. соответственно) сравнима с рынками Европы или даже целой Африки.

Россия в рамках концепции ЭЗВШП выглядит не как стратегический рынок, а скорее как важная транзитная территория. С учетом сохраняющейся нестабильности на Среднем Востоке и в Закавказье контролируемые Россией транспортные артерии приоб-

ретают первостепенное значение. Растущий интерес Пекина вызывает Северный морской путь.

Санкции, наложенные на Россию под предлогом событий на Украине, открывают перед китайскими товарами обширные ниши, до этого занятые европейскими и американскими товарами. В скором будущем можно ожидать также роста товарообмена в результате решения Пекина разрешить крупные инвестиции в России и решения Москвы снять гриф секретности с некоторых российских технологий, допустить китайские компании в крупные инфраструктурные проекты. Нарастающее политическое, военное и экономическое сдерживание Западом как России, так и Китая вполне может привести к тому, что Россия станет одним из главных китайских рынков.

В.Я. Портяков сделал уточнение, что у Шелкового пути есть более широкий геополитический контекст — Go West, западные специалисты только так и восприняли планы Китая. Н.Г. Стапран высказала мнение, что стратегия ухода США из Афганистана была увязана с проектом Шелкового пути. Ю.В. Тавровский дополнил, что в начале 1990-х гг. Евросоюз выдвинул идею строительства Шелкового пути, затем США объявили похожий проект.

Гл. н.с. ИДВ РАН Суслина С.С., в частности, остановилась на проблеме заинтересованности в восточноазиатской интеграции государств Корейского полуострова и в первую очередь Республики Корея.

Восточноазиатская экономическая интеграция затрагивает и проблему реинтеграции экономик двух корейских государств, поскольку она является важным фактором обеспечения безопасности в регионе и необходимым условием реализации ряда перспективных многосторонних проектов. Создание зоны свободной торговли в Евразии позволило бы снять многие противоречия между странами, в том числе могло бы ускорить процесс экономического объединения стран Корейского полуострова и создать колоссальный по емкости единый рынок, подобный Евросоюзу.

До недавнего времени наиболее трудно шел процесс интеграции. Такие ведущие страны этого субрегиона, как РК и Япония делают особый акцент именно на формате Восточноазиатского сообщества. ВАС объединяет 3,4 млрд населения, что составляет 54,1% мирового населения; суммарный экспорт и импорт стран ВАС достиг 10 трлн долл., что сопоставимо с показателем ЕС (12 трлн долл.), кроме того 44% торговли приходится внутри ВАС. Если брать его северо-восточную часть, то только на Южную Корею, Японию и Китай в совокупности приходится более 70% мирового объема производства.

За последние десятилетия степень взаимозависимости экономик ключевых стран СВА — КНР, Японии и РК — значительно возросла. Экономический союз трех стран способен стать крупнейшим экономическим блоком мира, опередив США и ЕС (в 2012 г. объем ВВП этих трех стран составил 21,8% мирового). Заключение соглашения о свободной торговле подтолкнет экономический рост и товарооборот стран-участниц. Так, потенциальный прирост ВВП РК оценивается в диапазоне от 0,95% до 5,15%, Китая — от 0,03% до 1,54%, Японии — от 0,03% до 1,24%.

Характеризуя инвестиционное сотрудничество между тремя странами, докладчик отметила, что объем внутрирегиональных инвестиций находится на довольно низком уровне. Основной поток инвестиций направлен из Японии и Республики Корея в Китай. Иная ситуация сложилась в торговле.

Доля региональной торговли в общем объеме внешней торговли трех стран товарами увеличилась с 2008 по 2013 гг. с 10,2% до 19,6%. Одновременно наблюдается нарастание конкуренции между тремя странами в областях обрабатывающей промышленности, в частности в сталелитейной, автомобильной и судостроительной сферах на фоне сходной структуры экономики.

«Толчок» к развитию необходим и в сфере торговли услугами. В Японии и Республике Корея торговля услугами занимает соответственно 80% и 60% ВВП, в Китае ее доля равна 40%. Хотя все три страны могли бы эффективно дополнить друг друга, так как каждая имеет свои преимущества, пока, как отметила Суслина С.С., реализация потенциала сотрудничества в этой области между тремя странами находится на очень низком уровне.

В числе главных факторов, затрудняющих переговорный процесс по зоне свободной торговли между этими странами, выступает конфликт экономических интересов трех стран. В то же время, подытожила Суслина С.С., очевидно, что цели, которые Япония, Китай и Республика Корея стремятся реализовать через заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле, не ограничиваются соображениями торговли. Китай надеется повысить взаимозависимость трех стран, что позволило бы снизить влияние США в регионе, которое во многом проводится через Японию и РК. Япония, любыми способами пытающаяся «реанимировать» экономический рост, в первую очередь рассчитывает на дальнейшую концентрацию экономических интересов Китая в регионе Северо-Восточной Азии после заключения такого ССТ. Сеул в этом проекте видит возможность реализовать себя в качестве «медиатора» в соперничестве Китая и США, то есть взять на себя те же функции, которые опосредованно представлены в ВА Японией.

Подводя итоги дискуссии, модератор, отметив выдающиеся успехи Восточной Азии в последние десятилетия, повысившие ее глобальный экономический вес, обратил внимание на рост влияния стран этого региона в глобальных институтах. Дальнейший быстрый и стабильный экономический рост и международное признание будут зависеть от того, насколько страны региона используют новые возможности и справятся с многочисленными вызовами. Наиболее очевидна необходимость дальнейшей региональной интеграции, чтобы воспользоваться преимуществами китайской динамики и справиться с ростом неравенства и другими социальными проблемами. Перед странами региона также остро стоит задача создания инновационных и устойчивых к стихийным бедствиям городов, обеспечения экологической устойчивости.

В то же время, учитывая повышение роли Восточной Азии в создании эффективной и стабильной глобальной системы хозяйства, странам региона придется увеличить свой вклад в борьбу с глобальными дисбалансами, построение стабильной и эффективной международной финансовой архитектуры, смягчение последствий изменения климата.

В заключение Мазырин В.М. выразил надежду, что предпринимаемые руководством РФ меры в сложной ситуации западных санкций послужат эффективному решению практических вопросов развития нашей экономики и ее интеграции в формирующуюся экономическую систему Восточной Азии.

Экономический рост в Китае в 2014 г. и прогноз на 2015 г.

© 2015

П. Мозиас

Поквартальная динамика китайского ВВП во второй половине 2014 г. отклонилась от той траектории, что стала привычной за предыдущие два с половиной года. На рубеже 2011–2012 гг., когда экономика КНР вступила в полосу замедления, прирост ее ВВП стал подвергаться краткосрочным колебаниям.

Ключевые слова: экономический рост, потребление, инвестиции, чистый экспорт, рынок недвижимости, дефолты.

Поквартальная динамика китайского ВВП во второй половине 2014 г. отклонилась от той траектории, которая стала уже привычной за предшествовавшие два с половиной года. С тех пор, как на рубеже 2011–2012 гг. экономика КНР вступила в полосу замедления, прирост ее ВВП был подвержен краткосрочным колебаниям, получившим среди экспертов название «мини-цикл». В начале календарного года темпы экономического роста обычно снижались, и, реагируя на это, власти предпринимали меры «мини-стимулирования» деловой активности: увеличивали государственные расходы, предоставляли налоговые послабления предприятиям, смягчали денежную политику¹. Как следствие, во второй половине года происходило некоторое ускорение прироста ВВП, но в первом квартале следующего года оно уступало место новому замедлению (рис. 1)².

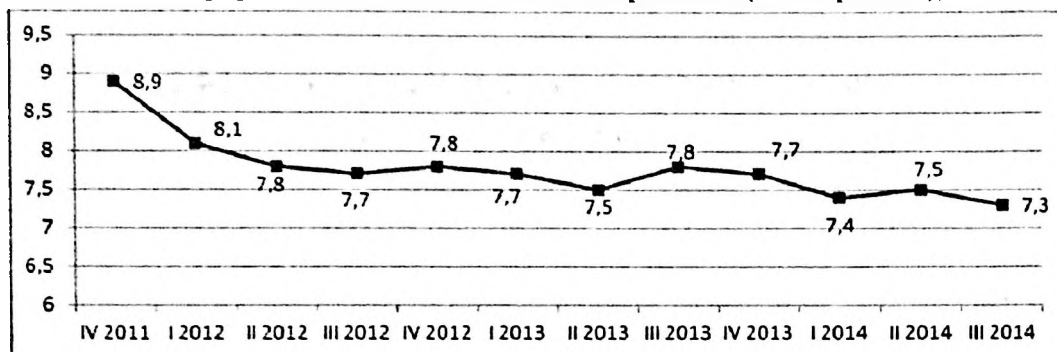
Поначалу и в 2014 г. ситуация складывалась сходным образом. В ответ на ослабление хозяйственной динамики в первом квартале правительство в апреле увеличило государственные ассигнования на строительство железных дорог и субсидируемого жилья для семей с низкими доходами, расширило сферу действия налоговых льгот для малых предприятий.

Народный банк Китая (НБК) дважды выборочно снижал нормативы обязательного резервирования: в конце апреля — для сельских коммерческих банков и кредитных кооперативов, а с 16 июня 2014 г. — для тех коммерческих банков, у которых значительная доля кредитов приходится на финансирование малых предприятий и сельского хозяйства.

Во втором квартале экономика действительно ответила на «мини-стимулирование» некоторым ускорением роста. Но эффект этот оказался недолговечным: в третьем квартале прирост ВВП снова затормозился, т.е. фаза нового замедления в «мини-цикле» наступила раньше, чем это было в предыдущие два года.

Рисунок 1

Темпы прироста ВВП Китая в годовом выражении (по кварталам), %

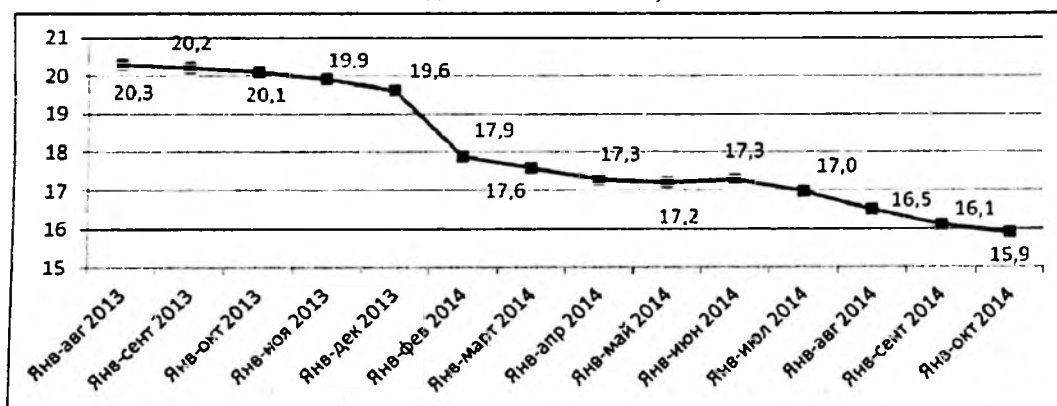

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

Наиболее неблагоприятно на совокупном росте экономики в настоящее время сказывается ослабление *инвестиционных процессов*. Темпы прироста капиталовложений в основные фонды с конца 2013 г. составляют менее 20% в годовом исчислении, а в течение 2014 г. они продолжали снижаться (рис. 2).

Рисунок 2

Темпы прироста капитальных вложений в основные фонды в годовом исчислении, %

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

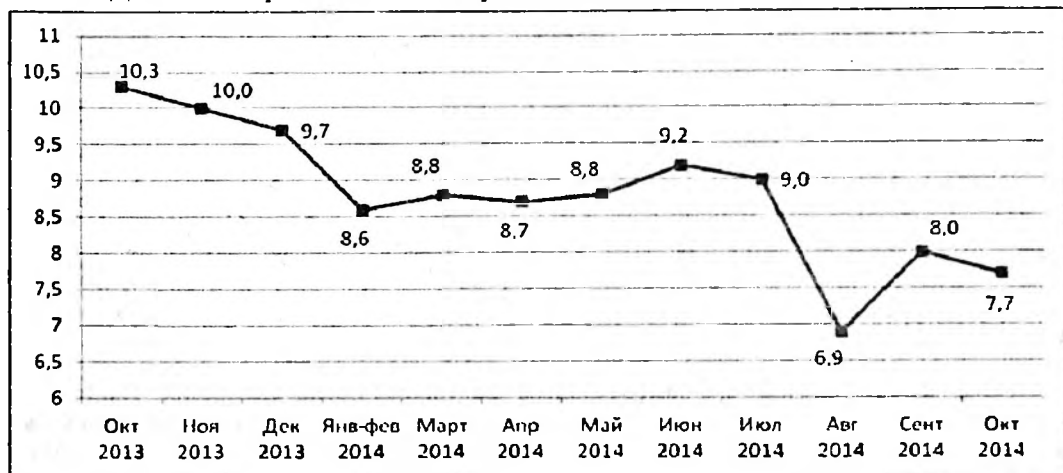
Самым существенным замедление было в обрабатывающей промышленности, где за период с января по октябрь 2014 г. инвестиции выросли только на 13,1%. В то же время инвестиции в «первичный сектор» (сельское хозяйство и добывающую промышленность) за десять месяцев 2014 г. увеличились на 28,9%, а в сферу услуг — на 17,4%. Симптоматично, что прирост частных инвестиций хотя и оставался на более высоком уровне, чем в других институциональных секторах, но тоже замедлялся в течение 2014 г.: с 21,5% в январе — феврале до 18,0% в январе — октябре.

Для сравнения, инвестиции за счет средств центрального правительства за десять месяцев 2014 г. увеличились на 10,4%, за счет ресурсов местных властей — на 16,2%, а иностранные инвестиции (без учета вложений из Гонконга, Макао и Тайваня) и вовсе сократились на 0,2%.

О том, что промышленность на глазах перестает быть главным отраслевым «локомотивом» китайской экономики, свидетельствует не только относительная вялость инвестиционного спроса в этом секторе, но и умеренные по китайским меркам темпы прироста промышленного производства. Еще недавно они тяготели к 20% годовых. Но в 2014 г. рост добавленной стоимости в промышленности выражался уже не в двузначных цифрах, во втором квартале темпы ее прироста несколько ускорились, но затем они замедлились до показателей, близких к тем, что наблюдались в острой фазе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. (рис. 3).

Рисунок 3

Динамика промышленного производства в годовом исчислении, %

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

Еще негативнее повлиял на общую хозяйственную динамику наступивший в 2014 г. перелом конъюнктуры на рынке недвижимости. С мая индекс цен на недвижимость, отражающий ситуацию в 100 крупных и средних городах, впервые за два года начал движение вниз. В мае его снижение составляло 0,32%, а в августе оно достигало 0,59%³. Если в промышленности темпы прироста инвестиций все же стабилизировались на короткий период в конце второго квартала 2014 г., то в сфере недвижимости они устойчиво замедлялись в течение всего года (рис. 4).

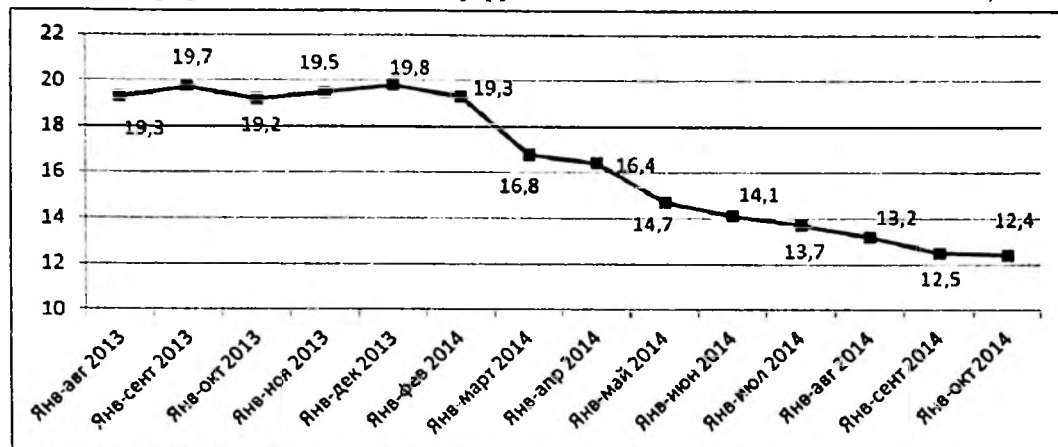
Объемам продаж на рынке недвижимости в 2014 г. тоже была свойственна негативная динамика. Правда, в начале четвертого квартала она стала несколько менее выраженной. Общая площадь реализованных помещений в январе — октябре составила 884,9 млн кв. м, что было на 7,8% меньше, чем в аналогичный период 2013 г., но по сравнению с итогами трех кварталов темп сокращения уменьшился на 0,8 п.п. В стоимостном выражении продажи жилой недвижимости уменьшились за десять месяцев на 9,9%, офисной — на 20,4%, производственных помещений — на 8,3%. Сходные тенденции отражают и данные о новостройках: в январе — октябре 2014 г. совокупная площадь вновь заложенных объектов уменьшилась по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 5,5%, но по итогам трех кварталов темп падения достигал 9,3%.

Мониторинг рынка недвижимости, который проводит ассоциированная с Financial Times исследовательская компания China Confidential, зафиксировал в октябре 2014 г. существенное оживление продаж и изменение ценовой динамики на рынке недвижимости⁴. Но пока трудно сказать, насколько устойчивой окажется эта тенденция. Вполне возможно, что она представляет собой не более чем краткосрочную коррекцию: после

нескольких месяцев депрессии на рынке появилось некоторое число покупателей, решивших воспользоваться снижением цен и улучшением условий ипотечного кредитования (после соответствующих мер, предпринятых властями в сентябре).

Рисунок 4

Темпы прироста инвестиций в сферу недвижимости в годовом исчислении, %

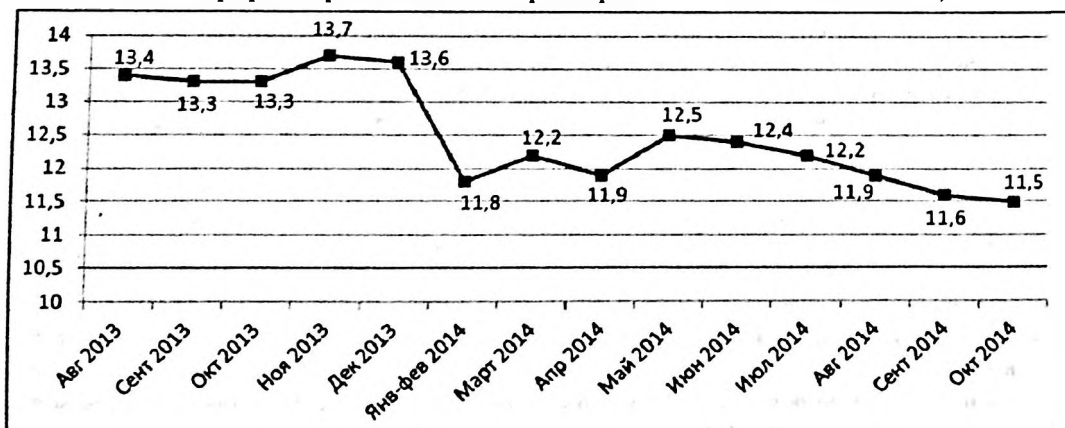

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

В любом случае, фундаментальным фактором, препятствующим оживлению рынка недвижимости, в обозримой перспективе является существующий избыток предложения. По-видимому, именно то, что эффект «мини-стимулирования» в середине 2014 г. вступил в противофазу с начавшимся ослаблением рынка недвижимости, как раз и обусловило во многом различия в поквартальной динамике ВВП между 2013 и 2014 гг.

Рисунок 5

Темпы прироста розничного товарооборота в годовом исчислении, %

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

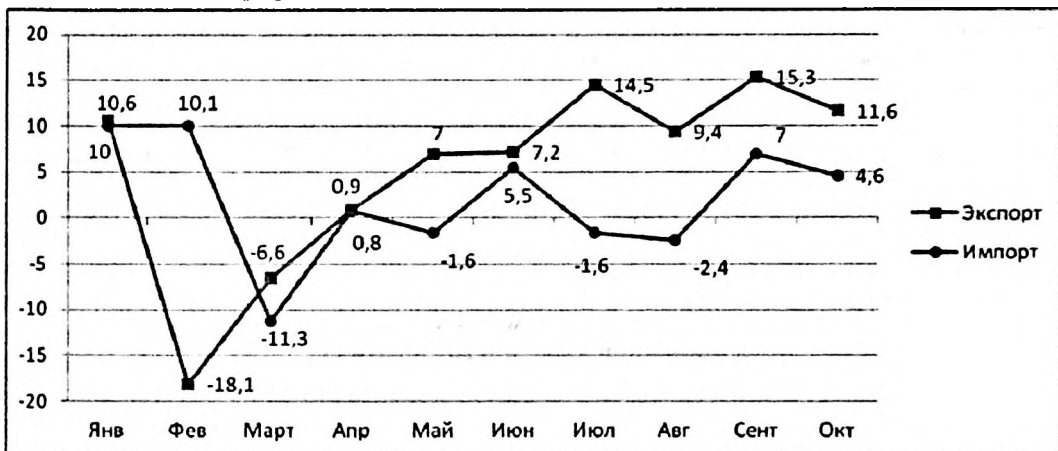
По сравнению со скоростью прироста инвестиций темпы увеличения розничного товарооборота — главного показателя, отражающего состояние *потребительского спроса*, — были в течение 2014 г. относительно стабильными. Но и они были ниже, чем годом ранее, а, начиная с июня им была свойственна затухающая динамика (рис. 5). При

этом за первые десять месяцев 2014 г. розничные продажи в городах и поселках выросли на 11,8%, а на селе — на 13,0% (хотя там прирост потребления происходил во многом под воздействием государственной политики стимулирования крестьянских доходов и субсидирования продаж крестьянам товаров длительного пользования).

На фоне не лучшего состояния внутреннего спроса «светлым пятном» выглядит ускорение с середины 2014 г. динамики *чистого экспорта* — под влиянием оживления экономик США и других развитых стран. Если в феврале — апреле 2014 г. товарный вывоз из Китая не только не увеличивался, но и сокращался, то с июня его прирост стал устойчиво положительным, а в третьем квартале темпы его увеличения выражаются в двузначных цифрах (рис. 6).

Рисунок 6

Динамика внешней торговли в 2014 г.
(темпы прироста экспорта и импорта в годовом исчислении, %)

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

При этом в июле — августе наблюдалось абсолютное сокращение импорта, в результате чего положительное сальдо в товарной торговле обновляло в эти месяцы исторические максимумы (47,3 млрд долл. в июле и 49,8 млрд долл. в августе). Но начиная с сентября снова стал расти и импорт — очевидно, под непосредственным влиянием оживления экспорта, так как около половины товарного вывоза из Китая приходится на «поручительскую обработку» сырья и материалов по заказам из-за рубежа, т.е. в стоимости китайского экспорта постоянно присутствует очень значительная импортная компонента.

Реагировать на новое замедление экономического роста власти стали, не дожидаясь конца третьего квартала. В конце августа НБК снизил для сельских кредитных институтов процентные ставки по рефинансированию и увеличил квоты их доступа к таким ресурсам. В середине сентября Центробанк предоставил пяти крупнейшим коммерческим банкам трехмесячные кредиты на пополнение ликвидности (рефинансирование по линии *Standing lending facility*) на общую сумму в 500 млрд ю.⁵

В конце сентября НБК и Китайская комиссия по банковскому регулированию (ККБР) существенно облегчили условия ипотечного кредитования. Теперь домохозяйства, уже имеющие одно жилое помещение и погасившие прежние ипотечные займы, могут брать новые кредиты на покупку недвижимости наравне с покупателями «первого жилья». Ставки по ипотеке для них могут быть снижены до уровня в 70% от базовой стоимости кредитов, а величина первого взноса за вновь покупаемое жилье — до 30% его цены (раньше она достигала 60–70%)⁶.

В сентябре были предприняты и новые шаги налогового стимулирования малого бизнеса: для малых и индивидуальных предприятий с месячным оборотом, не превышающим 20–30 тыс. ю., было временно отменено взимание налога на добавленную стоимость и налога на деловые операции, а для малых и средних предприятий были введены новые процедуры ускоренной амортизации⁷.

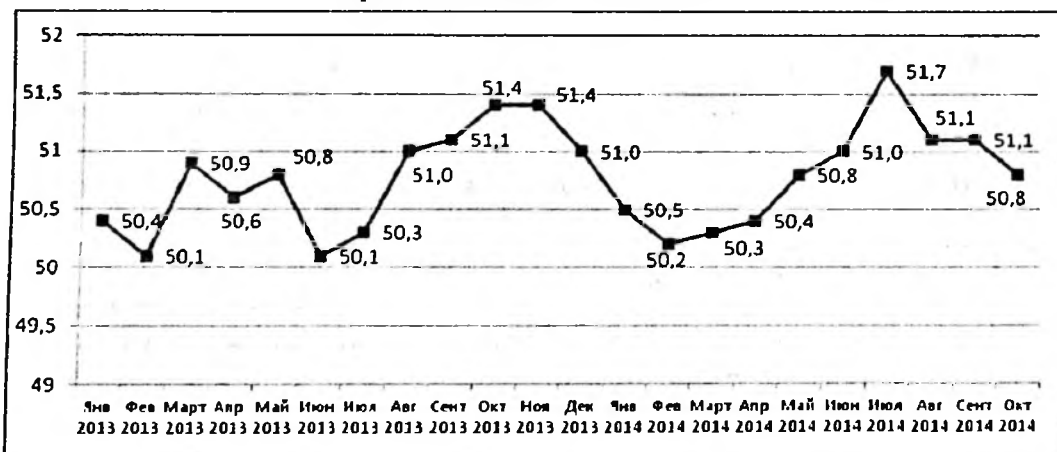
Но, очевидно, достигнутый всеми этими мерами «мини-стимулирования» к концу осени эффект был сочтен регуляторами недостаточным, и 22 ноября 2014 г. НБК впервые за более чем два года осуществил снижение базовых процентных ставок по однодичным кредитам и депозитам. На более решительные действия власти КНР пошли, судя по всему, потому, что прирост индекса потребительских цен в октябре 2014 г. составил только 1,6%. Т.е. замаячила угроза дефляции, дополнительно угнетающей совокупный спрос и экономический рост.

Новые меры стимулирования в любом случае сработают только с определенным временным лагом. Пока динамика «индекса менеджеров по закупкам (PMI)», отражающего настроения хозяйственников, сулит дальнейшее ослабление деловой активности (рис. 7). О наличии предпосылок к дальнейшему торможению экономики можно судить и по ряду косвенных признаков.

В августе 2014 г. впервые со времен мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в Китае произошло абсолютное сокращение (на 2,2%) среднемесячного потребления электроэнергии. Да и абсолютное сокращение импорта в июле — августе тоже свидетельствует о том, что потенциал расширения спроса (особенно — инвестиционно-го) заведомо ограничен.

Рисунок 7

**Динамика «индекса менеджеров по закупкам (PMI)»
в промышленности в 2013–2014 гг.**

Составлено по официальным данным Государственного статистического управления КНР.

Допустимо предположить (хотя соответствующие данные к моменту написания данной статьи не поступили), что фаза «сжатия» в текущем «мини-цикле» продлилась и в течение четвертого квартала 2014 г., когда на экономической динамике начал сказываться эффект передачи негативных сигналов с рынка недвижимости в сопряженные с ним отрасли промышленности, и она распространится на первый квартал 2015 г. (на динамику ВВП традиционно влияют свойственное китайской экономике в начале каждого календарного года замедленное пополнение товарных запасов предприятиями и длительное празднование Нового года по лунно-солнечному календарю). После этого экономи-

ческий рост, по-видимому, немного ускорится, но в целом он будет несколько медленнее, чем в 2014 г.

На фундаментальном уровне тенденция дальнейшего замедления китайской экономики связана с необходимостью преодоления дисбалансов, накопившихся как в ходе многолетнего бума, так и в результате антикризисной политики 2008–2010 гг. Речь идет о присутствующем во многих промышленных отраслях и в сфере недвижимости избытке производственных мощностей и товарного предложения; о чрезмерной долговой нагрузке на государственный (особенно на уровне местных властей) и корпоративный сектора⁸; о нарастании «плохих долгов» в банковской системе⁹; об общей излишней зависимости экономики от состояния инвестиционных процессов и сбыта на внешних рынках при недостаточном вкладе в экономический рост со стороны внутреннего потребительского спроса¹⁰.

Однако при отсутствии крупномасштабных негативных шоков дополнительное торможение экономического роста в 2015 г. не будет радикальным. Экономике будет поддерживать не только стимулирование спроса властями, но и совокупность спонтанно действующих механизмов. Что же касается осуществляемых в настоящее время новых институциональных реформ, то их влияние на экономический рост в 2015 г. будет дифференцированным: одни новации уже в краткосрочной перспективе могут помочь росту, другие будут его тормозить.

В более конкретном плане расширение *потребительского спроса* будет ограничиваться тем, что происходящая на рынке недвижимости реструктуризация негативно отразится на склонности домохозяйств покупать не только жилье, но и товары длительного пользования. Неуверенность потребителей усилится и из-за того, что в связи с остановкой роста цен на недвижимость затруднится реализация «эффекта богатства», т.е. увеличения покупательной способности домохозяйств благодаря росту цен на активы, которыми они обладают (в данном случае — на жилье). Местные власти в настоящее время сталкиваются с проблемой сокращения доходов от продаж компаниям-девелоперам «прав пользования» на земельные участки. А если учесть обремененность местных бюджетов накопленными долгами, то становится очевидным, что возможности роста потребления за счет активизации социальных расходов на местном уровне тоже невелики. На продажах предметов роскоши и дорогостоящих услуг (в том числе ресторанных) скажется продолжающаяся в Китае уже два года антикоррупционная кампания, развернувшаяся с приходом Си Цзиньпина к руководству.

Но в то же время на состоянии потребительского спроса будут позитивно сказываться принимаемые центральными властями усилия по повышению нормативов минимальной зарплаты в городах (они устанавливаются отдельно по каждой провинции) и стимулированию роста доходов в деревне. Фактором, поддерживающим потребление, является и происходящий в настоящее время в китайской экономике структурный сдвиг в пользу «третичного сектора»: отрасли сферы услуг отличаются повышенной трудоемкостью, создание в них большого числа новых рабочих мест тоже способствует расширению внутреннего потребительского рынка¹¹. В качестве генератора «эффекта богатства» вместо рынка недвижимости может выступить фондовый рынок, где с июля 2014 г. наблюдается устойчивое оживление. А возможная либерализация процентных ставок по банковским депозитам в 2015 г. скорее всего обернется их повышением, что увеличит доходы и потребительские расходы домохозяйств.

Ситуация перепроизводства будет и в 2015 г. угнетающим образом воздействовать на *инвестиционные процессы* во многих отраслях обрабатывающей промышленности, особенно в черной и цветной металлургии, цементной и стекольной промышленности, так как эти отрасли непосредственно сопряжены с сектором недвижимости, где тоже сохранился значительный избыток предложения.

Финансовые трудности местных правительств и контролируемых ими «инвестиционных платформ» (квази-государственных компаний, занимающихся инфраструктурным строительством) в 2015 г. усилятся из-за наступления сроков погашения ранее набранных кредитов на фоне замедления роста налоговых поступлений и сокращения доходов от продаж «прав пользования» земель. Правда, проявится и контртенденция, связанная с тем, что принятыми в конце августа 2014 г. поправками в Закон КНР «О бюджетном процессе» местным правительствам было разрешено эмитировать собственные облигации. Но в целом необходимость разгрузки местных финансов от накопленной задолженности будет оказывать в 2015 г. сдерживающее влияние на инвестиционную активность в регионах. Какая-то часть потенциальных капиталовложений не будет реализована и из-за вступающих в силу в 2015 г. поправок в Закон КНР «Об охране окружающей среды», предусматривающих ужесточение экологической экспертизы инвестиционных проектов.

Судя по всему, неблагоприятными останутся в 2015 г. и условия привлечения предприятиями кредитных ресурсов. Несмотря на усилия властей по насыщению финансовых рынков ликвидностью (сначала через рефинансирование банков, а затем и путем снижения базовых ориентиров процентных ставок) при существующих условиях цена кредита для предприятий реального сектора будет скорее расти, чем снижаться. Дело в том, что значительная (до $\frac{1}{4}$) доля совокупного заемного финансирования приходится в настоящее время на забалансовые операции кредитных институтов. «Теневой» характер таких кредитов предопределяет их более высокую стоимость, тем более что фондирование для них мобилизуется в значительной степени за счет размещения на рынках сберегательных финансовых продуктов (wealth management products, WMP). Процентные ставки по WMP — плавающие, и они, как правило, на 1–2 п.п. выше ставок по обычным банковским депозитам, повышение которых до сих пор сдерживается административно. А поскольку «теневой» деятельностью активно занимаются не только подпольные банки, но и официальные кредитные институты, включая крупнейшие банки, остающиеся под контролем государства, то высокая цена фондирования, связанного с размещением WMP, толкает вверх процентные ставки и в «теневом», и в официальном секторах. В свою очередь, принимаемые в настоящее время властями попытки сдержать разрастание «теневых» банкинга за счет ужесточения надзора будут в краткосрочном плане дополнительно способствовать росту процентных ставок — из-за того, что регулятивный «зажим» сократит предложение финансовых ресурсов на рынке.

Стоимость фондирования в последние месяцы увеличивалась и из-за того, что происходивший с июля 2014 г. подъем котировок на фондовом рынке спровоцировал некоторый отток средств с банковских депозитов. Процентные ставки для заемщиков растут еще и потому, что банки в условиях замедления экономики и наличия значительной корпоративной задолженности опасаются превращения кредитов в «плохие долги», и поэтому включают в свою маржу значительную премию за риск. Реальные процентные ставки склонны к увеличению и потому, что индекс цен производителей (PPI) уже почти три года находится в дефляционной зоне.

Китайские предприятия в 2015 г. могут столкнуться и с ужесточением условий внешнего заемного финансирования — из-за нормализации денежной политики в США, где завершена программа «количественного смягчения» и на повестку дня встал вопрос о повышении учетной ставки ФРС. Трудности китайских компаний с привлечением иностранных кредитов и размещением за рубежом облигационных займов могут усугубиться и из-за вероятной волатильности на мировых финансовых рынках, которая может быть вызвана разнонаправленным движением ставок рефинансирования в США и Евросоюзе, а также необходимостью перекомпоновки портфелей инвесторов после длительного периода аномально мягкой монетарной политики. Рост рыночных процентных ста-

вок в США, скорее всего, вызовет ослабление притока спекулятивного капитала на китайские рынки активов — прежде всего, акций и недвижимости.

В краткосрочном плане могут негативно сказаться на инвестиционных процессах в китайской экономике и предполагаемые реформы в финансовой сфере. Возможная уже в 2015 г. либерализация процентных ставок по банковским депозитам (снятие ограничений на их рост) еще больше ограничит возможности банков получать дешевое фондирование. А вероятное увеличение лимита колебаний курса юаня по отношению к доллару США (сейчас он составляет 2% в день) и, соответственно, более свободное плавание китайской валюты приведут к сокращению масштабов валютных интервенций НБК. Между тем в последние годы именно юаневая денежная эмиссия, связанная с накоплением валютных резервов, как раз и подпитывала во многом способности банков осуществлять кредитование экономики.

Но в то же время осуществленные правительством в 2013–2014 гг. меры по упрощению административных процедур, связанных с созданием новых предприятий, уже способствовали значительному росту их числа. За первые три квартала 2014 г. в Китае было зарегистрировано 2,65 млн новых компаний — на 52,4% больше, чем за первые девять месяцев 2013 г.¹² Трудности предприятий с привлечением кредитов могут быть отчасти компенсированы благодаря подъему на фондовом рынке, а он будет поддерживаться запуском торговой системы, связывающей шанхайскую и гонконгскую фондовые биржи (фактически речь идет об открытии нового канала для иностранных вложений на внутрикитайском рынке акций). Немалая часть инвестиций в обозримой перспективе все равно будет осуществляться исходя из специфической логики институциональной среды, предполагающей «мягкие бюджетные ограничения»: значит, такие инвестиции будут расти, невзирая на рыночные конъюнктурные колебания.

Динамика *чистого экспорта*, по-видимому, и в 2015 г. сможет отчасти компенсировать неблагоприятные тенденции на внутреннем рынке. Показатели прироста товарного вывоза могут остаться сравнительно высокими благодаря улучшению дел в мировой экономике вследствие ускорения экономического роста в США, а сдерживанию роста импорта будет способствовать падение мировых цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, весьма значимые для зависимой от ввоза таких товаров китайской экономики. Но существуют и риски, связанные с неопределенностью ближайшего будущего экономик еврозоны и Японии. Определенное угнетающее воздействие на китайский экспорт может оказать и возобновившаяся с середины 2014 г. ревальвация юаня.

У различных аналитических структур прогнозные оценки прироста китайского ВВП в 2015 г. достаточно близки. МВФ предсказывает китайской экономике рост на 7,1%¹³, Всемирный банк — на 7,2%¹⁴, Economist Intelligence Unit — на 7,0%¹⁵, Business Monitor International — на 6,7%¹⁶, Oxford Economics — на 6,9%¹⁷. Специалисты Morgan Stanley предложили два варианта прогноза: по оптимистичному («бычьему») китайский ВВП вырастет в 2015 г. на 7,5%, по пессимистичному («медвежьему») — на 6,6%¹⁸. Второй вариант предполагает обострение проблем, связанных с накопленными структурными дисбалансами. На наш взгляд, замедление может быть и более существенным, если произойдут шоковые негативные изменения в тех или иных тесно связанных между собой «проблемных зонах» китайской экономики:

– если падение цен на недвижимость ускорится, и это повлечет за собой дефолты девелоперов (в том числе по «теневым» кредитным продуктам) и быстрое увеличение «плохих долгов» в официальных банковских структурах; через цепочки межотраслевых связей негативные импульсы будут распространяться на промышленность; из-за падения доходов от продаж «прав пользования» землей местные власти окажутся не в состоянии обслуживать свои долговые обязательства и осуществлять социальные и инфраструктурные расходы, поддерживающие экономический рост;

– если ситуация перепроизводства спровоцирует волну банкротств промышленных предприятий, имеющих на балансах избыточные мощности, а это, в свою очередь, усугубит негативные процессы в бюджетном секторе, финансовой сфере и на рынке недвижимости;

– если цепочка дефолтов, порожденная дисбалансом между краткосрочностью размещения WMP и предоставления «теневых» кредитов, с одной стороны, и длительностью сроков окупаемости проектов в реальном секторе — с другой, вызовет системные трудности в финансовом секторе, которые распространятся и на промышленность, усугубляя там дефляционные тенденции.

В случае материализации этих рисков властям придется пойти на гораздо более существенные, чем «мини-стимулирование», меры поддержки экономики. Но тем самым необходимая ей ребалансировка будет опять отсрочена.

Тем не менее, вероятное удержание китайской экономикой в 2015 г. относительно высоких темпов прироста ВВП будет способствовать продолжению ревальвации юаня. Давление в пользу укрепления его курса будет оказываться и поддержанием положительного сальдо в товарной торговле — благодаря сравнительно быстрому росту экспорта на фоне снижения цен на сырьевой импорт.

Однако в течение 2015 г. проявится и ряд факторов, работающих в противоположном направлении. Несмотря на устойчивый профицит в товарной торговле сальдо по балансу текущих операций сократилось с 10,1% ВВП в 2007 г. до 2,1% в 2013 г. и до 0,9% ВВП в первой половине 2014 г. — благодаря росту дефицитов по счетам торговли услугами и движения инвестиционных доходов¹⁹. Тенденция к балансировке текущего счета сама по себе свидетельствует о том, что курс юаня уже приблизился к равновесным значениям. Ужесточение денежной политики в США и ослабление рынка недвижимости в самом Китае будут провоцировать отток спекулятивного капитала и снижение спроса на юань. Возможное увеличение лимита дневных колебаний валютного курса юаня сделает вероятными его краткосрочные колебания в обе стороны. А подкачка Центробанком ликвидности в банковскую систему будет создавать девальвационное давление, тем более что в условиях замедления экономического роста власти могут и целенаправленно прибегнуть к ослаблению национальной валюты ради стимулирования экспорта. Все это позволяет предположить: ревальвация юаня в 2015 г. будет протекать медленнее, чем в предыдущие годы, и процесс этот будет постепенно затухающим.

1. Таковую политику называют «мини-стимулированием» по контрасту с теми всеобъемлющими программами поддержки совокупного спроса, которые осуществлялись в Китае во время дефляционного замедления экономического роста в конце 1990-х годов и в ходе мирового финансового кризиса конца 2000-х годов. Антикризисная политика 2008–2010 гг. (стимулирующий «пакет в 4 трлн. ю.») оценивается в настоящее время китайскими экспертами преимущественно негативно, так как считается, что она обеспечила только кратковременное оживление экономики, но при этом усугубила проблему избытка производственных мощностей и привела к нарастанию корпоративной и муниципальной задолженности. Проводимый сейчас правительством Ли Кэцзяна курс макроэкономического регулирования заключается в том, чтобы позволить экономике пройти через полосу спонтанного преодоления накопившихся дисбалансов. К мерам же поддержки экономического роста власти прибегают, только если его замедление оценивается как чрезмерное.
2. Здесь и далее, если не указано иное, то приведены официальные данные, опубликованные Государственным статистическим управлением КНР.
3. China Daily. 2014. 4 June, 2 Sept.
4. China Confidential. 2014. 6 Nov. URL:<http://www.ftchinaconfidential.com/>
5. China Daily. 2014. 22 Sept.
6. Ibid. 2014. 24 Sept.
7. Цзинцзи гуаньча бао. 2014. 29 сент.

8. Согласно официальным данным, совокупный долг корпоративного сектора увеличился с 92% ВВП в 2008 г. до 125% ВВП в 2013 г., тогда как по стандартам ОЭСР симптомом неблагополучия является уже преодоление отметки в 90% ВВП (China Daily. 2014. 6 March). Государственная администрация аудита заявила, что накопленная задолженность местных властей и связанные с нею обязательства составляли в середине 2013 г. 17,89 трлн. ю. (31,5% ВВП), а совокупный государственный долг КНР с учетом задолженности местных властей достиг в конце первого квартала 2014 г. отметки в 58% ВВП (China Daily. 2014. 24 March, 27 March).
9. По официальным данным ККБР, доля «плохих долгов» в структуре активов китайской банковской системы на середину 2014 г. составляла только 1,08% (China Daily. 2014. 2 Sept.). Но еще в начале 2012 г. ККБР в каждом своем квартальном отчете заявляет о росте абсолютных показателей просроченной задолженности.
10. См. подробнее: *Мозиас П.М.* Взаимодействие государства и корпоративного сектора в современной экономике КНР // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 2014. С. 378–394; *Мозиас П.М.* Китай в период мирового кризиса: бенефициар, жертва или виновник? // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 78–92.
11. Уже в августе 2014 г. число созданных в течение календарного года новых рабочих мест превысило запланированный властями на год показатель в 10 млн. (Цзинцзи гуаньча бао. 2014. 29 сент.).
12. World Bank. China Economic Update. October 2014. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/china/publication/china-economic-update-october-2014>.
13. IMF. World Economic Outlook. October 2014. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/>
14. World Bank. China Economic Update. October 2014. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/china/publication/china-economic-update-october-2014>.
15. Economist Intelligence Unit. Country Report: China. Generated on October 9th 2014. URL: <http://www.eiu.com/public/accesschina/marketing.aspx>.
16. Business Monitor International. China Business Forecast Report. Q4 2014. URL: <http://store.businessmonitor.com/china/bf/>
17. Oxford Economics. Country Economic Forecast: China. 2014. 26 Sept. URL: <http://www.oxfordeconomics.com/forecasts-and-models/countries/briefings-and-outlook/country-economic-forecasts/overview>.
18. Morgan Stanley. Greater China Economics. Issues in Focus. 2014. 9 Oct. URL: <http://www.morganstanley.com/views/gef/>
19. IMF. People's Republic of China / 2014 Articles IV. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2014/cr14235.pdf>.

История

«Один за всех и все за одного»: Союз русских «мушкетеров» в Северо-Восточном Китае

© 2015

С. Смирнов

В статье представлена история Союза мушкетеров, одной из наиболее значимых молодежных организаций российской эмиграции в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии). Опираясь на архивные документы, материалы эмигрантской периодики и воспоминания, автор анализирует становление, развитие и исчезновение Союза мушкетеров на фоне политических событий середины 1920-х — начала 1940-х гг. Особое внимание в статье уделено ключевым деятелям «мушкетерского» движения.

Ключевые слова: российская эмиграция, Союз мушкетеров, Русская группа войск Шаньдунской армии, монархическое движение, Маньчжоу-го, Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

Исполнилось 90 лет со дня образования одной из крупнейших молодежных и антисоветских организаций российской эмиграции на Дальнем Востоке — «Союза мушкетеров». Нельзя сказать, чтобы Союз мушкетеров был обойден вниманием исследователей¹, но отсутствие значительного и компактно размещенного массива документальных свидетельств о деятельности этой организации не позволяло осветить жизнь Союза во всей ее полноте. Настоящая статья является попыткой представить историю Союза мушкетеров (по крайней мере, его основного, маньчжурского отдела) последовательно и достаточно полно, опираясь на материалы таких архивов, как Государственный архив Российской Федерации, Государственный архив Хабаровского края, Государственный архив административных органов Свердловской области, «мушкетерскую» периодику, исчерпывающе представленную в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско, и воспоминания близких людей некоторых руководителей Союза.

Обычно считается, что появление Союза мушкетеров явилось следствием обострившейся в Маньчжурии конфронтации между советской стороной и эмиграцией в результате восстановления совместного советско-китайского управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД) в 1924 г. Правильнее говорить о том, что это стало лишь одной из причин появления русских «мушкетеров» в Северо-Восточном Китае.

Смирнов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина. Тел. (8) 9043863188. E-mail: smimov_sergei@mail.ru.

Объединение мушкетеров появилось 4 февраля 1924 г., когда Владимир Гантимуров и трое его друзей, вместе учившиеся в Харбинском Коммерческом училище, занимавшиеся спортом и проводившие вместе свободное время, под впечатлением шедшего тогда в кинотеатрах Харбина американского фильма «Три мушкетера» (фильм 1921 г. с Дуласом Фэрбенксом в главной роли) решили стать «мушкетерами» и жить под девизом «Один за всех, все за одного!». Гантимуров принял имя д'Артаньяна, Николай Глухов — Портоса, Анатолий Игнатов — Атоса и Борис Щетинин — Арамиса².

Об основателях Союза мушкетеров мы знаем не очень много, помимо разве что Владимира Иннокентиевича Гантимурова. Владимир принадлежал к древнему знатному тунгусскому роду, пожалованному российской монархией княжеским титулом. Он родился в июле 1906 г. в родовом селении Князе-Урульга (Забайкалье) в семье Иннокентия Иннокентиевича Гантимурова, поручика 26-го Восточно-Сибирского полка. В 1909 г. в связи с переводом Иннокентия Иннокентиевича в Заамурский округ Пограничной стражи семья Гантимуровых переехала в Харбин, где и прошли детские годы Владимира. Осенью 1914 г. его отец в составе своего 9-го Ломжинского пограничного конного полка выехал на фронт. Больше им с сыном не суждено было встретиться.

За годы войны ротмистр И.И. Гантимуров проявил себя храбрым офицером, был неоднократно награжден, в том числе орденом св. Георгия IV степени, и тяжело ранен. В период Гражданской войны он служил в частях Сибирской армии адмирала А.В. Колчака, позднее в Народно-революционной армии Дальневосточной республики. После окончания Гражданской войны жил в Забайкалье, в бывшем родовом селении Урульга, в марте 1933 г. был арестован и скончался в больнице НКВД во время следствия³. Вероятно, Владимир так и не узнал, как сложилась судьба его отца после Гражданской войны. По крайней мере, в 1941 г. он считал, что Иннокентий Иннокентиевич был расстрелян красными в 1920 г.⁴

Владимир, мечтая стать таким же храбрым кавалеристом, как и его отец, в 1922 г., оставив учебу в Харбинском коммерческом училище, бежал из дому во Владивосток и поступил в 1-й Кавалерийский полк 3-го корпуса Дальневосточной армии (командир корпуса — генерал-майор В.М. Молчанов). Ему в тот момент еще не было и 16 лет.

После крушения белого Приморья Владимир возвратился домой и продолжил учебу в Коммерческом училище. Но тяга к приключениям осталась по-прежнему сильной. Он стал активно заниматься спортом, участвуя в деятельности сразу нескольких спортивных организаций, окончил курсы инструкторов спорта при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ) и стал вести уроки по боксу, борьбе и фехтованию. Особенно больших успехов он достиг в боксе. Летом 1924 г. на Северо-Маньчжурской олимпиаде Владимир стал чемпионом по боксу в легчайшем весе. После чего был назначен инструктором по тяжелой атлетике в Обществе распространения физического образования⁵.

Между тем сообщество «мушкетеров» росло. По словам Владимира, «вокруг нас стали собираться те, кто или жаждал приключений и желал блеснуть своей силой и храбростью или те, кто нуждался в защите»⁶. 8 апреля 1924 г. четыре «мушкетера» и десять их друзей объединились в составе Союза мушкетеров. Гантимуров был избран начальником (капитаном). Были приняты первые законы мушкетеров: 1) безусловное подчинение начальнику; 2) один за всех, все за одного; 3) мушкетер не должен давать «честное слово» своему, т.е. должен всегда говорить правду, в отношении же посторонних он, дав слово, обязан его исполнять; 4) хранить тайны организации⁷.

Первыми членами Союза мушкетеров стали Владимир Костриченко, Михаил Минаев, Борис Музалевский, Ростислав Шевелев, Виктор Шихов, В. Кириллов, В. Костромин, Г. Мичков, Б. Селиванов, В. Яшин. Всем им в это время было 15–18 лет. «Мушкетеры» придумали для себя особую форму, состоявшую из черных расклешенных брюк, черной рубашки апаш со шнуром на груди, черной пилотки и черного широкого пояса с кистями.

В мае 1924 г. Союз мушкетеров приобрел политическую окраску, что, вероятно, было связано с усилением антагонизма между «красными» и «белыми» в Харбине в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой. Одним из первых политических лозунгов «мушкетеров» стал лозунг — «За Крест! За Родину! За Императора!».

После установления советско-китайского управления КВЖД в Северной Маньчжурии развернулась настоящая «война за души» молодежи. В бывшей полосе отчуждения были созданы советские молодежные организации — комсомол (Северо-Маньчжурский комитет ВЛКСМ) и пионерия. Но поскольку действовать легально они не могли, их активность развивалась в рамках легально функционировавших при советских профсоюзах Отделов молодежи (Отмол). Русская молодежь из семей железнодорожников активно вовлекалась в работу отмолов. Одновременно осуществлялась тактика подавления эмигрантских молодежных организаций.

Для борьбы с антикоммунистически настроенной эмигрантской молодежью в Харбине комсомольское руководство организовало «Боевую дружину», в которую входили наиболее крепкие комсомольцы. Члены Боевой дружины проходили специальную подготовку для более эффективного противостояния «белым» в драках⁸. «Кулачный метод» стал основным средством дискуссий между «красной» и «белой» молодежью.

В 1925 г. в среде харбинской «белой молодежи» большую популярность приобрела военная служба. Дело в том, что в 1924 г. глава Трех Восточных провинций, маршал Чжан Цзолинь, стремясь усилить свои вооруженные силы, принял решение о создании особого русского подразделения в составе армии одного из своих генералов — Чжан Цзунчана. Русскую авангардную группу, как она первоначально называлась, возглавил генерал К.П. Нечаев, достаточно популярный среди бывших белых офицеров и солдат на Дальнем Востоке. Бывшие русские военные, а также молодежь, не успевшая понюхать пороха на полях Гражданской войны, стали охотно поступать в китайскую армию.

Руководство Союза мушкетеров также приняло решение о поступлении на военную службу для приобретения боевых навыков и опыта. К этому времени в состав Союза входило уже около ста человек. В марте 1925 г. первые четырнадцать «мушкетеров» во главе с Гантимуровым выехали в Цзинаньфу (здесь располагался русский штаб) и поступили в Русскую авангардную группу. Среди них были еще совсем мальчишки 15–16 лет, опьяненные военной романтикой и бежавшие из дому. Некоторые молодые люди вступили в Союз мушкетеров уже во время службы в армии.

Родственники «мушкетеров» вскоре обвинили руководителей Союза в том, что это они подбили молодых людей бежать из дома и поступить на службу в китайскую армию. Гантимурову ставили в вину сговор с командованием Русской группы на поставку в армию добровольцев. Якобы за каждую «мушкетерскую голову» Гантимуров получал плату. Не желая вступать в пустые дискуссии и, наверное, чувствуя ответственность за погибших в китайских междоусобных войнах «мушкетеров», Владимир объявил о роспуске Союза и в дальнейшем не принимал никакого участия в работе этой организации.

Несмотря на официальный роспуск Союза, неформальное «мушкетерское сообщество» продолжало свое существование в среде военной молодежи Русской группы войск Шаньдунской армии. После создания летом 1925 г. особой юнкерской роты в составе Русской группы, задачей которой являлась подготовка из русской молодежи младшего состава, многие «мушкетеры» оказались в ней. Роту возглавил опытный офицер — Георгиевский кавалер, капитан (подполковник русской службы) И.И. Штин, немало сделавший для обеспечения нормального обучения своих подчиненных. Но уберечь роту от потерь он не смог.

В начале 1926 г. развернулись ожесточенные бои с войсками чилийской группировки генерала У Пэйфу и все русские части были задействованы в боевых действиях. В ходе сражений пал и сам командир роты Штин (позднее он был включен посмертно в

состав старших («друзей мушкетеров») и часть его юнкеров, пятеро из которых были «мушкетерами». Некоторые были ранены.

За боевые заслуги несколько «мушкетеров» из состава юнкерской роты весной 1926 г. получили звания фельдфебелей: Иван Писарев, Борис Музалевский, Владимир Лукеш, Владимир Костриченко. В июне того же года после проведения экзаменов первые 16 юнкеров, часть из которых были «мушкетерами», получили звание подпоручика китайской службы: В. Костриченко, Н. Глухов, М. Минаев, В. Шихов, Петр Лебедев, Иван Паницкий⁹. В дальнейшем еще несколько «мушкетеров» стали офицерами, обучаясь либо в юнкерской роте, либо в Шаньдунском военном училище.

Офицеры-«мушкетеры» служили в 105-м Сводном пехотном полку 165-й бригады на бронепоездах и в других подразделениях. Впрочем, служба для многих продолжалась недолго, в конце 1926 г. часть «мушкетеров» уволилась из армии, хотя некоторые продолжали служить еще в 1927–1928 гг. Например, В. Гантимуров в 1928 г. служил в звании подпоручика инструктором по мотоциклетам в Дубаньском полку генерала Су¹⁰.

Вернувшиеся из китайской армии, «мушкетеры» столкнулись в Харбине с ожесточенным противостоянием между «белой и «красной» русской молодежью. Город был буквально разделен на зоны, контролируемые теми или иными группами: «Черное кольцо», «Орден крестоносцев», «13», «Красная перчатка», «Орлы Ильича» — кого здесь только не было. Общая численность отмольцев в Северной Маньчжурии в это время доходила до 2,7 тыс. человек¹¹.

«Белые» и «красные» имели свои места для сборов, «свои» кафе, спортивные клубы (главным «белым» спортивным клубом являлся «Санитас»). Отношения между «белыми» и «красными» были очень напряженными и нередко выливались в драки, иногда массовые с применением кастетов, палок, ножей. Драки обычно происходили по ночам в районе Пристани, в западной части которой находились Главные механические мастерские КВЖД и Механическое собрание — главная база «красных» в Харбине, остальная часть Пристани была «белой».

В результате драк было немало раненых и покалеченных. Были и случаи убийств, которые заставили китайскую полицию применить меры для обуздания «хулиганства», но, впрочем, не очень эффективные. В январе 1927 г. отмольцами был убит принадлежавший к «белой партии» Гомониллов. Дело получило широкий резонанс: аресту были подвергнуты до 70 человек отмольцев, но настоящих виновников так и не нашли¹². И в последующие годы столкновения между «белыми» и «красными» со смертельным исходом продолжали происходить. Отмольцы отметились и тем, что совершали нападения на представителей эмигрантского актива. Так, например, в мае 1927 г. отмольцами был избит и ограблен генерал-лейтенант Генштаба А.И. Андогский. Газета «Заря», которая поместила заметку об этом случае, прямо сообщала, что место сбора отмольцев находится в бильярдной Плоскоголового на углу Конторской и Бульварного проспекта¹³.

В этой ситуации группа старых «мушкетеров» решила восстановить Союз, что произошло в конце 1926 или начале 1927 г. Начальником Союза стал Михаил Дмитриевич Минаев. Михаил родился в декабре 1906 г. в Маньчжурии, на станции Аньда. Окончил гимназию Дризуля в Харбине и радиотехнические курсы. Служил в Русской группе войск Шаньдунской армии, имел чин подпоручика. Был ранен в ногу и награжден орденом Тучного колоса 6-й степени¹⁴. Младший брат Михаила, Георгий, тоже являлся членом Союза мушкетеров.

Организация «мушкетеров» была воссоздана в составе двух отрядов, которые возглавили Николай Глухов (позднее — В. Костриченко) и Иван Писарев. Руководители Союза, в основном старые «мушкетеры», носили звания капитанов и лейтенантов, младший комсостав был представлен сержантами и капралами. Союз имел своих старших «друзей мушкетеров», которыми в основном являлись бывшие белые офицеры, помогав-

шие в военной и воспитательной подготовке членов Союза. Несколько лет работе с «мушкетерами» отдал капитан В.И. Зенков. Его смерть в 1933 г. была воспринята, как огромная утрата для Союза.

Во второй половине 1920-х гг. «мушкетеры» продолжали жить под теми же романтическими лозунгами периода зарождения организации — «Один за всех, все за одного!», «За Крест! За Родину! За Императора!», «За правду против лжи, за добро против зла, за крест против звезды». А их основная энергия уходила на противостояние с «красной» молодежью.

Минаев, по-видимому, оказался не очень способным руководителем, к тому же он был вынужден много времени отдавать работе (работал во французском обществе «Радиола»), поэтому в 1929 г. (по другой версии в 1927) новым руководителем Союза стал Виктор Барышников, в прошлом глава группы «13» (по духу была близка «мушкетерам»), в то время — председатель спортивного общества «Санитас». С конца 1920-х гг. «Санитас» стал своеобразным спортивным отделом Союза. Вступив в сообщество мушкетеров, Виктор взял себе «мушкетерское» имя Морэна.

Виктор Семенович Барышников родился в 1906 г. в Царицыне в семье подпоручика Семена Ниловича Барышникова. Первые годы жизни Виктора прошли в военных гарнизонах — Вильно, Верный, Асхабад, пока наконец семья в 1913 г. после зачисления Семена Ниловича в Академию Генштаба не переехала в Санкт-Петербург. Здесь Виктор был определен в кадетский корпус (вероятно, 2-й кадетский Императора Петра Великого корпус). Уже в этот период он стал активно увлекаться спортом. В 1918 г. Виктор был, по-видимому, прикомандирован к одному из Сибирских кадетских корпусов, поскольку встретился с семьей, отступавшей вместе с частями Белой армии (Семен Нилович являлся начальником штаба 1-го Волжского армейского корпуса, позднее Волжской группы войск, имел звание Генерального штаба генерал-майора), только в Красноярске в 1919 г. Испытав все тяготы страшного отступления Белой армии на восток, семья Барышниковых в 1920 г. прибыла в Харбин, где Виктор окончил 1-е Харбинское смешанное реальное училище (1923) и четыре курса дорожно-строительного факультета Харбинского политехнического института — ХПИ (1929)¹⁵.

В 1929–1930 гг. Союз мушкетеров приобрел свой окончательный вид. В 1929 г. были приняты программа и устав Союза, придававшие организации монархический и националистический характер. Основной целью Союза являлась «борьба с большевизмом и установление Законной Национальной Власти на территории бывшей Российской Империи». Определялись четыре этапа военно-политической борьбы Союза: освобождение России от III-го интернационала; установление мира и порядка в Российской Державе; созыв Всероссийского Земского Собора, который установит Законное Национальное Правительство; защита Великой России от врагов внешних и внутренних¹⁶.

Союз зарекомендовал себя в период советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Тогда «мушкетеры» приняли активное участие в охране наиболее важных объектов в Харбине и предотвращении выступлений со стороны советских служащих.

В том же году «мушкетерское» руководство обратилось к жившему в Европе великому князю Никите Александровичу (сын великого князя Александра Михайловича, покровителя детско-юношеской Национальной организации русских разведчиков) с просьбой принять шефство над Союзом. 20 декабря 1929 г. Никита Александрович согласился стать шефом «мушкетеров». Грамота о даровании великим князем своего шефства Союзу была вручена 29 марта 1930 г. в помещении организации (Большой проспект, угол Цицикарской улицы)¹⁷. Отныне объединение стало именоваться «Союзом мушкетеров Его Высочества Князя Никиты Александровича», а день принятия великим князем шефства над Союзом стал ежегодным праздником «мушкетеров».

В Наказе, который Никита Александрович направил своим «мушкетерам», подчеркивалось значение Союза, как объединения национальной, активной молодежи с це-

лью возрождения Великой России. Обращаясь к мушкетерам, великий князь писал: «Ты должен быть храбрым и рыцарем в душе с смелым и благородным полетом мыслей и развитым умом; строгий к делу союза и добросовестный в исполнении долга, всегда готовый жертвовать всем за веру, царя и отечество, вот таков твой идеал»¹⁸.

Было учреждено знамя Союза — черное полотнище, обшитое по краю золотой бахромой, в центре которого располагался белый восьмиконечный крест, увенчанный короной, и надпись вокруг креста: «За Россию» и «Честь и Родина». К древку знамени крепились георгиевские ленты. «Мушкетеры» поясняли, что черное поле знамени символизирует траур по России, георгиевские ленты — волю к победе, крест — символ истины¹⁹. Каждый член Союза имел значок — металлический восьмиконечный крестик, который носился на правой стороне груди. На левом рукаве форменной рубашки располагалась нашивка в форме обращенного острием кверху угла с отрядной расцветкой.

Во главе Союза стоял штаб, в который входили начальник штаба, казначей и командиры отрядов. Для обеспечения нужд организации были введены членские взносы. В 1929 г. Союз начал выпускать свой журнал «Мушкетер», который выходил (хотя и не очень регулярно) в Маньчжурии до 1939 г., а в Шанхае — до конца 1942 г.

Количество отрядов Союза в Харбине достигло четырех, 4-й отряд являлся кадетским и был организован для новичков. Несколько отрядов были сформированы на линии КВЖД, главным образом восточной. Наиболее старым линейным отрядом являлся созданный в 1927 г. на станции Яблоня 5-й отряд, возглавляемый А. Ганиным, С. Егуповым, Г. Джакелли и Б. Ткачевым²⁰.

Летом 1930 г. несколько старших «мушкетеров» — В. Барышников, Н. Глухов, А. Игнатов и его брат, тоже член Союза, выехали в США для продолжения обучения. К этому времени в США, в Сан-Франциско, также существовал организованный в 1928 г. Северо-Американский отдел Союза в составе единственного, 1-го Калифорнийского отряда, начальником которого являлся капитан Н. Мялковский²¹.

Уезжая в Америку, Барышников оставил своим заместителем капитана Владимира Костриченко, но в то же время продолжал поддерживать тесную связь с организацией, направляя письма и приказы в Харбин.

Первоначально после отъезда Барышникова в деятельности Союза мало что изменилось. «Мушкетеры» продолжали устраивать отрядные сборы, заниматься спортом, строевой подготовкой, по-прежнему происходили столкновения с отмольцами. В одной из таких драк зимой 1931 г. был смертельно ранен «мушкетер» Анатолий Дубинин. Его убийцы были арестованы и за недоказанностью преступления высланы в СССР²².

В то же время среди «мушкетеров» появляются те, кто считал драки с отмольцами «детской забавой» и жаждал настоящей борьбы с большевиками. Такие присоединялись к белым партизанским отрядам, действовавшим в приграничных с Советским Союзом районах. Один из старых «мушкетеров», питомец юнкерской роты Русской группы войск Шаньдунской армии, лейтенант Иван Паницкий ушел в партизанский отряд летом 1931 г. Через год пришло известие о его гибели. «Весть пришла к нам — Ванюшки, Паницкого нет, он погиб; нет больше Вани Паницкого, лучшего звонкоголосого запевалы песен мушкетерских. Мы потеряли брата мушкетера. Ты ушел от нас к престолу Всевышнего, мушкетер-орленок, честью и смертью своей доказав свою любовь к Родине...», — проникновенно писал в очередном номере журнала «Мушкетер» капитан Глеб Никольский²³. В 1932 г. «мушкетерский» мартиролог составил 19 имен, включая подполковника И.И. Штина. В дальнейшем посмертный список «мушкетеров» еще будет неоднократно дополнен новыми именами умерших и погибших.

В начале 1931 г., выдвинув девиз «Мушкетеры — резервом Русской армии», члены Союза при поддержке Общества офицеров Генерального Штаба организовали Военно-инструкторский (учебный) отряд. Как писал один из старых «мушкетеров», «для оправдания этого девиза и претворения его в жизнь, а также действительного достижения

цели, т.е. подготовки борцов-воинов, Союз вкоренил в свою среду железную воинскую дисциплину и воскресил своим внутренним содержанием кусочек Старой Императорской Армии»²⁴.

Первоначально для занятий не было ни учебников, ни оружия, для ознакомления с ним, даже достаточного места для проведения строевых занятий, но «мушкетеры» продолжали упорно заниматься. Несколько винтовок и некоторые боеприпасы были добыты позже, весной 1932 г., во время отступления китайских частей из Харбина.

1-го апреля 1932 г. курсанты первого учебного отряда успешно сдали экзамены на унтер-офицерский чин, после чего был сформирован 2-й учебный отряд²⁵. Занятия в нем так, по-видимому, и не завершились из-за тренировок, возникших с Харбинским отделением Русского Общевоинского Союза (РОВС) в 1933 г.

Помимо учебного отряда на протяжении 1931 г. действовал Морской отряд Союза мушкетеров, слушатели которого даже имели практику в качестве матросов. Возглавлял Морской отряд мичман И.Н. Кузнецов²⁶. Однако после его отъезда в Шанхай деятельность отряда заглохла.

В летнее время Союз организовывал летний лагерь для «мушкетеров», где отрабатывали на практике полученные теоретические знания.

Между тем, ситуация в Маньчжурии после вторжения сюда в сентябре 1931 г. японской Квантунской армии кардинально изменилась. В созданном в апреле 1932 г. «независимом» государстве Маньчжоу-го все политические организации эмиграции были разрешены, что в целом открыло благоприятные возможности для развития Союза. Появились новые «мушкетерские» отряды, один из которых, 15-й, был сформирован в Токио.

К середине 1930-х гг. Союз мушкетеров имел три отдела: первый — Маньчжурский (начальник — капитан В. Костриченко), второй — Северо-Американский (начальник — капитан Н. Мялковский), третий — Шанхайский (начальник — капитан Р. Шевелев). Общая численность «мушкетеров» превысила 700 человек.

Увеличение количества линейных отрядов, сформированных на восточной линии КВЖД (все попытки создать «мушкетерские» отряды на западной линии оказались безуспешными, здесь главенствовали казачьи организации), привело к появлению Восточного района Союза мушкетеров с центром на станции Пограничная. Возглавил Восточный район — Николай Рычков²⁷, сын генерала В.В. Рычкова (в дальнейшем первый начальник Бюро эмигрантов), имевший тесные связи с белым партизанским движением в приграничных с Приморьем районах.

В первой половине 1930-х гг. Союз мушкетеров стал заметным явлением в общественной жизни Русской Маньчжурии, особенно Харбина. «Мушкетеры» участвовали во всех городских мероприятиях, шествиях, демонстрируя дисциплину и слаженность своих рядов. Ежегодно летом Союз устраивал для жителей города Бал мушкетеров и другие вечера. Во время страшного харбинского наводнения 1932 г. практически все члены Союза активно боролись с его последствиями, строили заградительную дамбу, помогали восстанавливать нормальную жизнь города. Некоторые «мушкетеры» поступали в охранные отряды для борьбы с хунхузами, количество которых значительно увеличилось после вторжения в Маньчжурию японцев. И снова Союз нес потери. В 1933 г. на охране строящейся Лафа-Гиринской железной дороги умер от тифа сержант Владимир Снегурский («Снегура») ²⁸, в августе 1937 г. в бою с хунхузами погиб «мушкетер» Казбек Хабдиев²⁹.

4 февраля 1934 г. Союз мушкетеров отметил десятилетие своего существования. Основное торжественное мероприятие состоялось в помещении 1-го Харбинского Реального училища при значительном стечении народа. Торжество началось молебном, который отслужил архиепископ Мелетий, затем был оглашен приказ великого князя Никиты Александровича, в котором, в частности, говорилось: «В этот большой, сердцу каждого Мушкетера, день трезво и напряженно подумаем о дальнейшем пути Союза. Мы прошли

первый этап, этап создания, этап роста Союза, выкристаллизования идеи мушкетерской. В своем прошлом тяжелом пути мы были орлятами, что готовились в будущем взлете, победном выйти на конечную борьбу с красным драконом. Сроки пришли. Мы по праву можем назвать себя орлами национальной идеи. Мы пришли к порогу нашей заветной цели, мы пришли вплотную к борьбе»³⁰.

Далее с приветственными речами выступили представители различных эмигрантских организаций — генералы Вержбицкий (РОВС), Косьмин, Зольднер, Малакен (Дальневосточный казачий союз), Вишневский, председатель Русской Национальной общины Лутчев, председатель Педагогического общества Фролов, председатель Беженского комитета Колокольников и др. По окончании речей «мушкетеры» исполнили гимн Союза — «Мы Мушкетеры». Во время исполнения гимна «взоры всего зала были обращены на сцену, где среди знамен Союза четко выделялся портрет Шефа. По окончании гимна громкое «ура» всего зала разнеслось в честь Союза Мушкетеров и его Высочайшего Шефа — Князя Никиты Александровича». После официальной части состоялся банкет, затянувшийся до глубокой ночи»³¹.

В ознаменование 10-й годовщины Союза великий князь Никита Александрович прислал «мушкетерам» старинную икону, Образ Спасителя, который был торжественно передан 9 сентября 1934 г. руководству 1-го отдела Союза архиепископом Мелетием»³².

Между тем, за общей видимостью активной деятельности Союза мушкетеров существовало немало проблем. Руководство Союза, многие старшие «мушкетеры», в 1930-е гг. были уже людьми женатыми, посвящая большую часть своего времени работе, которая давала возможность прокормить семью, поэтому все меньше внимания уделяли работе в Союзе. Например, Костриченко работал охранником в Национальном американском городском банке, Писарев — охранником в игорном доме, Андрей Савицкий (начальник 1-го отряда) — линотипистом в типографии газеты «Гунбао», Минаев — служащим Харбинского телеграфа и т.д. Пафос антисоветской борьбы все больше выхолащивался. Ни одна эмигрантская политическая организация, даже такая сильная, как РОВС, не обладали большими возможностями для ведения реальной борьбы за освобождение России от большевиков. Что же касается, японцев, настоящих хозяев положения в Маньчжоу-го, они шаг за шагом прибирали к рукам руководство эмигрантскими организациями, вытесняя тех, кто не соглашался с ними сотрудничать. В середине 1930-х гг. у эмигрантского политического актива практически не осталось никакой альтернативы, кроме борьбы за освобождение России в союзе с японцами и под руководством японцев.

В руководстве Союзом, несмотря на внешнюю сплоченность, постоянно существовали трения между старшими «мушкетерами». Так, в 1934 г. разразился скандал между В. Костриченко и Л. Вашутой (начальник штаба 1-го отдела Союза), в результате которого Костриченко, при вмешательстве Барышникова, отказался от руководства Маньчжурским отделом Союза, а его место занял капитан Леонид Васильевич Вашута. Леонид родился в августе 1906 г. в Кургане, в Харбин попал летом 1922 г. из Иркутска. В состав Союза мушкетеров вступил в 1924 г., также как другие старшие «мушкетеры» служил в китайской армии: курсантом юнкерской роты, младшим офицером железнодорожного отряда дивизии бронепоездов в чине поручика. Был ранен в левую ногу с раздроблением кости (это ранение в дальнейшем превратит его в инвалида). Имел награду — орден Тучного колоса 3-й степени. После возвращения из армии в начале 1928 г. Вашута работал некоторое время на железной дороге, потом на фанерном заводе Ковальского и в 1933 г. открыл собственный небольшой фотосалон. Все это время он входил в состав руководства Союза мушкетеров»³³.

Другой скандал был связан с исчезновением семи винтовок, принадлежавших Союзу»³⁴. В конце концов, виновники, продавшие эти винтовки, были найдены и исключены из организации (один из них был лейтенантом). Но все это не могло не породить определенного недовольства в среде «мушкетерской» молодежи, влившейся в состав Со-

юза в начале 1930-х гг. Тем более, что по отдельным свидетельствам некоторые старшие «мушкетеры» вели себя достаточно грубо и для наведения порядка не останавливались и перед использованием кулаков³⁵. В вину руководителям Союза, не желавшим вести серьезную работу, вменялся и разрыв с РОВСом в 1933 г.

По-видимому, какие-то слухи о настоящем положении дел в Союзе доходили до Никиты Александровича, поэтому на протяжении 1934–1935 гг. он выпустил несколько приказов, предписывавших реорганизацию штабов, усиление роли командного состава, укрепление дисциплины. В 1935 г. великий князь пожаловал Союзу мушкетеров четыре знамени — Всесоюзное, 1-го, 2-го и 3-го отделов, а начальнику Союза и начальникам отделов — кортики, как знак их власти. Как было отмечено в приказе Шефа Союза, главной задачей «мушкетерского» руководства являлось объединение с другими эмигрантскими организациями для совместной борьбы против общего врага под лозунгом «За Россию!»³⁶. Идея объединения эмиграции нашла свое выражение и в новых программных документах организации, которые были приняты в сентябре 1935 г., отменив тем самым действие программы и устава 1929 г.

Летом 1935 г. в Харбин из Соединенных Штатов вернулся начальник Союза мушкетеров Виктор Барышников. Деятельность «мушкетеров» с его возвращением несколько оживилась. В это же время в Маньчжурии набирал обороты процесс политической консолидации эмиграции под эгидой японского руководства. В конце 1934 г. было создано Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (БРЭМ), призванное встать во главе объединенной на политической антисоветской платформе эмиграции. Те политические организации, которые не выказали большого стремления «служить» японцам, стали закрываться. Это произошло с отделениями РОВС и КИАФ, Восточным казачьим союзом и др. Союзу мушкетеров нужно было приспособиться к меняющейся обстановке.

В 1936 г. Союз формально перешел под контроль Дальневосточного союза военных (ДВСВ), являвшегося 7-м отделом БРЭМ. Князь Никита Александрович приветствовал образование БРЭМ и вхождение «мушкетеров» в состав ДВСВ.

В 1936–1937 гг. существенно возросла «активность» Союза, о чем Барышников регулярно отчитывался на страницах эмигрантского официоза — журнала «Луч Азии», издаваемого эмигрантским Бюро. В частности, говорилось о регулярных занятиях в унтер-офицерской и офицерской группах, хорошо поставленном деле физической подготовки (аппаратная гимнастика, бейсбол, футбол, кэндо), открытии Мушкетерских клубов в станционных поселках Яблоны, Шитоухэцзы, Ханьдаохэцзы и т.д.³⁷. В это время количество «мушкетерских» отрядов увеличилось до двадцати двух³⁸. Начальник «мушкетеров» указывал на необходимость создания общего фронта в борьбе с Коминтерном и выступал в поддержку выдвинутой атаманом Семеновым идеи «россизма», как «идеи Российской Государственности. Идеи национального фронта всех народностей, населяющих территорию бывшей Российской Империи»³⁹.

В свою очередь казаки, которые в бытность начальником БРЭМ одним из ближайших соратников атамана Семенова генерала А.П. Бакшеева (1935–1938) выдвинулись на первый план среди других эмигрантских группировок, стремились поставить Союз мушкетеров под свое руководство. Летом 1936 г. Бюро эмигрантов организовало в Зотовской протоке напротив Харбина объединенный имени атамана Семенова лагерь из состава членов трех организаций — Общества воспитанников Читинского военного училища, Молодой имени атамана Семенова станицы и Союза мушкетеров. По словам Семенова, «объединение трех наиболее многочисленных организаций» должно было служить примером всем, «что мы, русские патриоты, умеем крепить единение ради исполнения своего долга перед РОДИНОЙ, вне рамок партийности, а лишь на основе чувства любви к своему ОТЕЧЕСТВУ»⁴⁰. На открытии лагеря присутствовали руководители БРЭМ и

представители общественности. Однако впоследствии практика проведения объединенного лагеря не имела продолжения.

Важную роль в «работе» с «мушкетерами» играл другой соратник атамана Семенова, один из организаторов Общества Особого Маньчжурского отряда (ОМО) генерал Т.П. Москалев.

Москалев занимал не последнее место в политической жизни эмиграции в 1930-е гг. Участник Первой мировой и Гражданской войн, он служил в частях атамана Семенова, пройдя путь от поручика до полковника. После эмиграции в Маньчжурию некоторое время состоял в китайской армии, потом работал на японскую разведку и одновременно был участником легитимистского движения (вероятно, здесь и получил звание генерал-майора). После создания Маньчжоу-го возглавлял особый русский отряд в Трехречье, участвовал в организации БРЭМ, активно сотрудничая с Японской военной миссией (ЯВМ).

В 1936 г. Москалев предложил свою помощь в развитии работы Союзу мушкетеров. Участвовал в реорганизации Союза, в ходе которой все «мушкетеры» были разделены на три группы — офицерскую, унтер-офицерскую и подготовительную. В состав офицерской группы входили «мушкетеры», получившие военное образование в китайской армии или окончившие унтер-офицерские курсы в 1932–1933 гг., унтер-офицерскую группу составили «мушкетеры», обучающиеся на соответствующих курсах, а подготовительную — новички. Каждая группа имела собственную программу подготовки и инструкторов от Дальневосточного союза военных. В дальнейшем, по мысли Москалева, на базе Союза предполагалось развернуть 1-й Мушкетерский полк, доведя численность членов Союза до тысячи человек. Кроме того, генерал предоставлял небольшие денежные суммы руководству «мушкетеров».

Другой задачей Москалева, как сотрудника ЯВМ, являлось вовлечение «мушкетеров» в агентурную и разведывательную работу в пользу японцев, в чем уже отметились ранее некоторые «соколы» из Харбинской дружины Русского Сокола (ликвидирована в 1935 г.) и члены Русской фашистской партии К. Родзаевского. Барышников выступил против вовлечения «мушкетеров» в разведывательную работу, что привело к серьезным трениям с Москалевым.

Стремясь скомпрометировать начальника «мушкетеров», Москалев организовал наблюдение за женой Барышникова, Ольгой (сестра лейтенанта «мушкетеров» Андрея Савицкого), и ее подругой, работавших в конторе торгового дома «Чурин и К^о». Их подозревали в якобы работе на советское консульство и американскую разведку. Также при поддержке Москалева организовалась инициативная группа «мушкетеров» (около 15 человек), выступившая против руководства Союза (как мы отмечали, здесь были и вполне объективные причины). Группу возглавляли лейтенант Борис Новоселов и капрал Григорий Соколов.

«Раскольники» обвинили руководство Союза в многочисленных злоупотреблениях. Основной критике подвергся даже не столько Барышников, сколько часть старых «мушкетеров» — Костриченко, Минаев, Писарев и др. В докладе, подготовленном Соколовым и Новоселовым, говорилось, что большая часть «мушкетерских» отрядов на линии и в других странах, — это не больше, чем фальсификация. «Вся энергия, которая должна идти для достижения основной цели Союза, употребляется лишь для организации очередного годового праздника или для участия в очередном параде». «Лично сам Барышников затрачивает массу энергии, чтобы восстановить мушкетеров против других эмигрантских организаций, особенно против Фашистов. Про Союз казаков им обыкновенно говорилось в смешном тоне или даже в анекдотическом... На всех парадах и манифестациях главной целью было... “утереть казакам нос”». «Почти весь командный состав Союза, капитаны отрядов, должны кассе Союза, но долгов не погашают, предаваясь лишь пьянству, оставляя работу в Союзе на произвол судьбы»⁴¹ и т.п.

В конце 1937 г. «делом» Союза мушкетеров занялось эмигрантское Бюро. Было назначено расследование, в ходе которого были опрошены представители руководства и члены инициативной группы, проверены отчетные, особенно финансовые, документы организации. По итогам расследования в марте 1938 г. Бюро приняло решение признать деятельность руководства Союза мушкетеров в целом удовлетворительной, а лидеров инициативной группы Соколова и Новоселова снять на полгода с учета «за несовместимые с понятиями чести и достоинства российского эмигранта действия, вызывавшиеся в применении ими в борьбе против руководителей одной из эмигрантских общественных организаций аморальных средств, в виде распространения клеветнических слухов, анонимных писем и ложных доносов»⁴².

Однако уже через полгода приказом начальника БРЭМ генерала В.А. Кислицина Барышников был отстранен от должности руководителя Союза мушкетеров, что произошло, вероятно, не без участия японцев. Также нужно отметить, что японские власти, несмотря на сопротивление эмигрантов, привлекли часть «мушкетеров» к работе в свою пользу. Некоторые «мушкетеры» обучались в школе агитаторов и пропагандистов ЯВМ, работали в структурах Военной миссии, служили в русских воинских отрядах (отряд Асано) и т.п.

После отстранения Барышникова новым главой Союза мушкетеров был назначен капитан Сергей Егупов, один из «офицеров» Восточного района Союза, работавший в полиции станции Пограничная. Вчерашние «раскольники» были восстановлены в организации. Кроме того, Союз вместе с другими монархическими организациями эмиграции вошел в состав сформированного в том же 1928 г. Монархического объединения, которое возглавил штабс-капитан Борис Шепунов, соратник генерала Москалева по работе на ЯВМ, в прошлом начальник полиции и глава БРЭМ на станции Пограничная.

В ответ на смену руководства большая часть «мушкетеров» покинула Союз, и его численность сократилась до нескольких десятков человек. Так, фактически, завершилась история Союза мушкетеров в Северо-Восточном Китае, хотя официально объединения прекратил свое существование вместе с ликвидацией Монархического объединения в 1942 г.

Рожденный романтическими идеалами эмигрантской молодежи и реалиями антибольшевистской борьбы, Союз мушкетеров в Северо-Восточном Китае знал и взлеты и падения в своей истории и ушел в небытие, не выдержав столкновения с реалиями политической обстановки в Маньчжоу-го с ее чуждой эмиграции идейно-духовной унификацией.

-
1. *Каргапольцев Д.С.* Союз мушкетеров в Маньчжурии (1924–1938 гг.) // Вест. Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, филология. Новосибирск, 2009. Т. 8, вып. 4: Востоковедение. С. 97–103; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007; *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.
 2. Мушкетер. Шанхай, 1941. № 8. С. 16.
 3. Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/> (дата обращения: 22.09.2013)
 4. Мушкетер. 1941. № 8. С. 18.
 5. Памяти князя В.И. Гантимурова // Австралиада. Сидней, 1998. № 15. С. 27.
 6. Мушкетер. 1941. № 8. С. 17.
 7. Там же. С. 15.
 8. *Яхимович С.Ю.* Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: Автореф. дис. Хабаровск, 2012.
 9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7044. Штаб 65-й дивизии 3-й армии Мукденских войск, г. Цинанфу, 1924–1928. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.
 10. Памяти князя В.И. Гантимурова... С. 27.
 11. *Яхимович С.Ю.* Указ. соч.

12. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 249.
13. Заря. Харбин, 1927. 10 мая.
14. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Личные дела эмигрантов, состоящих на учете в БРЭМ. 1935–1945 гг. Минаев М.Д.
15. Воспоминания О.В. Бендер (Барышниковой) // Личный архив автора.
16. Мушкетер. Харбин, 1933. № 9. С. 4, 5.
17. Там же. 1930. № 5. С. 2.
18. Там же. С. 21.
19. Там же. 1935. № 12-Б. С. 23.
20. Там же. 1936. Апр. С. 5.
21. Там же. 1930. № 4. С. 5, 6.
22. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Архивно-следственные дела. Оп. 2. Д. 27025. Л. 50.
23. Мушкетер. Харбин, 1932. № 7. С. 19.
24. Там же. 1932. № 8. С. 19.
25. Там же. 1932. № 7. С. 4, 5.
26. Там же. С. 5.
27. Луч Азии. Харбин, 1937. № 8 (36). С. 38.
28. Мушкетер. Харбин, 1933. № 9. С. 18, 19.
29. Луч Азии. 1937. № 9 (37). С. 39.
30. Мушкетер. Харбин, 1934. № 10. С. 6.
31. Там же. С. 8–10.
32. Там же. 1935. № 11. С. 9.
33. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Вашуга Л.В.
34. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 27025. Л. 50.
35. Там же.
36. Мушкетер. Харбин, 1935. № 12. С. 1, 2.
37. Луч Азии. 1937. № 7 (35). С. 32.
38. Там же. 1937. № 8 (36). С. 38.
39. Там же. 1937. № 9 (37). С. 38.
40. Мушкетер. Харбин, 1936. Авг. С. 2, 8.
41. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 27025. Л. 50.
42. Там же. Л. 57.

Основатель школы корееведения Г.В. Подставин

© 2015

А. Хисамутдинов

Статья рассказывает о жизни известного корееведа Г.В. Подставина (1875–1924), который являлся профессором Восточного института во Владивостоке, где основал первую в России кафедру корейского языка, стал первым ректором Государственного Дальневосточного университета.

Ключевые слова: Г.В. Подставин, Восточный институт во Владивостоке, Государственный дальневосточный университет, корееведение в России, первые учебники корейского языка.

Вплоть до самого конца XIX в. в России не имелось специалистов по Стране утренней свежести. Исключением был чиновник особых поручений областного управления в Приамурском крае Михаил Павлович Пуцилло (1845–1889).¹

Григорий Владимирович Подставин (родился в 1875 г. в Рыбинске) в 1898 г. блестяще окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Его оставили на кафедре монгольской словесности для подготовки к профессорскому званию. В 1899 г. Подставин с успехом сдал магистерские экзамены. Эту кафедру возглавлял известный ученый А.М. Позднеев, который и предложил своему студенту вплотную заняться изучением Кореи и корейского языка².

В октябре 1899 г. по предложению Позднеева Подставин отправился в Корею. В качестве местожительства он избрал Сеул — центр политической и интеллектуальной жизни страны.

Находясь в Корее, Подставин собирал материал по географии, истории, экономике и политике страны. Он немало путешествовал по всему корейскому полуострову, регулярно вел подробнейший дневник, собрал множество исторических преданий, большую этнографическую коллекцию и сделал много фотоснимков. Позднее все эти наблюдения легли в основу книги «Записки Г.В. Подставина, веденные им во время путешествия по Корее в 1899–1900 гг.», изданной Восточным институтом на корейском языке. К сожалению, автор так и не успел полностью обработать свои путевые наблюдения.

Не менее ценной была работа Подставина по сбору учебных материалов: по возвращении во Владивосток ему предстояло приступить к преподаванию на китайско-корейском отделении Восточного института. Если методика преподавания китайского языка была к тому времени разработана в достаточной мере, то обучение корейскому языку было для России совершенно новым делом. Никаких учебников и пособий не существовало, и задачей было — запастись необходимыми материалами для их подготовки.

Современники писали о работе Подставина в Корее: «Здесь он собрал многочисленные материалы по корейской литературе и, штудировав их частью при пособии предшествовавших ему европейских кореелогов, а еще больше под руководством образованнейших из туземцев, выработал себе и гораздо более совершенную систему для изучения ко-

рейского языка. Особенное значение филологических изысканий Подставина состоит в том, что он первый обратил внимание на исследование наречий и занимался исследованием живой корейской речи — как чисто народной, так и характеризующей интеллигентный класс корейского общества (ямбаньский)³.

С 1 июля 1900 г. магистранта монгольской словесности Подставина назначили исполняющим должность профессора корейской словесности Восточного института и одновременно инспектором Восточного института. Эту должность он исполнял с успехом до 1905 г.⁴ Только за первые три года преподавания в Восточном институте основоположник русского научного корееведения выпустил несколько учебников и пособий для студентов: «Корейскую хрестоматию» в двух частях (1901), «Пособие по практическому изучению корейского языка» (1901), а также несколько сборников: разговорного корейского языка (1902), смешанного корейско-китайского письма (1902), образцов официальных документов (1903). Позднее он составил хрестоматию литературного корейского языка (1905), сборник образцов современных корейских сатирических произведений (1907), руководство по изучению официального стиля современного корейского языка (1908)⁵.

Учитывая прикладной характер изучения языков, принятый в Восточном институте, помимо образцов разговорной и литературной речи в пособия и хрестоматии обязательно вставлялись тексты из правительственной корейской газеты и официальных документов, распоряжения центральных правительственных учреждений, формы коммерческих актов, примеры частной переписки. «Составленные и изданные Подставинным курсы по изучению корейского языка, — говорил А.М. Позднеев, — могут свидетельствовать... что Подставин с достаточною основательностью проштудировал эту совершенно неведомую у нас область языкознания, хотя и не сомневаюсь, что как самое составление курсов, так и двухлетнее преподавание предмета, могли лишь возбудить у него новые вопросы, важности исследования которых он не мог и оценить в ту пору, когда приступал к ознакомлению с языком»⁶.

В подготовке некоторых пособий Подставину помогал кореец Хан Киль-мен, которого руководство Восточного института пригласило по просьбе молодого профессора на работу. «В настоящее время рекомендуемый мною лектор, — писал Подставин, — проживает во Владивостоке и продолжает заниматься со мною чтением и разбором корейских текстов»⁷. Когда Хан-киль-мен заболел уволился из института. Подставин предложил пригласить на должность лектора другого носителя корейского языка, Тхэ-уонь-сена. Он родился в Сеуле в дворянской семье в 1878 г., в 1901 г. окончил в Сеуле училище иностранных языков. Тхэ-уонь-сен стал правой рукой Подставина в подготовке корейской хрестоматии⁸.

Большинство профессоров-востоковедов Восточного института составляли учебные программы и разрабатывали курсы не только по своей основной дисциплине, но и по экономике, истории, географии изучаемой страны. Подставин разработал для студентов отдельные части «Свода законов Корейского государства», снабдив их своим комментарием⁹, а также поощрял своих студентов анализировать современное состояние учебников по корейскому языку для иностранцев¹⁰.

Подставин беспокоился и о книжном собрании института. Он безвозмездно передал библиотеке Восточного института 819 книг¹¹ и огромную рукописную карту Кореи, состоящую из 21 листа, которую в свое время ему подарил востоковед-любитель и известный дальневосточный меценат М. Шевелев¹². Тогда же Подставин предложил купить для университетской типографии корейские шрифты и открыть в библиотеке отдел корейской литературы.

Почти каждый год профессор Подставин ездил с научными целями в Корею или Японию, где не только собирал материалы для своих научных работ или учебных пособий, но старался налаживать научные связи между дальневосточными странами и Россией.

Понимая важность общения с европейскими коллегами, Восточный институт командировал Г.В. Подставина на Первый всемирный расовый конгресс в Лондоне. Эту поездку Григорий Владимирович использовал для того, чтобы побывать в ведущих европейских университетах, занимающихся Востоком.

Григорий Владимирович неоднократно консультировал краевую администрацию по вопросам политики Кореи и жизни корейцев в пределах Дальнего Востока. В 1914 г. и 1916 г. по поручению генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти профессор Подставин детально исследовал жизнь корейцев в Амурской и Сахалинской областях. Его назначили председателем комиссии по изданию учебников для корейских школ в Российской империи. «Будучи крупной величиной в области востоковедения, — писал журнал «Вестник Азии», — он достиг такого же авторитета и влияния в качестве общественного деятеля. В личной жизни поражает кристальная чистота его души и шепетильность его совести. Ему одинаково чужды были интриганство, себялюбие и корысть. Работая ради пользы науки и общества, он меньше всего думал о себе, о личных выгодах»¹³. Несмотря на напряженную преподавательскую деятельность Г.В. Подставин много времени отдавал общественным делам.

В дни празднования 50-летнего юбилея Владивостока возникла мысль основать в городе университет. В докладной записке Министерству просвещения отцы города подчеркивали, что «благодаря существованию в гор. Владивостоке Восточного института создаются особые благоприятные условия для открытия других факультетов: восточно-филологического, юридического и экономического, путем преобразования института с расширением или выделением юридических и экономических дисциплин, уже представленных в настоящее время в институте»¹⁴. Но благое пожелание долго оставалось на бумаге. Только в 1916 г. Министерство просвещения откликнулось на предложение и пожелало, чтобы Владивостокский университет был с медицинским факультетом, что несколько расходилось с первоначальным замыслом — открыть университет с высшей технической школой.

Открытие университета ускорила Гражданская война: во Владивосток вместе с беженцами и частями Белой армии прибыли профессора из крупных российских городов. Столкнувшись с необходимостью найти работу, они приложили усилия к созданию новых учебных заведений: Историко-филологического факультета (1918), Высшего политехникума (1918), Юридического факультета (1919). 17 апреля 1920 г. на основе Восточного института был торжественно открыт Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), ректором которого 30 апреля 1920 г. утвердили профессора корейской словесности Г.В. Подставина¹⁵.

Это был один из самых сложных периодов жизни Г.В. Подставина: за время работы в университете сменилось 12 правительств. У Григория Владимировича нашлось немало такта, опыта и личного влияния, чтобы отстаивать основы академической жизни, и несмотря на смену различных правительств университетская жизнь протекала без серьезных потрясений.

С окончанием Гражданской войны в 1922 г. многие профессора и студенты навсегда покинули родину. 20 октября 1922 г. ректор ГДУ Г.В. Подставин передал временно свои обязанности ректора ГДУ другому востоковеду, коллеге по Восточному институту Е.Г. Спальвину¹⁶. Надо отметить, что новая власть сразу же проверила материальное состояние университета. В соответствующем акте было отмечено, что университетское имущество находится в полной сохранности¹⁷.

Перед отъездом из России Г.В. Подставин некоторое время жил с семьей на Русском острове во Владивостоке¹⁸. Потом он оказался в корейском порту Сейсин, некоторое время прожил в Сеуле, находясь в Духовной миссии. Понимая скромные возможности Кореи, Григорий Владимирович решил весной 1923 г. уехать в Харбин, где возглавил курсы русского языка для китайских служащих, мастеровых и рабочих, затем организо-

вал курсы китайского языка для русских служащих. Японо-русский институт предложил Подставину стать лектором. В сентябре 1923 г. учебный отдел Китайско-Восточной железной дороги пригласил его стать консультантом, провести проверку учебных заведений Харбина и принять участие в деятельности программных комиссий. Отлично владея корейским и китайским языками, Г.В. Подставин прекрасно знал и японский язык. Поэтому ему пришлось заниматься составлением русского букваря для японцев.

Григорий Владимирович Подставин скончался 23 марта 1924 г. в Харбине. Ученики Подставина по этому поводу изготовили огромный плакат около двух квадратных метров. На голубом шелковом фоне было вышито китайскими иероглифами: «Солнце каждый день заходит на западе и вновь восходит на востоке, и солнце поэтому вечно; человек великий умирает, но память о нем возрождает его, и поэтому великий человек вечен»¹⁹.

Профессор В.В. Энгельфельд вспоминал: «Толпа народа, которая провожала Григория Владимировича до могилы, была живым свидетельством той любви, который оставил после себя этот отзывчивый и обаятельный человек. В общем горе объединились все — и друзья, и ученики, и коллеги почившего. Студенты, профессора, общественные деятели, педагоги — все пришли отдать последний долг свой Григорию Владимировичу»²⁰.

Один из учеников В. Тресвятский отметил: «В немногочисленной коллегии ориенталистов-корееведов опустело место, долгие годы являвшееся центральным. Но наследство, оставленное Григорием Владимировичем, заставляет нас бодро смотреть на будущее родного дела. Неизведанная целина пройдена, в результате научных достижений проф. Г.В. Подставина, найдены пути для дальнейшего исследования и изучения корееведения»²¹.

Несмотря на неоднократные попытки полная биография и список его работ до сих пор так и не напечатан²². Из пяти дочерей профессора Подставина только одна, Гали продолжила преподавательскую деятельность.

Автор благодарит Музей русской культуры в Сан-Франциско (США) за возможность использовать коллекцию семьи Подставиных.

1. Опыт русско-корейского словаря / Сост. М.П. Пуцилло. СПб.: тип. Гогенфельдена и К., 1874. 731 с.; См о нем: *Селищев А.* Первый русский словарь М. Пуцилло // Пробл. Дальнего Востока. 1994. № 1. С. 151–153 и др.
2. *Хон Чжи Ин.* Обучение корейскому языку во времена Российской империи // Россия и Корея: Новая встреча старых соседей. Юбилейная выставка к 20-летию установления дипотношений РФ и РК. Сеул: Изд. Ин-та России и СНГ при ун-те Корё, 2010. Б.с.; *Концевич Л. Р.* Г.В. Подставин (к столетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1976. № 1. С. 227–231; *Хохлов А.Н.* Хан Киль-мён — друг России и патриот Кореи: (К столетию создания Восточного института во Владивостоке). URL: <http://koryo-saram.ru/han-kil-myon-drug-rossii-i-patriot-korei/>
3. *Таберно Н.П.* Записка о состоянии Восточного института за 1899–1900 академический год // Изв. Вост. ин-та (ИВИ). Владивосток. 1901. Т. 2, вып. 2. С. 91.
4. Протоколы заседаний Конференции Восточного института. Заседание 18 авг. 1900 г. // ИВИ. 1900. Т. 2, вып. 1. С. 13.
5. *Подставин Г.В.* Собрание образцов современного корейского официального стиля. Ч. 1. Корейский текст, вып. 1. Правительственная газета (Дворцовые известия — Распоряжения центральных правительственных учреждений). Владивосток: Изд-во Вост. ин-та, 1908. IV, 64, IV с. Литогр.
6. Протоколы Конференции Восточного института. Заседание 28 января 1892 г. // ИВИ. 1902. Т. 3, вып. 5. С. 164.
7. Протоколы заседаний Конференции Восточного института. Заседание 18 авг. 1900 г. // ИВИ. 1900. Т. 2, вып. 1. С. 13.

8. Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1901–1902 acad. год. Заседание 18 сент. 1901 г. // ИВИ. 1901. Т. 3, вып. 1. С. 24–26.
9. Протоколы Конференции Восточного института. Заседание 28 января 1902 г. // ИВИ. 1902. Т. 3, вып. 5. С. 164.
10. *Подставин Г.В.* Разбор японского самоучителя корейского языка «Циосенго докугаку» / Сост. студентом корейско-кит. отд-ния Вост. ин-та Г. Яшинским по лекциям исп. должность профессора Г.В. Подставина. Владивосток: Изд-во Вост. ин-та, 1908. Вып. 1. IV, 32, 128 с. Литогр.
11. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1907 г. Владивосток: Типолитогр. Вост. ин-та, 1908. С. 16.
12. Там же. С. 33.
13. *Рязановский В.А.* Памяти Г.В. Подставина // Вестн. Азии. Харбин, 1924. № 52. С. 11.
14. Соединенное заседание Общества русских ориенталистов и Юридического факультета // Вестн. Азии. 1924. № 52. С. 7.
15. Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации. Владивосток, 1916. С. 2.
16. Государственный архив Приморского края (Владивосток) (ГАПК). Ф. 117 Оп. 3. Д. 1. Л. 4.
17. Там же. Л. 290–290 об.
18. Музей Русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция № 154 (Подставина И.Г.).
19. Ученики — памяти учителя // Вести. Азии. 1924. № 52. С. 20.
20. *Энгельфельд В.* Проф. Г.В. Подставин: Некролог // Вестн. Азии. 1924. № 52. С. 7.
21. *Тресвятский В.* Профессор Г.В. Подставин, как основоположник русского научного корееведения // Вестн. Азии. 1924. № 52. С. 19.
22. *Гуенков В.* Первым в мире профессором корейского языка был российский ученый // Сеульский вестник. 2003. 16 июня. URL: <http://vestnik.kr/life/1788.html>. См. также: *Концевич Л.Р.* Российские центры корееведения. URL: http://www.ivran.ru/library/view_edition.php?edition_id=34&chapter_id=64.

Дискуссионная трибуна

Влияние украинского кризиса на региональную безопасность в Северо-Восточной Азии

© 2015

Е. Гамерман

Статья посвящена проблемам безопасности в Северо-Восточной Азии, тем трансформациям, которые произошли в этой сфере в ходе украинского кризиса. Рассматриваются военная, энергетическая и продовольственная безопасность, ситуация на Корейском полуострове, дается прогноз на краткосрочную перспективу.

Ключевые слова: региональная безопасность, Россия, Китай, энергетика, продовольственная безопасность, украинский кризис, «корейский вопрос».

В особенностях, причинах, предпосылках и характеристике движущих сил Украинского кризиса еще предстоит разобраться исследователям. Кризис сам по себе не является чем-то исключительно новым для международных отношений, с чем никогда не сталкивались современные акторы. Классический конфликт, в который вовлечены ведущие мировые игроки на нейтральной территории при наличии (или активном возвращении) внутренних предпосылок для его возникновения. По форме — ничего нового. Однако главной отличительной чертой происходящего является то, что конфликт происходит в период практически тотальной глобализации, когда все взаимосвязаны и взаимобусловлены, когда невозможно предсказать даже примерно всех последствий того или иного события, когда информационное оружие становится значительно более важным, чем баллистическое. Еще не завершившись окончательно, украинский кризис уже заметно изменил систему международных отношений, повестку дня глобальной и региональной безопасности, вызвав отголоски в различных регионах земного шара. Не является исключением и субрегион Северо-Восточная Азия (СВА).

Система безопасности в СВА имеет отличительные особенности, главная из которых — отсутствие четкой институциональной среды. После Второй мировой войны в силу объективных и субъективных причин в регионе так и не была создана организация, которая объединяла бы все страны региона и в компетенцию которой входили бы, среди прочих, вопросы региональной безопасности. Базисом или фундаментом последней служат двусторонние связи, договоры и договоренности, союзы между государственными акторами АТР¹.

В украинском кризисе из стран субрегиона непосредственное участие принимает Россия, и опосредованное — Китай. При этом первая из него выходит с пассивом (по крайней мере, экономическим и в меньшей степени — политическим), второй — с серьезным активом. И именно от изменения позиций двух стран будет зависеть большинство трансформаций в регионе (хотя и не только от них). Итак, с каким «багажом» выходит Россия? Первым и одним из самых важных последствий кризиса и «санкционной войны» является снижение инвестиционной привлекательности и как прямое следствие значительное уменьшение объемов иностранных инвестиций. Это очень серьезная проблема, с которой Россия столкнулась уже сегодня². Вторым следствием является усиление оттока капитала за пределы РФ. Эти обстоятельства существенным образом влияют на экономическую и в целом на национальную безопасность России. Что касается российского Дальнего Востока, который непосредственно является частью СВА (и, так или иначе, влияет на региональную безопасность), то украинский кризис скажется именно на этой части РФ как на наиболее социально-экономически неразвитой. Уже сейчас идет речь о сворачивании или замораживании на неопределенное время ряда инфраструктурных проектов³. И, надо полагать, этот тренд станет долговременным (исключением является космодром «Восточный», который имеет не столько экономическое, сколько военно-стратегическое значение). Тенденции, которые наметились после саммита АТЭС-2012 во Владивостоке по интеграции региона в АТР и вылились в целый ряд программ и проектов, так и останутся в среднесрочной перспективе только тенденциями. Это крайне затруднит и сузит возможности взаимодействия России со странами региона, а в недалеком будущем приведет к более системному снижению влияния в Пасифике.

Что касается Китая, то эта страна, занимая, по сути, нейтральную позицию — не поддерживая ни одну из сторон конфликта — получает свои политические и экономические дивиденды как от интенсификации экономического взаимодействия с РФ, так и от сохранения и наращивания взаимодействия со странами ЕС и США. Кроме того, есть экономические интересы Китая в самой Украине, в области сельского хозяйства и в энергетике (в тепер уже российском Крыму)⁴. С точки зрения политической составляющей, Китаю крайне выгодно отвлечение ресурсов и внимания США от Восточной Азии на кризис на Украине и на Большой Ближний Восток. Кроме того, некоторое ослабление России в противостоянии с Западом позволит Пекину доминировать в двусторонних отношениях с Москвой, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Важная роль кризиса на Украине заключается в том, что Китай (и не только он один) увидел пример того, как в современных условиях можно решить территориальные споры с соблюдением видимых демократических процедур и без одобрения западных государств. И если к островам Сенкаку (Дяюйдао) и Парасельским островам это неприменимо, так как они попросту необитаемы, то остров Тайвань вполне может стать объектом для попыток Пекина воссоединить остров с материком. На ближайшую перспективу это вряд ли возможно. И дело даже не в военном присутствии США, а скорее в отрицательном отношении к такому сценарию со стороны самого населения Тайваня и стран Юго-Восточной Азии, экономические связи и интеграция с которыми для Пекина имеет очень большое значение. Однако в среднесрочной перспективе, при условии усиления экономической зависимости стран ЮВА от КНР, а также взаимозависимости экономик США и Китая, и в случае увеличения процентной доли американского внешнего долга во владении Поднебесной с 24% в 2014 г.⁵ до трети и выше через 10–15 лет, вариант с «цивилизованным» вхождением Тайваня в состав КНР (с особым статусом как у Гонконга, а может быть, и с еще большим объемом полномочий) вполне возможен. И в отличие от «Крыма — 2014», против Китая никто санкции в таком объеме, как в отношении РФ, вводить не будет (даже при условии осуждения со стороны лидеров стран Запада).

В самой же ближайшей перспективе Пекин будет наращивать военное присутствие в СУАР, продолжит «китаизацию» данного региона, а также будет еще более жестко

реагировать на любые проявления сепаратизма в Синьцзяне, Тибете. Излишне говорить, что для центральной власти Китая неприемлемы любые попытки референдумов наподобие Крымского.

Следует также ожидать и усиления военного присутствия КНР в странах Центральной Азии в виде двусторонних военных учений, учений в рамках ШОС, а также возможного в перспективе создания собственных военных баз в Узбекистане и Киргизии⁶.

Это идет вразрез с интересами России. Однако противостоять этой тенденции Москва будет не в состоянии.

Каковы же перспективы российско-китайских отношений в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии с учетом происходящего на Украине? В области военной безопасности позиции сторон являются очень близкими. Очевидны их общий подход к построению многополярного мира, неприятие американского вмешательства в дела других стран, общее видение проблемы международного терроризма сквозь призму юга России и запада Китая. Но перспективы данного взаимодействия не столь оптимистичны. Россия не сможет противостоять наращиванию военного присутствия КНР в центральной Азии, также КНР будет увеличивать свой военный потенциал и совершенствовать ВПК, и постепенно сотрудничество между Россией и Китаем в военной сфере также минимизируется. Однако в целом, несмотря на ряд противоречий, взаимодействие в сфере военной безопасности между двумя государствами не будет прервано и продолжит развиваться (пускай и не так динамично и в минимальном объеме). И, наверное, главной причиной этого будет отсутствие альтернативы для обеих стран.

Теперь обратимся к рассмотрению невоенных аспектов безопасности в двусторонних отношениях России и Китая в СВА сквозь призму Украинского кризиса. И здесь самой животрепещущей, наиболее актуальной и обсуждаемой темой является энергетика. Китай — государство с самым высоким уровнем импорта энергоресурсов с устойчивыми тенденциями ежегодного роста импорта нефти и газа. Россия — один из крупнейших экспортеров нефти и газа. В условиях украинского кризиса и серьезного и долговременного ухудшения отношений между ЕС и РФ следует ожидать уменьшения объема поставок энергоресурсов из России в Европу (за счет увеличения поставок в ЕС с Ближнего Востока, Норвегии и, вероятно, из Ирана), а возможно, и полного прекращения в случае ухудшения ситуации на Украине и достижения договоренностей между США и ЕС по сланцевому газу. Все это уменьшает дифференцированность российского экспорта энергоресурсов и не отвечает интересам энергетической безопасности страны. Возрастает зависимость от экспорта в Китай. В мае 2014 г. в условиях кульминации взаимного российско-европейского антагонизма был заключен договор между Россией и Китаем о поставках природного газа, который в СМИ тут же назвали «сделкой века»⁷. По данному вопросу переговорный процесс шел очень тяжело в течение длительного времени и то, что договориться удалось именно сейчас, в 2014 г., свидетельствует о том, что Кремль пошел на серьезные уступки по цене. Реальные цифры не разглашаются, но они, наверняка, значительно ниже рыночных. Есть отдельные экспертные суждения о том, что цена на газ в договоре находится в диапазоне 290–350 долларов за тысячу кубометров, при цене на европейском рынке — 400⁸. Насколько данное соглашение реально отвечает интересам национальной безопасности РФ — очень большой вопрос, даже в условиях кризиса европейского направления. Можно утверждать, что Китай, дожидаясь удобного политического момента, «продавил» собственные условия. И в данном случае сложно говорить о стратегическом партнерстве двух стран. Китай получил диверсификацию энергопоставок по ценам ниже рыночных и тем самым обеспечил свою энергетическую безопасность на среднесрочную перспективу. Однако, если мы говорим об энергетической безопасности в региональном разрезе, т.е. в Северо-Восточной Азии и в глобальном масштабе, то энергобезопасность — это, прежде всего, удовлетворение потребностей импортеров по ценам, которые бы удовлетворяли обе стороны (и импортеров, и экспорте-

ров), т.е. должен быть компромисс по цене. А в данном случае мы наблюдаем откровенный демпинг, вызванный политическими причинами и являющийся вынужденной мерой. При этом стоит заметить, что собственные дальневосточные территории России до сих пор не газифицированы (в 12 регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов отсутствует газоснабжение сетевым природным газом)⁹. В дальнейшем при негативном сценарии развития событий и при отсутствии альтернативы Россия будет вынуждена еще снижать цены (может быть, даже ниже себестоимости) и отдавать китайским компаниям на льготных условиях выгодные нефтяные и газовые месторождения, а также предоставлять возможность заниматься добычей в Арктике¹⁰. В столь сложной ситуации единственным вариантом становится поиск новых партнеров и новых покупателей для дальнейшей диверсификации поставок. Наиболее вероятным и предсказуемым кандидатом на эту роль становится Япония, которая является крупнейшим в мире импортером природного газа. И нынешнее японское правительство во главе с Синдзо Абэ готово к полноценному диалогу по наращиванию экономического сотрудничества (с сохранением за скобками территориальных противоречий). В последние два года серьезно обострились отношения Японии с Китаем, американский союзник далеко и занят другими международными вопросами, а Токио нужно решать задачи собственного экономического и в том числе энергетического развития. Но главным препятствием на пути интенсификации российско-японского взаимодействия являются американо-японские союзнические отношения и необходимость со стороны Японии поддерживать американские действия против России и вводить собственные ограничительные санкции в отношении нашей страны. Недавние новые японские санкции и отмена приглашения Президента РФ нанести визит в Токио осенью 2014 г. (визит перенесен на 2015 г.—Прим. ред.) заставляют предполагать, что данное препятствие может стать непреодолимым¹¹. Российскому дипломатическому ведомству в такой ситуации необходимо учесть все тонкости «восточной дипломатии», не «захлопывать» окончательно японское «окно возможностей» и предпринять усилия для организации переговоров на других площадках.

Помимо энергетических контрактов, которые могут стать значительно более выгодными, чем аналогичные договоренности с Китаем и которые позволят нейтрализовать зависимость России от одного покупателя и обеспечат энергетическую безопасность нашей страны, а шире — региональную безопасность, существует вероятность увеличения объема прямых японских инвестиций в российскую экономику, а также начала технического сотрудничества в сфере сельского хозяйства. В целом, можно сказать, что взаимодействие с Японией — это чуть ли не единственный люфт для взаимодействия РФ с Западом в настоящий момент. И нужно использовать все дипломатические возможности, для того, чтобы этим люфтом воспользоваться. Без Японии российские экономические и энергетические интересы и безопасность российского Дальнего Востока обеспечены не будут, а также значительно возрастут угрозы региональной безопасности в СВА (в невоенной сфере). В сфере военной безопасности главным дестабилизирующим фактором будет оставаться территориальный спор между Россией и Японией, который может резко обостриться в случае вмешательства США.

Еще одной невоенной сферой, которая резко актуализируется в ходе украинского кризиса и «санкционной войны», является продовольственная безопасность. После введения запрета на ввоз ряда продовольственных товаров из стран ЕС, Северной Америки и Австралии российское руководство все чаще стало говорить о самообеспечении продовольствием и необходимости импортозамещения¹². Однако циркулярно по указке сверху в современной российской экономике такие вещи сделать невозможно. Рынок так не работает. Нужно создавать соответствующие условия (от реальных налоговых льгот до беспроцентных субсидий) и на это понадобится достаточно много времени. В настоящий момент Россия просто меняет поставщиков, т.е. страны-импортеры продукции. Традиционных поставщиков сменяют Бразилия, Аргентина, Китай, Беларусь, Турция¹³. Но при

этом, учитывая отсутствие альтернативы, кризисное состояние сельского хозяйства в России, а также опасения крупных ритейлеров и обычные спекуляции участников рынка, уже сейчас происходит серьезное повышение цен на продукты, попавшие под санкции (в отдельных регионах повышение цен на мясо за два месяца составило 30–40%)¹⁴. А отсутствие экономической возможности со стороны потребителей для приобретения продовольствия необходимого количества и качества — это уже отсутствие продовольственной безопасности. В августе 2014 г. был снят запрет с поставок мяса из Китая, который действовал в течение 10 лет, и из Бразилии. Качество данной продукции вызывает определенные сомнения из-за использования генно-модифицированных кормов, гормонов роста и частых вспышек ящура¹⁵. Однако для обеспечения продовольственной безопасности российскому Дальнему Востоку сотрудничать в Китае в любом случае придется. На сегодняшний день необходимы самые тщательные проверки качества ввозимой продукции. А в перспективе необходимо приходить к созданию совместных животноводческих комплексов (российско-китайских, российско-японских) на территории Дальнего Востока с запретом использования в их деятельности генно-модифицированной продукции и гормональных препаратов. Здесь стоит повториться, что для повышения эффективности сельского хозяйства на Дальнем Востоке России необходимы японские сельскохозяйственные технологические линии, и это одна из сфер интенсификации сотрудничества двух стран.

Еще одной серьезной угрозой региональной безопасности в СВА является так называемый «корейский вопрос». Украинский кризис может стать серьезным катализатором для активизации этого конфликта. США на волне успеха на постсоветском пространстве и при отсутствии противодействия со стороны международного сообщества начнут наращивать военное присутствие в Восточной Азии. В ближайшей перспективе можно ожидать увеличения военного контингента американской базы в Южной Корее, в Японии, а также на Филиппинах и в Сингапуре¹⁶. Это не может не вызвать противодействия со стороны Китая, который ускорит темпы наращивания военных соединений в южных провинциях, на Западе, в Центральной Азии и на границе с корейским полуостровом. Будет пытаться противодействовать и Россия, поставляя в Северную Корею вооружение, в том числе и современное, на льготных условиях. Все это приведет к росту напряженности в регионе, сопоставимому с периодом Холодной войны. Вероятность прямого военного столкновения между севером и югом (а точнее — возобновления корейской войны после длительного перемирия) является минимальной. Однако она все-таки есть. Вряд ли стороны захотят изменения статус-кво на полуострове. Но при этом ситуация может выйти из-под контроля в силу ряда случайных событий.

Другим немаловажным фактором дестабилизации обстановки в СВА является программа США по развертыванию системы противоракетной обороны (системы ПРО)¹⁷. Скорее всего, в ближайшем будущем, начнется ее реализация в Южной Корее и на Филиппинах, и возможно, в Японии. В ответ на это Китай и РФ начнут реализацию собственных программ ПРО и, вполне возможно, будут делать это в тандеме, создавая единую систему. Все это негативно скажется на региональной безопасности, приведет к эскалации напряженности, к росту численности военных соединений РФ на Дальнем Востоке, вооруженных сил Китая, сил самообороны Японии, двух корейских государств, численности американских войск в регионе. Возможно обретение ядерного статуса де-факто обоими корейскими государствами и даже Японией (в случае внесения изменений в Конституцию национального согласия по данному вопросу и политической воли США).

В этой ситуации высокой вероятности усиления напряженности и роста актуализации угроз традиционной и нетрадиционной безопасности в СВА закономерным должно стать повышение роли многосторонних структур и организаций, действующих в реги-

оне. Речь идет, прежде всего, о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и саммитах восточно-азиатского сообщества (ВАС).

ШОС необходимо все больше внимания уделять региону Северо-Восточная Азия, принимая все более активное участие в предотвращении и минимизации угроз. Было бы вполне закономерным принять в состав организации одну из стран региона — Монголию, еще более укрепляя и повышая свои позиции на востоке. РФ ни в коем случае нельзя самоустраняться от участия в ШОС, несмотря на усиление в ней роли Китая.

Саммиты восточноазиатского сообщества, созданные странами Юго-восточной Азии и Китая, Японией и Южной Кореей из формата АСЕАН+3, в настоящий момент включают в себя, помимо вышеназванных государств, РФ, США, а также Австралию, Новую Зеландию и Индию. Именно эта организация может стать центральной в вопросах обеспечения безопасности в регионе. При этом есть вероятность, что США либо их союзники постараются минимизировать работоспособность этой структуры. Параллельно же будет идти процесс создания новой структуры или попытки повышения эффективности уже существующих, однако, с более сильной ролью и влиянием США, нежели ВАС.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что ситуация в СВА будет ухудшаться. И только от основных акторов — США, КНР, России, Японии — будет зависеть, насколько этот процесс окажется контролируемым. В самой ближайшей перспективе следует ожидать повышения актуализации целого ряда угроз военной и невоенной безопасности. Среди самых главных и наиболее сложно решаемых — возможное развертывание системы ПРО в странах СВА, нуклеаризация субрегиона, «корейский вопрос». Данные угрозы выходят за рамки региональной безопасности и являются неотъемлемой частью международной безопасности, к их разрешению придется подключаться значительной части мирового сообщества через ООН, ВАС, ШОС и т.д. Помимо этого, проблемами в сфере безопасности, актуальность которых повышается после украинского кризиса и вследствие его, являются энергетическая безопасность региона и продовольственная составляющая региональной безопасности. Украинский кризис уже сейчас привел к ухудшению ситуации относительной стратегической стабильности. Далее следует ожидать роста напряженности и повышения уровня традиционных и нетрадиционных угроз безопасности в Северо-Восточной Азии.

1. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане: История и теория междунаро. отношений в Вост. Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конвент — МОНФ, 1997. С. 10–11.
2. *Петров И.* Стагнация экономики РФ вызвана не только событиями в Украине. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008209638.html>, Инвестиции в России в 2013 — начале 2014 гг.: тенденции, проблемы, перспективы. Анализ динамики инвестиций в основной капитал / Бюджетная система Российской Федерации. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/EEG/EEG201406021259/EEG201406021259_p_003.htm.
3. Строительство порта «Тамань» и моста через Лену в Якутии заморожено. URL: http://www.infox.ru/authority/state/2014/05/14/Stroitelystvo_porta__print.phtml.
4. *Орлов А.* Украина продает Крым — но не России. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/12/09/5796029.shtml>; *Бакалинский М.* Украина в экономических и геополитических сетях Китая. URL: <http://sm.kharkov.ua/el/journalism/45-novosti/2537-hsrn.html>.
5. Major foreign holders of treasury securities. Министерство финансов США. URL: <http://www.webcitation.org/68gLKgyfs>.
6. *Калишевский М.* «Российская» Средняя Азия становится «ближним зарубежьем Китая»? URL: <http://www.gundogar.org/?0234051503200000000000011000000>; *Панфилова В.* Китай занимает в Узбекистане нишу США. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-08-20/6_uzbekistan.html.
7. «Сделка века» в западных СМИ: «Китай и Россия — в глубокой изоляции. Оба» URL: <http://www.odnako.org/blogs/o-predskazuemoj-reakcii-zapada-na-geopoliticheskie-peremeni-i-gazovuyu-sdelku-veka-mezhdu-rossiey-i-kitaem/>; Сделка века. Россия и Китай заключили газовый

- контракт на 30 лет. URL: <http://smartnews.ru/business/companies/17802.html#ixzz3FMA0DmEG>; Россия и Китай заключили «сделку века». URL: <http://russian.rt.com/article/33520>.
8. США: Газовый контракт России и Китая не связан с ситуацией на Украине. URL: <http://vz.ru/news/2014/5/22/687854.html>; Договор о поставках газа между Россией и Китаем является выгодным для обоих государств. URL: <http://penzanews.ru/opinion/79620-2014>.
 9. Программа газификации "Газпрома" оказывает непосредственное влияние на социально-экономическое развитие регионов и уровень жизни людей. Поэтому их следует рассматривать как особо социально значимые. URL: <http://investinnoprom.ru/gazificaciya.php>.
 10. Путин поддержал планы Китая стать акционером перспективного нефтегазового месторождения в Красноярском крае. URL: <http://gonito.ru/modules/myarticles/storyid-2032.html>; Независимый экономист Владислав Жуковский: Россия без технологий и денег — вся надежда властей на кредиты Китая. URL: <http://kprf.ru/ros crisis/134933.html>.
 11. Япония ввела новый пакет санкций против РФ, они коснулись ряда банков. URL: <http://expert.ru/2014/09/24/yaponiya-vvela-novyyj-paket-sanksij-protiv-rf-kotoryie-kosnulis-ryada-bankov/>
 12. Прививка от импорта. У наших отраслей появился стимул для нового развития, зарубежные партнеры рискуют потерять рынок сбыта. URL: <http://www.rg.ru/2014/08/04/import.html>.
 13. Аргентина заменит ЕС в качестве основного поставщика мяса в Россию. URL: <http://www.advertology.ru/article125220.htm>; Как Латинская Америка заменит ЕС и США. URL: <http://www.dni.ru/ekonomy/2014/8/7/277288.html>; Россельхознадзор: Белоруссия имеет шанс удвоить поставки сыра в РФ. URL: <http://www.metronews.ru/novosti/rossel-hoznadzor-belorussija-imeet-shans-udvoit-postavki-syra-v-rf/Трoнh!—llLeEozoD8zaQ/>
 14. Во многих регионах России растут цены на продукты. URL: <http://referendum.tomsk.ru/topic.phtml?id=3903&view=news>; В некоторых регионах ускорился рост цен на мясо и рыбу. URL: <http://www.finmarket.ru/news/3800017>.
 15. Европейскую свинину заменят китайской. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/04/03/5979757.shtml>; Санкции излечили китайских свиней — <http://www.fontanka.ru/2014/08/15/170/>
 16. *Скоцырев В.* США возрождают военные базы в Азии. URL: http://www.ng.ru/world/2012-06-25/1_usa.html.
 17. США подтвердили намерение продолжать развертывание системы ПРО в Европе. URL: http://ipress.ua/ru/news/ssha_podtverdyly_namerenye_prodolzhat_razvertivanye_sistemi_pro_v_evrope_46949.html.

Некоторые замечания по вопросу интерпретации истории революционного процесса в Китае 20-х годов XX века¹

© 2015

А. Картунова

Статья посвящена небывалому интересу историков-исследователей разных стран, особенно Китая, в первом десятилетии XXI в. к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. Автор указывает на множество появившихся в последнее время публикаций, основанных на ранее засекреченных документах, и полемизирует по ряду вопросов трактовки революционного процесса в Китае в 1920-е гг.

Ключевые слова: революция, Северный поход, Коминтерн, ВКП(б), КПК, ГМД, ошибки, поражение.

Китайская революция 1925–1927 гг. на протяжении многих десятилетий XX в. неизменно привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей благодаря ее выдающейся роли в новейшей истории Китая. Из революции Китай вышел уже во многом другой страной.

В 1990-е годы и в первом десятилетии XXI века у историков появился огромный массив ранее засекреченных и не доступных для исследователей документов и материалов. Особый интерес представляют протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б), протоколы заседаний Китайской комиссии Политбюро, письма, отчеты, телеграммы представителей Коминтерна (далее — КИ) и представителей различных советских ведомств в Китае, множество других, также неизвестных прежде, документов и материалов².

Эти документы позволили по-новому увидеть многие давно известные факты и реальные причины событий, закрыть ряд «белых» пятен, глубже понять причины провалов тактики ВКП(б) и КИ, разработанной в Москве и направляемой в виде директив представителям КИ в Китае и руководству КПК. Стали понятнее истинные мотивы Москвы, оказывавшей финансовую помощь, поставившей вооружение и командировавшей советников Гоминьдану и Национальным армиям Фэн Юйсяна, причины корректировки политики и тактики Советского Союза в Китае, особенно в 1926 г., подробности роли ВКП(б) и КИ в китайской революции 1925–1927 гг. Они также дали возможность более глубоко и объективно, конкретно и аргументировано ответить на вопрос о причинах поражения революции.

Характер оценок причин поражения революции в отечественной и зарубежной историографии конца 1920-х — 1950-х годов, в том числе в решениях IX пленума ИККИ (февраль 1929 г.), а также в публикациях 80-х — 90-х годов китаистам известны, и я не буду на этом останавливаться.

Недавно в КНР был опубликован «Обзор исследований за 10 лет о причинах поражения Великой революции». Этому обзору предпослана небольшая вступительная статья Чжэн Гоужуя, который, подводя итоги работы исследователей, изучающих в первое десятилетие XXI века причины поражения Великой революции, отмечает, что историки всесторонне и объективно рассматривают этот важный вопрос. Обзор, объемом в 15 страниц китайского текста, опубликован в «Дандэ вэньсянь» (Документы партии. 2012. № 3).

В обзор включены краткие сведения и выводы китайских авторов многих десятков статей. Статьи сгруппированы по ряду проблем Великой революции 1924–1927 гг. Назовем некоторые из них: Коминтерн и поражение Великой революции; недостатки [ошибки] восточной стратегии Коминтерна; переоценка силы ГМД со стороны Коминтерна и недооценка сил КПК; об ошибках «левого» и правого уклонов Коминтерна; об ошибках Чэнь Дусю; о теоретических ошибках Бородина; об ошибках теории Бородина и его большой ответственности за поражение революции; о последствиях передачи М.Н. Роем «майской директивы» Ки Ван Цзинвэю; об ошибках Сталина в его оценке Чан Кайши, затем Ван Цзинвэя; об ограниченности политики трех этапов [строительства государства] Сунь Ятсена, которыми воспользовались «правые» в ГМД, способствовавшие поражению Великой революции; об отношениях ГМД и КПК и поражении Великой революции; о соотношении сил ГМД и КПК; о гегемонии пролетариата и поражении Великой революции; отношения внутри партии [ГМД] и поражение Великой революции и др.

Я перечислила здесь, возможно, лишь половину разделов и подразделов. Но и этого достаточно, чтобы представить, какой широкий спектр проблем этой революции интересует исследователей в наши дни. А если к этому добавить многие специальные монографии по истории революции 1925–1927 гг. и ее проблемам, а также опубликованные материалы международных научных конференций в Пекине (1997 г., 2004 г.), в Берлине (1988 г.) и на Тайване (1999 г.)³, прошедших в связи с выходом в свет первых двух томов 5-томного (в 8 книгах) сборника документов «ВКП(б). Коминтерн и Китай», на которых проблемы китайской революции, роли в ней Советского Союза и КИ, причины ее поражения также были в центре внимания, если еще иметь в виду неучтенные публикации о революции 1925–1927 гг. и монографии и статьи российских, китайских и западных историков, то получается впечатляющая картина неиссякаемого интереса историков к проблемам Великой революции, особенно в первое десятилетие XXI века.

На этом фоне выглядит по меньшей мере странно, что в вышедшем в Москве в прошлом году 7-ом томе⁴ десяти томного издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» национальная революция 1925–1927 гг. фактически «исчезла», о ней нет не только отдельного раздела, но даже никаких прямых упоминаний, словно бы революции 1925–1927 гг. и не было в истории Китая.

Отметим, например, что в изданной в 2002 г. в КНР «Истории Компартии Китая 1921–1949» революции 1925–1927 гг. отведена большая глава объемом 149 страниц. Во всех изданиях по истории Китая имеются главы или разделы об этой революции. Во всех без исключения отечественных книгах по истории Китая читатель обнаружит основательные статьи с анализом событий в революции 1925–1927 гг. и причин ее поражения.

В 7-м томе глава VI (части первой) называется: «Гоминьдан и национальная революция. От Кантонского правительства Сунь Ятсена (1923 г.) до установления власти Гоминьдана в Нанкине» (автор главы Н.Л. Мамаева, она же редактор всего тома). Читатель здесь не найдет, что же это была за «национальная революция», когда она началась и когда закончилась. Приходится догадываться, исходя из текста, что речь идет, видимо, о некой революции 1926–1928 гг., то есть от начала Северного похода НРА с июля 1926 г. по октябрь 1928 г. до занятия ей Пекина. А, как известно, после разрыва отношений уханьским ГМД с КПК 15 июля 1927 г. ГМД продолжал военный поход НРА без участия революционных масс. Революция была подавлена, КПК вела только арьергардные бои.

Завершался первый, военный этап трехэтапного «строительства государства» по учению Сунь Ятсена. Но об этом также умалчивается в книге, в частности, о том, что в указанное время (более года) был уже только военный поход НРА.

Как пишет автор этого раздела Н.Л. Мамаева, II съезд ГМД (1–19 января 1926 г.) «более четко обозначил основную форму своей революционной деятельности — поход на Север и ее главную движущую силу — армию».

«II съезд Гоминьдана, — продолжает автор излагать документы, — четче сформировал позицию партии относительно места массовых движений в национальной революции, митинги, демонстрации, манифестации, движения протеста и забастовки надлежало поставить под партийный контроль. Политика в отношении массового движения в дальнейшем стала причиной основных разногласий между Гоминьданом и КПК. Для Гоминьдана была неприемлемой революционная модель, составной частью которой являлись спонтанное, бесконтрольное движение народных масс, а также вооружение народа». (С. 134). И далее: «Съезд обозначил реформистские черты экономической и социально-политической программы и ее ориентацию на более отдаленную перспективу, т.е. не на текущий военный этап «строительства государства», а на периоды политической опеки и конституционного правления» (с. 134–135).

Таким образом, II съезд ГМД определил ясно: Северный поход НРА — и никаких массовых движений во время его продвижения, и никаких социальных мероприятий. Однако Северный поход поднял к активности миллионные массы китайцев. Поход проходил при широкой и разносторонней поддержке и помощи рабочих и крестьянских масс на фронте и в тылу, поддержке со стороны мелкой городской буржуазии и значительной части национальной буржуазии, симпатий со стороны радикальной интеллигенции, различных общественных организаций, демократических кругов китайского общества.

В то же время главным направлением деятельности КПК в начавшемся Северном походе была политическая работа — тактика во взаимоотношениях с ГМД, а также мобилизация и организация революционных сил рабочего класса и крестьянства для вовлечения их в революцию, организации рабочих и крестьянских союзов. Существенной была и военная деятельность КПК, осуществлявшаяся Военной комиссией ЦК КПК, и работа коммунистов в подразделениях НРА и враждебных армий.

Национальная революция, начавшаяся с антиимпериалистического «Движения 30 мая» 1925 г., буржуазно-демократическая по своему характеру, развивалась неравномерно. С началом Северного похода НРА она стала стремительно набирать силу. Основные революционные выступления китайских рабочих на освобожденных территориях вылились в невиданный в истории Китая подъем рабочего движения, сопровождавшийся стремительным ростом профсоюзов и стачечного движения, в котором они выставляли экономические и политические требования лучшего обращения с рабочими со стороны предпринимателей. Большинство выступлений руководила КПК через профсоюзы, но немало было и спонтанных забастовок.

В деревне КПК пропагандировала «переходные» требования: снижение арендной платы, ссудного процента, налогов и т.д. Июльский (1926 г.) расширенный пленум ЦИК КПК особо выделил вопрос о крестьянском самоуправлении и вооружении крестьян, поскольку без вооружения «они бессильны».

К концу 1926 г. Национальная революция достигла наивысшего подъема. VII расширенный пленум ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.) принял «Резолюцию о положении в Китае» от 16 декабря, в которой содержались в развернутом виде основные вопросы стратегии и тактики, предназначенные для КПК в китайской революции на текущий этап и на перспективу, как их понимали в Москве. Главными решениями, изложенными в резолюции в самом сжатом виде, были установки на: завоевание гегемонии пролетариата в революции, аграрно-крестьянскую революцию и некапиталистическую (т.е. социалистическую) перспективу развития революции. Все эти решения были неоп-

равданным забеганием вперед и резким «левым» поворотом в отношении ГМД. Все это было несовместимо с учением о строительстве государства, разработанным Сунь Ятсеном. Для ГМД было неприемлемо превратиться в рабоче-крестьянскую партию, на что КИ ориентировал КПК.

Об этом в 7-м томе материал имеется, но ни слова о подъеме революции 1925–1927 гг.

А национальная революция продолжала развиваться независимо от ГМД. Победоносно завершилось вооруженное восстание в Шанхае 21–22 марта 1927 г.: его участники — 800 тыс. горожан в ожидании подхода к городу частей НРА самостоятельно очистили Шанхай от милитаристов. По инициативе коммунистов 22 марта, в день победы вооруженного восстания, был создан городской митинг, на котором избрали народное правительство — Собрание народных представителей Шанхая. Оно избрало временный комитет особого города Шанхая. Чан Кайши, прибывший в Шанхай 26 марта, запретил этому правительству собираться и осуществлять свои полномочия. 12 апреля Чан Кайши совершил в Шанхае контрреволюционный переворот⁵.

12–15 апреля жестокие расправы над коммунистами и революционным пролетариатом произошли в Нанкине, Ханчжоу, Аньцине, Фучжоу, Кантоне. 18 апреля Чан Кайши образовал в Нанкине Национальное правительство, а Уханьское — объявил незаконным.

Этот раздел я завершаю выводом самой Н.Л. Мамаевой о «национальной революции Гоминьдана». Она пишет, что вступлением в Пекин 8 июня 1928 г. войск Национального правительства завершился Северный поход. «Завершилась и национальная революция, основными задачами которой Сунь Ятсен и Гоминьдан провозглашали победу над бэйянскими милитаристами и объединением Китая под гоминьдановской властью» (с. 150–151). Такие задачи, действительно, ставились, но Сунь Ятсен говорил не о национальной революции, а о первом, военном, этапе его учения о «строительстве государства». Поскольку Н.Л. Мамаева не признает очевидный факт национальной революции 1925–1927 гг. в истории Китая, то и историческая «поправка» революционного процесса в 1926 г. — середине 1927 г., в котором принимали участие многие миллионы китайцев, благодаря которому произошел невиданный подъем национальной революции, не учитывается в книге и не укладывается в революционный процесс этих лет.

Я не имею в виду предпринимать разбор всего 7-го тома «Истории Китая», однако, как один из членов авторского коллектива этого тома, не могу пройти мимо некоторых ошибок, допущенных редактором в разделах по истории КПК, ее деятельности и роли в развитии революционного процесса в Китае с 1920 по 1937 г., автором которых я являюсь:

1. В главе 7, часть 1 (с. 160) о Пекин-Ханькоуской забастовке железнодорожников (февраль 1923 г.) написано, что это была экономическая забастовка, что неточно. Это была знаменитая героическая и одновременно трагическая политическая забастовка, подавленная У Пэйфу 7 февраля 1923 г. Кроме того, редактор вписала будто забастовка проходила «под идейным влиянием и при прямой материальной и политической помощи Гоминьдана». В действительности ГМД не имел к этой забастовке никакого отношения, она была организована коммунистами через профсоюзы.

2. В главе 7, часть 1 (с. 162) I-й съезд народов Дальнего Востока, состоявшийся 21 января — 2 февраля 1922 г. (официальное название — Съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока), а написано, что он был созван «во Владивостоке по инициативе Коминтерна». В действительности съезд проходил в Москве — Петрограде, а подготовительная работа к нему — в Иркутске. Этот съезд, широко известный благодаря его исторической роли, в частности имел большое значение для КПК, особенно для осознания ею характера китайской революции на том этапе, и разработки партией новой концепции революции.

3. На с. 163 написано: «В результате переговоров и консультаций между Сунь Ятсеном, представителями Коминтерна и КПК и Гоминьдана было разработано компромиссное решение» (это моя фраза. — *А.К.*), а далее следует: «известное как «августовская инструкция 1922 г.». Согласно этому документу, говорится в книге, предусматривалось *индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан* при сохранении идейной, политической и организационной независимости КПК» (выделено мной. — *А.К.*) (то же и на с. 118). В действительности, на основании сообщений Г. Маринга, ИККИ в августе 1922 г. разработал Инструкцию своему представителю на Юге Китая, в которой содержался лишь первый слабый намек на форму сотрудничества КПК и ГМД, и никаких рекомендаций в этой инструкции на индивидуальное вступление коммунистов в ГМД еще не содержалось. В названном документе дана директива: «С целью выполнения задач коммунисты должны создать группы приверженцев в самом Гоминьдане и профсоюзах.

Из этих групп должна создаться целая армия пропагандистов, которые будут пропагандировать идеи борьбы против иностранного империализма, за создание Китайской народной республики, за организацию классово-борьбы против иностранных и домашних эксплуататоров»⁶.

Работа Коминтерна по поиску формы сотрудничества двух партий оказалась весьма трудной для ВКП(б) и КИ, и она продолжалась. В результате переговоров, в которых участвовали представители КИ, руководства КПК и ГМД, и дискуссий по вопросу о форме и условиях сотрудничества КПК и ГМД, Коминтерн выдвинул компромиссное решение: индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении политической и организационной независимости КПК и ГМД. По настоянию Г. Маринга и с его участием 29–30 августа 1922 г. в Ханчжоу состоялось чрезвычайное совещание ЦИК КПК, которое после больших колебаний официально приняло тактику индивидуального вступления коммунистов в Гоминьдан при определенных условиях. Однако это решение не осуществлялось. Чэнь Дусю, Ли Дачжао и Г.Маринг посетили Сунь Ятсена и сообщили ему о принятой договоренности на совещании. Сунь Ятсен внимательно выслушал это сообщение и вскоре санкционировал вступление в ГМД Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цай Хэсяня и Чжан Тайлэя. Но это вовсе не означало, что вопрос об индивидуальном вступлении коммунистов в ГМД был уже практически решен. III съезд КПК (10–19 июня 1923 г.) принял официальное постановление об индивидуальном вступлении коммунистов в ГМД при сохранении политической и организационной независимости КПК. Окончательное решение по этому вопросу было принято на I съезде ГМД (20–30 января 1924 г.).

4. С. 169. Здесь речь идет о всеобщей антиимпериалистической забастовке рабочих, торговцев и студентов Шанхая, начавшейся 1 июня 1925 г. после расстрела полицией мирной демонстрации 30 мая 1925 г. (мой текст. — *А.К.*), и вдруг в последнем абзаце вставлено: «ЦК КПК прислушался к совету Коминтерна (август 1927 г.) (?!?! — *А.К.*) (т.е. после поражения революции. — *А.К.*) о снятии политических лозунгов (таких, как призыв к вооруженному восстанию) и замене их экономическими требованиями, а также о постепенном прекращении забастовочной борьбы».

В действительности чрезвычайное совещание ЦК КПК (7 августа 1927 г.) в присутствии представителя Коминтерна В. Ломинадзе приняло наступательную тактику действий революционных сил — немедленное развязывание аграрной революции, организация вооруженных восстаний в городах. И все это широко известно.

Совершенно очевидно, что редактор спутала решения Коминтерна августа 1925 г. с решением чрезвычайного Совещания ЦК КПК от августа 1927 г.

5. С. 168–171. Заголовок: «Подъем национального антиимпериалистического движения». Здесь речь идет о «Движении 30 мая» 1925 г., но отсутствует указание, что оно положило начало национальной революции 1925–1927 гг. (как я уже писала выше, в книге вообще эта революция не упоминается).

6. С. 171. Последний абзац перед разделом: «Северный поход и развитие массового движения» вставила редактор — это не мой текст о событиях 20 марта 1926 г. (военно-политический переворот Чан Кайши в Гуанчжоу). В то время Чан Кайши еще не мыслит изложенными редактором Н.Л. Мамаевой категориями. Находившийся во время событий 20 марта 1926 г. в Гуанчжоу глава делегации Политбюро ЦК ВКП(б) А.С. Бубнов характеризовал эти события как «маленькое полувосстание, направленное против русских советников и китайских [коммунистических] комиссаров»⁷ и удовлетворил требования Чан Кайши отозвать всю верхушку Южнокитайской группы военных советников. А подготовился Чан Кайши к крупным решениям против КПК к маю 1926 г. (II пленум 2-го созыва ЦИК ГМД 15–22 мая, Кантон).

7. На с. 178 в книге говорится: «Меры Гоминьдана по размежеванию с коммунистами формировались одновременно с *принятием Коминтерном и КПК* (выделено мной. — А.К.) курса на размежевание единого фронта с Гоминьданом». Это вставка редактора не отвечает действительности. Дискуссии имели место и в Москве, и в КПК. Но такого решения КИ не только в мае 1927 г. не было, но даже 7 июля 1927 г. в телеграмме ИККИ ЦК КПК указывалось: «Выход из Нацправительства [двух министров-коммунистов] не означает выход из Гоминьдана». И это соответствовало тактике Москвы, рекомендовавшей КПК в течение всего периода первого сотрудничества КПК и ГМД для достижения своих целей находиться в нем как можно дольше.

8. С. 179. Здесь редактор вставил вместо моего текста от себя 5 строк, посвященных восстанию в Гуанчжоу в декабре 1927 г., известному как Кантонская коммуна. В тексте следует: «Оно (восстание. — А.К.) было лучше подготовлено, чем в других городах, и опиралось на опыт Гонконг-Кантонской забастовки-бойкота 1925–1926 гг. Последнее принципиально неверно, никакую аналогию здесь «притянуть» к кантонскому восстанию невозможно. Упомянутая забастовка-бойкот проходила на территории революционной базы Гоминьдана и финансировалась последним, т.к. ГМД на определенном этапе был заинтересован в ней, а готовившееся подпольно восстание, а не забастовка, еще должно было завоевать Гуанчжоу, и войска двух враждебных генералов подавили Кантонскую коммуноу. Из приведенного абзаца, очевидно, что его автор не знаком с документами и материалами об этом восстании, которые известны историкам уже 15 лет. (См., например: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. С. 164–165; С. 165; С. 188–189; признание главкома Е Тина, что в Кантон он прибыл за 6 часов до восстания и не знал никаких подробностей, как было принято постановление о восстании. «Я покинул свой отряд в 9 часов вечера 12 числа и лишь 13 в 4 часа по полудни, — писал Е Тин в Москве, куда прибыл через Европу, — бежал из Кантона». Имеются отчеты об этом восстании Г. Ноймана, Андрея (Семенова) и других, из которых никак нельзя сделать вывод, что Кантонское восстание было хорошо подготовлено.

Не стану приводить множество других недочетов редактирования или вставок целых абзацев, с редактурой которых я не согласна. Это особенно касается заключительной части главы 7-й (с. 180–181), где от моего текста на осталось главных идей.

И все это явилось следствием нарушения обязательного правила — обсуждать с автором предлагаемую редакцию.

1. В китайской историографии в наше время эта революция именуется Великой революцией (да гэмин) 1924–1927 гг. (начиная со вступления в сотрудничество Гоминьдана и КПК на I съезде ГМД (20–30 января 1924 г.) и создания на этой базе единого национального антиимпериалистического фронта. Некоторые китайские историки определяют ее хронологические рамки 1923–1927 гг. (со времен создания Сунь Ятсеном военного правительства в Гуанчжоу). В отечественной историографии за начало революции принято считать «Движение 30 мая» 1925 г.,

исходя из того, что революция — это прежде всего политическое движение масс или партий за изменение существующего строя.

2. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994; То же. Т. 2, ч. 1. 1926–1927. М., 1996; То же. Т. 2, ч. 2. М., 1996; Политбюро ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004; Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника. М., 2003; Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы. Август 1923–1926 гг. М., 2008; Большевицкое руководство. Переписка 1912–1927. М., 1996.
3. См.: Эгун мидан юй чжунго гэмин яньцзю: [Секретные архивы РКП(б) и исследование китайской революции]. Харбин, 1998; Гунчаньгоцзи ляньюнбу юй чжунго гэмин Гоцзи сюэши цзю Таохуэй луньбэнь цзюю [Коминтерн, советская КП(б) и китайская революция: Сб. выступлений, обсуждавшихся на международ. науч. конф. / Под ред. 1-го Исслед. отд. Центра ЦК КПК по изучению истории партии]. Пекин, 2008; The Chinese Revolution in the 920s: Between Triumph and Disaster. L.; NY.: Routledge Curzon, 2002; Moscow, Canton, Peking. Early Diplomatic Relations between the Soviet Union and China. Taipei, 2000.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 7. Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. д.и.н. Н.Л. Мамаева. М., 2013.
5. А.В. Виноградов в связи с этим пишет: «Рост политической активности населения и успехи компартии высветили ущербность ГМД, остававшегося закрытой корпоративной структурой. Чан Кайши был вынужден пойти на разрыв с КПК, чтобы лишить коммунистов возможности непосредственного участия в организации органов власти и управлении страной, использовавшегося ею для увеличения своего политического влияния. Но главное: разрыв был предопределен исчерпанием коалиционных форм государственного строительства, вызывавших внутренние конфликты и представлявших угрозу уже достигнутым рубежам в деле объединения Китая. — См.: Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М., 2008. С. 126–127.
6. Полный текст: «Инструкция ИККИ своему представителю в Южном Китае». См.: Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., 2001. С. 25–27. — Текст приведен по архивному документу: РГАСПИ.Ф.514. Оп. 1. Д. 19.Л. 11–12.
7. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 1. С. 140.

Философия

Дискуссии о конфуцианской этике*

© 2015

А. Старостина

Статья посвящена содержанию дискуссии о сыновней почитательности и конфуцианском принципе «сын и отец друг друга покрывают», в которой приняли участие многие видные ученые-философы в КНР. Первый этап дискуссии, открытой профессором Лю Цинпином, длился с 2002 по 2004 годы, второй начался в 2006 году с публикации в журнале «Сюэ хай» статьи профессора Дэн Сяомана и продолжается до сих пор.

Ключевые слова: конфуцианская этика, сыновняя почитательность, традиционализм, история философии

Последние десятилетия в КНР стали временем возрождения интереса к конфуцианству и восстановления в правах конфуцианской философии. Распространенное среди прогрессивных философов первой четверти XX в. мнение о том, что конфуцианство во всех своих проявлениях есть мракобесие, которое препятствует развитию Китая, было безоговорочно принято в господствующем историко-философском дискурсе КНР 1950-х — 1970-х годов. Сейчас ситуация серьезно изменилась. Современное конфуцианство на материке признано официальной историографией и входит в программу многочисленных курсов по изучению отечественной философии. Китайские почвенники стремятся сформировать новую конфуцианскую парадигму, используя для нее наработки таких философов, как Сюн Шили, Лян Шумин, Сюй Фугуань, Тан Цзюньи и др.

Еще в июне 1985 г. в храме Конфуция в Пекине состоялось открытие Китайского научно-исследовательского института Конфуция, который в 1989 г. был преобразован в Китайское конфуцианское ученое общество. Есть всекитайский академический журнал, посвященный конфуцианству: это созданный в 1986 г. «Кун-цзы яньцзю». С 2006 г. выходит электронная газета «Жуцзя юбао» (некоммерческий частный проект), где печатаются и академические статьи, и популярные заметки, и полемические выступления. Существует множество интернет-порталов, посвященных разным аспектам конфуцианства.

Достоинно внимания, что конфуцианство возвращается далеко не только как социальная философия и метафизика. Взоры обычных граждан, исследователей и предста-

Старостина Аглая Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС. Тел.: 8 (903) 510-51-62.
E-mail: abstarostina@gmail.com.

* Работа выполнена в рамках НИР «Традиционные основы современных культур и макрорегионов Востока» лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

вителей правящих слоев все чаще обращаются к конфуцианству как части культуры традиционной; при этом его называют структурообразующим элементом всей китайской культуры (и даже культуры синосферы). В начальную школу приходит преподавание пропедевтических конфуцианских текстов: «Сань цзы цзина», «Дицзы гуй» и др.¹

Можно наблюдать и возвращение некоторых особенностей, свойственных конфуцианству как идеологии императорского Китая: возрожден религиозный культ Конфуция, возобновлены жертвы Шуню — образцовому, хотя и легендарному, правителю и почтительному сыну (созданы несколько региональных объединений, «исследующих культуру Шуня»).

При всем при том в настоящее время конфуцианство не претендует на роль официальной идеологии (несмотря на то, что справлялось с ней в течение столетий. Впрочем, счет идет уже на тысячелетия). Не так давно в академических кругах КНР уже начали говорить о том, что китаизацию марксизма можно успешно проводить именно на основе конфуцианства.

В ноябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил храм Конфуция в Цюйфу. Кроме того, он уже неоднократно высказывался о необходимости изучать конфуцианство для лучшего понимания традиционной культуры. В «Жэньминь жибао» продолжают печататься статьи, авторы которых весьма высокого мнения о конфуцианстве и его актуальности не только для Китая, но и для всего мира.

Единогласия в отношении оценки исторической и современной роли конфуцианства в верхах, по всей видимости, нет. Здесь уместно вспомнить о том, что в начале 2011 г. на площади Тяньаньмэнь появилась статуя Конфуция, которая через три месяца без каких-либо объяснений была демонтирована и перенесена во внутренний двор Государственного музея.

Такое сложное явление, как конфуцианство, соединяющее разнородные этические и политические теории и обычаи разных эпох, само собой, не может вызывать у всех одинаковое отношение. Многие продолжают помнить о том, что конфуцианство в течение долгого времени представлялось средоточием сил тьмы. Пропаганда времен кампании критики Линь Бяо и Конфуция тоже не прошла даром.

На обыденном уровне конфуцианские устои иногда представляются враждебными построению современного справедливого общества; так, автору этих строк неоднократно приходилось слышать, что конфуцианские феодальные (эти слова нередко употребляются как синонимы) нравы не допускают активного участия женщин в социальной жизни и приводят к ограничению их прав; что эти нравы ведут к процветанию nepoтизма и пр.

В некоторых случаях люди не могут согласиться с концепцией изначально доброй природы человека, сформулированной Мэн-цзы; кому-то представляется надуманной неоконфуцианская метафизика.

Не последнюю роль в формировании настороженного отношения к конфуцианству сыграло то, что империя Цин, многие правители которой были ревностными конфуцианцами, а все государственные служащие были вполне начитаны в конфуцианских канонах, в конечном счете пришла в полный упадок и пала. Подобным образом исчез когда-то как самостоятельное учение легизм: он дискредитировал себя прежде всего тем, что царство Цинь, взявшее на вооружение легистскую идеологию, смогло удерживать власть над Поднебесной совсем недолго.

В ученом мире конфуцианские культуру и мировоззрение критикуют с разных позиций. В данной статье речь пойдет о дискуссии вокруг сыновней почтительности, которая лежит в основании конфуцианской этики.

I

Первому этапу этой дискуссии положила начало напечатанная во втором номере журнала «Чжэсюэ яньцзю» («Философские исследования») за 2002 г. провокационная статья профессора Лю Цинпина, которая носила название «Добродетель или коррупция? — анализ двух случаев с Шунем, описанных в “Мэн-цзы”»². Лю Цинпин (р. 1956, в последние годы преподает в Фуданьском университете, ранее работал в Уханьском и Пекинском педагогическом университетах) предлагал искать корни китайской коррупции в конфуцианстве. Мишенью его критики стали «сыновняя почтительность» (*сяо*) и братская любовь (*ти*), которыми отличался легендарный император Шунь, по версии Мэн-цзы, одного из основателей конфуцианства.

О сыновней почтительности Шуня трактат «Мэн-цзы» (первая часть главы «Цзинь синь», пер. П.С. Попова) сообщает следующее: «Гао Ин спросил Мэн-цзы: Когда Шунь был императором, а Гао-яо министром уголовных дел, то, как бы они поступили, если бы Гу-соу (отец Шуня) убил человека? Мэн-цзы отвечал: Гао-яо просто арестовал бы его. — Но, в таком случае, не запретил бы ему Шунь сделать это? — Каким образом мог бы запретить ему это Шунь, когда в руках Гао были законы, полученные по преданию? В таком случае, как же поступил бы Шунь? Для Шуня бросить империю было то же, что бросить старый башмак. Он тайком взвалил бы себе на спину отца и бежал бы с ним, поселился бы на взморье, всю жизнь радостно наслаждался бы и забыл бы империю»³.

Второй «случай с Шунем» касается его отношений со старшим братом и описан в первой части главы «Вань Чжан». Ученик Мэн-цзы Вань Чжан спрашивал учителя о том, почему Сян — брат Шуня, злой человек, неоднократно пытавшийся убить младшего брата, не понес должного наказания. «Вань Чжан сказал: Шунь сослал министра работ в Ю-чжоу, Хуань-доу отправил в горы Чун, убил старшину племен Сань-мяо в Сань-вэй’е, казнил Гуня в горах Юй. Вся вселенная преклонилась перед наказанием четырех злодеев, потому что он казнил бесчеловечных людей. Сян был самым бесчеловечным из них, а Шунь поставил его князем Ю-би. Чем же виноваты были Ю-би’сцы? Неужели же человеколюбивый человек непременно должен так поступать? Если дело касается чужих, так он казнит их, а брата так возводит в князья. На это Мэн-цзы отвечал: Человеколюбивые люди в отношениях своих к братьям не гnevаются на них, не питают против них злобы, а только чувствуют к ним привязанность и любят их. Чувствуя к ним привязанность, желают, чтобы они были богатыми. Шунь, сделал брата князем Ю-би, обогатил и сделал его знатным. Разве можно было бы считать привязанностью и любовью, если бы он, будучи сам императором, оставил бы брата простым человеком?» (пер. П.С. Попова)⁴. Затем Мэн-цзы уточнил, что никакой реальной власти у Сяна не было, так что подданные от него не пострадали бы.

По Лю Цинпину, как извинительны бы ни были побуждения Шуня в обоих случаях, его поведение нельзя назвать образцовым для общества, в котором главенство отдаю не кровному родству, а закону. Лю Цинпин справедливо указывает на то, что за примат родства над законом выступает и Конфуций в знаменитом диалоге о краже барана (XIII глава «Лунь юй»): «Е-гун сказал Кун-цзы: — У нас есть прямой человек. Когда его отец украл барана, сын выступил свидетелем против отца. Кун-цзы сказал: — Прямые люди у нас отличаются от ваших. Отцы скрывают ошибки сыновей, а сыновья покрывают ошибки отцов, в этом и состоит прямота» (пер. Л.С. Переломова). Действительно, Е-гун высоко ценит поступок, основанный на преодолении естественной привязанности к отцу; Конфуций же полагает, что выше этой привязанности не может быть ничего (*чувства* детей к родителям превращаются в фиксированный нравственный ориентир: даже не испытывая пылкой любви к родным в каждом конкретном случае, индивид соизмеряет все свои действия с идеальными представлениями о сыновней почтительности).

Оговариваясь, что он ни в коем случае не хочет назвать конфуцианскую любовь к родным и принцип «родные друг друга покрывают» источником всех проявлений коррупции, Лю Цинпин утверждает, тем не менее, что подход, подобный менцианскому, может служить — и служит — оправданием для пренебрежения нормами закона и профессиональной этики. Личные *чувства* не должны стоять выше общего *закона*, но конфуцианство с этим не согласно; а отсюда уже могут быть другие следствия, замечает автор: оправдание кумовства, привилегий землякам, даже взяточничеству.

«Нельзя отрицать, что кое в чем конфуцианство (особенно его суровая критика тех, кто предпочитает выгоду долгу) действительно в чем-то может способствовать формированию антикоррупционной идеологии. Тем не менее, точно так же нельзя отрицать непосредственное влияние конфуцианского подхода к ценности родства на существование явлений коррупции, с которыми мы постоянно сталкиваемся в современной жизни»⁵. Выдвигая требование назначать на государственные должности только достойных, конфуцианцы тут же подрывают его, восхваляя почтительного Шуня, который обеспечил высокое положение своему недостойному брату. Конфуцианскому представлению о всеобщей любви противоречит особое пристрастие конфуцианцев к своей родине.

Основатели конфуцианства, признавая священность внутрисемейных отношений, тем самым ставили под удар ими же сформулированные принципы социальной справедливости, «человечности и долга».

Эту двойственность Лю Цинпин и предлагал обсудить.

Резонанс был очень большим. В десятом номере «Чжэсюэ яньцзю» за тот же год был помещен ответ на статью о коррупции Го Циюна, профессора Уханьского университета, одного из ведущих современных исследователей конфуцианства и пропагандиста «позитивных ценностей традиционной культуры» (по его собственному выражению). В описываемое время профессор Го возглавлял Международную ассоциацию по изучению китайской философии.

Завязался оживленный обмен мнениями между Лю Цинпином и почвенниками. Дискуссия быстро перешла со страниц «Чжэсюэ яньцзю» на страницы других академических журналов и даже газет («Вестника Шэньсийского педагогического университета», «Вестник Фуданьского университета» и др.).

Упомянутая выше октябрьская статья Го Циюна называлась «Еще раз говорю о принципе “сын покрывает отца” и о взгляде Мэн-цзы на Шуня»⁶. Автор подвергал сомнению выводы работы Лю Цинпина, не соглашаясь прежде всего с тем, что чувства, о которых говорят конфуцианские моралисты, представляют собой нечто сугубо частное, иерархически подчиненное закону. В гуманистической конфуцианской картине мира, по Го Циюну, человечность (*жэнь*) стоит принципиально выше закона; закон обретает право на существование, только будучи санкционирован нравственным императивом. Закон есть инструмент, а сущностью остается человечность. Универсальное для конфуцианцев как раз и проистекает из чувства; родственные чувства суть основа всей нравственности. Любовь ко всему человечеству возможна потому, что человеку дана в непосредственном опыте родственная любовь, которую он и распространяет (призван распространять) на весь мир.

В идеологии императорского Китая, пишет Го Циюн, «закон» (*фа*) был подчинен «добродетели» (*де*), хотя уже более ста лет до того китайцы отказались от системы законов, в которой недонесение сына на отца было предписано, а противное было наказуемо, это не отменяет ее гуманности. И на Западе знают, что свидетельство сына против отца и жены против мужа не укладывается в рамки нравственного поведения, и закон не требует от гражданина свидетельства против близких родственников.

Для Го Циюна принцип «отец и сын друг друга покрывают» есть залог порядка в обществе: в «культурную революцию» родство и вправду стали считать чем-то незначительным по сравнению с классово-борьбой; но то было время величайшего политичес-

кого и нравственного кризиса в истории Китая. Итак, в рассуждениях об *универсальности* закона Го Циюна видит угрозу его *дегуманизации*.

Кроме того, он ставит вопрос о том, стоит ли искать корни коррупции в далеком прошлом. «Постоянно встречающиеся ныне пренебрежение к закону из-за собственных чувств, nepoтизм и коррупция обусловлены целым комплексом причин — экономических, политических, социальных, юридических, идеологических, институциональных, моральных; здесь и культурная среда, и уровень личного нравственного совершенствования, и ценностные предпочтения. Нельзя возлагать ответственность на них за историческое конфуцианство Конфуция и Мэн-цзы; тем более нельзя сваливать все на устои родства, чтобы освободить от ответственности наших современников»⁷.

Помимо Го Циюна, многие защитники конфуцианства, в том числе профессор Дин Вэйсян (декан философского факультета Шэньсийского педагогического университета), Ян Цзэбо (профессор Фуданьского университета), Гун Цзяньпин (профессор Сианьского транспортного университета) в ходе дискуссии высказывались в том ключе, что винить традиционную культуру в пороках нынешнего общества нецелесообразно.

Ян Цзэбо (1953 г.р.), член правления Общества изучения истории китайской философии, автор нескольких монографий о Мэн-цзы, отметил нарочитую неисторичность подхода Лю Цинпина: в эпоху Чжаньго предполагаемые действия Шуня не могли оцениваться так же, как в наши дни. Кровные узы тогда были священны для общества, а легисты хотели перестроить ценностную иерархию, поставив закон над родством. Мэн-цзы же стремится сохранить прежние приоритеты, одновременно подчеркивая, что из-за действий Шуня никто не понес бы урона. Он предложил схему действий, применимую в случае конфликта долга и чувства, которой можно было пользоваться в течение многих столетий. А безусловно навязывать раннеконфуцианские принципы современному обществу никто не собирался⁸. Помимо этого, профессор Ян, подкрепляя конкретными примерами общее утверждение Го Циюна, замечает, что не стоит противопоставлять западные законы китайским: в древней Греции тоже существовало представление о том, что не стоит сыну обвинять отца, о чем свидетельствует платоновский диалог «Евтифрон»; в римском праве нельзя было принуждать к свидетельству против родных; и в наши дни в западных законодательных системах предусмотрена возможность отказаться свидетельствовать против близкого родственника или супруга⁹ (впрочем, Лю Цинпин практически не говорил о западном законодательстве; Ян Цзэбо исходит в своих рассуждениях из того, что представление о примате закона перед родством вытекает из западных представлений о законе).

Сторону Лю Цинпина принял Му Нанькэ (по всей видимости, это псевдоним), сотрудник Института философии АОН КНР. Следует заметить, что Лю Цинпина нельзя назвать антиконфуцианцем: ему импонируют многие элементы конфуцианской этики. Он лишь призывает переоценить конфуцианское и неоконфуцианское философское и культурное наследие, выделив в нем элементы, неприемлемые, по его мнению, для современного Китая. Му Нанькэ более резок: он полагает, что универсальных ценностей в конфуцианстве не найти. В своей статье «Происхождение и методологическое значение контекста в конфуцианских памятниках» (12 номер «Чжэсюэ яньцзю» за 2002 год)¹⁰ он показывает, что в китайской культуре кровное родство далеко не всеми ценилось выше всего. Не только одновременно с конфуцианством существовали учения, такие, как легизм или моизм, негативно оценивавшие конфуцианскую концепцию родства; но даже и внутри народной культуры императорского Китая, в течение долгих столетий испытывавшей влияние конфуцианства, ходили рассказы о неподкупном судье Бао-гуне, который не колеблясь казнил своего родственника, как казнил и императорского зятя, когда тот преступил закон. Когда отец покрывает сына, пишет Му Нанькэ, это не только противозаконно, но и безнравственно, и сам текст «Лунь юй» свидетельствует о том, что и во времена Конфуция были люди, которые знали об этом.

Поскольку конфуцианство есть часть китайской культуры, и его ценности в большей или меньшей степени оказали влияние на современных китайцев, к нему тем более следует относиться критически; слепое поклонение пагубно. Му Нанькэ полагает также, что всеобщее в конфуцианстве искать бесполезно, это учение принадлежит своему времени, тесно связано с феодальной культурой и не может, «преодолевая время и пространство», научить современных людей ничему новому.

В 2003 г. в третьем номере журнала «История китайской философии» («Чжунго чжэсюэ ши») появилась статья Хуан Юйшэна, профессора университета Цинхуа¹¹, который, поддерживая Лю Цинпина, указывал на то, что любая этическая система претендует на универсальность, и конфуцианство — не исключение. Таким образом, ученые, которые пытаются объявить такие ценности, как сыновняя почтительность в трактовке Мэн-цзы, универсальными, «впадают в релятивизм и партикуляризм». Основываясь на том же тексте «Мэн-цзы», можно видеть, что братская любовь в понимании ранних конфуцианцев должна была проявляться в стремлении повысить социальный статус братьев и увеличить их доходы — «чувствуя к ним привязанность, желают, чтобы они были богатыми». Люди в идеальном конфуцианском обществе есть не индивиды, а узелки в сети отношений, межчеловеческие связи чисто функциональны. Обладая определенной социальной ролью, человек обязан выполнять то, что она предписывает; это и считается настоящей добродетелью. Сделав родственные чувства критерием нравственности, конфуцианцы пренебрегли индивидуальной свободой, и в этом заключается историческая ограниченность конфуцианства. «Несомненно, в мысли Конфуция и Мэн-цзы тоже содержится сознание и прозрения абсолютности и священности высших принципов и индивидуальной экзистенции. Именно это сегодня нам и предстоит спасти, разъяснить и пропагандировать, чтобы обнаружить и развить всеобщность и универсальный потенциал конфуцианской мысли. Но в первую очередь мы непременно должны беспристрастно взглянуть на многочисленные этические критерии, базирующиеся на постулированной высшей ценности родства, и в универсалистском контексте раскрыть фальшь, которая лежит в их основе. Это позволит избавиться от всех не имеющих под собою основания этических критериев, разбедающих абсолютные принципы и социальную справедливость. Только тогда можно будет освободиться от релятивистских и партикуляристских призывов в нашей культуре и философии и вернуть в мир китайской мысли абсолютное стремление к справедливости и всеобщности»¹².

На этом этапе в «антикоррупционном» лагере, как мы видим, настоящим противником конфуцианства можно было считать, пожалуй, только Му Нанькэ.

В ноябре 2004 г., когда насчитывалось уже несколько десятков публикаций на соответствующую тему, Уханьский университет выпустил книгу по итогам этого обмена мнениями («Дискуссии по конфуцианской этике: сб. ст.»)¹³. В нее вошли также некоторые статьи, написанные раньше начала дискуссии и посвященные разным аспектам концепции «взаимного укрывательства». Несколько авторов (включая известного историка современного конфуцианства Чжэн Цзядуна) заняли критическую позицию по отношению к обоим лагерям; то же можно сказать и о некоторых представленных в книге статьях американских исследователей. Кроме того, свои статьи представили несколько американских исследователей. Предисловие к сборнику написал Го Циюн, подытожив аргументы своих сторонников. Получившаяся книга дает хорошее представление о ходе дискуссии и является в высшей степени полезным справочным материалом, тем более ценным, что далеко не все издания, из которых были сделаны перепечатки, доступны для зарубежного исследователя.

II

В предисловии к упомянутому сборнику сказано, что его выход, по всей видимости, знаменует прекращение дискуссии, поскольку все возможные доводы были исчерпаны обеими сторонами. Тем не менее, и впоследствии в печати продолжали появляться статьи сторонников Го Циюна, самих Го Циюна и Лю Цинпина. В 2005 г. на стороне Лю Цинпина выступил также Хун Бо (доцент Научно-технического университета провинции Цзянсу). Несколько позже к «антикоррупционному» лагерю присоединился Дэн Сяоман, и это послужило началом второго этапа дискуссии о сыновней почтительности и о праве человека не свидетельствовать против близких родственников.

Дэн Сяоман (род. в 1947 г.), профессор философского факультета Научно-технического университета Центрального Китая (Ухань) — историк философии и переводчик Канта и Гуссерля, автор трудов, посвященных философии Канта и Гегеля, сравнительному исследованию культур Китая и Запада, член постоянного комитета Китайского общества по изучению истории зарубежной философии. Его лекции по истории немецкой философии весьма популярны и регулярно появляются в видеозаписи в Интернете. Кроме того, это известный и талантливый публицист. Он с интересом следил за развернувшимся диспутом. В конце 2006 г. он отдал свою статью «Снова о коррупционном характере “взаимного укрывательства родственников”» для публикации в журнале «Сюэ хай», где она и вышла в первом номере следующего года¹⁴.

Прежде всего Дэн Сяоман обратился к упомянутому выше диалогу «Евтифрон», который неоднократно в ходе предшествующей дискуссии вспоминали сторонники Го Циюна. Профессор Дэн высказал мнение, согласно которому Сократ в диалоге всячески приветствует донос Евтифрона на отца (к сожалению, к такому выводу можно было прийти, только напрочь игнорируя иронию Сократа. — А.С.). Впрочем, Дэн Сяоман признал, что из текста видно: по убеждению древних греков, сыну не следует свидетельствовать против отца. Тем не менее, существование такого мнения даже и во многих обществах, в том числе на современном Западе, не доказывает ничего — «это всего лишь привычная слабость человеческого общества, которую оно еще не успело преодолеть».

Затем Дэн Сяоман назвал несостоятельными обвинения Лю Цинпина в неисторическом подходе, указав, что ценность истории в том, собственно, и состоит, чтобы научать современников, история есть зеркало. Люди способны проявлять интерес только к тем событиям в истории, которые имеют некоторое значение для современности.

Никто и не думает возлагать ответственность за нынешнюю коррупцию на древних: «они умерли и, таким образом, отвечать неспособны. Но от них осталась культура, их последователи и пропагандисты их учений тянутся непрекращающейся цепью; “историческое учение Конфуция и Мэн-цзы” сегодня еще как живо. Если кто-то и должен нести ответственность, так это наши современники, пропитавшиеся старой идеологией, их низкие поступки, продиктованные прогнившим старым мышлением»¹⁵. Пусть в древности не знали о правах человека, не были знакомы с представлением о главенстве закона; это не отменяет того факта, что для нашего времени безнравственны поступки Шуня или того сына, что не донес на отца, укравшего барана. Да и в древности знали о том, что человеческая жизнь священна, и ожидать от всех современников Мэн-цзы однозначного одобрения поступка Шуня нельзя.

Дэн Сяоман замечает также: когда западный закон говорит о праве не свидетельствовать против родственников, это именно право, а не запрет такого свидетельства. Пусть родные не свидетельствуют друг против друга, но и мешать отправлению правосудия им не следует.

Кроме того, этот автор полагает, что «любовь к родным», о которой говорит Мэн-цзы, на самом деле и не любовь даже, а фанатичная защита интересов своего клана. Уподобление государства семье, с одной стороны, обеспечило Китайской империи ог-

ромный запас прочности и способствовало тому, что в течение длительного времени она была одной из самых процветающих цивилизаций мира. С другой стороны, за это преимущество Китай заплатил приверженностью к феодальному самодержавию, а также глубоко укорененной склонностью к коррупции, которая порождала постоянное чередование периодов порядка и смуты.

Императорская власть, пишет Дэн Сяоман, поощряя выдвижение достойных и запрещая nepотизм, была обречена на неудачу, поскольку вступала в конфликт с собственной постоянной пропагандой сыновней почтительности (верность государству при таком подходе оказывалась другой разновидностью сыновней почтительности). Ценности родства, некогда давшие Китаю преимущество перед окружающими его народами, которые стояли на более низкой ступени развития, впоследствии оказались ядом. В какой-то ситуации можно было примириться с кражей или попыткой убийства и даже извлечь из этого некое общественное благо, не вызвав ничего осуждения; но это не отменяло вредной сущности таких поступков.

А если поступки Шуня и были разумными и хорошими по меркам того времени, то это не особенно важно, так как «нельзя отрицать, что тогдашние люди были ненамного лучше собак»¹⁶.

По мнению Дэн Сяомана, историчностью пренебрегают как раз сторонники Го Циюна, которым претит все современное и все пришедшее с Запада. Они считают, что общество не должно развиваться, не верят в прогресс и предпочли бы вернуться в «золотой век» двухтысячелетней давности¹⁷. Если же они говорят, будто при оценке слов Мэн-цзы следует руководствоваться нормами времен Чжаньго, они лукавят, поскольку и сами стараются возродить принцип сыновней почтительности в первоизданном виде.

Оправдывая поступок сына, бросившего все, чтобы спасти отца-убийцу (один из эпизодов с Шунем), почвенники, как считает Дэн Сяоман, должны быть последовательными и не осуждать Лай Чансина, бежавшего от китайского правосудия в Канаду¹⁸. Когда Го Циюн говорит, что человечность стоит выше закона, что все государственное управление и все законы в Китайской империи строились на конфуцианской этике, — это означает лишь, что тогдашняя система не соответствует современному пониманию закона и не может быть одобрена и принята в наши дни.

Ян Цзэбо и Дин Вэйян пишут, что Шунь заплатил бы трон за свое решение спасти отца, но Дэн Сяоман возражает: это не имеет отношения к сути дела. Если погиб человек, убийца должен быть осужден, и кто бы ни отказался по этому поводу от своего места, это не может служить компенсацией за жизнь. Если же народ во времена Мэн-цзы был готов смириться с происшедшим, восхищаясь жертвенностью Шуня, это лишний раз доказывает, в каком плачевном состоянии были в то время закон и нравы.

Читая эту работу Дэн Сяомана, можно познакомиться и с его позицией по отношению к казусам с Шунем, и с его специфическим стилем полемики. Впоследствии профессор Дэн выпустил серию статей на ту же тему, а в июле 2010 г. вышла книга, первая часть которой — это более 160 страниц — была составлена из них, — «Новая критика конфуцианской этики»¹⁹ (вторая часть была посвящена критике интерпретации Моу Цзунсанем философии Канта).

В предисловии к ней он писал, что десятилетнее пребывание в деревне до, во время и после «культурной революции» дало ему возможность понять: Китай — аграрная страна, большая часть населения которой хочет наступления уравнилельной эпохи с имущественным равенством, идеологической одинаковостью и отсутствием разделения труда. «Культурная революция», как полагает Дэн Сяоман, и была частичным осуществлением чаяний крестьян, как будто бы ведя к утопическому «Великому единству» — «Датун». Китайский марксизм всегда был конфуцианским. Мечта о «Великом единстве» и сейчас распространена в среде «новых левых», «новых конфуцианцев» и «новых консерваторов» — они и есть настоящие наследники идеологии «культурной революции». Воз-

рождение значения конфуцианства в обществе обозначало бы только подготовку ее новых этапов²⁰.

Казалось бы, после этого почвенники едва ли могли продолжать спор: если с Лю Цинпином или Хуан Юйшэном у них были определенные точки соприкосновения и некоторое взаимопонимание, здесь общий язык найти было трудно: интерпретация Дэн Сяо-маном смысла истории и культуры Китая никак не сочетается с их картиной мира, и на плодотворную дискуссию надеяться было нельзя.

Тем не менее, они не оставили «Новую критику...» без ответа. Ровно через год в издательстве Уханьского университета была напечатана семисотстраничная «Критика «Новой критики конфуцианской этики»» под редакцией Го Циюна²¹. В предисловии Го Циюн пишет, что Дэн Сяо-ман в своей яростной критике превзошел антитрадиционалистскую пропаганду 1950-х — 1960-х годов и «ненавидит традиционную и конфуцианскую культуру до такой степени, что готов обвинить ее во всех пороках нынешнего общества»²². Он не хочет видеть, что его оппоненты не собираются возвращаться в прошлое, а ищут в старом Китае ценности, которые составляют неотъемлемую и неповторимую часть всей китайской культуры. Книга получилась довольно пестрой по составу. Среди авторов сборника — не только участвовавшие в прошлом раунде спора философы и историки философии Дин Вэйсян, Гун Цзяньпин, Ху Чжихун и др., но и историки права, которые рассматривали принцип «сын и отец друг друга покрывают» на разных этапах развития китайской правовой системы; кроме того, в книгу вошли рецензии на предыдущий уханьский сборник, заметки о платоновском диалоге «Евтифрон» и др.

Поколебать Дэн Сяо-мана в его убеждениях едва ли возможно. Доводы, представленные в его книге, вполне последовательно исходят из разработанной им картины развития китайской культуры. Составители сборника не преследовали цели переубедить его, хотя несколько статей написаны с большим полемическим задором. В книге рассмотрены некоторые небесспорные аргументы профессора Дэна и его интерпретации конфуцианских текстов, а также собран большой фактический материал по истории конфуцианской этики. Уже в 2014 г. вышло продолжение этой работы, тоже под редакцией Го Циюна²³.

Последнее слово будет сказано еще не скоро. Недавно с критикой того, какой облик приобретает современное конфуцианство в КНР, выступил профессор Юй Инши (р. 1930), известный во всем мире исследователь китайской философии. Его речь была опубликована под названием «Смертельный поцелуй: пропаганда конфуцианства на материке»²⁴. Немного позже, в октябре 2014 г. его книги запретили продавать в КНР. Похоже, нас ожидает начало нового витка дискуссии.

Ход диспута о конфуцианской этике, о котором шла речь в данной статье, наглядно продемонстрировал наличие разных лагерей в китайском научном мире. Наблюдая за общественным резонансом этого спора, можно сделать вывод о том, что антитрадиционалистские настроения по-прежнему популярны, несмотря на заметно возросший интерес к традиционной культуре.

С одной стороны — любовь к китайской культуре, желание максимально развить те ценности, которым она может научить все человечество; с другой — стремление сделать китайское общество более открытым и свободным, познакомить его со всем лучшим, что есть в западной культуре. Такой спор разрешить окончательно невозможно. К сожалению, как часто бывает, спорящие стороны не столько стараются найти истину или даже переубедить друг друга, сколько максимально полно изложить собственную позицию. С обеих сторон встречаются излишне резкие обвинения оппонентов в некомпетентности. Следует учесть то, что обе стороны спора вполне осведомлены о стремлении китайских властей сформировать новую идеологию. Ставки здесь велики — речь идет о власти над умами в современном Китае.

1. О «лихорадке *госюэ*» — вновь возникшем интересе к традиционной культуре в КНР в 2000–2010-е гг. см. подробнее: *Виноградская В.Б.* Актуальность древности — традиционный текст в современном Китае // Пробл. Дальнего Востока. 2014. № 6.
2. *Лю Цинпин.* Мэйдэ хайши фубай? — си «Мэн-цзы» чжун югуань Шунь дэ лянгэ аньли [Добродетель или коррупция? — анализ двух случаев с Шунем, описанных в «Мэн-цзы»] // Чжэсюэ яньцзю. Пекин, 2002. № 2. С. 43–47.
3. *Попов П.С.* Китайский философ Мэн-цзы: Пер. с кит., снабженный примеч. СПб., 1904. С. 242.
4. Там же. С. 162.
5. *Лю Цинпин.* Указ. соч. С. 47.
6. *Го Циюн.* Е тань «цзы вэй фу инь» юй Мэн-цзы лунь Шунь. — Цзянь юй Лю Цинпин сяньшэн шанцюэ [Еще раз говорю о принципе «сын покрывает отца» и о взгляде Мэн-цзы на Шуня — попутно и спору с господином Лю Цинпином] // Чжэсюэ яньцзю. Пекин, 2002. № 10. С. 27–30.
7. Там же. С. 30.
8. *Ян Цзэбо.* «Мэн-цзы» дэ уду — юй «Мэйдэ хайши фубай» и вэнь шанцюэ [Ошибочное прочтение «Мэн-цзы»: спорю со статьей «Добродетель или коррупция»] // Перепечатка из «Цзянхай сюэкань». 2003. № 2 на сайте Confucius2000. URL: <http://www.confucius2000.com/scholar/mzdwdymdhsfbywsq.htm> (дата обращения 10 дек. 2014 г.).
9. *Ян Цзэбо.* Фубай хайши кэцю? — Гуаньюй «Мэн-цзы» чжун Шунь дэ лянгэ аньли нэн фоу чэн-вэй фубай дэ цзай сыкао [Коррупция или чрезмерная требовательность? — Снова размышляю о том, можно ли назвать проявлениями коррупции два случая с Шунем, описанные в «Мэн-цзы»] // Перепечатка из «Хэбэй сюэкань», 2004. № 2. URL: <http://www.confucius2000.com/confucian/fbhskgymzzsdlgalfcwfbdzsk.htm> (дата обращения 10 дек. 2014 г.).
10. *Му Нанькэ.* Жуцзя дяньцзи дэ юйцзин суюань цзи фанфалунь ни [Происхождение и методологическое значение контекста в конфуцианских памятниках] // Чжэсюэ яньцзю. Пекин, 2002. № 12. С. 40–43.
11. *Хуан Юйшэн.* Пубянь луньлисюэ дэ чуфадянь: цзюю гэти хайши гуаньси цзюэ [Отправная точка универсальной этики: свободный индивид или лицо в системе отношений?] // Чжунго чжэсюэ ши. Пекин, 2003. № 3. С. 13–24.
12. Там же. С. 24.
13. Жуцзя луньли чжэнмин цзи [Дискуссии по конфуцианской этике: сборник статей] / Под ред. Го Циюна. Ухань, 2004.
14. *Дэн Сяман.* Цзай и «шинь цинь ся инь» дэ фубай цинсян [Снова о коррупционном характере «взаимного укрывательства родственников»] // Сюэ хай. Нанкин. 2007. № 1. С. 5–24.
15. Там же. С. 10.
16. Там же. С. 18.
17. Там же. С. 12.
18. Лай Чансин — китайский коммерсант, глава корпорации «Юаньхуа», замешанный во многих коррупционных делах. В 1999 г. бежал в Канаду. В 2011 г. его выдвали Китаю, а в 2012 г. он был приговорен к пожизненному заключению с конфискацией имущества.
19. *Дэн Сяман.* Жуцзя луньли синь пипань [Новая критика конфуцианской этики]. Чунцин, 2010.
20. Там же. С. 8–9.
21. «Жуцзя луньли синь пипань» чжи пипань / Под ред. Го Циюна. Ухань, 2011.
22. Там же. С. 18.
23. Чжэн бэнь цин юань: дуй моу чжун Чжунго вэньхуа гуань дэ бинлисюэ поуци [Очищаем истоки: клинический анализ некоей концепции китайской культуры]. Ухань, 2014.
24. *Юй Инши.* Далу тичан жуцзя ши сыван чжи вэнь [Смертельный пощелуй: пропаганда конфуцианства на материке] // Журнал «Кайфан». URL: <http://www.open.com.hk/content.php?id=2180#.VJfBGAL0Ag> (проверено 21.12.2014).

Религия

Органы государственно-партийного регулирования религиозной сферы в КНР

© 2015

Л. Афонина, Д. Петровский

Исследования религиозной сферы в Китае должны проводиться с пониманием особенностей политической структуры страны. Сложность решения многих задач этой сферы усугубляется разветвленной и запутанной системой государственных и партийных органов, задействованных в ее регулировании. Непосредственное управление и контроль религиозной деятельности в Китае осуществляется сразу на трех уровнях – государственной властью, партийными структурами, а также религиозными объединениями.

Ключевые слова: Китай, религиозные объединения, Государственное управление по делам религий, Отдел единого фронта.

Политическая система Китайской Народной Республики характеризуется доминирующей ролью Коммунистической партии Китая (КПК), которая определяет все векторы политического развития страны. Помимо партийного строительства, КПК контролирует все государственные институты на национальном и местном уровнях через сеть партийных организаций и десятки миллионов членов партии. Это авторитарная система с властью, консолидированной в руках главы государства — Председателя КНР, который одновременно является Генеральным секретарем ЦК КПК.

Основные направления религиозной политики Китая также определяются КПК, руководящая роль которой закреплена в Конституции страны.

Подобно всем коммунистическим партиям КПК проповедует атеистические взгляды, рассматривая религию как ненаучное явление, как инструмент, использующийся для подчинения масс. Тем не менее, существование религии в коммунистическом Китае допускалось с момента образования КНР в отличие, например, от Албании периода правления Энвера Ходжи, где религия была запрещена, а страна в 1967 г. была объявлена первым атеистическим государством¹.

Вскоре после прихода к власти КПК провозгласила свободу вероисповедания основной своей политики по отношению к религии, что нашло правовое отражение в Общей программе Народного политического консультативного совета Китая (1949), в Конститу-

Афонина Любовь Александровна, младший научный сотрудник ИДВ РАН.

Тел.: 8 (903) 253–24–44. E-mail: liubov.afonina@gmail.com.

Петровский Дмитрий Иванович, сотрудник азиатского направления отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Тел.: 8 (903) 747–93–67. E-mail: shalong@mail.ru.

циях КНР 1954, 1975, 1978 гг., а также в ныне действующей Конституции КНР 1982 г. Политика «свободы вероисповедания» в КНР используется государством в качестве инструмента религиозного контроля, механизмы которого зависят от изменений политической конъюнктуры².

Идейной основой допустимости существования религии в государстве с атеистической властью стала «теория единого фронта» Мао Цзэдуна, допускавшая возможность для коммунистов формировать коалиции с антикоммунистическими группами при наличии общей угрозы.

Понятие «единого фронта» оформилось в Китае при объединении военных сил КПК с Гоминьданом для борьбы с милитаристами. Впоследствии концепция «единого фронта» использовалась в борьбе с японскими захватчиками во время японо-китайской войны (1937–1945 гг.). Главной идеей единого фронта было «временное объединение с меньшим врагом для поражения более крупного врага»³.

Для КПК временное дарование религиозной свободы — способ контроля религиозной деятельности в переходный период, когда правительству требуется поддержка нацменьшинств и верующих в борьбе за построение социалистического Китая⁴.

После «культурной революции» Дэн Сяопин вновь задействовал концепцию «единого фронта» с целью использования религиозного фактора для успешной реализации провозглашенных им реформ. Был сформулирован лозунг — «поиск единства при сохранении различий»⁵. Китайские партийные идеологи того времени считали, что провозглашенная в Китае политика свободы вероисповедания поможет развить социалистическое общество, в рамках которого, в свою очередь, произойдет разрушение религиозного мировоззрения у его граждан⁶.

При создании органов регулирования религиозной сферы в КНР учитывался опыт СССР, где для этого была создана определенная партийно-государственная система. Вопросы религиозной политики в СССР формулировались в Идеологическом отделе ЦК КПСС при активном участии спецслужб, в первую очередь — пятого управления КГБ. Свое практическое осуществление они получали через действовавший при Совете Министров СССР Совет по делам религий, представленный через своих уполномоченных во всех территориальных исполнительных органах СССР⁷.

Регулирование религиозной сферы в КНР также можно охарактеризовать как партийно-государственное. Партия задает идеологическое направление, а правительство занимается административной реализацией заданного курса. Однако в Китае для осуществления религиозной политики государство активно задействует специально сформированные после образования КНР патриотические религиозные объединения.

Государственная политика КНР в религиозной области формулируется и обретает легитимность в рамках деятельности Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) — высшего законодательного органа страны. На практике ВСНП обычно утверждает решения, уже принятые высшим руководством КПК — Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК, которому принадлежит реальная власть в стране.

Государственные и партийные органы, имеющие отношение к вопросам религии и религиозной политики, организационно всегда были связаны с Народным политическим консультативным советом Китая (НПКСК) — организацией Патриотического единого фронта китайского народа, в который входят как представители КПК, так и лица, представляющие отличные от КПК политические и общественные организации. НПКСК призван обеспечить диалог между КПК и другими частями общества. НПКСК, куда входят также представители религиозной сферы, являясь совещательным органом при правительстве КНР, имеет возможность влиять на развитие теоретического направления религиозной политики.

Непосредственное управление и контроль религиозной деятельности в Китае осуществляется сразу на трех уровнях — государственной властью, партийными структурами, а также религиозными объединениями.

Государственные органы, ответственные за осуществление религиозной политики КНР

На государственном уровне контроль и практическое регулирование религиозной сферы осуществляются посредством системы управлений по делам религий, организованных в соответствии с территориально-административным делением страны.

На вершине системы управлений по делам религий находится Государственное управление КНР по делам религий (ГУДР) — орган прямого подчинения Государственному совету — высшему исполнительному органу государственной власти КНР⁸. ГУДР обладает официальным мандатом представлять китайское правительство в практической реализации религиозной политики. Будучи ветвью государственной структуры, оно исполняет функцию связующего звена между государством и национальными религиозными объединениями.

История ГУДР берет начало в августе 1950 г., когда при Комитете образования и культуры правительства КНР была организована группа по изучению религиозных вопросов, в январе 1951 г. преобразованная в Отдел религий. После образования Госсовета КНР в ноябре 1954 г. возникло Управление по делам религий при Госсовете, состав работников которого был сформирован из числа прежних сотрудников Отдела религий.

В период «культурной революции» Управление по делам религий упразднено не было, однако его деятельность была приостановлена. Официальное упразднение Управления по решению Госсовета приходится на май 1975 г. Официально Управление возобновило свою работу по решению Госсовета лишь в апреле 1979 г. А с марта 1998 г. Управление по делам религий при Госсовете КНР стало именоваться Государственным управлением по делам религий⁹.

ГУДР структурно подразделяется на восемь отделов¹⁰:

1. *Канцелярия (департамент по общим вопросам)* содействует руководству ГУДР в осуществлении текущей работы; осуществляет контроль за реализацией важнейших задач; несет ответственность за корреспонденцию, организацию встреч и заседаний, документооборот; отвечает за работу с информацией, контроль финансов подведомственных организаций, образовательную подготовку кадров, координацию работы с другими партийными органами;

2. *Отдел политики и законодательной деятельности* осуществляет подготовку проектов законов и нормативно-правовых актов в религиозной сфере; проводит работу по изучению комплексных вопросов религиозного характера для разработки теоретического базиса религиозной работы; распространяет знания о содержании действующих нормативно-правовых актов религиозной сферы;

3. 1-й департамент занимается проблемами буддизма и даосизма;

4. 2-й департамент контролирует вопросы католицизма и протестантизма;

5. 3-й департамент решает задачи по управлению делами ислама;

6. 4-й департамент связан с проблемами других религий (в т.ч. православия), а также занимается предупреждением и воспрепятствованием деятельности организаций сектантского толка;

7. Отдел внешних связей занимается внешними контактами, направляет и координирует работу по связям религиозных объединений с внешним миром, а также с Гонконгом, Макао и Тайванем;

8. Отдел кадров непосредственно отвечает за работу с персоналом ГУДР и организаций прямого подчинения, организует обучение персонала.

В структуре ГУДР имеется также партийный комитет.

В прямом подчинении у ГУДР находятся следующие организации:

- *Китайский центр исследования религий* отвечает за изучение религиозной ситуации в Китае и за пределами страны, изучение теорий управления религиями, издание журнала «Религии и мир», играет роль консультативного органа;

- *Сервисный центр ГУДР* осуществляет материально-техническое обеспечение его деятельности, управление недвижимостью ГУДР и организаций прямого подчинения, ведает вопросами протокола и безопасности;

- *Образовательный центр ГУДР* готовит программы обучения для работников управления на всех уровнях, а также для религиозных служителей;

- *Издательство по делам религий и культуры* публикует литературу, а также аудио- и видео-материалы по религиозной проблематике, в том числе периодический журнал «Религии Китая»;

- *Ассоциация культурного и религиозного обменов КНР* призвана объединять, обеспечивать общение и взаимодействие представителей религиозных кругов КНР с коллегами из Гонконга, Макао, Тайваня и зарубежных стран.

В соответствии с одобренным в 2008 г. Государственной комиссией по формированию центральных органов власти «Положением об основных обязанностях, внутреннем устройстве и штатном расписании Государственного управления по делам религий» ГУДР осуществляет восемь основных направлений деятельности¹¹:

- изучение теоретических сведений о религиях, религиозной ситуации в Китае и в мире, сбор и анализ соответствующей информации, внесение предложений по регулированию вопросов религиозной сферы;

- подготовку проектов законов и нормативно-правовых актов для регулирования религиозной деятельности, контроль за правильностью реализации государственной религиозной политики и принятых норм религиозной сферы;

- осуществление в соответствии с законодательством управления религиозной деятельностью, охраны права на свободу вероисповедания граждан, защиты законных прав и интересов религиозных кругов;

- обеспечение деятельности религиозных объединений в соответствии с существующим законодательством, помощь религиозным объединениям в учреждении религиозных учебных заведений, обучение служителей культа в духе патриотизма;

- обеспечение работы отделов по делам религий народных правительств в рамках осуществления их управляющей функции в соответствии с существующим законодательством, пресечение использования религии для ведения антигосударственной деятельности;

- организацию работы по обучению работников отделов по делам религий;

- организацию деятельности в области внешних связей, а также проведение мероприятий по религиозным обменам с Гонконгом, Макао, Тайванем;

- осуществление прочих задач, связанных с поручениями Госсовета.

На региональном уровне управления или отделы по делам религий в своей работе подотчетны руководству народного правительства соответствующего административного подчинения, частью структуры которого они являются. Правительства провинциального, областного, городского, а часто и уездного уровня имеют отделы по делам религий или схожие с ними структуры для мониторинга и координации религиозной работы. При этом их деятельность по управлению религиозными объединениями должна быть согласована с органами партийного контроля соответствующего уровня.

ГУДР, несмотря на статус основного государственного органа, ответственного за религиозную сферу, сильно ограничен в своих полномочиях и осуществляет деятельность в рамках строго определенных функций. Интересно, что ГУДР не имеет полномочий управлять региональными отделами по делам религий. Взаимоотношения между

ними носят преимущественно рекомендательно-консультативный характер. Это одна из причин, затрудняющих проведение согласованной и единообразной политики в религиозной сфере в масштабах всей страны.

Правительство КНР тесно увязывает вопросы религиозного и национального характера, поэтому на местном уровне отделы по делам религий часто объединены с отделами по делам национальностей, формируя совместный орган управления религиозными и национальными проблемами. Однако внутри объединенных структур существует четкое разделение функций между их сотрудниками¹².

Отделы по делам религий играют важную, а зачастую и определяющую роль в регистрации религиозных общин, объектов религиозного назначения, при назначении и постановке на учет религиозных служителей, в организации масштабных религиозных мероприятий. Религиозные объединения и общины обязаны вести работу по составлению финансовых, кадровых и других отчетов, а также отчетов о приеме иностранных делегаций и другой внешней деятельности и своевременно передавать эти отчеты в отделы по делам религий народных правительств.

Чиновники ГУДР и его подразделений являются членами КПК. Исходя из требований партийной идеологии, все они официально не исповедуют никакой религии, придерживаются атеистического мировоззрения. Если кадры общенациональных управленческих структур, как правило, имеют детальные представления о специфике каждой религии, нюансах различий между ними, то большинство сотрудников местных отделов не отличаются сильной подготовкой в области религиозных знаний¹³. Эта ситуация постепенно изменяется в лучшую сторону благодаря попыткам правительства повысить уровень образования своих кадровых работников¹⁴.

Партийные органы, ответственные за формирование религиозной политики КПК

Специальным органом, ответственным за религиозную сферу в системе партийного контроля, является Отдел единого фронта (ОЕФ) ЦК КПК.

ОЕФ контролирует руководство, материальные ресурсы и деятельность некоммерческих общественных организаций, восьми демократических партий, религиозных объединений. Он также неофициально руководит деятельностью НПКССК, ГУДР, Госкомитета по делам национальностей, Комитета по делам мигрантов, Канцелярии по делам Гонконга и Макао, Канцелярии по делам Тайваня. Эксперты относят также ОЕФ ЦК КПК к китайскому разведсообществу¹⁵.

В своем функциональном значении ОЕФ ЦК КПК был создан в сентябре 1938 г.¹⁶ и был призван координировать связи различных категорий населения, его коммунистические слои — китайских эмигрантов, представителей национальных меньшинств, интеллигенцию, общественные и религиозные организации, в целях поддержки правящих властей и сохранения целостности страны¹⁷.

В мае 1961 г. в рамках ОЕФ ЦК КПК был образован Отдел религий, в настоящее время — Департамент по национальной и религиозной работе. Управление по делам религий при Госсовете и Отдел религий ОЕФ ЦК КПК стали совместно управлять религиозной сферой: Управление как правительственный орган, а Отдел религий ОЕФ как часть партийной структуры¹⁸.

Отвечая традиционной практике совмещения государственных и партийных должностей, Сяо Сяньфа, возглавлявший тогда Управление по делам религий при Госсовете, стал одновременно и руководителем Отдела религий ОЕФ ЦК КПК¹⁹. В настоящее время совмещение должностей не практикуется. ГУДР возглавляет Ван Цзоань, а Отдел религий ОЕФ ЦК КПК — Чжан Сюэи. Однако между ведомствами сохраняется тесная взаимосвязь. Зачастую руководители ГУДР обладают опытом руководства или работы в От-

деле религий ОЕФ ЦК КПК. Так, возглавивший в 2009 г. ГУДР Ван Цзоань после окончания университета и до поступления в 1987 г. на работу в Управление КНР по делам религий четыре года занимался вопросами религиозной и национальной политики в ОЕФ ЦК КПК. Его предшественник Е Сяовэнь, руководивший ГУДР с 1995 по 2009 гг., возглавлял Департамент по национальной и религиозной работе ОЕФ ЦК КПК с 1991 по 1995 гг.

С началом «культурной революции» правительство объявило о роспуске ОЕФ ЦК КПК, который смог восстановить деятельность лишь к 1975 г.

Таким образом, существование двух органов, ответственных за проведение религиозной политики, — ОЕФ и ГУДР — является отражением существующей в Китае системы власти, когда функции партийных и государственных органов тесно переплетаются.

Что касается их разграничения, то Департамент по национальной и религиозной работе ОЕФ ЦК КПК отвечает за формирование курса религиозной политики, толкование ее норм, контроль за осуществление религиозной политики правительственными органами на местном уровне²⁰. А ГУДР отвечает за практическое регулирование религиозной деятельности в рамках согласованной политики в религиозной сфере.

О степени вовлеченности ОЕФ в религиозные дела свидетельствует обязательность присутствия на всех собраниях религиозных объединений не только главы местного управления по делам религий, но и главы местного ОЕФ. На каких-то собраниях представители управления могут отсутствовать, но присутствие представителя ОЕФ является обязательным²¹, что свидетельствует о практическом приоритете ОЕФ ЦК КПК над ГУДР при решении религиозных вопросов.

Патриотические религиозные объединения

Существенным отличием китайской системы управления религиозной сферой является использование КПК и государством патриотических религиозных объединений для контроля религиозной сферы.

Пять официально представленных в Китае религий имеют свои структурные патриотические объединения на всех административных уровнях от уездного и выше. Эти объединения зарегистрированы в качестве общественных организаций.

Патриотические религиозные объединения содействуют правительству в управлении китайскими общинами. Их задача состоит в объединении, контроле, обеспечении политической и финансовой независимости всех религиозных общин Китая. Патриотические религиозные объединения работают в тесном взаимодействии с правительственными органами, а их руководители во всех вопросах поддерживают линию партии. Целью правительства в создании и поддержании деятельности патриотических религиозных объединений является стремление обеспечивать религиозную активность строго в заданных государством параметрах.

Членство для общин верующих в патриотических религиозных объединениях было обязательным условием при их образовании, сопротивление этому жестоко подавлялось. В настоящее время это требование не акцентируется, однако не принадлежащие к патриотическим религиозным объединениям верующие испытывают определенные сложности. Не имеющие всекитайского представительства малые религиозные группы во многом ограничены.

После образования КНР было создано пять религиозных патриотических ассоциаций национального уровня: Китайская буддийская ассоциация (1953 г.), Китайская исламская ассоциация (1953), Комитет китайского протестантского движения за три самостоятельности (1954), Китайская даосская ассоциация (1957) и Китайская католическая патриотическая ассоциация (1957)²². Под влиянием призывов к созданию Единого фронта в 1950 г. в протестантской среде Китая были сформулированы принципы «трех

самостоятельности» — самоуправление, самообеспечение, самостоятельная проповедь, направленные на самостоятельность китайской церкви и независимость во всех областях от иностранных миссий и общин²³. Принцип «трех самостоятельности» стал общей основой формирования указанных патриотических ассоциаций.

После «культурной революции» были сформированы Епископская конференция католической церкви Китая (1980) и Китайский христианский совет (1980) как структуры, более соответствующие каноническому устройству христианских церквей и в значительной степени направленные на обеспечение представительства католиков и протестантов Китая в международном сообществе.

В теории национальное религиозное объединение может осуществлять руководящую и направляющую деятельность в отношении объединений более низких уровней. На практике религиозные объединения провинциального, городского и уездного уровней в своей деятельности подотчетны Управлению по делам религий и соответствующему ОЕФ.

Руководство религиозных объединений формируется с одной стороны, посредством определенных выборных процедур внутри данного объединения, а с другой стороны, на основе признания и одобрения соответствующего государственного органа. Религиозные объединения, все их структуры и штат сотрудников финансируются за счет бюджета²⁴.

Прочие партийно-государственные органы, вовлеченные в реализацию религиозной политики в Китае

Контроль религиозной сферы в Китае тесно увязывается руководством страны с обеспечением мира и общественной стабильности. В разрешение вопросов религиозной сферы тесно вовлечены государственные органы, призванные отвечать за порядок и безопасность.

Поскольку некоторые виды религиозной и псевдорелигиозной активности могут напрямую или косвенно быть связаны с террористической или сепаратистской деятельностью, органы общественной безопасности играют важную роль в регулировании религиозной сферы. Работой органов общественной безопасности руководит Политико-юридическая комиссия ЦК КПК²⁵.

Министерство общественной безопасности (МОБ) КНР было создано в 1949 г. на базе Особого комитета ЦК КПК — органа партийной разведки, функционировавшего с 1928 г.²⁶ В функции МОБ входят внутренняя разведка и контрразведка, защита политического и государственного строя, общественного порядка, высшего руководства государства и важных государственных объектов, полицейские функции, антитеррористическая борьба, борьба против экстремизма и сепаратизма, мониторинг деятельности иностранцев на территории Китая.

Несмотря на отсутствие прямого запрета верующим работать в системе МОБ, потенциальные кандидаты в сотрудники министерства проходят обязательную проверку политической благонадежности. Религиозные верующие чаще всего оцениваются как политически неблагонадежные²⁷. То есть, офицеры МОБ большей частью открыто признают себя приверженцами атеистических взглядов.

Министерством общественной безопасности сформированы бюро и отделы практически во всех населенных пунктах КНР. Бюро общественного порядка являются частью системы полицейского контроля, следят за исполнением законов, соблюдением порядка и общественной безопасностью, а также за внутренней и внешней миграцией.

Бюро общественного порядка, как правило, имеют специальные подразделения для мониторинга подозрительной религиозной деятельности и могут применять меры

в отношении нарушающих закон и подозрительных религиозных групп, деятелей или общин²⁸.

В структуре государственной власти МОБ иерархически находится выше, чем ГУДР, являясь министерством Госсовета, в то время как ГУДР представляет собой орган прямого подчинения Госсовету. Чаще всего МОБ и бюро общественной безопасности не консультируются со специалистами ГУДР или отделами по делам религий, осуществляя свои операции в отношении определенных категорий верующих или незарегистрированных религиозных групп²⁹.

Китайские власти пристально следят за иностранным влиянием в религиозной сфере, опасаясь проникновения вредоносного политического воздействия под прикрытием религиозных учений. Ключевой контроль за влиянием иностранных религиозных групп осуществляет Отдел пропаганды ЦК КПК. До включения религиозных вопросов в компетенцию ОЕФ ЦК КПК к ведению Отдела пропаганды относилась и религиозная тематика, которая не чужда ему и поныне.

В КНР действует принцип разделения государства и религии, религиозная принадлежность и религиозная практика объявлены частным делом граждан. Однако, исходя из западных стандартов, религия в Китае не является частным делом, и положение официально признанных религий очень схоже с положением религии, полностью контролируемой государством.

Руководитель Института мировых религий Академии общественных наук КНР Чжо Синьпин оспаривает это предположение, утверждая, что подлинные отношения между религией и государством в Китае нельзя до конца понять, опираясь на западные теории. Государственное единство напрямую связано с единством идеологическим, а общественная стабильность является предварительным условием социального развития. По его мнению, единственный вид отношений между государством и религиями, который возможен в этой связи — подчинение религиозных структур государственным. Религиозные объединения, по мнению китайских теоретиков религиозной политики, выполняют функцию помощников государства³⁰.

В действительности существуют не две структуры, а одна. Религиозные объединения в КНР — часть государственной структуры. Религиозная свобода в Китае понимается властями только внутри этой структуры. Лояльность государству в рамках этой свободы должна быть приоритетом, и только после этого возможна верность какой-либо религии³¹.

Как видим, разделяются понятия религии и религиозных структур и организаций. Религия как вера и религиозная практика определяется как частное дело граждан, а религиозные структуры являются частью государственных органов управления обществом, подчиняющихся государственным законам и партийным предписаниям.

За некоторым исключением все руководящие и чиновничьи посты в стране занимают члены КПК, которые официально не исповедуют никакой религии. Все они признают себя атеистами в соответствии с установками партии в этом вопросе. Среди членов КПК, безусловно, имеются представители различных религиозных верований, но в силу специфики своей деятельности религиозные чувства они никак не выражают на публике и трудовую деятельность должны строить вне зависимости от религиозных убеждений.

Таким образом, следует вывод, что религиозная сфера в КНР практически управляется полностью атеистическим правительством, включая и партийные органы, отвечающие за ее регулирование. Отсюда можно допустить недостаточное понимание властями нужд верующих и потребностей религиозных общин, включая понимание их религиозно-идеологических воззрений.

Атеистическое руководство Китая при регулировании религиозной сферы как неизбежного социального явления сталкивается с рядом сложных проблем. Китайские чиновники зачастую оказываются в ситуации, когда из-за отсутствия практического опы-

та соприкосновения с религией они не в состоянии глубоко понять и осознать чувства верующих. Недостаток такого понимания приводит к восприятию религиозного чувства как атавизма, чего-то чужеродного. А малопонятные явления, в данном случае религии, обычно вызывают естественные страх и озабоченность.

Можно утверждать, что религиозная политика КНР на протяжении эпохи реформ оставалась политикой поиска путей регулирования этой сферы в условиях недостаточного понимания сути регулируемого явления. Политические решения обуславливаются и предопределяются внешнеполитическими и внутривнутриполитическими факторами в большей степени, чем единой системной политикой в религиозной сфере. Усиление и ослабление контроля над религиозными группами на определенных исторических этапах было связано с повышением или ослаблением в восприятии высших государственных чиновников чувства опасности в связи с возникновением тех или иных проблем.

Сложность решения многих задач религиозной сферы, а также отсутствие практики единообразного подхода в государственной религиозной политике в масштабе страны усугубляется разветвленной и запутанной системой государственных и партийных органов, задействованных в деле регулирования религиозной сферы. Недостатки в координации их деятельности и подотчетность разным ведомствам не позволяют урегулировать множество проблем, установки на решение которых заданы на общегосударственном уровне.

Коммунистическая идеология современного Китая базируется на позициях атеизма. При этом теории религиозного присутствия и различные модели управления религиозной сферой нацелены на создание представления о полноценной реализации прав граждан КНР на свободное вероисповедание. Партия и правительство налаживают и поддерживают дружественные связи с представителями религиозной сферы, но при этом не всегда уделяют достаточное внимание потребностям религиозного характера. В религии китайское государство видит источник поддержания мира, спокойствия или гармонии. Однако при регулировании религиозных взаимоотношений приоритет со стороны государства духовным ценностям, главенствующим в любом религиозном течении, по нашему мнению, не прослеживается, игнорирование духовных потребностей верующих — одна из существенных ошибок, источник многих проблем китайского руководства в решении проблем религиозного сообщества в КНР.

1. *Емельянов В.М.* Человек отменивший религию // Независимая газ. 19.11.2008. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2008-11-19/6_albania.html.
2. *Leung B.* China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity // The China Quarterly. Cambridge, 2005. № 184. P. 894–913.
3. *Ло Синьюй.* Шилунь Мао Цзэдун тунчжан сысян дэ чжэсюэ нэйхань [Попытки рассмотрения философского содержания идей единого фронта у Мао Цзэдуна] // Чжунгун Нанчанши Вэйдансяо сюэбао. Нанчан, 2008. Т. 6, № 2. С. 18–21.
4. *Чжан Чжун.* Чжэнцзюэ жэньши хэ гуаньчэ дан дэ цзунцзюэ синьян цзюю чжэнцэ [Правильное понимание и применение политики партии о свободе вероисповедания] // Чжунго Минцзу. Пекин, 1962. № 4.
5. *Сун Минь.* Цютун цунь — Дэн Сяопин данци чжэнчжи лилунь сысян лунси [Поиск единства при сохранении различий — Анализ политической многопартийной системы идей Дэн Сяопина] // Сюэшу Лунтань. Пекин, 2006. № 1.
6. *Li Weihai.* Questions on United Front Policy and Nationality Policy // Beijing People's Press. Beijing, 1981. P. 565–572.
7. *Чумаченко Т.А.* Совет по делам РПЦ при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х гг. структура, формы и методы работы // Вести. Челябинск. гос. ун-та Вып. 42. История. Челябинск. 2010. № 30. С. 74–85.
8. Циркуляр Госсовета об утверждении структуры № 11 от 21.03.2008 г. URL: http://www.gov.cn/zwggk/2008-04/24/content_953471.htm.

9. Историческое развитие ГУДР. Официальный сайт ГУДР. URL: <http://www.sara.gov.cn/jqgk/lsyg/index.htm>.
10. Структура ГУДР. Официальный сайт ГУДР. URL: <http://www.sara.gov.cn/jqgk/jgsz/index.htm>.
11. Положение об основных обязанностях, внутреннем устройстве и штатном расписании Государственного управления по делам религий 2008 г. URL: <http://www.sara.gov.cn/xwzx/xwjj/2450.htm>.
12. *Chan Kim-Kwong Carlson, E.R.* Religious freedom in China: Policy, Administration and Regulation. Santa Barbara: Institute for the Study of American Religion, 2005. P. 7.
13. *Wickert Ph.L.* Seeking the common Ground: Protestant Christianity, the Three-Self Movement, and China's United Front. USA: Wipf and Stock, 1988.
14. *Luo Shuze.* Some Hot Issues in Our Work on Religion // Chinese Law and Government, Beijing, 2000. № 2.
15. *Румянцев Е.* Китайский спрут // Моск. новости. 2007. № 37. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1190406360>.
16. *Ван Чжаою.* Фаян юлян чуаньтун, цзохао тунчжан гунцзо [Развивать хорошие традиции, делать хорошо работу по единому фронту] // Чжунго туни чжансянь, 1999. № 3.
17. *Lyman P. Van Slyke.* Enemies and Friends: The United Front in Chinese Communist History. Stanford: University Press, 1967. С. 267.
18. *Дуань Дэчжи.* Синь Чжунго цзунцзяо гунцзо ши. Пекин, 2013. С. 99–124.
19. *Chan Kim-Kwong, Carlson E.R.* Op. cit.
20. *Chan Kim-Kwong, Alan Hunter.* New Light on Religious Policy in the PRC // Issues and Studies. Taipei, 1995. № 31. P. 23.
21. *Guo Ju.* Fully Implement the Policy of Freedom of Religious Belief // Renmin Ribao. Beijing, 1980. № 2. P. 1–6.
22. *Leung B.* China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity // The China Quarterly. Cambridge, 2005. № 184. P. 894–913.
23. *Ло Вэйхун.* Чжунго цзидуцзяо [Протестантизм в Китае]. Пекин, 2004. С. 65–69.
24. *Хэ Гуангу.* Цзунцзяо юй дандай чжунго шэхуэй [Религии и современное китайское общество]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2006. С. 265.
25. *Румянцев Е.* Китайский спрут // Моск. новости. 2007. № 37. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1190406360>.
26. *Ван Чжунфан.* Гунаньбу ши цзэнмэ чэнли дэ [Как формировалось Министерство общественной безопасности] // Жэньминь гунань. Пекин, 1999. № 1.
27. *Chan Kim-Kwong, Carlson E.R.* Op. cit. P. 8.
28. Там же.
29. Там же.
30. *Zhuo Xiping.* Relationship between Religion and State in the People's Republic of China // Religions & Christianity in Today's China. Zentrum, 2014. Vol. 4, № 1.
31. Там же.

Культура

Китайский Новый год в исторической ретроспективе

© 2015

А. Верченко

Новый год, или Чуньцзе, возник в Китае около 4 тыс. лет назад и, испытав на себе все превратности исторического процесса, политических и экономических реформ, сохраняется до начала XXI в. Все попытки власти перебороть стремление народа отмечать Чуньцзе по лунному календарю потерпели неудачу. Народные обычаи не ушли из жизни населения в условиях модернизации и глобализации, и это подтверждает консервативность традиции в сравнении с динамизмом экономических форм жизни.

Ключевые слова: Новый год по лунному календарю, Чуньцзе, традиции, праздники

Новый год — праздник, который отмечают многие народы мира. Он ассоциируется с переходом от последнего дня одного года в первый день следующего. В Китае, по общему признанию, праздник известен со времен легендарных правителей Яо и Шуня (около 4 тыс. лет назад). О его происхождении существует много легенд и версий. Для китайцев это самый важный праздник традиционного лунного календаря *чуньцзе*.

В разные исторические эпохи праздник приходился на разные месяцы лунного календаря: на 13-й при Ся, на 12-й при Инь, на 11-й при Чжоу. Именно в период правления этой последней династии (XI в. до н.э. — 771 г. до н.э.) открывающий новый год день получил наименование *юань дань* (*юань* — начало, *дань* — заря, день). Основатель новой династии Цинь Шихуан¹ решает «перенести начало года на луну под знаком *хай* — т.е. на 10-ю луну. Можно предположить, что в этих переносах играли роль возрастающие познания древних о природе и календаре, а также определенные престижные соображения². При династии Хань астрономы Лося Хун и Дэн Пин в 104 г. до н.э. разработали «Календарь великого начала»³, в котором новый год начинался в первый день первого месяца весны по лунному календарю и по-китайски назывался *го нянь* (*го* — проводить, праздновать, *нянь* — год). Такой порядок оставался неизменным вплоть до начала XX в.

После Синьхайской революции новое правительство страны, ориентируясь на международную практику, решило перейти на Григорианский календарь. 2 января 1912 г., на второй день после провозглашения Китайской Республики, временный прези-

дент страны Сунь Ятсен подписал «Уведомление о переходе на летоисчисление по солнечному календарю»⁴, что рассматривалось новой властью в контексте приобщения китайской нации к общемировым культурным ценностям и стандартам и отражало общее стремление прогрессивной части общества к обновлению. Разработать новый календарь Сунь Ятсен поручил своему другу, известному астроному Гао Лу, который благодаря западному образованию мог совместить Григорианский календарь с лунным. Календарный год стал начинаться с 1 января, которое было объявлено праздником. Нововведение вызвало неоднозначную реакцию и путаницу в обществе. Чиновники, работники сферы образования, члены разных объединений и редакций газет по указанию правительства стали праздновать Новый год 1 января. Простые горожане, крестьяне, а также торговцы, все события в жизни которых были тесно связаны с традиционным календарем, пребывали в недоумении и задавались вопросом: когда же отмечать Новый год. Некоторые граждане делали это два раза.

13 января 1912 г. Сунь Ятсен издал указ о выпуске новых календарей, из которых были исключены все тексты, связанные с тем, что попадало под определение «феодалные предрассудки», зато были внесены некоторые революционные даты. Эти календари совмещали два летосчисления и печатались вплоть до прихода к власти Го миньдана в 1928 г.

Сменивший Сунь Ятсена Юань Шикай не отменил Григорианский календарь и в 1913 г. в свой первый новый год на посту законно избранного президента отдал распоряжение отмечать новогодний праздник 1 января. Решимость Юань Шикая оставить западный календарь подпитывала поддержка интеллектуальной элиты, убежденной, что его введение будет содействовать прогрессу страны. С другой стороны, Юань Шикай представлял собой типичный продукт традиционного образования и воспитания и не мог отказаться от старого Нового года. В результате в Китае стали отмечать два праздника: новый год — 1 января и старый — по лунному календарю. Именно последний население считало «настоящим». В этот период возникла лингвистическая коллизия — в словосочетании старый новый год первое отрицало второе, т.к. старое в глазах обывателей не могло быть новым. Мыслящие конкретными категориями китайцы находились в растерянности.

День 1 января был объявлен выходным, что способствовало восприятию его как официального праздника. К этой дате были приурочены банкеты, выступления артистов, награждения, а также публикации в прессе с пожеланиями счастья и благополучия народу. Населению не возбранялось отмечать Новый год по лунному календарю. Тогда часто можно было услышать: «Вы отмечаете свой Новый год, я отмечаю свой».

Привыкшие за многие сотни лет строить свою жизнь, прежде всего сельскохозяйственные работы, по лунному календарю китайцы не хотели переориентироваться на новый порядок. Тогда правительство, учитывая настроение населения, решает в законодательном порядке закрепить ряд традиционных дат в календаре. Министерство внутренних дел после согласования с президентом Юань Шикаем 23 января 1914 г. выпускает распоряжение, устанавливающее четыре народных праздника: по одному в каждое время года. Первым в этом ряду шел весенний праздник *Чуньцзе*, летом отмечали праздник лодок-драконов *Дуань*, осенью — Праздник середины осени *Чжунцзю*, зимой — День зимнего солнцестояния *Дунчжи*. *Чуньцзе* не только открывал год, но явно признавался главным, потому что только один он объявлялся выходным для государственных организаций и учебных заведений⁵. Таким образом, с 1914 г. два новых года были разделены по обозначениям: 1 января именовалось *юань дань*, а традиционный Новый год — *Чуньцзе* (Праздник весны).

Каждая новая власть стремится к переменам, реформам и обновлению, внося коррективы в жизнь общества. Не было исключением и правительство Чан Кайши, которое в ходе борьбы за новую жизнь решило перейти от одновременного использования

лунного и солнечного календарей к ориентации лишь на солнечный Григорианский календарь, сделать его официальным календарем. *Чуньцзе* наряду с другими праздниками лунного цикла рассматривался как устаревший и изживший себя праздник. В этом состояло коренное отличие взглядов на традиционные праздники гоминьдановского правительства от предыдущего пекинского, которое не стало пресекать многовековые традиции. Нанкинское правительство предприняло довольно жесткие меры по внедрению в повседневную жизнь Григорианского календаря. Было инициировано движение за отказ от старого календаря, которое развернулось как в верхах, так и в низах и имело сильную политическую составляющую⁶. Движение, с одной стороны, отразило стремление Китая жить «по одним часам» с остальным миром, с другой — выявило наличие серьезного конфликта между правительством и населением по вопросу о народных праздниках, в первую очередь о *Чуньцзе*.

7 мая 1928 г. министр внутренних дел Цзян Дуби подготовил Постановление «О повсеместном введении официального календаря» и представил его на одобрение правительства. В документе категорически запрещались продажа календарей старого типа и обозначение в новых календарях дат по старому календарю. Государственным органам, всем учебным заведениям, организациям и союзам категорически запрещалось устраивать увеселительные мероприятия и устанавливать выходные дни по случаю старых праздников. Правительство признало движение за искоренение старого календаря своим принципиальным курсом. 8 декабря ЦИК Гоминьдана утвердил «Меры ЦИК, направленные на повсеместное введение нового календаря и отмену старого». Таким образом, все министерства: внутренних дел, образования, торговли и промышленности, финансов и другие, а также ЦИК Гоминьдана, включились в движение за отмену старого календаря. Чан Кайши говорил тогда: «Со времени основания республики прошло 18 лет. За 18 лет трудно сломать все существующие в обществе старые обычаи. Календарь — тому подтверждение... Надеюсь, что наше общество сумеет устранить все плохие обычаи, будет жить в соответствии с указанным правительством курсом»⁷.

Исполнительный юань Национального правительства 16 июля 1929 г. принял решение запретить со следующего года издание и использование лунных календарей. Для того, чтобы утвердить нововведения в умах хотя бы государственных служащих и членов партии, Чан Кайши на второй день нового года по лунному календарю (11 февраля 1929 г.) назначил рабочее совещание, открывая которое с сожалением отметил, что с приближением праздника простые люди забыли про запреты и повсюду отмечали наступление лунного нового года, что говорит о том, что «революцию проводить нелегко, и без сильной воли и решимости нельзя добиться цели»⁸.

В 1930 г. Министерство внутренних дел разработало «Программу обследования народных обычаев», на основе которой на местах принимались собственные планы по «улучшению народных обычаев», связанных с рождением, похоронами, свадьбами, банкетами и подарками по случаю *Чуньцзе*⁹. Правительство требовало, чтобы население отдыхало и устраивало праздничные мероприятия в Новый год по официальному календарю, а в *Чуньцзе* работало как в обычные дни. По воспоминаниям современников, полицейские являлись в закрытые магазины и заставляли хозяев возобновить работу, за отказ штрафовали владельцев и продавцов, конфисковывали подарочные упаковки чая в виде слитков *юаньбао* и предназначенные для жертвоприношения товары, всячески устрашали население, даже арестовывали мелких лоточников, которые ходили по деревням и продавали новогодние товары. Все это делалось для того, чтобы искоренить у народа старые привычки и прежние верования¹⁰. Популярный шанхайский журнал «Дунфан цзачжи» прекратил помещать вклейку с сельскохозяйственным календарем, а оглавление первых номеров публиковал в красном цвете, чтобы подчеркнуть праздничность дня 1 января¹¹.

В документах правительства было закреплено требование подводить итоги коммерческой деятельности перед 1 января, а не перед *Чуньцзе*, и деловые круги не могли не подчиниться, одобряли они это решение или нет. Именно с этого времени конец финансового года перестал совпадать с *Чуньцзе*. Здесь нанкинские власти преуспели, чего нельзя сказать о самом факте празднования традиционного Нового года, как и других народных праздников. Не имело успеха у народа и внедрение в жизнь новых праздников. Например, в Шанхае в 1930-е гг. было определено 29 революционных праздников. 10 июля 1930 г. ЦНК Гоминьдана утвердил два документа: «Краткий список революционных праздников» и «История революционных праздников. Основные положения, касающиеся их пропаганды». Прогрессивные ученые и общественные деятели обвиняли Чан Кайши в отказе от традиционной китайской культуры. В результате правительство, вероятно, вспомнив высказывание танского императора Тайцзуна «господа, что лодка, народ подобен воде, — вода может держать лодку, а может и перевернуть», признало отмену народных праздников «несвоевременной» и вернула часть из них в календарь. Однако даты реабилитированных праздников были механически перенесены из лунного календаря в Григорианский, что фактически лишало их первоначального смысла. В документе «Меры по введению официального календаря» говорилось, что выходной день, а также поздравления, жертвоприношения, банкеты, выставки фонарей, вывешивание парных надписей по случаю Нового года по «отмененному календарю» переносятся на новый год по официальному календарю.

Генерал Фэн Юйсян ввел эту практику в конце 1927 г. на подконтрольных ему территориях нынешних провинций Хэнань, Шэньси и Ганьсу. Летом того же года он встречался с Чан Кайши, и не без его влияния еще до начала общекитайской кампании он, выражаясь современным языком, запустил пилотный проект, не только запретив как «социальные пороки» все народные праздники, в том числе традиционный Новый год, но и разрешив отмечать Новый год только 1 января по Григорианскому календарю.

Стремление правительства отказаться от старого багажа и поставить страну в рамки нового календаря привело к серьезному противодействию со стороны общественности. Народ не мог смириться с «переносом дат», усматривая в нем попытку изменить традиционный уклад жизни и попортить культурные ценности китайской нации. Последствия оказались не совсем такими, которых ожидали инициаторы реформы.

В 1934 г. правительство пошло на некоторое смягчение политики и объявило, что новое летоисчисление является обязательным лишь для государственных учреждений и учебных заведений, не затрагивает народные традиции и праздники, которые могут отмечаться по старому сельскохозяйственному календарю. В газеты и журналы возвращается тема *Чуньцзе*. Уже в декабрьском (1934 г.) номере популярного шанхайского журнала «Дунфан цзачжи» помещается статья Хуан Хуацзе* о традиции готовить в 12-й лунный месяц кашу *лаба*, с которой начинается подготовка к Новому году.

О реакции прогрессивных слоев интеллигенции можно судить по статье Лу Синя «Новый год» (1934 г.), в которой он писал: «На самом деле и страдающим, и трудящимся нужны отдых и радость. Я не праздновал новый год по старому календарю уже 23 года. Но в этом году я три ночи подряд запускал фейерверки, чтобы и мои соседи-иностранцы «разогрелись». Это единственное, что порадовало меня в этом году. В первый день Нового года мать прислала из Пекина мне курицу по-чжэцзянски, девять игрушек сыну Хайину и подарки семьям трех младших братьев»¹².

Чан Кайши, находясь у власти, вел решительную борьбу со старыми традициями. Однако через неделю после отставки с поста президента КР, 28 февраля 1949 г. он отме-

* Скорее всего, Хуацзе — это псевдоним, взятый в целях безопасности, который переводится как «китайский праздник».

тил свой последний на континенте *Чуньцзе* в соответствии с заветами предков: в кругу семьи в родовом гнезде в деревне Хусы (Даси), пров. Фуцзянь, с вином и едой, которые традиционно подавали на Новый год, с выступлениями артистов пекинской оперы — совсем как в старые времена. Он также посетил родовой храм, где совершил жертвоприношения и молебны в память о предках.

После образования КНР руководство нового государства четко заявило о своей политике в отношении народных праздников. Компартия с самого начала своего существования использовала новогодние праздники для общения с массами и завоевания авторитета в народе. Накануне *Чуньцзе* в 1922 г. Шанхайская организация КПК вместе с Обществом по изучению марксизма вручили горожанам на улице более 10 тыс. поздравительных открыток. Люди удивлялись: «Не может быть! Коммунизм добрался до Шанхая!»¹³. В опорных революционных базах, в советских районах — везде коммунисты и красноармейцы отмечали *Чуньцзе* с местным населением, несмотря на тяжелую обстановку, помогали продовольствием и одеждой, организовывали концерты.

На первой сессии Народного политического консультативного совета 27 сентября 1949 г. было принято решение перейти полностью на Григорианский календарь и отказаться от летоисчисления по годам Китайской Республики¹⁴. Определенная часть общества возражала против отхода от введенного Сунь Ятсеном порядка. Однако стремление «отрешиться от старого мира» оказалось сильнее — с новым календарем было введено название страны — Китайская Народная Республика. Тем не менее, новое руководство, проявив уважение к народным обычаям, четко высказалось за сохранение сельскохозяйственного календаря, хотя и было настроено «изживать старые нравы и традиции». За 1 января по Григорианскому календарю закрепилось название *юань дань*. 1 января по лунному календарю окончательно стало *Чуньцзе*¹⁵. Для празднования *Чуньцзе* устанавливались три выходных дня¹⁶. Признавались аналогичные праздники у нацменьшинств: Белый праздник у монголов, Праздник воды у дайцев, Лосар у тибетцев и др.

В 1950-е гг. *Чуньцзе* отмечали очень скромно, однако атмосфера праздника была пронизана ожиданием обновления, надежды на лучшее будущее. Жизнь оставалась тяжелой, и подарки отражали материальное положение основной части населения: в подарочный красный конверт *хунбао* клали 1–2 юаня, даже 50 фэней (полюаня) были радостью. В гости брали 2 бутылки вина и коробку сладостей (обязательно известной марки), на нее наклеивали полоску красной бумаги с иероглифом «счастье». Подарки принимали как большую драгоценность, складывали, не разворачивая упаковку, иногда передаривали. К *Чуньцзе*, возможно, раз в году покупали новую одежду и обувь, которые можно было продемонстрировать, отправляясь к друзьям и родственникам с поздравлениями. Вместо новогодних открыток посылали письма с добрыми пожеланиями. Новым содержанием наполнились парные надписи *чуньянь*. Например: «Своим освобождением обязаны КПК. В радости не забудем председателя Мао»¹⁷. Накануне *Чуньцзе* предприятия организовывали для сотрудников новогодние вечера с концертной программой. Находившиеся вдали от дома стремились успеть к Новому году домой, купить скромные сувениры для родственников и друзей.

Однако в 1951–1952 гг. дарить подарки и готовить праздничный стол к *Чуньцзе* стало небезопасно. По решению ЦК КПК в партийных и государственных органах развернулась кампания борьбы против «трех зол»: коррупции, расточительства и бюрократизма; в частных торгово-промышленных предприятиях — против «пяти зол»: подкупа, уклонения от уплаты налогов, расхищения государственного имущества, недобросовестного выполнения государственных заказов, хищения государственной информации. На улицах городов на специальных стендах можно было увидеть грозные предупреждения: «Друг, ты посылаешь подарки к Новому году? — Не было ли это расточительством?» или: «Ты получал подарки? — Смотри, чтобы это не было коррупцией»¹⁸.

В конце 1950-х гг. традиционный Новый год встречали под лозунгом «Изжить старые порядки». Отмечая *Чуньцзе*, рабочие и служащие, которые собирались коллективом в общественном месте, «разбивали шаблоны», что проявлялось в отказе от привычного набора блюд и алкоголя для новогоднего стола, замене вина чаем, банкета — беседой с чаепитием. Например, 20 рабочих шанхайского завода медицинского оборудования рапортовали в 1957 г. о том, что они исключили одно блюдо из праздничного меню, чем сэкономили государству 98 юаней¹⁹.

Даже в трудные годы «большого скачка» и народных коммун партийные комитеты организовывали празднование *Чуньцзе* и раздачу продуктов к празднику. Члены производственных бригад собирались вместе в общественной столовой, чтобы из коллективных продуктов сделать пельмени и распределить их по семьям²⁰.

В эти годы «Жэньминь жибао» накануне *Чуньцзе* призвала рабочих и служащих учитывать прежде всего интересы государства и производства, рекомендовала ездить домой, только если поездка занимала не более одного дня, советовала вместо общественного транспорта пользоваться велосипедом. К 1957 г. проблема передвижения в *Чуньцзе* стала общегосударственной: пассажиропотоки в праздничные дни возрастали на 20–50%, а состояние транспортной системы не позволяло всем вернуться домой²¹. Многие члены семьи по распределению работали на далеком расстоянии друг от друга, и выходные по случаю *Чуньцзе* представлялись единственной возможностью встретиться в течение года.

Первый *Чуньцзе* «культурной революции», наступивший 2 февраля 1967 г., ознаменовался стартом борьбы против «устаревшего» в четырех областях: в традициях, культуре, привычках и идеологии. В *Чуньцзе* было запрещено запускать фейерверки, зажигать благовония и молиться, совершать жертвоприношения, посылать открытки, исполнять традиционные танцы драконов и львов и т.д. Промышленность прекратила выпуск товаров, сопутствующих традиционной встрече Нового года. «Критики старого мира» призывали до основания разрушить доставшиеся от помещиков и капиталистов старые обычаи. Это было начало т.н. «революционизации» Нового года. 25 января 1967 г. 18-летний шанхайский *цзаофань* по имени Чжан Жэньсин, рабочий завода стекольных изделий в газете «Цзефан жибао» призвал не ездить домой на праздник, чтобы не отрываться от революционной борьбы²². Сразу после этого в местных газетах в разделах «Письма читателей» и «Предложения» появились материалы аналогичного содержания. «Жэньминь жибао» также поместила заметку, написанную от имени 57 революционных организаций, о борьбе со старыми обычаями. Авторы призывали отказаться от празднования и отдыха в *Чуньцзе* и готовиться к борьбе и захвату массами власти. 29 января вышло Уведомление Госсовета, в соответствии с которым в ответ на «требования широких народных масс» для рабочих и служащих отменялись выходные дни и посещение родных в праздник. В Уведомлении говорилось, что эти дни впоследствии будут компенсированы. Высокая политизированность праздника характеризовала *Чуньцзе* все 10 лет «культурной революции». На дверях сельских домов в качестве парных надписей вывешивали: «Тридцать лет не прекращать сражаться. В первый день Нового года продолжать бой», «Веет восточный ветер — революционная ситуация благоприятна. Развеваются красные флаги, на производственном фронте новые успехи». Под лозунгом «Ухватиться за революцию, содействовать подъему производства» крестьяне в праздник выходили на работу: рыли оросительные каналы, ремонтировали ирригационные сооружения, строили террасированные поля, готовили землю для посева. Люди не поздравляли друг друга, совершая традиционные поклоны, не желали богатства и процветания. Допускались лишь рукопожатия и краткое: «С Новым годом». Нередко можно было слышать: «Желаю в этом году поехать в Пекин и увидеть председателя Мао»²³.

Многие молодые образованные люди, недавние школьники и студенты, отправились в деревню на трудовое перевоспитание и в Новый год слушали воспоминания лю-

дей старшего поколения на тему «сопоставление прошлой тяжелой жизни с нынешней счастливой». Вместо обычных праздничных концертов из репродукторов звучали арии из образцовых революционных опер. Типичная для периода «культурной революции» встреча *Чуньцзе* выглядела так. Семья собиралась дома под портретом председателя Мао. Перед ужином все занимались критикой и самокритикой, дети могли «открыть огонь» по родителям, но в итоге все объединялись на идеологической почве: тогда говорили, что «члены революционного отряда должны заботиться друг о друге, поддерживать друг друга, помогать друг другу». Первый день наступившего года начинался с того, что родственники, высоко подняв «красную книжечку», повернувшись лицом к портрету председателя Мао, пели «В открытом море не обойтись без кормчего», вспоминали что-то из цитатника и желали великому вождю бесконечного долголетия²⁴.

В 1976 г. завершилась десятилетняя смута, однако празднование *Чуньцзе* возобновилось не сразу. 17 января 1979 г. «Жэньминь жибао» поместила два письма читателей: «Почему *Чуньцзе* не выходной день?» и «Дайте крестьянам спокойно отмечать Новый год». В первом письме говорилось, что рабочие не имеют ни одного выходного, тогда как право на отдых в *Чуньцзе* гарантировано законом. В подписанном крестьянином втором письме упор делался на то, что сельчане привыкли отдыхать в период праздника весны перед началом сельскохозяйственных работ. Опубликованные в центральном партийном органе заметки стали сигналом к повсеместному возвращению к прежней практике. Через несколько дней одна провинция за другой приняли решения о предоставлении отпуска на период *Чуньцзе*. К 1980 г. этот порядок распространился повсеместно. В жизнь общества вернулись новогодние «красные» базары и вся новогодняя атрибутика. Новый год вновь стал всенародным радостным и веселым праздником. С 1983 г. по телевидению в ночь перед *Чуньцзе* транслируется новогодний концерт, и большинство китайцев, как и в старину, не ложатся спать и проводят время за разговорами и обсуждением праздничной развлекательной программы²⁵.

В 1980-е гг. Китай вступил в период реформ и обновления. После снятия запретов на празднование Нового года население испытывало радость и удовлетворение, несмотря на сохранявшиеся материальные трудности. Самым тяжелым был *Чуньцзе* 1979 г. Государство еще не могло удовлетворить все потребности населения, и многие продовольственные и промышленные товары по-прежнему распределялись по талонам: вата, ткани, мука, рис, растительное масло, доуфу, свинина, конфеты и др. К празднику в городах увеличивали нормы выдачи продуктов²⁶. Некоторые предприятия организовывали на производстве снабжение своих работников товарами, которые отсутствовали в свободной продаже²⁷. Оживление в экономике привело к улучшению финансовых возможностей населения, увеличилось число людей, которые могли позволить себе поехать на *Чуньцзе* домой, воспользовавшись поездами, автобусами, речным транспортом, самолетом. Больше всего пассажиров передвигалось по железной дороге, на которой вводились дополнительные поезда.

Об одном из таких составов, реально существовавших в жизни, писал Ван Мэн: «Словно пол Китая пытается сесть в поезд в канун Праздника весны. Всех влечет к старым друзьям, покинутым родичам, к родительской ласке, к отчужденности, к волнующей встрече с детством. Ближится первый в восьмидесятые годы двадцатого века Праздник весны, а люди, вдохновленные четырьмя модернизациями, штурмуют теплушки времен Уатта и Стивенсона! Полно людей, и между ними свободного пространства не больше, чем между составляющими их молекулами и атомами. Трудно представить, чтобы сюда мог втиснуться кто-нибудь еще! Проводница зажгла белую свечу, установив ее под стекло квадратного фонаря. Свеча? Почему не керосиновая лампа? А, боятся, что расплещется на ходу. Одна свеча на весь большой вагон»²⁸.

Начало следующего десятилетия ознаменовалось стремительным развитием рыночных отношений, относительным ростом материального благосостояния и плюрализ-

мом в системе ценностей, что не могло не сказаться на праздновании *Чуньцзе*. Предприятия поощряли работников по итогам года продуктами: растительным маслом, мясом, яйцами; позже — импортными товарами и денежными премиями. Возрожденная традиция преподносить подарки неожиданно стала благоприятной почвой для расцвета коррупции. Начинающие китайские бизнесмены для успешного решения своих проблем в органах власти стали использовать *Чуньцзе* как удобный повод для разного рода подношений. Показательным является признание секретаря комитета КПК уезда Сюйвэнь (пров. Гуандун) Сюй Фэнцзюань, которая в 1991 г. впервые получила в *красных конвертах* «подарков» на 30 тыс. юаней в знак благодарности за определенные услуги. В 1992 г. сумма возросла до 150 тыс., в 1993 — до 200 тыс. Когда дарителей перед домом собиралось слишком много, ее водитель регулировал очередь. И таких случаев по всей стране было огромное множество²⁹. В 1990-е годы личные связи играли большую роль и открывали многие двери, а цементировали их новогодние подношения. Необходимость отблагодарить за помощь и услуги исторически присуща китайскому менталитету. По мере роста финансовых возможностей населения суммы благодарности росли. Возник феномен «скрытой коррупции», таящейся в новогодних подарках. Их преподносили частные лица, их также делали за счет бюджета государственных организаций и предприятий. Получение взятки стало для некоторых чиновников принципом и стимулом работы. В 2010 г. журнал «Жэньминь луньтань» опубликовал результаты опроса на тему «Чего больше всего боится госслужащий в *Чуньцзе*?»: 44% боятся наступления Нового года, 55% боятся идти с поздравлениями к начальству домой. Тем не менее, 68% опрошенных считают, что Новый год — это прекрасное время для общения, а полученные подарки не обязательно афишировать³⁰. Проблема новогодних подарков общепризнанна. С 2001 г. комитет по проверке дисциплины ЦК КПК регулярно выпускает уведомления, в которых содержится требование в период *Чуньцзе* повышать самодисциплину, не допускать случаев взяточничества и расточительства. Новое руководство КПК, приняв в декабре 2012 г. «восемь основных положений», демонстрирует решимость покончить с коррупцией, в том числе новогодней. Уже достигнуты некоторые результаты: значительно сократилось число предновогодних корпоративов *вэйя*, проводимых за счет учреждений, сходит на нет практика дорогих подарков и высоких денежных вознаграждений, приуроченных к *Чуньцзе*.

Расточительство на государственном уровне пытаются пресечь партийные и государственные органы, а личные траты накануне *Чуньцзе* может ограничить лишь семейный бюджет. Многие китайцы сегодня жалуются, что расходуют огромные деньги на многочисленные подарки родственникам и друзьям, но не могут пойти наперекор традиции. В силу большого материального расслоения общества содержимое *хунбао* заметно отличается по районам, социальному и профессиональному положению, родственным отношениям, но остается неотъемлемым атрибутом традиционного китайского нового года.

Государство, как на центральном, так и на местном уровне, поддерживает проведение традиционных программ на храмовых ярмарках, в музеях, клубах и выставочных залах, всемерно содействует сохранению традиционной культуры³¹. Праздник *Чуньцзе* по-прежнему богат старинными обрядами и обычаями, этнически колоритен.

Несмотря на предпринимавшиеся в прошлом попытки перенести, изменить содержание или отменить китайский Новый год, праздник выстоял и остался самым радостным и любимым праздником всего китайского народа.

1. Цинь Шихуан — основатель династии Цинь [246–207 гг. до н.э.]
2. *Сыма Цянь*. Исторические записки. М., 2003. Т. 2. С. 346, прим. 75.

3. Ван Кай. Чуньце лаожэнь Лося Хун [Отец Чуньце Лося Хун] // Жэньминь жибао хайвань бань. 2013. 8 февр.
4. Сунь Вэнь сюаньци. Шан,чжун,ся цэ [Сунь Ятсен. Избранные произведения в 3 т.]. Т. 2. Гуанчжоу, 2006. С. 256.
5. URL: history.eastday.com. 18.11.2014.
6. Цзо Юйхэ. Лунь наньцзин чжэнфу дэ фэйчу цюли юньдун [О развернутом нанкинском правительством движении за ликвидацию старого календаря] // Чжунхуа миньго ши яньцзю 1972–2002. Шан, чжун, ся сэ [Изучение истории периода Китайской Республики. 1972–2002]. В 3. т. Бэйцзин, 2008. Т. 3. С. 1167–1219.
7. Миньго минши гонянь цзи [Как отмечали Новый год известные люди в период Китайской Республики]. URL: phr?id=48. 10.11.2014.
8. Лю Бинь, Чжан Гайлунь, Ли Хуаньхуань. Вэньгэ ши бушо «гунси фацай», шо «чжу ни цзяньдао мао чжуси» [В «культурную революцию» не желали разбогатеть, а говорили: «Желаю увидеть председателя Мао»] // Наньфан чжоумо. 2014. 22 февр.
9. Янь Чансун. 1930 няньдай гоминь чжэнфу фэнсу дяоча юй гайлян ходун шулунь [К вопросу об обследовании народных обычаев и движении за их совершенствование] // Чжунхуа миньго ши яньцзю. 1972–2002. Шан, чжун, ся сэ [Изучение истории периода Китайской Республики. 1972–2002. В 3. т. Пекин, 2008. Т. 3. С. 1150–1166.
10. URL: www.ttshuba.com/shu/1/1889/910698.html. 20.11.2014.
11. Дунфан цзачжи. 1930–1935 гг.
12. URL: <http://news.sina.com.cn/sd/2011-02-10>. 15.11.2014.
13. Лю Бинь и др. Указ.соч.
14. Чжунго цзежи [Китайские праздники]. Пекин, 2005. С. 50.
15. Бай нянь фэнсу бяньцзянь. 1900–2000 [Изменения обычаев за сто лет 1900–2000]. Нанкин, 2000. С. 101.
16. Гао Цзюй. Гайгэ кайфан чуньце вэйун [Реформа и открытость усилили ощущение Чуньце] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 29–30.
17. Бай нянь... С. 103.
18. Лю Бинь и др. Указ.соч.
19. Се Сяочунь. 1957 нянь дэ чуньце [Чуньце 1957-го года] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 26–27.
20. Байнянь... С. 103.
21. Юань Си. Бань гэ до шици дэ чуньюнь [Новогодние транспортные перевозки за более чем полвека] // Синь минь ваньбао. 2009. 11 янв.
22. Хуан Вэй. Фан Имэн. 1967: цюйсяо гонянь [1967: Отмена встречи Нового года] // Чжунго синьвэнь чжоукань. 2009. № 45. URL: <http://magazine.sina.com/> 11.12.2014.
23. Чэнь Цзин. Гэминхуа дэ чуньце го ле ши нянь [Десятилетие «революционизированного Чуньце»] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 28.
24. Хуан Вэй. Фан Имэн. 1967: цюйсяо гонянь [1967: Отмена встречи Нового года] // Чжунго синьвэнь чжоукань. 2009. № 45. URL: <http://magazine.sina.com/> 11.12.2014.
25. Открытый Китай. М., 2012. № 1. С. 11.
26. Верченко А.Л. Китайские праздники. М., 2002. С. 41–42.
27. Гао Цзюй. Гайгэ кайфан чуньце нянь вэйун [Реформа и открытость вернули ощущение встречи Нового года] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 29.
28. Ван Мэн. Весенние голоса // Память. М., 1985. С. 278–279.
29. Гуаньчан го нянь бай нянь бяньцзянь [Что изменилось в официальном праздновании Нового года за 100 лет]. URL: www.infzm.com/content/98062/ 10.11.2014.
30. Там же.
31. Гэ ди чуньце вэньхуа ходун ицай фэньчэн [Праздничные мероприятия по случаю Чуньце проходят повсеместно] // Чжунго вэньхуа бао. 2014. 31 янв.

Роль организационных структур Российской Федерации в продвижении русского языка в Китае

© 2015

Е. Ганьшина

В статье проанализирована деятельность организационных структур Российской Федерации по реализации стратегии продвижения русского языка в Китае в начале XXI в. Автор подчеркивает, что, вступив в новый век, российское руководство включило популяризацию русского языка в сферу приоритетных направлений своей внешнеполитической деятельности. Показано, как реализуются поставленные государством задачи по возвращению и укреплению утраченных в 1990-е гг. позиций русского языка в КНР, какие трудности существуют на данном направлении.

Ключевые слова: продвижение и популяризация русского языка, организационные структуры Российской Федерации, Китай, российско-китайское гуманитарное сотрудничество, преподавание и изучение русского языка, русская диаспора, соотечественники.

В последние годы в России придают большое значение продвижению русского языка в мире. Задачи популяризации русского языка и культуры, содействия изучению русского языка поставлены в Концепции внешней политики Российской Федерации (2013 г.), в документе указано, что необходимо «способствовать изучению и распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения»¹. Этим вопросам посвящены отдельные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (от 17 ноября 2008 г.), Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС (от 2013 г.), Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (от 18 октября 2002 г.) и в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011–2015 гг. Кроме того, в стратегических документах поставлены задачи по консолидации русской диаспоры и содействию изучению русского языка соотечественниками, проживающими за рубежом².

* * *

С сожалением можно констатировать, что количество изучающих русский язык китайских граждан в Китае и России в 1990-е гг. резко снизилось по сравнению с советским периодом. Так, например, если в 1982 г. русский язык в китайских школах изучали 350 тыс. человек, а к концу 1990-х гг. — только 200 тыс. человек. Русский язык как иностранный к 1989 г. учили 14 тысяч студентов в 200 гуманитарных и технических вузах

КНР, а русский язык как специальность изучали две тысячи студентов и аспирантов. Соответственно, общее количество китайских граждан, изучающих русский язык в высших учебных заведениях, составляло 16 тыс. человек. К концу 1990-х гг. преподавание русского языка как иностранного велось в 110 китайских вузах, а как основная специальность в 39 вузах³, при этом общее количество студентов, изучающих русский язык, к концу 1990-х гг. сократилось с 16 тыс. до 3 тыс. человек.

Ситуация с изучением русского языка в Китае в 90-е гг. XX в. была фактически катастрофичной, особенно в сфере высшего образования. Как видно из статистики, закончившие школу абитуриенты не хотели связывать свою дальнейшую деятельность и профессию с русским языком и с Россией. Подобное явление было характерно и для тех абитуриентов, которые учились в школах, где велось преподавание русского языка. Безусловно, это было связано с происходившими в России после распада СССР социально-экономическими трансформациями и резким сокращением государственной поддержки и финансирования деятельности организационных структур в сфере продвижения русского языка. Как отметил российский китаевед А.В. Ломанов, после распада СССР «Россия превратилась из позитивного примера в негативный, направленность интеллектуальных поисков и заимствований в силу неискоренимого прагматизма китайского сознания была переключена в направлении более успешных и стабильных стран и цивилизаций»⁴.

В 2000-е годы позиции русского языка в КНР по сравнению с 1990-ми годами заметно укрепились. Однако в настоящее время в Китае количество преподавателей-русистов недостаточно для выполнения задачи дальнейшего существенного увеличения количества изучающих русский язык китайских граждан. По данным Центра социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации в 2010/2011 гг. общее число преподавателей русского языка в Китае составляло 3 400 человек, из них 1 200 — преподаватели вузов, 1 900 — школьные учителя, 250 — преподаватели учреждений среднего специального образования и 50 — преподаватели языковых курсов.

После распада СССР российские организационные структуры, занимающиеся продвижением русского языка, столкнулись с жесткой конкуренцией со стороны западных государств, прежде всего, США и стран Западной Европы. В 90-е гг. XX в. английский язык стал самым популярным иностранным языком в Китае, резко обогнав и вытеснив русский язык с некогда первой позиции. В книге заместителя директора по научной работе Центра социологических исследований Министерства образования и науки РФ А.Л. Арефьева «Русский язык на рубеже XX—XXI веков» автор подчеркивает, что «потери позиций русского языка в азиатском регионе в значительной мере обусловлены экономическими факторами и растущим отставанием России в области науки и техники, переходом научно-технической литературы в основном на английский язык». На данный момент английский язык изучают более 300 млн граждан КНР⁵, тогда как русский язык по данным на 2013 г. изучают около 320 тыс. человек. Вторым по популярности иностранным языком в Китае стал японский: согласно данным Министерства образования КНР число изучающих его в Китае в 2012 г. достигло 1 млн человек⁶. Пользуется большим спросом в Китае и корейский язык, а также такие европейские языки, как французский и немецкий.

* * *

Вступая в новый век, Россия и Китай подписали стратегически важный исторический документ — «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» (2001 г.). Подписанный договор является одним из важнейших документов в истории российско-

китайских отношений и знаменует собой начало качественно нового этапа сотрудничества России и Китая. Данный договор укрепил и продолжил установленную в 1996 г. внешнеполитическую линию отношений стратегического взаимодействия и партнерства между Россией и Китаем, а также четко обозначил главные направления и формы сотрудничества между двумя государствами. В «Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» в общих словах было отмечено и сотрудничество в гуманитарной сфере — «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права»⁷.

В ходе 17-ой регулярной встречи глав правительств России и Китая в декабре 2012 г. по итогам работы Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству были подписаны Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. и Меморандум взаимопонимания между Министерством образования и науки России и Министерством образования Китая о сотрудничестве в реализации приоритетных направлений в области образования⁸. Согласно Плану одной из основных задач сотрудничества России и Китая в области образования является преподавание и изучение языков двух государств: «Всемерно способствовать расширению подготовки русистов в Китае и китанстов в России. Совершенствовать методы изучения и преподавания русского и китайского языков как иностранных в китайских и российских образовательных учреждениях». Кроме того, поставлены следующие важные задачи — создание совместных учебников и учебных пособий по русскому и китайскому языкам как иностранным, повышение квалификации преподавателей русского и китайского языков, а также их регулярное участие в научно-методических мероприятиях⁹.

Конкретные направления деятельности по продвижению и изучению русского языка в Китае были обозначены в подписанном 3 ноября 2005 г. Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации. К таковым стороны отнесли «ежегодный обмен квалифицированными специалистами и научно педагогическими работниками для чтения лекций и ведения практических занятий по русскому языку и литературе в образовательных учреждениях КНР; обмен учебными пособиями, библиотечно-информационными ресурсами и другими педагогическими материалами; обмен школьниками, изучающими русский язык, студентами-филологами и преподавателями русского языка». В документе также обозначены такие направления сотрудничества, как установление и развитие прямых партнерских связей между российскими и китайскими образовательными учреждениями в области изучения русского языка и русской литературы; проведение олимпиад и конкурсов на знание русского языка, литературы и культуры России, создание совместных учебных пособий¹⁰.

Еще одним важным совместным документом в сфере продвижения русского языка в Китае стало Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования, подписанное 9 ноября 2006 г. в Пекине. В документе прописано, что стороны будут проводить работу, направленную на «углубление сотрудничества в организации изучения и преподавания в обоих государствах русского и китайского языков», в том числе приглашать «преподавателей языка государства другой Стороны и других специальностей для педагогической работы в учебных заведениях государства-партнера»¹¹.

Таким образом, к настоящему времени создана солидная правовая база для продвижения русского языка в Китае, подписаны двусторонние российско-китайские правительственные документы, в которых утверждены задачи и направления сотрудничества в этой сфере.

* * *

Практической реализацией задач по популяризации русского языка в Китае занимаются различные государственные органы и неправительственные организации. В качестве основы этой работы используется база, сформированная в советское время. Деятельность по продвижению русского языка в Китае в настоящее время с российской стороны ведется Правительством Российской Федерации в рамках работы совместной Российско-китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, различными российскими министерствами и ведомствами и общественными организациями, прежде всего, такими, как Министерство иностранных дел, Министерство образования и науки, Министерство культуры, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Посольство Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Общество российско-китайской дружбы (ОРКД), Фонд «Русский мир», Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Координационный совет соотечественников в Китае (КССК).

5 ноября 2013 г. была создана новая правительственная структура по продвижению русского языка — Совет по русскому языку при Правительстве России, который возглавила заместитель председателя правительства РФ О.Ю. Голодец¹². Стоит отметить, что подобная структура уже существовала ранее, с декабря 1997 г. по июль 2004 г., однако организации не в полной мере удалось восстановить и укрепить позиции русского языка в Китае на тот момент.

Главной задачей недавно созданного Совета является «рассмотрение ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка, а также разработка предложений о совершенствовании государственной политики в указанной сфере»¹³. Важно, что Совету поручено создание международной сети Институтов Пушкина, головным центром для которых будет служить Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина¹⁴. Подобную структуру планируется открыть и в Китае.

Важно упомянуть, что в советский период у советских вузов были открыты собственные филиалы в десятках стран, тому пример Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, который в советское время имел 11 зарубежных филиалов в 7 странах мира и ежегодно готовил тысячи местных преподавателей-русистов. После распада СССР все эти филиалы были закрыты по причине резкого снижения государственного финансирования образования¹⁵.

Важная роль в российско-китайском гуманитарном сотрудничестве и, в частности, в стратегии продвижения русского языка в Китае принадлежит созданной в декабре 2000 г. Российско-китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, которая в 2007 г. была переименована в Российско-китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству. В рамках Комиссии действуют различные подкомиссии: по образованию, культуре, здравоохранению, спорту и туризму. Комиссия принимала активное участие в организации мероприятий, приуроченных к Году России в Китае в 2006 г., Году русского языка в Китае в рамках Года русского языка в мире в 2007 г. и Году русского языка в Китае в 2009 г. Данные мероприятия были направлены на создание благоприятного образа России в глазах китайских граждан, а также во

многим содействовали повышению интереса к изучению русского языка в Китае, были проведены олимпиады и конкурсы на лучшее знание русского языка, фестивали культур.

Стоит упомянуть и о деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации по популяризации русского языка в Китае. Так, например, министерство проводит регулярные выставки образовательных услуг российских вузов в КНР. Первые подобные выставки были организованы в мае 2001 г. в Пекине под названием «Российское высшее образование в третьем тысячелетии»¹⁶ и в феврале 2002 г., что позволило реанимировать российский образовательный рынок в Китае после его застоя в 90-е годы XX в., и поднять престиж российского образования и изучения русского языка. А самое главное, подобные мероприятия помогли заполнить сформировавшийся после распада Советского Союза информационный вакуум о потенциале российского образования.

Заметный вклад в популяризацию русского языка в Китае вносит созданное указом Президента Российской Федерации 6 сентября 2008 г. Россотрудничество¹⁷. Агентство является правопреемником Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), основанного еще в 1925 г., которое в 1958 г. было преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). После распада Советского Союза ССОД и советские общества дружбы претерпели существенные преобразования. Продолжателем же деятельности ССОД по развитию общественных связей стала Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), учрежденная в 1992 г. для координации работы российских негосударственных структур в сфере народной дипломатии, в том числе многочисленных Обществ дружбы с народами зарубежных стран.

В части управления деятельностью культурных центров за рубежом правопреемником ССОД стал созданный в 1994 г. Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) со статусом государственного органа при Правительстве Российской Федерации¹⁸, впоследствии преобразованный в Россотрудничество.

Основной миссией Россотрудничества является создание позитивного имиджа российского государства на мировом пространстве посредством установления и укрепления культурно-гуманитарных связей с иностранными государствами. И продвижению русского языка как «посланника культуры России» уделено достаточно большое внимание. Объем финансирования работы ведомства за 2008–2013 гг. составил 9,25 млрд рублей, недавно было принято решение об увеличении финансирования до 9,5 млрд руб. в год.

По линии Россотрудничества налаживается работа Российских Центров науки и культуры за рубежом. 27 сентября 2010 г. состоялось открытие Российского культурного центра (РКЦ) в Пекине. Договоренность о его открытии была достигнута при подписании «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров» от 13 октября 2009 г.¹⁹ в ходе визита руководителя Россотрудничества Ф.М. Мухаметшина в Китай в рамках Года русского языка в Китае в 2009 г. Деятельность РКЦ подчинена Россотрудничеству. За время своего существования РКЦ провел немало мероприятий, нацеленных на продвижение русского языка и литературы, русской культуры, а также мероприятий по повышению привлекательности российских образовательных услуг среди китайских граждан. 4 июля 2011 г. в РКЦ были организованы курсы русского языка для детей соотечественников, включающие в себя основные курсы («Первые шаги в Россию», «Продолжаем путь», «Дорога к совершенству») и специальные курсы («Русский язык для делового общения», «Вспомним русский язык», «Устный и

письменный перевод», «Разговорная речь для продвинутого уровня владения языком»²⁰. При курсах русского языка также организуются языковые стажировки для слушателей в российских учебных заведениях.

По данным Россотрудничества на 2014 г. за время существования РКЦ в Пекине более 300 слушателей разных национальностей прошли обучение и продолжают учиться на этих курсах. Очевидно, что интерес к русскому языку присутствует не только у китайцев, но и среди российских соотечественников, проживающих на территории Китая, а также в межнациональных, смешанных браках.

В целях продвижения и изучения русского языка в РКЦ проходят семинары для преподавателей-русистов, тематические литературные вечера, конференции, круглые столы, ежегодное празднование международного Дня русского языка — 6 июня, визиты делегации РКЦ в китайские высшие и средние учебные заведения. Так, например, в 2012 г. РКЦ принял участие в первом Всемирном лингвокультурологическом конкурсе по русскому языку и литературе «Мой русский», приуроченном к празднованию Всемирного Дня русского языка; 30 мая 2013 г. состоялся круглый стол в рамках Международной интернет-конференции «Русский язык между Европой и Азией»; 10 июня 2014 г. РКЦ принял участие в международной интернет-конференции «Русский язык в диалоге культур» в рамках Международного гуманитарного форума²¹. РКЦ тесно сотрудничает с посольством РФ в КНР, которое совместно с РКЦ и на его базе проводит различные мероприятия по повышению привлекательности изучения русского языка в Китае. Начиная с 2009 г., Посольство направляет группу китайских школьников в летнюю международную школу по русскому языку «Московия», организованную Департаментом образования Правительства г. Москвы. Эти поездки, полностью оплачиваемые российской стороной становятся хорошим поощрением для учеников с высокими баллами по русскому языку.

21 июня 2007 г. указом Президента Российской Федерации В.В. Путина был создан Фонд «Русский мир». Главной задачей Фонда является распространение и популяризация русского языка и русской культуры в пределах России и за рубежом. С помощью продвижения русского языка и культуры Фонд «Русский мир» стремится содействовать формированию положительного имиджа и отношения к России в мировом сообществе, стремится поддерживать культурную идентичность представителей российских диаспор за рубежом. Также в функции Фонда входит содействие экспертным, научным и образовательным обменам в области русского языка и культуры²². 12 ноября 2013 г. на расширенном совещании Фонда по вопросам продвижения русского языка было отмечено, что на сегодняшний день Китай является одним из самых приоритетных направлений реализации программ и грантов Фонда. Важным направлением работы Фонда в Китае стало открытие Центров русского языка и Кабинетов «Русского мира». По состоянию на середину 2014 г. на территории Китая Фондом «Русский мир» открыты и функционируют 7 Центров русского языка: при Пекинском университете иностранных языков (Пекин), при Шанхайском университете иностранных языков (Шанхай), при Гуандунском университете иностранных языков и внешней торговли (Гуанчжоу), при Даляньском университете иностранных языков (Далянь), в Межуниверситетском институте Макао (Специальный административный район (САР) Макао), при Шэньсийском педагогическом университете (г. Сиань) и при Цилиньском университете (Чанчунь)²³. Кроме того, на территории Китая Фондом открыты 4 кабинета «Русского мира»: при Муданьцзянском педагогическом университете (Муданьцзян), при Суйфэньхэйском профессиональном техникуме (Суйфэньхэ), при Чаньчуньском университете (Чаньчунь) и Китайско-российский центр культуры и искусства (Тяньцзинь)²⁴.

Важно подчеркнуть, что подобная практика открытия Центров русского языка получила широкое распространение и популярность. Тому пример визит в мае 2014 г. в китайскую провинцию Цзянси делегации из Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), в ходе которого сторонами было подписано соглашение о создании Центра русского языка на базе Наньчанского университета (г. Наньчан — административный центр провинции Цзянси)²⁵. А в июне 2014 г. в посольстве России в Китае Московский городской педагогический университет (МГПУ) и средняя школа высшей ступени № 4 города Шанцю центральнокитайской провинции Хэнань подписали соглашение о сотрудничестве, в рамках которого планируется открыть центр по изучению и распространению русского языка для молодежи провинции Хэнань²⁶. Подобные центры призваны осуществлять деятельность не только в сфере изучения русского языка и литературы, но и знакомить китайских граждан с российской культурой и историей. В 2013 г. по линии Фонда «Русский мир» в приграничных городах северо-восточного Китая (Дуннин, Муданьцзян, Суйфэньхэ, Чэнцзи, Харбин) реализована программа «Территория дружбы», направленная на повышение уровня владения русским языком в приграничных районах Китая. Данный регион был выбран неслучайно, наибольшее количество изучающих русский язык китайских граждан приходится, в основном, именно на северо-восточные провинции КНР Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин. Так, например, в провинции Хэйлуцзян преподавание русского языка ведется в 20 вузах и 70 школах; в провинции Цзилинь — в 12 вузах; в провинции Ляонин — в 11; в провинциях Цзилинь и Ляонин функционируют школы с преподаванием русского языка.

Стоит упомянуть и о двух проектах Фонда — «Стажер Русского мира» и «Профессор Русского мира». Программа «Стажер Русского мира» была организована Фондом для поддержки студентов из иностранных государств, стремящихся получить образование в российских высших учебных заведениях. Данные программы были запущены в 2013 г. По этой программе в 2013/2014 учебном году десять аспирантов из Пекинского университета, Пекинского университета иностранных языков и Шанхайского университета иностранных языков получили возможность обучения в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). По программе же «Профессор Русского мира» в 2013 г. десять преподавателей-русистов из СПбГУ были командированы в три китайских вуза, где преподается русский язык: в Пекинский университет, Пекинский университет иностранных языков и Шанхайский университет иностранных языков.

Кроме того, Фонд «Русский мир» ведет работу по обеспечению китайских учебных заведений учебно-методической литературой по изучению русского языка. 8 марта 2014 г. делегация Фонда «Русский мир» посетила Пекинский университет и приняла участие в II форуме преподавателей по созданию специальности «русский язык» в вузах Китая, в ходе которого представила китайским коллегам-русистам новые российские разработки в области преподавания русского языка — энциклопедический словарь «Русский язык», цикл аудиолекций Audeamus («Золотой фонд лекций «Русского мира»), новое поколение российских учебно-методических комплексов по специальности «русский язык и литература», систему дистанционного обучения «Вузовская русистика» и другие²⁷.

Стоит отдельно отметить, что впервые после распада Советского Союза можно наблюдать достаточно продуктивную деятельность российской структуры в деле содействия изучению русского языка в Китае.

Значительная роль в продвижении русского языка в Китае принадлежит Обществу российско-китайской дружбы (ОРКД), бывшему Обществу советско-китайской дружбы (ОСКД). ОСКД было впервые создано в 1957 г. и на протяжении долгих десятилетий являлось важнейшим мостом, связывающим общественность СССР и КНР. ОРКД нахо-

дится в тесном сотрудничестве с соответствующей организацией в Китае — Обществом китайско-русской дружбы (ОКРД). ОКРД на регулярной основе проводит различные мероприятия, сохраняющие и поддерживающие интерес китайского народа к русскому языку и русской литературе. Так, например, ОКРД принимало активное участие в проведении мероприятий Года России в Китае (2006 г.), Года русского языка в Китае в рамках Года русского языка в мире (2007 г.) и Года русского языка в Китае (2009 г.)²⁸. ОКРД проводит мероприятия с участием китайских русистов, членов Общества китайско-русской дружбы, членов Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ). 18 апреля 2011 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась научно-практическая конференция «Литература — духовный мост между народами России и Китая», организованная ОКРД и Союзом писателей России.

Стоит отметить, что и Союз писателей России также принимает полноценное участие в содействии изучению русского языка в Китае, организуя визиты делегаций российских писателей в КНР. Интерес к русской литературе в современном Китае по-прежнему присутствует, хотя, безусловно, не такой сильный, как был в 50-е гг. прошлого столетия. В настоящее время в Китае в основном издаются произведения русской классической литературы, а также произведения советских авторов. Однако среди китайских читателей постепенно растет интерес и к современным российским авторам.

В 2005 г. произведение В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» было признано «Лучшим зарубежным романом в Китае». Важно отметить, что в Китае ежегодно пяти-шести иностранным писателям присуждается премия за лучший зарубежный роман. Подобная премия была учреждена в 2002 г. Китайским обществом изучения иностранной литературы совместно с крупнейшим китайским издательством «Народная литература». Российские современные авторы ежегодно становятся лауреатами этой премии (в 2002 г. Ю. Поляков «Замыслил я побег», в 2003 г. А. Проханов «Господин Гексоген», в 2006 г. М. Шишкин «Венерин волос», в 2007 г. З. Прилепин «Санькя», в 2009 г. М. Елизаров «Библиотекарь», в 2011 г. О. Славникова «Легкая голова», в 2012 г. В. Сорокин «Метель», в 2013 г. Даниил Гранин «Мой лейтенант»)²⁹.

В рамках Года России в Китае в 2006 г. состоялся визит делегации Союза писателей России, сопровождавшийся пекинским Форумом «Литература Китая и России — духовный мост между нашими народами». В том же году в Шанхае, Нанкине, Ханчжоу и Харбине состоялись «Дни русской литературы», в которых принимали участие члены Союза писателей. Была учреждена премия имени Горького, которую в рамках Года России в Китае вручили выдающимся китайским русистам за их вклад в перевод, изучение и популяризацию русской литературы³⁰. По инициативе Союза писателей России в китайских университетах были прочитаны лекции о русской литературе (профессорами С.А. Небольсиным — в 1999, 2004 и 2008 г., П.В. Палневским — в 1999 г., К.А. Кокшевой — в 2003 г., В.М. Гуминским — в 2004 г., В.Г. Бондаренко — в 2007 и 2009 г.)³¹.

Продвижением русского языка в Китае также занимается созданная еще в 1967 г. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). МАПРЯЛ является общественной неправительственной организацией, объединяющей преподавателей и других специалистов по русскому языку и литературе по всему миру³². Возглавляет МАПРЯЛ президент СпбГУ, президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) профессор Л.А. Вербицкая, которая наряду с этим является председателем попечительского совета Фонда «Русский мир». Членом МАПРЯЛ является Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ), созданная в 1981 г.³³ В 1985 г. КАПРЯЛ официально вошел в состав МАПРЯЛ. МАПРЯЛ ежегодно на базе КАПРЯЛ и ряда китайских вузов (Пекинский универси-

тет иностранных языков, Столичный педагогический университет, Второй Пекинский институт иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков, Хэйлунцзянский университет, Чжэцзянский университет, Лоянский институт иностранных языков) проводит в Китае Недели русского языка и российского образования, праздник русской словесности в рамках Всемирного фестиваля русского языка, международные и региональные научные конференции, круглые столы.

В мае 2011 г. в Китае был проведен XII Всемирный конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве», в котором приняли участие 300 китайских русистов. Данный Конгресс был посвящен 30-летию образования КАПРЯЛ. В 2008 г. в Китае отметили знаменательное событие в истории китайской русистики — 300-летие преподавания русского языка в Китае. По случаю юбилея Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы и Китайской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы на базе Шанхайского университета иностранных языков была организована Международная конференция, посвященная проблемам обучения русскому языку за рубежом³⁴.

Задачи по сохранению русского языка в Китае ставит перед собой Координационный совет соотечественников в Китае (КССК), который является некоммерческой общественной организацией, созданной 18 мая 2007 г. путем слияния различных «Русских клубов» в Пекине, Шанхае, Харбине, Гонконге и ряде других китайских городов. Координационный совет проводит регулярные конференции с участием российских соотечественников в различных китайских городах. Целью работы совета является консолидация русскоязычного населения Китая, сохранение позиций русского языка как средства самоидентификации, а также охрана и популяризация российского культурно-исторического наследия в Китае.

Совет работает в тесном сотрудничестве с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом, Департаментом по работе с соотечественниками за рубежом Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россотрудничеством, Фондом «Русский мир», Посольством РФ в КНР, а также Российским культурным центром в Пекине. Вместе с тем, Совет регулярно принимает участие в региональных конференциях соотечественников, проживающих в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Помимо этого, Совет участвует в открытии «Русских клубов» в городах Китая (в 2010 г. — в г. Санья, в 2013 г. — в г. Далянь, в 2014 г. — в г. Циндао и т.д.). Советом был запущен проект по изучению русского языка «Домашняя школа» и «Воскресная школа» в г. Шанхае для дошкольников и учащихся младших классов. По данным на 2014 г. в Китае проживает более 21 тыс. российских соотечественников, и необходимо создавать условия подрастающему в Китае молодому российскому поколению для изучения русского языка.

* * *

Подводя итог, отметим, что роль российских организационных структур в реализации стратегии продвижения русского языка в Китае в начале XXI в. становится все более значимой, а их вклад более весомым. С уверенностью можно констатировать существенные положительные сдвиги в этой работе по сравнению с последним десятилетием XX в. И это, безусловно, связано с повышением внимания российского руководства к вопросу популяризации русского языка за рубежом, с приданием значимости этому фактору в создании положительной имиджевой платформы Российской Федерации в мире. Это находит отражение в различных нормативных документах и международных договорах.

9 июня 2014 г. была учреждена еще одна государственная структура — Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку. Основная цель создания Совета заключается в «обеспечении развития, защиты и поддержки русского языка как государственного языка РФ», но самое главное его отличие от других подобных структур заключается в том, что он будет осуществлять непосредственный контроль над деятельностью российских организаций, занимающихся продвижением русского языка. В его состав вошли 42 члена, среди которых ученые, педагоги, директора музеев, библиотек, научных и образовательных институтов и руководители центральных СМИ³⁵.

В то же время в связи ростом числа организационных структур встает вопрос об общей координированности их действий, разграничении функций, а также контроля над выполнением поставленных задач. Так деятельность Фонда «Русский мир» по целому ряду направлений пересекается с задачами, стоящими перед Россотрудничеством.

Выступая на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом в сентябре 2012 г., председатель Правительства России Д.А. Медведев отметил «очевидно то, что наше гуманитарное присутствие в мире не соответствует нашим возможностям. По большому счету сейчас мы восстанавливаем позиции, которые мы в силу известных причин утеряли в 1990-е годы, и мы существенно уступаем серьезным международным игрокам в этой сфере, таким как «Франкофония», институты Гете, Сервантеса, Данте, Конфуция»³⁶.

В стратегии продвижения русского языка российское руководство использует успешный опыт европейских государств в открытии подобных Институтов за рубежом. Однако нельзя не отметить, что в вопросах финансирования подобных структур Россия пока не входит в число лидеров. Китайским аналогом Центров и Кабинетов Фонда «Русский мир» в России выступают Институты и Классы Конфуция. Руководство КНР на эти цели выделяет гораздо более значительные средства. Так, например, в 2010 г. китайское руководство выделило из бюджета 127 млн долл. на продвижение китайского языка посредством Институтов Конфуция. В отношении других государств показатели следующие: ежегодный бюджет Британского Совета составляет 1 млрд долл., Института Гете — порядка 443 млн долл.³⁷ На всю деятельность Фонда «Русский мир», которая включает в себя не только популяризацию русского языка, из государственного бюджета ежегодно выделяется только 500 млн руб.

А.Л. Арефьев привлек внимание к тому факту, что на данный момент ни один российский вуз не открыл свое представительство или филиал в Китае, хотя такой опыт существует у некоторых западных университетов. По мнению автора, причина заключается в том, что российские вузы не обладают достаточной финансовой поддержкой для инвестирования в «создание (строительство) учебных корпусов и студенческих общежитий на территории Китая для ведения полноценной и крупномасштабной учебной деятельности»³⁸. Соответствующим российским структурам необходимо уделить серьезное внимание этому вопросу. Помимо бюджетного финансирования, стоит укреплять практику привлечения частных спонсоров, меценатов, благотворительных фондов, как это происходит в ряде других государств.

Стоит, однако, отметить, что работа в этом направлении идет. В настоящее время Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Пекинский технологический университет уже в течение двух лет ведут работу по созданию совместного российско-китайского университета на территории КНР. Будущий вуз планируется открыть в китайском городе Шэньчжэнь провинции Гуандун³⁹.

Еще одной проблемой является то, что школы и вузы в Китае отличаются разным уровнем преподавания русского языка и расположены весьма неравномерно геогра-

фически. Наибольшее количество учебных заведений с преподаванием русского языка расположено в северо-восточном и восточном Китае. Так, например, общее количество китайских школьников, изучающих русский язык в Китае, в настоящее время составляет около 100 тыс. человек, более половины из которых (51 тыс.) обучаются в 70 школах провинции Хэйлунцзян и около 20 тыс. школьников в 40 школах провинции Шаньдун⁴⁰. Больше количество вузов с преподаванием русского языка также приходится на северо-восточные и восточные районы. Российским организационным структурам стоит расширить географию распространения русского языка на территории КНР.

В статье старшего преподавателя факультета русского языка Хэйхэйского университета (КНР) Цзян Ин «Русский язык как иностранный в современном Китае» выделен ряд проблем в обучении русскому языку в китайских высших учебных заведениях. К таковым автор отнес следующие: проблема методики и методологии обучения русскому языку как иностранному, проблема разработки и составления качественных программ учебных дисциплин по различным аспектам специальности «русский язык», учебных планов и современных методических пособий, проблема подготовки профессиональных преподавательских кадров⁴¹. Аналогичные проблемы в сфере преподавания русского языка в Китае отметил Чэнь Ваньлэй, декан факультета русского языка Яньчэнского педагогического университета, в статье «Современное состояние обучения русскому языку в Китае: проблемы и перспективы», добавив к ним такую проблему, как острая нехватка технических средств обучения, необходимых для профессиональной подготовки специалистов по русскому языку. В связи с этим российским организационным структурам стоит работать не только над увеличением количества изучающих русский язык китайских граждан, но и над качеством преподавания русского языка в различных учебных заведениях КНР.

МАПРЯЛ также стоит всемерно повышать профессиональный уровень преподавателей русского языка в Китае, так как увеличение численности изучающих русский язык зависит и от количества компетентных педагогов. К тому же в Китае наблюдается разный уровень подготовки преподавателей-русистов в разных районах страны. Это вызвано тем, что не все вузы, в которых проводится подготовка русистов, имеют возможность отправлять своих студентов, аспирантов и педагогов на стажировки в российские образовательные учреждения, кроме того, некоторые вузы испытывают недостаток в учебных пособиях.

Российским организационным структурам необходимо расширять сотрудничество в издании в Китае литературных произведений на китайском и русском языках, причем как классической, так и современной литературы России, так как по ценностям и интересам новое поколение китайцев отличается от старшего поколения, и китайской молодежи интереснее читать современную литературу. По словам известного китайского русиста Чжэн Тиу, профессора Шанхайского университета иностранных языков, вице-президента Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, «нынешнее знание в Китае современной российской литературы не соответствует ни ее уровню, ни потребности китайского читателя в ознакомлении с ней».

* * *

Продвижение в Китае русского языка становится особенно актуальным в свете заметно набирающего обороты торгово-экономического сотрудничества двух стран. В рамках визита президента Российской Федерации В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. было подписано около 50 двусторонних документов, которые позволят существенно нарастить темпы товарооборота между двумя государствами, что еще больше укрепит

двусторонние отношения в политической сфере. В связи с этим российским структурам необходимо значительно расширить масштабы работы в деле продвижения русского языка в Китае, так как вместе с расширением политического и торгово-экономического сотрудничества заметно возрастает потребность в специалистах с профессиональным знанием русского языка.

В последние годы в России стали уделять больше внимания популяризации русского языка. Были созданы различные государственные структуры, на которых возложены задачи по продвижению русского языка. Нельзя не признать, что совместные усилия этих и созданных ранее структур позволили улучшить положение дел в этой сфере. Во многом благодаря открытию Российского культурного центра в Пекине, Центров и Кабинетов русского языка Фонда «Русский мир», проведению различных конкурсов, олимпиад, конференций, круглых столов и других подобных мероприятий, а также Года России и Года русского языка количество изучающих русский язык в Китае постепенно заметно растет.

Об этом говорит статистика: в 1999 г. русский язык учили 3 тыс. китайских студентов и 20 тыс. китайских школьников⁴², в 2004 г. 36 415 студентов и 70 тыс. школьников, в 2010 г. 50 тыс. студентов и 80 тыс. школьников, а по данным на 2014 г. 57 тыс. студентов и около 100 тыс. школьников. Что касается количества учебных заведений, то здесь ситуация следующая: в 2004 г. в Китае функционировало 97 средних учебных заведений и 159 вузов с преподаванием русского языка, в 2010 г. средних учебных заведений стало 100, а количество вузов выросло до 220⁴³, по данным на 2014 г. преподавание русского языка как основной специальности ведется в 103 вузах, магистратура и аспирантура действуют в 50 и 10 вузах, преподавание русского языка как иностранного ведется в 414 вузах КНР, а количество школ с русским языком перевалило за 100⁴⁴.

Тем не менее, остается справедливой данная несколько лет назад оценка бывшего посла Российской Федерации в Китайской Народной Республике И.А. Рогачева: «когда мы перечисляем события, свидетельствующие о положительной динамике роста российско-китайских гуманитарных связей, и намечаем перспективы их дальнейшего развития, следует, вместе с тем, объективно признать, что в настоящее время объем гуманитарного сотрудничества двух стран все еще отстает от общего уровня их стратегического партнерства и взаимодействия, достигнутого в политической сфере»⁴⁵.

Подводя общий итог, нельзя не отметить возрастающую роль языковой политики государства в современном мире, придания значимости государственному языку как инструменту продвижения национальных интересов российского государства на международной арене. Русский язык становится важным элементом российской внешней политики, призванным повысить привлекательность России в Китае и в мире в целом, создать положительный имидж и прочную основу для реализации стратегической задачи повышения роли России на мировой арене.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (12.02.2013 г.). Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.
2. Результаты систематизации и оценки механизмов сотрудничества России с зарубежными странами в целях развития академической мобильности: нормативно-правовая база, инструменты, практики. Национальный фонд подготовки кадров. 2013. С. 49.
3. Русский язык в мире. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2002 г.
4. Ломанов А.В. Культурно-цивилизационные аспекты российско-китайского взаимодействия // Российско-китайские отношения: Состояние, перспективы. М., 2005. С. 371.

5. Синьхуа. 2014. 20 июня.
6. Жэньминь жибао. 2011. 11 мая.
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (16.07.2001 г.). Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3FF2F2E44791021644257D010038E9EF.
8. Постановление Правительства Российской Федерации № 919 «О Российской части Российско-китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта» (02.12.2000 г.). URL: <http://bestpravo.ru/gossijskoje/er-zakony/e2k.htm>.
9. Саловьева Е.В. Культурное взаимодействие России и Китая на современном этапе развития: обзор политико-правовых документов // Ойкумена. 2009. № 4. С. 130.
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (03.11.2005 г.) // Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3233E7C194DA43444257D010038EB2D.
11. Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (09.11.2006 г.) // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. URL: http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreem_coop_China_2006.
12. Ольга Голодец провела заседание Совета по русскому языку при Правительстве России // Официальный веб-сайт Правительства РФ. URL: http://premier.gov.ru/vice_news/11054.
13. Постановление Правительства Российской Федерации № 992 "О Совете по русскому языку при Правительстве Российской Федерации" (05.11.2013 г.) // Рос. газ. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/11/russovet-site-dok.html>.
14. Минобрнауки будет продвигать в мире бренд Института русского языка // Российское агентство международной информации «РИА Новости». URL: ria.ru/society/20131213/983967609.html.
15. Арефьев А.Л. Российское образование на экспорт // Демоскоп Weekly. 2010. № 441. С. 20.
16. Калмыков П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: Дис... канд. ист. наук. М., 2013. 177 с.
17. О Россоотрудничестве // Официальный веб-сайт Федерального агентства по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. URL: <http://rs.gov.ru/de/about>.
18. История отечественной публичной дипломатии // Официальный веб-сайт Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. URL: <http://www.rs-gov.ru/node/565>.
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров (13.10.2009 г.) // Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/809030510957E2D044257D010038ECB5.
20. Школа русского языка Российского культурного центра в Пекине // Официальный веб-сайт Представительства Россоотрудничества в КНР. URL: <http://www.chn.rs.gov.ru/ru/taxonomy/term/39>.
21. Материалы Федерального агентства по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. 2010–2014.
22. Результаты систематизации и оценки механизмов сотрудничества России с зарубежными странами в целях развития академической мобильности: нормативно-правовая база, инструменты, практики. Национальный фонд подготовки кадров. 2013. С. 51.
23. Каталог Русских Центров за рубежом // Официальный веб-сайт Фонда «Русский мир». URL: <http://www.russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php>.
24. Каталог Кабинетов «Русского мира» за рубежом // Официальный веб-сайт Фонда «Русский мир». URL: http://www.russkiymir.ru/rucenter/cabinet_list.php.
25. Пермский университет принял участие в создании центра русского языка в Китае // Пермский государственный национальный исследовательский университет. URL: <http://www.psu.ru/news/permskij-universitet-prinyal-uchastie-v-sozdanii-tsentra-russkogo-yazyka-v-kitae>.

26. В Китае будет создан новый центр изучения русского языка // Канал Культура ВГТРК. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/112697.
27. В Пекине состоялась презентация новых пособий по русскому языку как иностранному // Официальный веб-сайт Фонда «Русский мир». URL: <http://russkiymir.ru/news/94650/>
28. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 90.
29. *Лю Вэньфэй.* Дандай Элосы вэньсюэ цзай Чжунго [Современная российская литература в Китае] // Юэду Элосы цзачжи [Журнал «Чтение о России», издание Российской газеты в Китае]. URL: issuu.com/ezhong/docs/read_russia/6.
30. Элосы цзоэцзя сехуэй цзай Бэйцзин цзюйбань «Элосы вэньсюэжи» ходун [Союз писателей России организовал в Пекине «Дни российской литературы»] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Чжунянь Жэньминь Чжэнфу [Центральное народное правительство КНР]. URL: www.gov.cn/zwjw/2006-05/23/content_288756.htm.
31. *Бавыкин О.М.* Литература — духовный мост между народами России и Китая. URL: www.gospisatel.ru/rossija-kitai.htm.
32. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. URL: http://www.mapryal.org/about_mapryal.
33. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX—XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 323.
34. Жэньминь жибао. 2006. 17 сент.
35. Путин образовал Совет при президенте РФ по русскому языку // ИТАР-ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/1247099>.
36. Совещание руководителей представительств Россотрудничества за рубежом // Шире круг: Журн. для соотечественников и о соотечественниках. 2012. № 5 (33). С. 26.
37. *Whittaker Sh.* China's Rise and the Confucius Institutes: Chinese and American Perspectives. Seton Hall University Dissertations and Theses (ETDs). 2013. P. 77–78.
38. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX—XXI веков. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 317.
39. *Садовничий В.А.* МГУ — курс на глобализацию // Университетская книга: Информ.-аналит. журн. 2014.
40. Материалы Министерства образования и науки Российской Федерации. 2010–2014.
41. *Цзян Ин.* Русский язык как иностранный в современном Китае // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10.
42. Русский язык в мире. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2002 г.
43. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX—XXI веков. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 303–306.
44. Материалы Министерства образования и науки Российской Федерации. 2010–2014.
45. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. С. 405.

Научная жизнь

VII международная научно-практическая конференция «Россия — Китай: история и культура»

В Институте международных отношений истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета 8–11 октября 2014 г. проходила работа VII международной научно-практической конференции «Россия — Китай: история и культура». Работа секций заняла два дня — 9 и 10 октября. Работа конференции была приурочена к двойной дате: 210-летия со дня основания Казанского университета и десятилетия основания Международного Института Конфуция. Организаторами выступили Казанский федеральный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения, а также Институт Конфуция на базе КФУ¹.

Конференции «Россия — Китай», начавшись с достаточного скромного мероприятия, в основном объединявшего студентов и преподавателей Института востоковедения Казанского университета², со временем превратились в полноценные научные форумы, в которых принимают участие коллеги из стран СНГ, Европы, США, Израиля, и, разумеется, Китайской народной республики. Программа 2014 г. предусматривала работу 5 секций, на которых было заявлено 86 докладов, а общее количество гостей достигло символического числа 100. Несомненно, положительной особенностью конференции было органичное сочетание теоретических и прикладных тематик, которые подчас вызвали бурное обсуждение³. Сборник статей и материалов конференции⁴ вышел в свет к ее открытию, однако нашлось столько желающих прислать свои материалы, что оргкомитетом конференции принято решение опубликовать второй том.

Конференция была открыта 9 октября торжественной речью директора Института Конфуция КФУ профессора Г.Г. Зайнуллина, далее прозвучали речи проректора по внешним связям Л.Н. Латыпова, проректора Хунаньского педагогического университета Ян Сяюна и замдиректора по науке ИМОИиВ В.А. Летяева. Заседание проходило в актовом зале Института, украшенном портретами основателей казанского востоковедения (в их числе Х.Д. Френ, В.П. Васильев, А.К. Казембек, Н.Ф. Катанов), к их образам и наследию неоднократно обращались выступающие, подчеркивающие преемственность в истории науки.

После этого началось пленарное заседание, на котором выступили профессор Пекинского университета Би Минхуэй, директор колледжа английского языка Хунаньского педагогического университета Тан Фуминь, профессор, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» В.Я. Портяков с докладом «Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их интерпретация», профессор ИМОИиВ Р.М. Валеев, напомнив-

ший коллегам вехи истории развития казанского востоковедения, до его перевода в Петербург в 1855 г.

Работа первой секции «Актуальные вопросы филологии и методика обучения китайскому языку» продолжилась под руководством академика РАН, проф., д. филол. н. Желтухина М.Р. (г. Волгоград) и замдиректора Института Конфуция КФУ к. филол. н. Хайрутдинова Д.Р. Из заслушанных на ней докладов особый резонанс вызвал материал Г.И. Харитонова «Мо Янь и я», особенно актуальный на Нобелевской неделе.

Параллельно проходила работа секции «Российско-китайские отношения, внешняя политика КНР» под председательством к. истор. н., доцента отделения международных отношений Белоглазова А.В. и к. истор. н., доцента отделения международных отношений Шагалова В.А. Из 10 заявленных докладов были заслушаны все, но зачастую приходилось прерывать дискуссии из-за недостатка времени и превышения регламента выступления, и они переносились в кулуары.

Особенностью конференции стала «Секция молодого китаиста» (модератор — д. и. н., доцент кафедры китаеведения, истории и культуры стран Дальнего Востока Мартынов Д.Е.), которая, во-первых, объединила студентов и аспирантов Казани, Ижевска, Владивостока и Екатеринбурга (всего 8 докладов), а, во-вторых, не только представителей китаеведческой науки, но и тюркологов, чьи доклады еще раз доказали возможности междисциплинарных подходов. Выступления молодых участников вызывали не только бурные обсуждения, но и всяческое одобрение старших коллег. Особый интерес собравшихся привлекла судьба Олджей-хутун — последней монгольской императрицы, правившей в Китае, которая по происхождению была корейкой.

Работа конференции продолжилась 10 октября открытыми лекциями китайских профессоров Сюй Айго и Ли Чжэнжун. Слушателей заинтересовали темы данных лекций: «Особенности китайской традиционной юриспруденции» и «Влияние русской литературы на китайскую».

Работа секции «История Китая» проходила под председательством д. истор. н., профессора Киреева А.А. (г. Благовещенск) и д. истор. н., профессора Валеева Р.М. и включала 10 докладов. По географическому охвату это была одна из наиболее широких секций, где органично сочетались научные выступления коллег из Оксфорда, Новосибирска, Гонконга, Берлина и Москвы. Тематика выступлений также была достаточно широкой и актуальной: это и гибель Ханьской династии (Борисов Д.Э.), и проблемы формирования торговой улицы Ябаолу в Пекине (Дж. Зеннаро), и, конечно же, современное состояние Китайской Народной Республики, представленное наиболее полно.

В работе секции «Философия и культура Китая» (модератор — д. истор. н., доцент Мартынов Д.Е.) также были представлены доклады исследователей из Иерусалима, Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и Екатеринбурга. При этом доклады гостей были столь содержательны и вызвали такое количество вопросов, что казанские докладчики единогласно передали свое время для продолжения дискуссии, так что из 10 докладчиков перед публикой предстали 6: о категории «срединного пути» в китайской философии, Лун-ван в китайских верованиях и обычаях (Сторожук А.Г.), доклад об одиноких матерях в современном Китае (Почагина О.В.), о религиозной идентичности и формированию политических концепций в эпоху Хань на примере «Трактата о соли и железе» (Полнарков А., Иерусалим), и некоторые другие.

Главным официальным итогом стало подписание протокола о сотрудничестве Хунаньского педагогического университета и Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ. Стороны договорились о совместной реализации образовательных и научных проектов в следующих сферах: открытие совместной магистерской программы по направлению «Китайский язык в сфере профессиональной коммуникации»; чтение лекций в двух университетах; исследовательское сотрудничество по на-

правлениям: история, филология, международные отношения, китаеведение; организация академической мобильности студентов и преподавателей.

Торжественное закрытие конференции вновь объединило всех ведущих профессоров и ученых Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, а также участников конференции. Удачный формат мероприятия и актуальность поднятых вопросов были единогласно подтверждены на заключительном заседании под председательством зам. директора ИМОИВ, к.филол.н. **Кривоножкиной Е.Г.** Коллеги из других стран и городов, участники конференции выразили слова благодарности организаторам такого масштабного мероприятия — Казанскому (Приволжскому) федеральному университету, Институту международных отношений, истории и востоковедения, а также Институту Конфуция. Кроме того, все пожелали друг другу дальнейших успехов на научном поприще и выразили надежду встретиться в следующем году — уже на VIII международной научно-практической конференции «Россия — Китай: история и культура».

© 2015

*А. Аликберова,
кандидат исторических наук,*

*Д. Мартынов,
доктор исторических наук*

-
1. Открытие Института Конфуция в 2007 г. было приурочено к визиту в Казань Председателя КНР Ху Цзиньтао.
 2. Существует с 2000 г., с 2011 г. — Институт востоковедения и международных отношений КФУ, в 2013 г. объединен с Институтом истории в нынешнюю структуру ИМОИВ.
 3. Завершилась работа VII международной научно-практической конференции: «Россия — Китай: история и культура». URL: <http://kpfu.ru/imoiv/zavershilas-rabota-vii-mezhdunarodnoj-nauchno.html>
 4. Россия — Китай: история и культура: Сб. ст. и докладов участников VII Международ. науч.-практ. конф. Казань: ЯЗ, 2014. 588 с.

О некоторых научных конференциях в Китае в 2014 г.

В течение 2014 г. по приглашению китайских коллег я принял участие в ряде представительных научных конференций в различных городах Китая.

5–6 апреля Школа общественного управления (School of Public Affairs) Сямэньского университета провела трехсторонний китайско-российско-британский симпозиум на тему «Национальное управление и политика: межстрановые сравнения Китая, России и Соединенного Королевства». Симпозиум показал растущую популярность в мире специальности «государственная административная деятельность» (public administration). Вряд ли сейчас уже можно говорить о четком размежевании данной специализации с родственными ей по предмету исследования и методологии специальностями «глобальное управление» и «государственное управление». По крайней мере, в Сямэни сфера «общественного управления» трактовалась весьма широко, а представленные доклады оказались разнообразными по тематике.

Российские участники конференции во главе с академиком В.Л. Макаровым, руководителем Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М.В. Ломоносова, выступили с докладами о реформе в сфере государственных услуг в России (В.Л. Макаров), развитии в РФ межрегиональных центров подготовки кадров для государственного управления (В.Л. Ерёмин, МГУ), региональных особенностях государственного регулирования сферы образования в России (Г.К. Лапушинская, Тверской университет), противодействии коррупции в госзакупках (В.Н. Скворцов, председатель Ассоциации государственных поставщиков). В.Е. Петровский (ИДВ РАН) проанализировал сравнительный опыт участия России и Китая в институтах глобального управления. По его мнению, «Россия и Китай накопили богатый... опыт участия в институтах глобального управления. Он носит взаимообогащающий и взаимодополняющий характер, создавая основу для взаимодействия и координации усилий двух стран в данной сфере».

Доклады английских участников конференции, представленных профессорами и преподавателями из университетов Саутгемптона и Ньюкасла, были посвящены ряду вопросов социальной политики в Европе и в КНР, в т.ч. особенностям иммиграционной политики в Великобритании¹ (Derek Mcghee), пенсионной системе в Европе (Traute Meyer), детям сельских мигрантов (Nana Zhang) и приоритетам политики здравоохранения в Китае (Emmanouil Mentzakis).

Широкий разброс тематики докладов наблюдался у китайских участников симпозиума, представленных учеными из Сямэни и различных центров Пекина и Шанхая. В частности, аспирант Сямэньского университета Е Лу сравнил процессы трансформации систем управления в Китае и России, базируясь на анализе страновых оценок индекса трансформации, рассчитываемых Фондом Бертельсмана (Германия). По его мнению, по базовым социальным параметрам Россия превосходит Китай (включая уровень образования, урбанизации, медицинского и социального обеспечения), однако у России существуют серьезные проблемы в сферах социальной стабильности и общественной безопасности, существенно ниже, чем в КНР, средняя ожидаемая продолжительность жизни.

Группа ученых из Школы общественного управления Сямэньского университета сопоставила подходы к охране здоровья и медицинскому обслуживанию пожилых людей (65 лет и старше) на Тайване и в провинции Фуцзянь. При немалом сходстве в социальной структуре обоих регионов (например, живут с детьми 66,1% пожилых людей в Фуцзяни и 61% — на Тайване) между ними имеются и существенные различия, предопределяемые прежде всего более высоким уровнем доходов населения на Тайване — в 2013 г. среднедушевой валовой региональный продукт составил 5525 долл. США в Фуцзяни и 20386 долл. США на Тайване.

Известный специалист по России и Центральной Азии руководитель Центра стратегических исследований Евразии Университета Цинхуа У Дахуэй проанализировал перспективы совершенствования стратегического взаимодействия Китая и России в условиях разворачивающейся корректировки их внешнеполитических курсов. По его мнению, две страны могут сообща противодействовать «возвращению США в Азию» и созданию ими новых военных союзов в регионе, разворачиванию Соединенными Штатами ПРО ТВД в Европе и в Азии. В конечном счете стратегическое взаимодействие России и Китая должно способствовать рациональным подвижкам в мировом экономическом и политическом порядке в целом.

К проведению данной конференции было приурочено торжественное открытие на территории Сямэньского университета бронзового бюста М.Ю. Лермонтова в ознаменование 200-летия со дня рождения великого русского литератора.

В конце октября — начале ноября 2014 г. я принял участие в конференции «Содействие строительству структуры азиатской безопасности через взаимовыгодное сотрудничество», проходившей в Шанхае.

Конференция была организована Шанхайским институтом стратегических исследований (ШИСИ), который представляет собой аналог расположенной в Пекине Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) и имеет сходную структуру. В его составе семь исследовательских институтов: международных стратегических исследований, глобального управления, мировой экономики, внешней политики, Тайваня, Гонконга и Макао, сравнительных политических исследований и информации — и шесть исследовательских центров: Америки, АТР, России и Центральной Азии, Западной Азии и Африки, Европы, морских и полярных исследований. Летом 2013 г. возглавлявшего ШИСИ известного ученого-международника Ян Цземяня на посту директора сменил Чэнь Дунсяо.

Конференция была призвана популяризировать, закрепить и развить предложения по строительству системы безопасности в Азии, сформулированные в выступлении лидера Китая Си Цзиньпина на встрече глав государств Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВДМА) 21 мая 2014 г. в Шанхае. ШИСИ, судя по всему, претендует на роль ведущего в Китае «мозгового центра» по проблеме азиатской безопасности или имеет соответствующее поручение властных структур страны. Институт выпускает журнал «Гоцзи гуаньча» (в англоязычном варианте «Global Review»).

Конференция собрала представительный состав китайских и иностранных участников, включая ученых из Индии, Индонезии, Ирана, Пакистана, Турции, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Были рассмотрены проблемы современной ситуации в сфере безопасности в Азии и перспективы ее улучшения в свете итогов Шанхайского саммита СВДМА, вопросы сотрудничества в борьбе с терроризмом и нетрадиционными угрозами безопасности. Отдельная сессия была посвящена углублению региональной экономической интеграции как инструменту, содействующему укреплению регионального сотрудничества в сфере безопасности. На этой сессии был представлен и мой доклад «Сотрудничество в формате РИК (Россия, Индия, Китай) и его роль в содействии безопасности в Азии». Наконец, заключительная сессия конференции была посвящена проблеме Афганистана, в том числе ее региональному влиянию и перспективам международного сотрудничества по решению данной проблемы.

О важном значении, придававшемся конференции, свидетельствует то обстоятельство, что с развернутым вступительным докладом на ней выступил Цай Жунь — нынешний глава Департамента планирования МИД КНР (его предшественник Лэ Юйчэн после полугода лет работы послом в Казахстане недавно возглавил посольство Китая в Индии).

Конференция выявила ряд общих тенденций и новых особенностей в подходе китайских политологов к проблеме обеспечения безопасности в Азии.

Во-первых, похоже, что эта задача рассматривается в качестве самостоятельной и приоритетной по сравнению с обеспечением безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Во-вторых, Китай явно намерен играть ведущую роль в предполагаемом строительстве «архитектуры безопасности в Азии». При этом на роль прообраза несущей конструкции структуры безопасности здесь продвигается СВДМА, поскольку данный формат охватывает наибольшее число государств Азии.

В-третьих, создание механизма обеспечения безопасности в Азии предполагает активное участие США. Это связано с тем, что Азия представляет собой район тесного переплетения интересов Китая и США. Предстоит порвать со старой традицией противостояния великих держав в Азии. В этом плане создание вместе с США нового типа отношений между державами станет вкладом в обеспечение безопасности региона.

В-четвертых, в контексте сокращения американского военного контингента в Афганистане Китай существенно наращивает свое присутствие в этой стране и активизирует всестороннее участие в решении комплекса ее проблем. Пекин заинтересован в усилении сотрудничества на данном направлении с республиками Центральной Азии как на двусторонней основе, так и в формате Шанхайской организации сотрудничества.

22–23 ноября в Шэньчжэне был проведен Форум «Специальные экономические зоны Китая — 2014». Его основным мероприятием стала научная конференция «Сравнение и заимствование опыта специальных экономических зон». В качестве ведущих организаторов мероприятия выступили Центр исследования специальных экономических зон Китая и Экономический колледж Шэньчжэньского университета, а также Институт экономики Академии общественных наук Шэньчжэня. В работе конференции участвовало около 150 человек, включая специалистов из различных регионов Китая, экспертов из России, Вьетнама, Индии, Индонезии, Германии, США, Всемирного банка.

Выступления участников были распределены между пленарными заседаниями и шестью секциями, темами которых стали: взаимодействие СЭЗ со строительством «Экономического пояса шелкового пути»; интернационализация китайской практики создания и развития специальных экономических зон; опыт СЭЗ в общем контексте политики реформ в Китае; вызовы, стоящие перед СЭЗ на современном этапе развития; СЭЗ и Морской шелковый путь; СЭЗ и развитие китайского приграничья. Поскольку секционные заседания велись одновременно в трех группах, удалось послушать примерно треть озвученных там докладов. Какие-либо письменные тексты или тезисы выступлений участников на конференции не раздавались, судя по всему, с целью обеспечения эксклюзивного характера сборника материалов, традиционно публикуемого по итогам таких конференций издательством «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ» (Social Sciences Academic Press, China). Его представители также участвовали в работе форума.

Заслушанные доклады были посвящены нескольким крупным темам.

Мировая география создания и функционирования специальных экономических зон была освещена в выступлениях экспертов из Всемирного банка (с особым акцентом на страны Центральной Америки, Индию, Германию). Отдельные доклады были посвящены экономической зоне Куангнин во Вьетнаме и попыткам развития СЭЗ в КНДР.

Еще один блок составили выступления о развитии других, помимо СЭЗ первой волны (Шэньчжэнь, Сямэнь, Шаньтоу, Чжухай, Хайнань), районов КНР с особым экономическим статусом. В частности, были подведены первые итоги функционирования Шанхайской зоны свободной торговли, созданной в середине 2013 г. на базе зоны бес-

пошлинной торговли Вайгаоцяо с целью накопления опыта для дальнейшего углубления политики внешнеэкономической открытости Китая. Докладчики проанализировали также развитие зоны в Кашгаре, идущее под патронажем Шэньчжэня под лозунгом «на востоке Шэньчжэнь, на западе Кашгар», и перипетии развития международной интеграции в рамках проекта Туманган.

Специалист по международным отношениям Йона Видхагдо Путри из Университета Индонезии детально рассмотрела возможности и выгоды сопряжения разветвленной сети межостровных морских маршрутов в Индонезии с предложенным Китаем Морским шелковым путем.

В большинстве выступлений рассматривались различные аспекты истории, современного функционирования и перспектив развития СЭЗ Шэньчжэнь. Преобладающим стало мнение, что Шэньчжэнь является самой успешной экономической зоной Китая. Решающую роль в этом сыграли три фактора: политическая поддержка руководства страны, умело выстроенная политика экономических преференций и соседство с Гонконгом. Последний фактор является уникальной особенностью именно Шэньчжэня, поэтому не весь опыт развития СЭЗ в Шэньчжэне может быть повторен в других регионах. Тем не менее, многие аспекты шэньчжэньского опыта вполне воспроизводимы и имеют международное значение.

Перспективы успешного развития Шэньчжэня во многом связываются с дальнейшим углублением его интеграции с Гонконгом, описываемой прозвучавшей в ряде выступлений формулой «два залива — один полуостров». Имеются в виду полуостров Цзюлун (Коулун), на котором расположена материковая часть Гонконга, и окружающие его с востока и с запада заливы — Шэньчжэньский и Даявань.

В перспективе до 2025 г. центральное место в углублении связки Шэньчжэнь — Гонконг отводится развитию приморского района Цяньхай площадью около 15 кв. км, где создается Зона сотрудничества двух территорий в сфере услуг. Решение о развитии Цяньхая было одобрено Госсоветом КНР в 2010 г., однако после посещения территории главой страны Си Цзиньпином в декабре 2012 г. динамика строительства резко ускорилась. К настоящему времени здесь уже учреждено 16 760 различных предприятий и организаций, в том числе 9662 из них — финансового и денежно-кредитного характера. Район Цяньхай должен стать общекитайской моделью развития низкоуглеродной «зеленой» экономики. В выставочном павильоне, посвященном Цяньхаю, район назван «фабрикой мечты для осуществления китайской мечты» («Dream Factory for Chinese Dream»).

В целом же Шэньчжэнь делает ставку на развитие «интеллектуальной («чжихуэй») экономики», представленной производством постоянно обновляющейся высокотехнологичной продукции, все в большей мере опирающейся на собственные научные исследования и разработки. В 2013 г. объем производства высокотехнологичной продукции в Шэньчжэне составил 1413 млрд юаней (в 2011 г. — 1200 млрд юаней), в том числе 61% базируется на собственных технологиях. (Данные со стендов Музея промышленности Шэньчжэня).

Мой доклад «Особенности развития Шэньчжэня в условиях трансформации модели экономического роста в Китае» (подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-07-00058) открыл пленарное заседание. Он нашел отражение в информации о Форуме, опубликованной в местной ежедневной газете «Шэньчжэнь тэцуй бао» («Газета СЭЗ Шэньчжэнь») от 23 ноября 2014 г.

«Сотрудничество России с государствами Восточной Азии»

(II международная научная конференция молодых востоковедов в ИДВ РАН)

22–23 октября 2014 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась II международная научная конференция молодых востоковедов на тему «Сотрудничество России с государствами Восточной Азии». Первая молодежная конференция проводилась в ИДВ РАН в декабре 2013 г.

С приветственным словом к участникам обратились директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко и заместитель директора ИДВ С.Г. Лузянин. Академик Титаренко подчеркнул важность проведения подобных мероприятий для молодых ученых-востоковедов на регулярной основе. Отметив особое значение тематики конференции в современных условиях, когда для процветания России необходимо наладить сбалансированное синергетическое сотрудничество с азиатским регионом, Михаил Леонтьевич пожелал успехов всем участникам конференции в их научных исследованиях. С.Г. Лузянин в своем выступлении охарактеризовал несколько ключевых глобальных трендов современности, придающих актуальность проблемам, рассматриваемым молодыми востоковедами.

В работе конференции приняло участие более 30 молодых ученых и магистрантов, представляющих различные академические и учебные институты, а также государственные учреждения. На форум приехали молодые востоковеды из Владивостока, Иркутска, Новосибирска, Кирова и Санкт-Петербурга, а также Китая. Были заслушаны и обсуждены 22 доклада, посвященные актуальным проблемам развития государств Северо-Восточной Азии и вопросам сотрудничества России с Китаем, Японией, Монголией, Южной и Северной Кореей. Заседания конференции проходили в трех секциях: политика, экономика, культура и история.

На политической секции обсуждались различные аспекты и перспективы российско-китайского взаимодействия с учетом особенностей внешнеполитических стратегий обеих стран и современной геополитической обстановки в мире. В частности, в докладе м.н.с. ИДВ РАН Мокрецкого А.Ч. отмечалось, что стратегическим выбором современного китайского руководства является путь мирного развития, сочетающийся с линией на отстаивание коренных интересов страны на международной арене. В области российско-китайских отношений докладчики подчеркивали беспрецедентно высокий уровень двустороннего сотрудничества в различных областях на фоне общности позиций по наиболее важным международным проблемам. При этом участники конференции объективно оценили сферы возможных противоречий интересов России и Китая, включая усиление влияния КНР в Средней Азии.

Молодые востоковеды-политологи рассматривали последствия роста военно-политической напряженности в Восточной Азии для интересов России и будущего ее отношений с государствами, вовлеченными в региональные споры. Отмечалось, что в интере-

сах России сохранять определенную дистанцию по отношению к основным конфликтам в Восточной Азии. С этой точки зрения российская позиция «стороннего наблюдателя» в отношении островных противоречий, (например, в японо-китайском конфликте вокруг островов Сэнкаку), представляется вполне оправданной. При этом, по мнению участников конференции, если раньше Восточная Азия считалась периферийным направлением российской внешней политики (за исключением отдельных исторических периодов), то сейчас перед Москвой стоит непростая задача: перейти от формального присутствия в регионе к активному участию в региональных делах.

Особый интерес аудитории вызвал доклад преподавателя кафедры востоковедения МГИМО к.полит.н. А.А. Киреевой, посвященный реинтерпретации конституции Японии в части реализации права на коллективную самооборону. Докладчица проанализировала современный курс правительства Японии на превращение в «нормальную страну» с самостоятельным военным потенциалом и возможные последствия этого для интересов России и других стран региона.

На экономической секции конференции рассматривались направления и перспективы экономического развития стран Северо-Восточной Азии, а также экономические отношения России с Китаем, Японией, государствами Корейского полуострова и Монголией. Участники конференции обсуждали будущее интеграционных процессов в регионе Восточной Азии, а также уделили особое внимание двум крупным экономическим проектам в Евразии — российскому ЕАЭС и китайскому «экономическому поясу Шелкового пути». Докторант факультета русского языка и культуры Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Гуанчжоу, КНР) Вань Цинсун указал на основные причины выдвижения Пекином инициативы о создании «экономического пояса Шелкового пути», показывая, что КНР не стремится с ее помощью вытеснить Россию из традиционной сферы влияния в СНГ, где создается ЕАЭС. При этом было отмечено, что пересечение большого географического района и частичное дублирование функций в определенной степени определяют конкурентные отношения между двумя проектами, взаимоотношения между которыми в значительной степени будут зависеть от договоренностей России и Китая.

Что касается перспектив интеграции в треугольнике Китай-Япония-Южная Корея, участниками высказывались мнения о том, что несмотря на существенный потенциал проекта между странами сохраняются глубокие и кажущиеся на данный момент неразрешимыми противоречия в виде исторических и территориальных споров. В связи с этим сложно прогнозировать какие-либо сроки реализации идеи о создании интеграционного объединения в трехстороннем формате.

Интересное и содержательное выступление м.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) С.А. Иванова было посвящено проблемам взаимодействия государства и китайского бизнеса на Дальнем Востоке РФ на основе материалов полевых исследований. Отмечалось, что бизнесменам из КНР удастся наладить хорошие отношения с органами местного самоуправления, а также обеспечить включенность китайских предприятий в местные деловые и политико-административные сети.

Отдельный блок докладов был сосредоточен вокруг проблем и перспектив социально-экономического развития Республики Корея, а также будущего торгово-экономических и региональных связей России с Южной и Северной Кореей. На конференции были представлены сообщения об опыте сотрудничества России и Японии в сфере экологической безопасности и современных проблемах экономических связей между РФ и Монголией. Общим выводом участников стало признание существенного нереализованного потенциала экономических отношений России с государствами региона Северо-Восточной Азии, обладающими значительными ресурсами для сотрудничества. По словам одного из докладчиков, Россия позиционирует себя в качестве азиатско-тихоокеанской дер-

жавы и ей следует продолжать курс на наращивание своего присутствия в политических и экономических процессах в АТР.

На заседании секции, посвященной рассмотрению вопросов культуры и истории, были представлены доклады н.с. ИДВ РАН К.А. Чиркова о современном состоянии сотрудничества молодых ученых-гуманитариев стран БРИКС и зав. кафедрой восточных языков, Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета (г. Иркутск) к.соц.н. Е.В. Кремнева об опыте взаимодействия между ВУЗами России и Китая по программам двойных дипломов.

В исторической части программы участники выступили с сообщениями о некоторых событиях совместного прошлого России/СССР и народов Северо-Восточной Азии в XX веке. В частности, были представлены доклады о развитии и причинах провала советско-американского диалога в Совместной комиссии в Корее в 1946–1947 гг., о проблеме «нового ревизионизма» в советско-северокорейских отношениях первой половины 1960-х гг., а также деятельности представительств МИД России в Западной Монголии в 1910-е гг.

Все доклады вызвали интерес и живую дискуссию, показав, что затронутые темы актуальны и интересны для молодых востоковедов.

По итогам конференции в Институте Дальнего Востока РАН будет опубликован сборник докладов.

Следующая международная научная конференция молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН состоится осенью 2015 г

© 2015

*Л. Захарова,
старший научный сотрудник ИДВ РАН,
председатель Совета молодых ученых ИДВ РАН*

Рецензии

Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения / Гл. ред. Титаренко М.Л., Портяков В.Я. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. 520 с

Книга стала итогом двустороннего проекта, работу над которым возглавили Институт Дальнего Востока РАН и Институт китайско-российского стратегического сотрудничества Университета Цинхуа (КНР). В сборник вошли 43 научные статьи, из них 15 принадлежат китайским исследователям. Авторы представили широкую палитру мнений по вопросам взаимодействия двух стран на международной арене, истории сотрудничества России и Китая, их современному партнерству в сфере безопасности, военно-технической и научно-технической областях, в торговле и экономике, культуре и образовании. Весной 2014 г. книга была опубликована в Пекине на китайском языке, по содержанию издания отличаются друг от друга: в китайской версии больше статей китайских исследователей и меньше — российских¹.

В основу книги легли материалы международной научной конференции, которая состоялась в Университете Цинхуа в июне 2012 г. Сборник представляет обзор состояния двусторонних отношений перед сменой власти в Китае на XVIII съезде КПК и украинским кризисом 2014 г., оказавшим глубокое воздействие на отношения России с внешним миром. События двух минувших лет позволяют по-новому взглянуть на представленные в работе прогнозы и оценки.

Кризис на Украине подтвердил высокую степень устойчивости российско-китайских отношений к неблагоприятным внешним импульсам. В отличие от Запада, Китай занял нейтральную благожелательную позицию, воздерживаясь от политической критики и вмешательства во внутренние дела России. Как отметил М.Л. Титаренко, события 2014 г. создали в общественном мнении надежды на более близкое сотрудничество и взаимодействие: «Ожидания союзнического характера действий дипломатий двух стран порождаются и широко распространенным убеждением об общности судеб наших

стран, общности мирных устремлений и высокой близости стратегических национальных интересов России и Китая в деле обеспечения суверенитета, безопасности, территориальной целостности каждой из стран» (С. 515).

Китайские авторы на страницах сборника призывают воздержаться от создания озонового слоя. Они ссылаются на негативный опыт распада союзнических отношений СССР и КНР в 1960-е годы, отсутствие у Китая исторических традиций союзничества с другими странами, колебания российской элиты между европоцентризмом и поворотом на восток. Член Ученого совета АОН Китая Ли Цзинцзе признает, что союзничество 1950-х оставило о себе добрую память. «Однако необходимо видеть, что союзнические отношения того периода явились продуктом особых исторических условий, что с момента установления союзнических отношений в базовых основах связей двух государств стали исподволь накапливаться негативные, разрушительные факторы» (С. 20). По мнению ученого, требования поддержания идеологического единства привели к взаимным обвинениям, попыткам вмешательства во внутренние дела другого государства, поэтому переход от союзничества к расколу и взаимной неприязни был неизбежным. Сотрудник аналитического центра агентства Синьхуа Шэн Шилиан отмечает, что среди сопредельных стран союзником Китая может быть только Россия, однако обе стороны не готовы к такому сближению. «Китайско-российский союз может принести в международном плане много вреда. В конце концов, союз между Китаем и Россией сейчас невозможен, в нем нет нужды, еще более нет надежды на полный, всесторонний союз» (С. 197).

Вместе с тем китайские авторы признают важность укрепления связей с Россией на фоне перспективы сохранения долгосрочного (10–15 лет) преимущества в силе за США и относительной слабости новых развивающихся стран. Ли Цзинцзе указывает: «Даже если одна-

жды Китай по объему ВВП выйдет на первое место в мире, а Россия — на 5-е, данная стратегическая ситуация не претерпит коренных изменений. Иными словами, взаимная стратегическая опора и взаимодействие Китая и России являются величиной долговременной. Без России Китай может оказаться в одиночестве, ему будут не по силам большие дела. И, наоборот, без Китая Россия также может почувствовать себя весьма уязвимой, не способной к активным действиям» (С. 21).

Исследователь из Университета Цинхуа профессор Ху Аньган провел сравнение экономического роста Китая и России. Объективно признавая, что на фоне непрерывного роста Китая в последние десятилетия у России были спады, ученый пришел к выводу: «К 2030 г. семью крупнейшими экономиками мира будут Китай, Индия, США, ЕС, Бразилия, Япония и Россия» (С. 27). На этом фоне важной предпосылкой обеспечения развития России становится укрепление всесторонних партнерских связей с Китаем. В.И. Трифонов обоснованно указал, что предпринимаемые Россией усилия по расширению интеграционных связей с АТР и предпринимаемый Москвой «поворот на Востоку» — это линия «всерьез и надолго», «хорошо продуманный, долговременный курс». (С. 61).

Заместитель председателя Общества исследования китайско-российских отношений Ван Хайюнь призвал две страны прилагать усилия для «общего возвышения», опирающегося на общность подходов к многополярности и демократизации международных отношений. Однако подобное «возвышение» окажется невозможным, если между партнерами будет недоставать доверия, и, тем более, если внешние силы смогут спровоцировать их на проведение политики взаимного сдерживания. «В Китае необходимо искоренить имеющие широкое хождение суждения о том, что «России нельзя верить». А в России — не допускать таких негативных тезисов, как использование России в качестве «сырьевого придатка», «ее окружение и вытеснение», «китайская экспансия»» (С. 65). Одним из вопросов, привлечших внимание китайских исследователей, стали перспективы взаимодействия создаваемого Россией Евразийского союза и ШОС. В частности, было высказано опасение, что после создания Евразийского союза Россия снизит интерес к сотрудничеству с Китаем и ШОС (С. 22–23).

Российские эксперты глубоко и подробно рассмотрели проблемы китайско-российского взаимодействия в ШОС (С.Г. Лузянин) и многосторонних форматах РИК и БРИКС

(С.В. Уянаев). Тему соотношения российского евразийского проекта и развития сотрудничества с Китаем поднял И.И. Абылгазиев. Важность этих исследований возросла после того, как китайский лидер Си Цзиньпин сформулировал идею «экономического пояса Шелкового пути», пролегающего через территорию Евразии в направлении Евросоюза. Темы участия Евразийского союза в «экономическом поясе Шелкового пути», а также подключения к участию в этом китайском проекте стран Центральной Азии, обрели несомненную актуальность.

Реализация этих планов требует новых идей и концепций. В статье Чжао Чанцина (Институт развития Евразии Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР) «Сотрудничество в Центральной Азии как важная часть стратегического партнерства Китая и России» конструктивные предложения укрепить взаимодействие двух стран опираются на тезисы о том, что в регионе «в результате политики русского великодержавного шовинизма исторически накапливались неприязнь, экономическая слабость и военная зависимость», а странам Центральной Азии надоело жить на «задворках» у «хозяина» — России (С. 100). Концепции «русского великодержавного шовинизма» и «великоханьского шовинизма», построенные на рассмотрении современных реалий с точки зрения политики бывших империй, получили распространение в общественно-политической литературе двух стран во второй половине XX в. Однако возможность их использования при поиске ответов на вызовы XXI в. выглядит ограниченной.

К.В. Асмолов пришел к выводу, что на Корейском полуострове основные стратегические цели России и Китая совпадают, однако «для совместных экономических интересов в регионе время пока не наступило» (С. 161). Статьи об отношениях России и Китая с Евросоюзом (А.О. Виноградов) и США (А.С. Давыдов) неизбежно воспринимаются читателем через призму последствий украинского кризиса. Прежние «европоцентристские» мечты о едином экономическом пространстве России и Европы, равно как и о безвизовом пространстве, превратились в утопии, что непосредственно влияет на выбор внешних приоритетов развития России. Возникшие на фоне кризиса 2008 г. рассуждения о возможности оказания Россией и Китаем совместной финансовой помощи Евросоюзу, поскольку «РФ имеет непосредственную заинтересованность в сохранении хотя бы какой-то стабильности в зоне евро» (С. 126), похоронены политикой Запада по дестабилизации

ции рублевой зоны и ослаблению экономики России. По-иному воспринимается теперь и упоминание о прогнозе кризиса китайской экономики в 2013 г., при котором курс юаня упал бы с 6 до 8–10 за доллар, а 200 млн. китайцев потеряли бы работу (С. 135). Ничего подобного в Китае не произошло. Вместо этого в конце 2014 г. обвальное падение национальной валюты случилось в России. Китай постоянно сталкивается с прогнозами «неминуемого краха» своей экономики, власти страны прикладывают все усилия для того, чтобы не допустить их реализации. Изучение этого опыта не станет излишним для управленческой и экспертной элиты современной России.

Сотрудник Института международной стратегии Партшколы ЦК КПК Цзо Фэнжун отмечает: «После финансового кризиса 2009 г. Россия осознала важную роль Китая в развитии российской экономики, поверила, что экономический рост Китая не представляет угрозы» (С. 145). Украинский кризис и последовавшие за ним экономические неурядицы произвели сходный эффект, превратившись в стимул для дальнейшего сближения России с Китаем. Вместе с тем китайский автор сетует: «Некоторые люди опасаются, что Россия может превратиться в поставщика сырья, стать сырьевым придатком. В действительности это практическое проявление взаимодополняемости» (С. 146). Ускорение сотрудничества в области экспорта энергоносителей из России в Китай в 2014 г. показывает, что со стороны российской элиты эти опасения во многом были сняты. Однако опыт отношений России с Европой также продемонстрировал, что тесная экономическая взаимозависимость не гарантирует поддержания взаимного доверия. После украинского кризиса западные санкции были обращены против российского сырьевого сектора, обеспечивающего европейский рынок природным газом и нефтью.

В книге постоянно присутствует тема китайской миграции в Россию. Этот сюжет подробно рассмотрен А.Г. Лариным и А.И. Панышиным. О необоснованности российских «страхов» часто упоминают китайские авторы, подчеркивающие, что «освоение Сибири и Дальнего Востока невозможно без иностранной рабочей силы, проблема в усилении управления, а не в запретительных мерах» (С. 147). При ближайшем рассмотрении становится заметно, что корень проблемы не в иррациональных фобиях российской стороны, а в отсутствии четкой стратегии развития региона и финансовых возможностей для ее реализации.

При рассмотрении проблем двусторон-

него инвестиционного сотрудничества Л.В. Новоселова подчеркнула, что Россия оказалась «перед неотвратимым выбором: остаться на своей нынешней малоперспективной позиции поставщика сырьевых ресурсов для промышленной системы Китая, все дальше откатываясь от него по производственной технологической цепочке, или же активизировать сохраняющиеся пока еще неплохие позиции и наработки на отдельных направлениях фундаментальных научных исследований и современных технологий, включить их в экономический диалог с Китаем и тем самым попытаться использовать высокую энергетику его развития для диверсификации и реконструкции собственной экономики» (С. 334). В статье показано, что попытки расширения инвестиционного сотрудничества с Китаем сталкиваются с отсутствием богатого позитивного опыта в этой сфере (в прошлом две страны конкурировали друг с другом в борьбе за инвесторов из развитых стран), с утвердившимся в Китае мнением о неготовности России к сотрудничеству и распространены в России заниженными оценками экономических достижений КНР. Эти проблемы вышли на первый план после кризиса 2014 г., когда у России стало меньше возможностей получать современные западные технологии.

Обзорный доклад шести китайских ученых Университета Цинхуа (Ван Ци, Хуан Цюцзюй, Юнь Цзичжоу, У Баоянь, У Чаншэн, Цзинь Хайлань) посвящен перспективам сотрудничества в энергетической сфере. Последующие события подтвердили их прогноз о грядущей переориентации направления российского экспорта: «Западные страны под руководством США в политической, экономической и военной сферах не изменят своей установившейся политики — дальнейшее сжатие стратегического пространства России, что делает неопределенным дальнейшее наращивание энергетического сотрудничества России с западными странами и заставит Россию искать более стабильных стратегических партнеров в энергетическом сотрудничестве. Очевидно, что Китай в этом плане является одним из лучших объектов» (С. 300). Не менее примечателен содержащийся в докладе акцент на «культурных побудительных причинах» двустороннего энергетического сотрудничества. Был сделан вывод, что «российско-китайские культурные истоки послужат фундаментом, а европейская и американская техническая культура в качестве инструмента для возникновения, в конечном счете, новой структуры и формы мира, которые будут обусловлены взаимным стимулирующим развитием и совместным развитием» (С. 329). Здесь привлекает внимание не только

идея связи энергетической сферы с цивилизационными процессами, но и глубинная параллель с классической формулой Чжан Чжидуна «китайское как основа, западное как применение» (*чжун ти си юн*), в которой в качестве единой основы выступают «российско-китайские культурные истоки»

Проблемы цивилизационного выбора регулярно возникают на страницах сборника. Китайские авторы сожалеют, что среди российской элиты нет «прокитайских» группировок и что в России недостаточно групп, настроенных доброжелательно к Китаю (С. 201). В будущих совместных исследованиях было бы интересно попытаться разобраться в том, насколько сильна в нынешней китайской элите «пророссийская» группировка и какое сопротивление ей оказывают китайские «вестернизаторы». М.Л. Титаренко, В.И. Трифонов и С.И. Уянаев полагают, что ситуацию нужно исправлять с обеих сторон, когда в России еще имеет хождение тезис о «китайской угрозе», а в Китае происходят рецидивы исторической полемики на тему «неравноправных договоров»; «когда во взглядах российской элиты все еще имеет место определенная недооценка восточного (а значит, и китайского) вектора, а в Китае в то же время встречается занижение роли и значения России в мировой политике в целом и для интересов КНР в частности» (С. 179).

В сборнике помещен ряд статей российских авторов, раскрывающих конкретные аспекты двустороннего взаимодействия — военное сотрудничество (П.Б. Каменнов), совместную борьбу против терроризма (Л.Е. Васильев, А.Ф. Клименко), сотрудничество в области нераспространения ядерного оружия (А.В. Болятко, А.Ф. Клименко). Общие проблемы экономического взаимодействия подробно рассмотрели В.Я. Портяков и А.В. Островский. Вопросы регионального двустороннего сотрудничества проанализировали М.В. Александрова и Ци Вэньхай, российские исследователи удели-

ли большое внимание развитию железнодорожного сообщения между двумя странами (С.Л. Сазонов, С.А. Тархов).

Многоуровневый характер российско-китайского взаимодействия удачно иллюстрируют статьи Н.Л. Мамаевой о современном развитии межпартийных связей и Г.В. Куликовой о продвижении народной дипломатии. В завершающем разделе о сотрудничестве в культуре и образовании авторы рассмотрели основные тенденции и достижения в этой сфере (А.С. Исаев, А.Л. Верченко), проблемы обучения китайских студентов в российских вузах (А.Г. Ларин, Ли Ли), выявили трудности в преподавании русского языка в китайских вузах (Хэ Хунмэй, Ма Бунин, У Сюся).

Авторы сборника предложили искать идейную общность двух стран в теории евразийства (С.Б. Ульянова) и идеологии нового социализма (И.В. Карапетянц). Сотрудник — ныне директор — Института информации АОН Китая Чжан Шуухуа рекомендовал активнее развивать взаимодействие между «мозговыми центрами», дабы ученые могли вместе осмыслить опыт преобразований, предложить новые подходы к международным проблемам, создать альтернативу западной интеллектуальной гегемонии. Можно согласиться с его мнением о том, что ученые «должны полностью доверять друг другу, смело и во весь голос заявлять о требованиях Китая и России, подчеркивать и отстаивать ту важную роль Китая и России, которую обе эти страны играют в международной финансовой и экономической жизни» (С. 462).

Модель открытого и творческого взаимодействия исследователей двух стран была в полной мере реализована на страницах сборника. Если атмосфера искренней заинтересованности в сотрудничестве прочно утвердится на уровне интеллектуальной элиты, позиции обеих стран на мировой арене станут сильнее. Совместная публикация стала уверенным шагом в этом направлении.

© 2015

Д.и.н. Ламанов А.В. (ИДВ РАН)

1. Чжун Э чжаньлюэ хобань дуйхуа: сяньчжуан, вэньти, цзяньи [Китайско-российский стратегический партнерский диалог: современное состояние, проблемы, предложения]. Гл. ред. Ван Ци. Пекин: Чжунъян бьянь чубаньшэ, 2014. — 583 с.

Чжан Япин*. Православие и российское общество [Дунчжэнцзяо юй элосы шэхуэй]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2013. 289 с.

Выбор тематики своей последней книги «Православие и российское общество» Чжан Япин объясняет тесной и длительной связью с Россией, русским языком и культурой (С. 5–7), «духовным родством» (С. 5), неоднократными визитами в нашу страну и личным знакомством с предстоятелем Русской православной церкви (РПЦ) патриархом Московским и всея Руси Кириллом (Гундяевым). Монография состоит из четырех глав и трех приложений. Она также снабжена предметно-именным указателем, списком литературы (на китайском и русском языках), использованных периодики и онлайн-изданий.

В «Предисловии» автор, в соответствии с терминологией современной китайской политической культуры, выделяет важную роль религии в обществе как проводника «мягкой силы». Переходя к России, она высказывает собственную позицию, делая акцент на «двойственности», «двоевластии», поясняя, что вера в Бога, свойственная Западу, и преклонение перед авторитетом, свойственное Китаю, нашли свое удачное и естественное соединение в русском менталитете (С. 2). Завершается предисловие словами В.В. Путина о специфике российского пути и мнением автора о том, что важную роль в формировании и реализации этого пути играет тесное взаимодействие и взаимопонимание между российским руководством и РПЦ (С. 13).

Первая глава, озаглавленная «От древней Руси до 1917 года: православие и историческое формирование России», посвящена краткой истории возникновения российского

государства, начиная с древности (Киевская Русь, особенности древнерусской государственности, принятие христианства князем Владимиром, миссионерская деятельность свв. Кирилла и Мефодия (С. 17–23)). Изложение не ограничивается кратким очерком истории православия, описанием догматических и литургических особенностей и иерархии православного священства (С. 39–41), но сопровождается сравнительным анализом (в форме таблицы) совпадений и расхождений между православием, католицизмом и протестантизмом в области канонических книг Св. Писания, церковных праздников, календаря и пр. (С. 37–38).

Отдельный раздел посвящен взаимосвязи православия с русским менталитетом: рассматриваются такие важные концепты как понятия «рода», «семьи», «Родины» (С. 41–44). Анализируя место и роль православия в Московском царстве, автор обращается к уваровской концепции «трех принципов: православия, самодержавия и народности» как важной вехе в отношениях государства и церкви (С. 49–51). В качестве отдельного раздела выделены отношения православия с тремя основными социальными слоями русского дореволюционного общества: государственными деятелями, царем и чиновниками (С. 51–54), простым народом, крестьянами (С. 54–55) и интеллигенцией (С. 55–59). В итоге говорится о кардинальном общественно-политическом сдвиге 1917 г., оказавшем серьезное влияние и на жизнь православной церкви (С. 60).

Во второй главе под названием «Советский период: взаимоотношения церкви и

* Чжан Япин, известная китайская исследовательница истории православия в России /СССР и его современного положения в РФ, родилась в 1953 г. в Пекине. В 1978 г. она закончила 2-й Институт иностранных языков Пекина. С 1979 г. работает в Институте мировых религий АОН КНР. В 1989–1990 гг. стажировалась в СССР. Впоследствии неоднократно бывала в научных командировках в РФ, что дало ей возможность лично познакомиться с положением современного православия. Чжан Япин посещала Институт Дальнего Востока. Она является автором нескольких десятков статей по теории религий и истории православия, а также входила в число авторов коллективных монографий «Ленинская атеистическая теория о религии и церкви» [Ленин ушэнлунь цзунцзяо хэ цзяохуэй] (1993) и «История религий в России» [эго цзунцзяо ши] (в 2-х т. под ред. Юэ Фэна (Пекин, 2008)). Ею осуществлен перевод с русского на китайский нескольких фундаментальных трудов, в том числе книги Н.А. Бердяева. Смысл истории (Опыт философии человеческой судьбы) [Лиши дэ ши] (2002 г.).

государства, существование церкви и изучение религии», раскрывается, как складывались отношения в послереволюционной России между государством и церковью. После довольно подробного анализа принятого 23 января 1918 г. закона об отделении церкви от государства и школы (С. 62–67) автор рисует жизнь церкви в складывавшихся неблагоприятных условиях (С. 67–73), не умалчивая о тех репрессиях, которым в 20–30-е гг. XX в. подвергались священнослужители и верующие. При определении враждебной позиции новой власти в отношении православия проводится аналогия с деятельностью Петра I. Особо автор останавливается на той важной роли, которую сыграл патриарх Тихон в начале гонений на церковь (С. 68). Параллельно Чжан Япин прослеживает зарождение обновленческого движения (С. 70–73).

Касаясь изменения отношения властей к церкви в 40-е гг., связанного с началом Великой отечественной войны (С. 73–77), автор справедливо обращает внимание на тенденцию к «восстановлению имиджа» церкви (С. 76). После смерти Сталина с приходом к власти Хрущева положение церкви, аргументировано полагает Чжан Япин, оказывается двояким: с одной стороны, она переживает довольно активную фазу (автор говорит о «движении во вне», имея в виду участие представителей РПЦ в международных христианских и религиозных конференциях и ассамблеях), с другой — в самом советском обществе властью инициируется новая антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся закрытием храмов (С. 80). Впрочем, постепенно к 1970 г. церковь снова начинает приобретать определенный вес в обществе, свидетельством чего стало новое «церковное строительство» (С. 82).

В отдельном разделе второй главы рассматриваются подходы к изучению религии в СССР, в частности речь идет о создании Института научного атеизма и основных направлениях его деятельности (С. 85–110). Структурно автор разделяет вопросы, интересовавшие советских исследователей религии, на три блока: 1) сущность религии, ее происхождение, общественная функция, которые анализировались с позиций марксизма-ленинизма (со ссылкой на работы Д.М. Угриновича) (С. 87–94), 2) связь между религией и моралью, этикой, происхождением этики и религии, включая религиозную этику (работы С.Анисимова) (С. 94–102), 3) психология религии в контексте специфики т.н. «религиозного чувства» (труды К.К.Платонова, Д.М. Угриновича и др.) (С. 102–109). Завершая

историографический обзор, автор констатирует, что несмотря на атеистический и антирелигиозный подход советские исследователи достигли довольно серьезных результатов, особенно в изучении философско-этического и психологического аспектов религиозного феномена (С. 109–110).

Третья глава, «Период до и после распада СССР: возвращение церкви на общественную арену», посвящена периоду правления М.С. Горбачева, распаду СССР, времени после исчезновения прежнего государства и образования РФ. Автор подчеркивает кардинальное изменение государственного курса с приходом к власти Горбачева. Идеалы «Нового мышления» (С. 111–114) обусловившие как перелом в жизни церкви, так и отношение к ней властей, означало, что на первый план выступает равенство атеистов и верующих, марксистов и православных в отстаивании свободы совести и личности, а также в борьбе за мир и сохранение культурных памятников (С. 115–116). Особой вехой, свидетельствовавшей об изменении государственной вероисповедной политики, стало празднование тысячелетия крещения Руси, рассматриваемое автором не только как событие культурного, но также и духовного характера (С. 116–118).

Со второй половины 80-х гг. наблюдается новое общественное явление: в прессе нарастает вал публикаций и дискуссий по религиозным вопросам, которые привлечены в качестве источников и которые Чжан Япин называет своего рода «религиозной лихорадкой» (С. 118–120).

В книге отдельно рассматривается Закон СССР 1990 г. «О свободе вероисповеданий», отличающийся от прежнего, принятого в 1929 г., по целому ряду пунктов, которые приводятся полностью с внесенными дополнениями. В процессе принятия поправок в этот закон новым патриархом после смерти Пимена становится Алексей II (С. 120–125). В китайском исследовании особо выделяются взаимоотношения официальной православной церкви не только с КПСС, но и с политическими партиями православного толка (С. 125–131).

В качестве признаков «многовекторного возрождения», наблюдавшегося после распада СССР (С. 134), автор рассматривает усиление церковного просветительства, сотрудничество и попытки духовного окормления армии, образовательные мероприятия, возобновление и активизацию миссионерской и благотворительной деятельности (С. 138–147). Впрочем, с начала 90-х годов, считает Чжан Япин,

РПЦ столкнулась и с новыми вызовами: быстрым распространением различных религий и культов, как вполне традиционных направлений протестантизма, так и более специфических либо совершенно нехристианских новых религиозных движений (муниты, иеговисты, общество сознания Кришны, Белое братство, ивановцы, рерихиане, последователи «Аум синрикё») (С. 147–151).

Анализируя принятый 24 сентября 1997 г. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и сравнивая его с законом 1990 г., автор выделяет ряд новых положений (в частности, ужесточение отношения к нетрадиционным религиозным организациям) (С. 151–155). Параллельно развиваются межцерковные контакты РПЦ как с другими христианскими конфессиями (особенно с католицизмом и протестантизмом), так и с иными религиями (в первую очередь — с исламом, иудаизмом и буддизмом) (С. 155–159). Как особенность отношения РПЦ к обществу и политике выделяется не только взвешенная позиция в определенных вопросах и соблюдение политического нейтралитета, но и стремление к преодолению разобщенности и взаимного непонимания путем взаимодействия с научными и культурными кругами российского общества (С. 159–168). Вместе с тем автор обращает внимание на то, что в то время обеспокоенность в РПЦ вызывало отсутствие четкой общественной концепции. В заключении главы Чжан Япин отмечает необычный прогресс в определении места и роли РПЦ в российском обществе в постсоветский период и приходит к выводу, что хотя влияние РПЦ в мировом масштабе и не может сравниться с влиянием католицизма, протестантизма или ислама, тем не менее, как в России, так и за рубежом авторитет православной церкви довольно высок (С. 168).

Глава четвертая — «Современный этап в жизни русского православия: РПЦ как важная составная часть политики «мягкой силы» — посвящена современному этапу в жизни РПЦ и ее взаимоотношениям, как с российским обществом, так и с государственной властью. Автор начинает эту главу с небольшого анализа особенностей русской культуры, традиционных религий и понятия «суверенной демократии» (С. 169–175), подчеркивая влияние на культуру и менталитет россиян в контексте специфического положения страны «между Западной Европой и Северной Азией» (С. 169). Говоря о понятии суверенной демократии, автор анализирует так называемый «План Путина» (С. 172–174) и, в конечном итоге, приходит к выводу о том, что

для России вообще, и для двух ее основных религий — Православия и ислама — идеи «русская культура» и «евразийство» в гораздо большей степени ближе, нежели либерально-демократические идеи Запада (С. 174).

Рассуждая о разработанной РПЦ новой концепции общества и прав человека, Чжан Япин довольно много места уделяет личности нынешнего патриарха Московского и всея Руси Кирилла дает его краткую биографию, сравнительная впечатление, которое произвели на людей прежний патриарх Алексий II и новый, Кирилл. Если первый казался «прогрессивно мыслящим, дружелюбным по своей природе, сдержанным в поступках», то о втором создается впечатление как о «очень умном, волевом и самостоятельном» человеке (С. 177). В качестве подтверждения этому приводится то, что новый патриарх выделяет в качестве основных направлений церковной деятельности: укрепление православия в стране, взаимодействие его с обществом и, конечно же, работу с молодежью.

Довольно подробно в книге анализируется эволюция общественной церковной мысли (С. 178–182) и взгляды РПЦ на общество и права человека (182–187), рассматриваются основные пункты совпадения церковных и государственных идей (С. 187–192), но вместе с тем упоминается и об экономических претензиях РПЦ (С. 192–195). Отдельно автор рассматривает т.н. «дипломатическую стратегию» РПЦ, направленную на поддержание «русского культурного имиджа» (С. 195–198). Целый раздел посвящен «надеждам и чаяниям» РПЦ в сфере образования, а как обратная сторона этого процесса рассматриваются антиклерикальные настроения в обществе (в качестве примера приводятся статьи покойного академика В.Л. Гинзбурга) (С. 198–204). Достаточно подробно и фундаментально (хотя и несколько однобоко, используя в качестве источника только один материал — «Информационный бюллетень ОВЦС») автор рассматривает вопрос взаимоотношений правительства и церкви, начиная с 90-х гг. XX в. и до момента написания книги (С. 205–212).

Отдельный раздел посвящен теме «В.В. Путин и русское православие». Характеризуя Путина, автор подчеркивает, что он «родился и вырос в СССР, что оказало большое влияние на его образ мыслей» (С. 212), отмечает, с одной стороны, его уважительное отношение ко всем традиционным для России религиям, с другой — его личную религиозность (С. 216). Чжан Япин выделяет путинское мнение о важной роли православия в формирова-

нии русской культуры, а также о значении именно этой религии и православной русской культуры как одной из составных частей политики «мягкой силы» (С. 215).

Делая вывод о росте влияния РПЦ в современном российском обществе, распространении православных идеалов и морали, автор не умалчивает при этом и о реальных проблемах и противоречиях в ее деятельности (С. 217–219). В частности говорится об опасениях относительно усиления власти РПЦ над обществом, расширения церковных привилегий, благодаря связям с властью, а также вмешательства церкви в светские образование и науку (С. 178).

В трех приложениях содержатся: изложение религиозных и церковно-общественных взглядов двух крупных русских религиозных философов (Н. Бердяева и Н. Лосского, переводчиком трудов которых на китайский язык была Чжан Япин) (С. 220–237); очерк религиозной политики и законодательства и их реализации на практике в России, начиная с 1917 г. и заканчивая 1990 г. (С. 238–269); и, наконец, «путевые» заметки автора, посещавшего не-

сколько раз Россию и общавшегося с представителями православной церкви (С. 270–278).

Монография Чжан Япин — первое в КНР сквозное историческое исследование судеб православия в российском обществе на протяжении более чем десяти веков. Естественно, что в однотомном труде не представляется возможным детально проанализировать такой длительный исторический период, чем, и обусловлена некоторая фрагментарность отдельных частей книги на фоне вполне надежной фактологии. Главное внимание автора, чутко уловившего основные тенденции новейшего периода, сконцентрировано на изучении положения православия от революции 1917 г. и до наших дней, что особенно важно не только в научном, но и в политическом плане, поскольку дает возможность познакомить широкие круги китайской общественности с положением православия в РФ. В то же время выход подобной книги имеет позитивное значение и для дальнейшего развития взаимоотношений РФ и КНР, в данном случае в деле совместного поиска определения приемлемого для обеих стран современного статуса православия в Китае.

© 2015

*А. Александян,
кандидат философских наук,*

*С. Горбунова,
доктор исторических наук.*

Юбилей ученого

Николаю Петровичу Тебину — 80 лет

13 января 2015 г. исполнилось 80 лет российскому японоведу Николаю Петровичу Тебину. Свою творческую деятельность он начал в еженедельнике «Экономическая газета», в отделе иностранной информации газеты «Социалистическая индустрия». Приобретенный опыт лег в основу становления его как профессионала, которым он стал за годы работы в Редакции стран Азии ТАСС. Определяющими в профессиональном росте Н.П. Тебина как журналиста-международника стали десять лет его работы корреспондентом ТАСС в Токио (1971–1976 гг. и 1980–1984 гг.). Именно в годы работы в Японии руководство редакции отмечало в информационных сообщениях Тебина новизну поднимаемых тем, глубокий и тщательный анализ проблем, а коллеги по перу заслуженно отмечали широту его познаний и интересов — экономника, внутренняя и внешняя политика, культу-

ра, спортивная жизнь Страны восходящего солнца.

По возвращении из командировки, в 1985 г. Н.П. Тебин перешел на работу в редакцию журнала «Проблемы Дальнего Востока». Эрудиция, знание изучаемой страны и региона в целом позволили ему быстро сформировать круг интересных, плодотворных авторов. Особое место занимал поиск и привлечение Тебиным к работе в журнале как маститых, так и молодых авторов из Владивостока, Хабаровска и других субрегионов советского и российского Дальнего Востока. Многие из молодых авторов заняли достойное место в отечественной науке, пройдя путь от аспирантов до кандидатов и докторов. Все они благодарны Н.П. Тебину за его доброжелательность, стремление помочь с первыми публикациями. Письма читателей журнала в редакцию свидетельствовали о большом интересе к публикациям, которые целенаправленно организовывал Н.П. Тебин. Общественные организации харбинцев, рабочих и служащих КВЖД на своих встречах неизменно выражали ему признательность за рубрику «Русские в Китае», материалы которой были и остаются цементирующей силой «харбинского братства».

Высокая организованность и ответственность позволяли Н.П. Тебину сочетать работу в редакции журнала с научной работой в Центре японских исследований ИДВ РАН и с преподавательской деятельностью в Институте стран Азии и Африки МГУ,

в Институте практического востоковедения, Институте иностранных языков. Десятки молодых японистов прослушали курсы лекций Н.П. Тебина по экономике и истории Японии, социально-политической системе и культуре страны. По откликам его учеников, Николай Петрович не столько читал лекции по географии или истории, сколько учил «как изучать» эти предметы. Его педагогический талант был заслуженно оценен многими руководителями тех подразделений, где успешно трудятся ученики Николая Петровича.

Весьма плодотворны усилия Николая Петровича в качестве исследователя. Он — постоянный автор ежегодника «Актуальные проблемы современной Японии», ежеквартального издания «Япония наших дней», коллективных монографий Центра японских исследований, сборников Ассоциации японоведов «Японский опыт для российских реформ».

Тематика его исследований разнообразна: «Судебная система Японии», «Подходы Японии к процессам глобализации», «Демографические ресурсы Японии», «Японский опыт санации угледобывающей промышленности», «Черная металлургия: от рационализации до реструктуризации», «Практика применения смертной казни в Японии», «Плюсы и минусы "бесплатного" медицинского обслуживания в Японии», «Энергетическая политика Японии: состояние и перспективы», «Япония: «война на дорогах» и др.

Н.П. Тебин по-прежнему верен и журналистике. «Япония сегодня», «Независимая газета», «Единая Россия», «Медицинская газета» — таков далеко не полный перечень отечественных СМИ, где опубликовано более 80 материалов, подготовленных Николаем Петровичем на самые разные темы.

Дирекция Института Дальнего Востока, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» от всей души поздравляют Н.П. Тебина с юбилеем и желают ему долгой плодотворной работы во всех интересующих его областях.

Contents

THEORY AND METHODOLOGY

Ya. Berger. On the Evolution of Comprehensive National Power's Qualitative Estimations

POLITICS

E. Rumyantsev. Some Trends in the Political Development of China against the Background of the 4th Plenary Session of the CPC Central Committee of the 18th Convocation

A. Mokretsky. Main Directions of the Chinese Diplomacy

L. Zakharova, K. Asmolv. Eurasian Initiative by the ROK President Park Geun-Hye

ECONOMY

Problems of Economic Security and Cooperation in East Asia. "Round Table" in the Institute for Far Eastern Studies, RAS

P. Moziyas. Economic Growth in China in 2014 and Forecast for 2015

HISTORY

S. Smirnov. "One for All and All for One": the Union of Russian "Musketeers" in North-East China

A. Khisamudinov. The Founder of Korean Studies G. Podstavin

VIEW POINT

E. Gamerman. Impact of Ukrainian Crisis on the Regional Security in North-East Asia

A. Kartunova. Some Controversial Issues in the Interpretation of the History of Revolutionary Process in China in 1920s

PHILOSOPHY

A. Starostina. The Debate on Confucian Ethics

RELIGION

L. Afonina, D. Petrovsky. Regulation of Religious Sphere in China by State and Party Institutions

CULTURE

A. Verchenko. Chinese New Year in Historical Retrospective

E. Ganshina. The Role of Organizational Structures of the Russian Federation in Promotion of Russian Language in China

SCIENTIFIC EVENTS

A. Alikberova, D. Martynov. The VII International Scientific Conference "Russia—China: History and Culture"

V. Portyakov. About Some Conferences Held in China in 2014

L. Zakharova. "Russia's Cooperation with East Asian States" — Second International Conference of Young Orientalists in IFES RAS

BOOK REVIEW

A. Lomanov. Strategic Partnership Dialogue between Russia and China: Current Situation, Problems and Suggestions

A. Alexanyan, S. Gorbunova. Zhang Yaping. Orthodox Church and Russian Society

SCHOLAR JUBILEE

Nikolay Petrovich Tebin — 80 years

Contents

Summary

Summary

Ya. Berger. On the Evolution of Comprehensive National Power's Qualitative Estimations

The article provides a brief historical overview of research on the estimation of comprehensive national power (CNP) of leading States. Special attention is paid to the works of Chinese analysts, whose findings serve as an important tool for the elaboration of national development strategies. The current status and projected growth of the major components of CNP are examined, including armed forces and China's economic growth in the future, especially in competition with the US for regional and global primacy.

Key words: comprehensive national power (CNP), a quantitative analysis, "hard" and "soft" power, military force, economic growth, cultural attractiveness.

E. Rumyantsev. Some Trends in the Political Development of China against the Background of the 4th Plenary Session of the CPC Central Committee of the 18th Convocation

The article deals with pressing issues of the internal political development of China, which, according to the author, are in relation to the current anticorruption campaign held by Xi Jinping. The peculiarity of the current situation is determined by the scope of the disclosures made. In the foreseeable future the Chinese leadership must focus special efforts on combating corruption in the armed forces, governmental institutions and commercial companies operating abroad.

Key words: Xi Jinping, Zhou Yongkang, the political process in China, corruption, 4th Plenary Session of the CPC Central Committee of the 18th Convocation.

A. Mokretsky. Main Directions of Chinese Diplomacy

After the XVIII Congress of the CPC and the coming to power of a new generation of leadership changes in Chinese foreign policy have become more obvious. In the complex and volatile international situation the Chinese diplomacy is actively implementing innovations. The article describes the main directions of diplomacy with Chinese characteristics under the new conditions.

Key words: China, diplomacy with Chinese characteristics, a new type of relationship, the concept of justice and benefit, multilateral diplomacy, people-oriented policy; "soft power".

L. Zakharova, K. Asmolov. Eurasian Initiative by the ROK President Park Geun-Hye

Eurasian initiative, launched by the President of the Republic of Korea Park Geun-Hye in October 2013, has become a major project that South Korea is currently promoting at the international level.

The article deals with the analysis of the proposals contained in the Eurasian initiative of the Republic of Korea and their assessment from the angle of Russian interests in the region. The authors consider the approach of President Park Geun-Hye towards North Korea and its policy on Korean unification.

Key words: Korea, unification, Eurasian initiative, Park Geun-Hye, the policy towards the DPRK.

Problems of Economic Security and Cooperation in East Asia. "Round Table" in the Institute for Far Eastern Studies, RAS

The review presents the results of the discussion within the framework of the "Round table" held in the IFES RAS. Topics of discussion included economic development of the region, the rise of China and changes in U.S. policy, Russia's pivot to the East, as well as non-traditional security issues, processes and factors that determine economic security in East Asia. The potential and forms of the strengthening of economic cooperation, the possible limits of integration of regional countries and major Powers are analyzed.

Key words: "round table", economic security and cooperation, East Asian countries, the limits and forms of regional integration, solutions to problems.

P. Mozias. Economic Growth in China in 2014 and Forecast for 2015

Quarterly dynamics of China's GDP in the second half of 2014 deviated from the trajectory that has become habitual during the previous two and a half years. At the turn of 2011-2012, when Chinese economy has entered a period of slow growth, its GDP was subjected to short-term fluctuations.

Key words: economic growth, consumption, investment, net exports, real estate market, defaults.

S. Smirnov. "One for All and All for One": the Union of Russian "Musketeers" in North-East China

The article focused on the history of the Musketeers' Union, one of youth organizations of Russian émigrés in Manzhouli (North-East China). With reference to the archival materials, Russian emigration periodicals and memoirs the author analyzes creation, growth and disappearance of the Musketeers' Union in the context of Chinese political history during the middle 1920s - early 1940s. He paid particular attention to leaders of "Musketeers" movement.

Key words: Russian Émigrés, Musketeers' Union, monarchic movement, Manchukuo, Bureau for Russian Emigrants in Manchu empire.

A. Khisamutdinov. The Founder of Korean Studies G. Podstavin

The article tells about the life of famous founder of the Korean studies G. Podstavin (1875–1924), who was a professor at the Oriental Institute in Vladivostok, where he founded the first Russian chair of the Korean language, became the first rector of the Far Eastern state university.

Key words: G. Podstavin, Oriental Institute in Vladivostok, Far Eastern state university, Korean studies in Russia, the first Korean language textbooks.

E. Gamerman. Impact of Ukrainian Crisis on the Regional Security in North-East Asia

The article is devoted to security issues in North-East Asia, the transformations that have occurred in this area during the Ukrainian crisis. The military, energy and food security, the situation on the Korean Peninsula are discussed, short term forecast is provided.

Key words: regional security, Russia, China, energy, food security, the Ukrainian crisis, "Korean issue".

A. Kartunova. Some Controversial Issues in the Interpretation of the History of Revolutionary Process in China in 1920s

The article is devoted to the unprecedented interest of historians, researchers of different countries, especially China, to the problems of the Chinese revolution of 1925-1927. The author points to many recent publications, based on previously classified documents, and argues on a number of issues of interpretation of the revolutionary process in China in the 1920s.

Key words: revolution, the Northern campaign, the Comintern and the CPSU(b), PDA, GMI, error, failure.

A. Starostina. The Debate on Confucian Ethics

The article is devoted to the content of the debate about filial piety and a Confucian principle of mutual concealment among relatives, that was attended by many prominent PRC philosophers. The first stage of the discussion, opened by professor Liu Qingping, lasted from 2002 to 2004, the second stage began in 2006 by publication in the "Xue Hai" journal of the article by professor Deng Xiaomang and is still ongoing.

Key words: Confucian ethics, filial piety, traditionalism, history of philosophy.

L. Afonina, D. Petrovsky. Regulation of Religious Sphere in China by State and Party Institutions

The research of the religious sphere in China should be conducted with an understanding of the political structure of the country. The complexity of many problems in this sphere is compounded by the extensive and complicated system of state and party organs involved in its regulation. Direct management

and control of religious activity in China is carried out on three levels – by the State, party structures, and religious associations.

Key words: China, religious associations, the State Administration for Religious Affairs, the Department of United Front.

A. Verchenko. Chinese New Year in Historical Retrospective

New Year, or Spring festival, originated in China about four thousand years ago and, having experienced all the vicissitudes of the historical process, of political and economic reforms, is maintained until the beginning of the XXI century. All attempts by the authorities to overcome the desire of the people to celebrate Chinese New Year in accordance with lunar calendar had failed. Modernization and globalization did not eliminate folk customs from everyday life of the population. This confirms the conservatism of traditions in comparison with the economic dynamism of life.

Key words: New Year according to the lunar calendar, Chinese New Year, traditions, holidays.

E. Ganshina. The Role of Organizational Structures of the Russian Federation in Promotion of Russian Language in China

The article analyzes the activities of organizational structures of the Russian Federation in the implementation of the strategy of promotion of Russian language in China in the beginning of the XXI century. The author emphasizes that, having entered the new century, the Russian leadership has included the popularization of the Russian language in the list of priorities of its foreign policy. The author shows how the state task to revive and strengthen the position of Russian language in China, lost in the 1990s, has been implemented, what are the new challenges in this area.

Key words: promotion and popularization of the Russian language, the organizational structure of the Russian Federation, China, the Russian-Chinese humanitarian cooperation, the teaching and study of the Russian language, the Russian diaspora, compatriots.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124–02–15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131–2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 28.01.2015 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/8
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 482 экз. Зак. 919. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifses-ras.ru

Оригинал-макет © 2015 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.